

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛ.

1887.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	33
И. Г. Виноградовъ. Исслѣдованія по соціальной исторіи Англій въ средніе вѣка (<i>продолженіе</i>).	189
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи.	222

КРИТИКА И ВИДІОГРАФІЯ.

И. И. Веселовскій. В. <i>Наликинъ</i> и М. <i>Наликина</i> . Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферраны. Казань. 1886.	226
А. И. Веселовскій. Лорренскія сказки.	285
Г. С. Дестунисъ. Византійскіе церкви и памятники Константинополя. И. <i>Кондакова</i> . Одесса. 1886.	303
И. В. Владиміровъ. Два повѣя исслѣдованія о Симеонѣ Полоцкомъ.	325
К. П. С—скій. Труды В. В. Бобынина по исторіи математики . . .	337
А. И. Нойфельдъ. 1) <i>Adolf Holt</i> . Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbststaendigkeit des griechischen Volkes. Berlin. 1886. 2) <i>Georg Busolt</i> . Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironea. Gotha. 1886.	343
И. А. С—скій. Вологодскій Сборникъ И. А. <i>Полиевктова</i> . Вологда. 1883—1885.	349
— Книжныя новости	183 и 352
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	49

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Историческое Общество въ 1886 году.	49
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	54
— Некрологъ П. В. Анненкова	68

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Латышевъ. Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвѣи	183
И. О. Вурачковъ. Забѣтка по поводу мнѣнія В. В. Латышева о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса.	307

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 3-го апрѣля).

ОБЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

Часть первая. Изданіе источниковъ.

I.

Отъ Геронима Вольфа до Дюванжа.

Эпоха возрожденія въ Италиі; занятія греческимъ языкомъ и классическою греческою литературою. — Ученые греки: Хрисолоръ, Виссарионъ Никейскій, Фадоръ Газа и ученики ихъ. Лионардо Бруни и его переводъ Проконія. Шестнадцатый вѣкъ: эллинизмъ во Франціи, Ляъ Ласкарисъ; переводы и изданія Коперника, Ренана, Етьенней во Франціи.—Геронимъ Вольфъ, какъ основатель Византійской исторіи. — Ксиландръ. — Бонавентура Вулканій. — Галландръ.—Леунклавій, Гешель, Петавій, Меурсій.—Алеманнъ и Аляцій.

Когда на Западѣ и прежде всего въ Италиі въ такъ-называемую эпоху Возрожденія дѣятельно принялись за изданіе и изученіе древнихъ классиковъ, тогда стали ближе знакомиться и съ византійцами, хранителями сокровищъ древняго образованія. Хотя при этомъ мало думали объ изученіи византійской исторіи и литературы, даже отно-

¹⁾ Первоначальною основою для этого обзора послужило введеніе въ одинъ изъ специальныхъ курсовъ по византійской исторіи, составленное и литографированное бывшимъ моимъ слушателемъ П. В. Безобразовымъ и теперь мною дополненное. Пособіями служили: во первыхъ подобный, но очень бѣглый обзоръ *Saen* (Sathas) въ предисловіи къ IV-му тому его греческой „Средневѣковой бібліотеки“ (Bibliotheca graeca medii aevi, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη), ватъмъ Парижское и Берлинское изданія византійцевъ, сохранившія важныя для литературной исторіи посвященія и предисловія прежнихъ изданій; сверхъ того: Bibliotheca graeca *Фабриціи-Гарлеса*; *Нанке de Byzantinorum rerum scriptoribus* (Leipzig, 1677) *Струве*, Bibliotheca historica ed. Meusel; *Nicéron*, Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la république des lettres (многотомное изданіе прошлаго вѣка). *Di Pisa*, Bibliothèque des auteurs ecclesiastiques du XVII Siècle, Paris, 1708; *Nicolai*, Geschichte

сились къ нему съ пренебреженіемъ, однако это отношеніе должно было по необходимости измѣниться. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ греческимъ языкомъ, приобрѣтеніе запаса греческихъ рукописей были необходимыми предварительными условіями и для византійскихъ будущихъ занятій, приготовляли для нихъ почву.

Во второй половинѣ XIV вѣка Петрарка и Боккаччо, познакомившись съ Гомеромъ, пришли отъ него въ восторгъ и начали отыскивать людей, которые, зная основательно греческій языкъ, могли бы облегчить имъ чтеніе безсмертныхъ поэмъ въ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, первые учителя греческаго языка въ Италіи были люди необразованные и даже не знавшіе своего языка ученымъ образомъ; то были Барлаамъ, и Леонціо Пилато, калабрійцы родомъ, говорившіе по гречески потому, что въ Калабріи во все теченіе среднихъ вѣковъ со времени византійскаго господства греческіе говоры держались въ мѣстномъ населеніи, отчасти сохранились и до новѣйшаго времени. Такіе люди, конечно, не могли принести существенной пользы, и только въ началѣ XV вѣка занятія греческою литературою были поставлены на болѣе прочную основу. Въ это время появился въ Италіи Мануилъ Хрисолоръ, человѣкъ высокообразованный, котораго весьма уважали въ Византіи какъ отличнаго учителя. Его личныя высокія, нравственныя качества внушали къ нему почтеніе и въ италіанцахъ. Онъ основалъ школу въ Италіи и училъ лучшихъ людей того времени—Гварино, Роберто Росси, Ліонардо Бруни, Чевчи и другихъ. Онъ возбудилъ въ своихъ ученикахъ такой интересъ къ греческой литературѣ, что италіанцы начали ѣздить въ Византію, чтобы почерпнуть греческую мудрость изъ самаго источника и приобрѣтать греческія книги. Первымъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ Гварино, за нимъ послѣдовалъ Джіовани Ауриспа; послѣдній въ продолженіе своего пребыванія въ Константинополѣ (въ 1422 и 1423 гг.) скупилъ массу греческихъ книгъ, какъ классическихъ, такъ и византійскихъ; въ числѣ ихъ были произведенія Прокпія. За Ауриспою, поѣздка котораго была особенно удачна, послѣ-

der byzantinischen und neugriechischen Literatur—первоначально въ *Encyclopedie v. Ersch und Gruber*, t. 87 (1869 г.), а потомъ и отдѣльно; *Bursian*, *Geschichte der classischen Philologie in Deutschland* (1883) *L. Müller*, *Geschichte der classischen Philologie in den Niederlanden*, 1869. *Νεοελληνική Φιλολογία* Саэмъ, содержащая біографіи новыхъ ученыхъ грековъ, и сочиненіе подъ такимъ же заглавіемъ *Βρετο* (*Βρέτου*), также *Biographie universelle, ancienne et moderne* (Paris. 1811—1826) и т. п.

довавъ Филельфо и другіе; началось то переселеніе греческихъ рукописей въ Италію, а послѣ и въ другія страны Европы, которое обогатило и прослывило бібліотеки Медичисовъ и папскую, впоследствии — Лаврентійскую (Флорентійскую) и Ватиканскую. Сами греки помогали оскуднѣю книгъ въ своемъ отечествѣ, такъ какъ переселились на западъ, они привозили съ собою и памятники своей литературы ¹⁾.

Въ 1438 году въ Феррарѣ былъ созванъ соборъ по вопросу о соединеніи церквей, который потомъ былъ перенесенъ во Флоренцію и закончился Флорентійскою уніей. По этому случаю собралось въ Италіи не мало византійцевъ; и нѣкоторые изъ нихъ, оставшись на Западѣ, приобрѣли большое вліяніе; таковъ, напримѣръ, Георгъ Гемистъ Плевонъ, одинъ изъ послѣднихъ греческихъ философовъ, нашедшій много приверженцевъ своему ученію, которое основывалось на Платонѣ и его комментаторахъ. Съ этого времени начинается усиленное переселеніе грековъ въ Италію, что объясняется плачевнымъ состояніемъ Византійской имперіи, все болѣе и болѣе тѣснимою и наконецъ окончательно завоеванной турками.

Самымъ выдающимся изъ этихъ переселенцевъ былъ безъ сомнѣнія Виссаріонъ архіепископъ Никейскій ²⁾, ученикъ вышеупомянутого Плевона, богословъ-философъ; онъ былъ однимъ изъ представителей Византіи на Флорентійскомъ соборѣ, первый согласился принять римскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и былъ назначенъ кардиналомъ. Виссаріонъ остался жить въ Римѣ и сдѣлался центромъ кружка италіанскихъ и греческихъ ученыхъ. Онъ писалъ богословскія сочиненія преимущественно о догматѣ Filioque и проповѣди, но кромѣ того, занимался греческою философіей, Платономъ и Аристотелемъ и переводилъ греческія сочиненія на латинскій

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ у *Фойста*: Возрожденіе классической древности или первый взѣтъ гуманизма—въ русскомъ переводѣ *Рассадина*, томъ I, 243 и сл. Далѣе относительно эпохи возрожденія мы пользуемся тѣмъ же сочиненіемъ, а также трудомъ *Леграма*: *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs au XV et XVI siècles* par *Emile Legrand*, Paris, 1885. Обширныя введенія при первомъ и второмъ томѣ описанія содержатъ чрезвычайно тщательно составленныя біографіи Христофора и прочихъ грековъ.

²⁾ *Виссаріонъ Никейскій*. Его дѣятельность на феррарско-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. *Александра Садова* С.-Петербургъ. 1883.

языкъ. Большая заслуга Виссаріона заключается еще въ томъ, что онъ собиралъ греческія книги и рукописи; онъ отчасти пріобрѣталъ ихъ въ даръ или покупкой, а еще чаще путемъ переписыванія; особенно много книгъ пріобрѣтено было имъ послѣ паденія Константинополя, но и раньше онъ дѣлалъ закупки въ самой Италіи, напримѣръ, въ греческомъ монастырѣ св. Николая близъ Отранто (Касульскомъ). Виссаріонъ поручалъ копировать рукописи писцамъ, извѣстнымъ своимъ искусствомъ и умѣньемъ; часто такими переписчиками были люди ученые, переселившіеся въ Италію, греки. Извѣстенъ разказъ объ экземплярѣ Иліады, переписанномъ для Филельфо Газою, считавшимся однимъ изъ лучшихъ каллиграфовъ: когда Виссаріонъ хотѣлъ пріобрѣсть этотъ манускриптъ для своей библіотеки, то Филельфо ни за что не хотѣлъ уступить сокровища, котораго, по его словамъ, ничего въ жизни не было для него драгоцѣннѣе ¹⁾. Передъ своею смертію Виссаріонъ (въ 1472 году) подарилъ Венеціи всю свою библіотеку, состоявшую, кромѣ манускриптовъ, изъ 900 томовъ, и она составила основаніе венеціанской библіотеки св. Марка.

Въ то же время при папскомъ дворѣ въ Римѣ жило множество переселившихся грековъ, изъ которыхъ болѣе образованные были учителями и переводчиками, другіе же—переписчиками рукописей. Къ числу ихъ принадлежитъ Георгій Трапезунтскій, бывшій учителемъ логики и діалектики, риторики и краснорѣчія. Онъ перевелъ Евсевія, Іоанна Златоуста и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ церкви, кромѣ того, „Законы“ Платона; но переводы его отличались крайнею недобросовѣстностью, которую замѣчали даже его современники; онъ выпускалъ мѣста, которыя ему не нравились, вставлялъ и передѣлывалъ цѣлыя отрывки. Сюда же принадлежитъ и Теодоръ Газа, котораго мы уже назвали, и который перевелъ нѣкоторыя сочиненія Аристотеля, Теофраста, и исправлялъ текстъ Плинія и Геллія.

Знаменитый въ исторіи Возрожденія панъ Николай V до завоеванія Константинополя и послѣ того скупалъ рукописи въ Греціи и въ азіатскихъ владѣніяхъ турокъ. Дѣло это велось тайными агентами, потому что стыдились подобныхъ мирныхъ сношеній съ заклятыми врагами христіанской вѣры, также потому, что бездѣятельность папы во время потрясающихъ событій 1453 года уже вызывала негодованіе. Ославленная греческая неопрятность и пыль, которою были по-

¹⁾ Два письма Филельфо, писанныя по этому поводу, сохранились; они приведены у Леграна въ біографіи Газы.

крыты пергаменные свитки, полученные изъ турецкихъ владѣній, были для папы пріятнѣе тѣхъ греческихъ пословъ, которые являлись къ нему просить помощи и денегъ. Гуманистъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Греція не гибнетъ, а только переселится въ Италію. Прежде Византія была неистощимымъ рынкомъ для добычи рукописей, но теперь, со времени турецкаго завоеванія, дѣла принимали иной оборотъ; количество книгъ, погибшихъ въ это время, бывший Русскій митрополитъ, кардиналъ Исидоръ опредѣлялъ въ 120,000 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Византія сдѣлалась на первое время недоступною для христіанскихъ купцовъ и агентовъ; приходилось ограничиваться Мореей и греческими островами, остававшимися подъ властію Венеціи, гдѣ, однако, венеціанцы и флорентійцы часто опережали папу. Извѣстно, что Николай V уже помышлялъ объ устройствѣ публичной бібліотеки въ Римѣ, но эта мысль была осуществлена лишь гораздо позже, при папѣ Сикстѣ IV (1471—1484), когда значительная часть рукописныхъ сокровищъ папы Николая была уже растрчена небрежностью его ближайшихъ преемниковъ ¹⁾.

Занятія греческою литературою въ эпоху Возрожденія ограничивались переводами греческихъ авторовъ на латинскій языкъ. Казалось бы, что не имѣло смысла переводить съ иностраннаго языка на мертвый; но дѣло въ томъ, что въ тѣ времена на Западѣ почти никто не зналъ греческаго языка, а всѣ образованные люди могли читать по латыни. Когда начали заниматься латинскими классиками и узнали ихъ поклоненіе греческому краснорѣчію и греческой образованности, явилось настоятельною потребностью познакомиться съ греческими авторами. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ положенъ Мануиломъ Хрисолоромъ, переведшимъ „Государство“ Платона. Ученики его шли по его стопамъ: Джіакомо да Скарпарія перевелъ космографію Птолемея, Роберто Росси—нѣкоторыя аристотелевскія сочиненія, Палла Строцци—Плутарка, Платона и Златоуста. Но всѣ эти переводы не отличались большими достоинствами, потому что переводчики недостаточно знали латинскій языкъ. Всѣхъ своихъ товарищей и даже своего учителя превзошелъ Ліонардо Бруни, который одинаково хорошо зналъ и по латыни и по гречески. Онъ перевелъ прежде всего слово Василія Великаго о пользѣ изученія языческой ли-

¹⁾ См. *Фойста*, Возрожденіе, т. I, стр. 123. Папа Каликстъ III, уважавшій только каноническое право, подарилъ престарѣлому Русскому митрополиту Исидору 200 греческихъ кодексовъ.

тературы, въ 1406 г., потомъ рѣчи Демосѳена, затѣмъ Плутарха, нѣкоторые діалоги Платона, Аристотеля. Переводы эти по своимъ относительнымъ достоинствамъ доставили Бруни громкую извѣстность; но вѣйшіе ученые признають, что они передають подлинникъ не всегда вѣрно и по большей части совсѣмъ не точно. Однако не надо забывать, что въ то время не было никакихъ ученыхъ пособій, ни грамматикъ, ни словарей, и что переводы дѣлались не для ученыхъ, а для любознательныхъ диллетантовъ, которые искали новаго научнаго матеріала и требовали легкаго и красиваго слога: имъ нельзя было представлять греческаго автора со всѣми его трудностями и темными мѣстами. Особенною заслугою считалось придать греческому философу или историку римское краснорѣчіе, которое, по соображеніямъ тогдашнихъ переводчиковъ, должно было заключаться и въ оригиналъ. Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть и на плагиаторство Бруни; онъ нѣсколько разъ, сдѣлавъ вольный переводъ какого-нибудь древняго автора, выставлялъ на книгѣ свое имя, вмѣсто имени оригинальнаго писателя. Онъ написалъ „Комментаріи на греческую исторію“ и выдавалъ этотъ трудъ за свой, не упоминая о томъ, что онъ почти цѣликомъ взятъ изъ „Греческой исторіи“ Ксенофонта. Его комментарий на первую Пуническую войну представляютъ не что иное какъ передѣлку Поливіа. Точно также Бруни перевелъ или, лучше сказать, передѣлалъ сочиненіе Прокопія „О Готской войнѣ“ и въ 1441 г. посвятилъ его кардиналу Чезарини, не упомянувъ ни гдѣ имени Прокопія. Эта тайна открылась еще при жизни Бруни; когда Флавіо Вיוндо задумалъ писать свои „Историческія Декады отъ паденія Рима“ (собственно отъ взятія Рима Аларихомъ), представляющія первый опытъ научной исторіи среднихъ вѣковъ, и заказалъ для этого Христофору Персонѣ переводъ Прокопія, онъ къ крайнему удивленію замѣтилъ, что представленный ему переводъ ни въ чемъ не разнится отъ сочиненія Бруни ¹⁾. Знаменитаго переводчика обвинили въ плагиатѣ, но онъ защищался тѣмъ, что воспользовался древнимъ авторомъ точно также, какъ Ливій или Поливій пользовались чужими сочиненіями, которыхъ никогда не называли. Дѣйствительно, здѣсь не слѣдуетъ думать объ умыленномъ обманѣ, и сужденіе г. Саенъ, поддерживающаго обвиненіе Бруни въ плагиатѣ, кажется слыш-

¹⁾ О Ф. Вюндо и его достопамятномъ трудѣ есть отдѣльная монографія: *Marius. Flavius Biondo sein Leben und seine Werke.* Leipzig. 1879; рецензія *Вилеманса* въ *Götting. Gelehrte. Anz.* 1879 s. 1432.

комъ строгимъ; нѣкоторые современники знали, что Бруни не оригинальный писатель, а передѣлываетъ древнихъ авторовъ.

Другой ученикъ Хрисолора, Траверсари, переводилъ больше всего отцовъ церкви, Василя Великаго, Златоуста, Григорія Навіанзина и др. ¹⁾ Въ эпоху Возрожденія переводили по большей части греческихъ классиковъ, и только съ XVI вѣка начинаютъ болѣе дѣятельно переводить и издавать византійскихъ писателей.

Между тѣмъ подготавливалась почва для греческихъ византійскихъ занятій и въ другихъ странахъ Европы, за Альпами. Греческій языкъ преподавался въ Парижѣ еще при Людовикѣ XI грекомъ Георгіемъ Гермонимомъ; на нѣкоторое время появился здѣсь и Андроникъ Каллистъ, ради пріобрѣтенія средствъ для далекаго путешествія разставшійся съ своею богатою коллекціею рукописей, проданною въ Миланѣ; затѣмъ онъ переселился въ Англію. Учениками Гермонима въ Парижѣ были три знаменитыхъ гуманиста, Гильомъ Бюде (Bude), восстановитель греческихъ занятій во Франціи (*restaurateur des études grecques en France*), Рейхлинъ, имѣвшій потомъ подобное же значеніе для Германіи, и самъ Еразмъ Роттердамскій, виновникъ ученаго раскола по вопросу о древне-греческомъ произношеніи. Гермонимъ, кромѣ преподаванія греческой грамматики, занимался также перепискою книгъ, такъ какъ былъ хорошимъ каллиграфомъ, а обычай копировать греческія рукописи удержался даже послѣ открытія книгопечатанія; каллиграфія довольно долго выдерживала въ этой области конкуренцію съ типографскимъ искусствомъ; не только отъ Гермонима, но и отъ нѣсколькихъ позднѣйшаго по времени дѣятеля Вергенія съ острова Крита сохраняются до сихъ поръ рукописные изящные экземпляры въ Парижской Національной библіотекѣ. Шрифты, впервые отлитые для основанной въ 1539 году Парижской королевской типографіи, должны были увѣковѣчить прекрасныя формы греческаго алфавита, къ которымъ пріучили глаза знатоковъ названныя византійскіе каллиграфы. Впрочемъ, греческія книги стали печататься въ Парижѣ ранѣе того въ частныхъ типографіяхъ; первая изъ нихъ, содержащая въ себѣ греческій букварь (*Alphabetum graecum*), съ приложеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній, появилась въ 1507 году. По образцу коллегии трехъ языковъ, возникшей въ Лувенѣ (Louvain) благодаря стараніямъ Еразма, въ Парижѣ, при томъ же королѣ, который былъ виновникомъ порученія, даннаго Гарамону

¹⁾ Объ его открытіяхъ (Оригенъ) см. *Фойта* Возрожд. II, 244.

(относительно матрицы для греческаго шрифта), основано было новое независимое отъ Сорбонны и богословія ученое учрежденіе, долженствовавшее служить въ одно и то же время и академіей, и высшею школою, и прославившееся подъ именемъ Французской коллегіи, Collège de France; преподаваніе классическихъ языковъ стояло въ немъ на первомъ планѣ. Францискъ I, сверхъ того, можетъ быть считаемъ настоящимъ основателемъ французской королевской, теперешней Национальной библіотеки, и въ частности ея богатаго греческаго рукописнаго отдѣла. Въ самомъ началѣ его царствованія прибылъ въ Парижъ съ рекомендательными письмами отъ папы Льва X знаменитый грекъ Янъ (Ἰάνης, Janus) Ласкарисъ, потомокъ бывшихъ Византійскихъ императоровъ, послѣ взятія Константинополя турками еще въ дѣтствѣ перевезенный въ Венецію по требованію кардинала Виссаріона и на его счетъ обучавшійся въ Падуанскомъ университетѣ, вмѣстѣ со многими другими греками, нашедшими убѣжище подъ покровомъ республики. Ласкарисъ имѣлъ за собою уже длинную біографію и не въ первый разъ сближался съ Французскимъ королемъ. Послѣ кончины перваго своего покровителя, кардинала Виссаріона, онъ жилъ во Флоренціи, гдѣ съ блестящимъ успѣхомъ преподавалъ греческій языкъ, снискавъ себѣ расположеніе Лаврентія Медичи, который поставилъ его во главѣ своей библіотеки; для обогащенія этой библіотеки греческими рукописями, онъ совершилъ два путешествія на Востокъ; въ первомъ онъ посѣтилъ Корфу, Солунь, гдѣ нашелъ своихъ однофамильцевъ, и что особенно замѣчательно—былъ на Аеонѣ: вотъ когда началось переселеніе рукописныхъ сокровищъ Хилапдарской и Ватопедской лавры на Сѣверъ. Во второе путешествіе Ласкарисъ дольше всего оставался въ Константинополѣ, гдѣ представилъ рекомендательныя письма отъ Медичи султану Баязету II, и при помощи мѣстныхъ ученыхъ со всѣхъ сторонъ скупалъ манускрипты. Онъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду и другую, политическую цѣль: ознакомиться съ состояніемъ умовъ на Востокѣ между христіанскимъ населеніемъ и опредѣлить, какія вѣроятности успѣха могла бы имѣть попытка борьбы съ Турками. Послѣ этого понятно сближеніе Ласкариса съ королемъ Французскимъ Карломъ VIII, отъ котораго всѣ ожидали, что послѣ завоеванія Неаполя, послѣ утвержденія своего преобладанія въ Италіи, онъ обратится на Востокъ и будетъ ожидаемымъ освободителемъ грековъ и Царсграда: одинъ изъ потомковъ Палеологовъ уступилъ въ пользу его свои права на византійскій престолъ; болѣе существенныя услуги могъ оказать Ласкарисъ, увѣрившій, что множество янычаръ, насильно обращен-

ныхъ въ мусульманство, ждуть только сигнала, чтобы поднять знамя возмущенія. Извѣстно, какъ скоро эти надежды разсѣялись. Впрочемъ, Ласкарисъ и въ промежутокъ между смертью Карла VIII и восшествіемъ на престолъ Франциска не прерывалъ своихъ связей съ Франціей—ни ученыхъ, ни дипломатическихъ, такъ какъ служилъ ей посломъ при Венеціанской республикѣ. Побѣдитель при Мариньяно нашелъ въ немъ прекраснаго и опытнаго совѣтника въ ученыхъ дѣлахъ, а именно въ отысканіи средствъ къ умноженію греческихъ книгъ въ библіотекѣ, основанной Францискомъ въ Фонтенбло. По указанію Ласкариса обратились въ Венецію, гдѣ жило много грековъ, для которыхъ каллиграфія была средствомъ жизни; подъ наблюденіемъ королевскихъ пословъ при республикѣ по двѣнадцать копистовъ за разъ постоянно работали для библіотеки французскаго короля. Въ письмахъ этихъ пословъ къ Франциску содержатся иногда очень подробные отчеты о ходѣ всего дѣла ¹⁾. Значительное количество готовыхъ греческихъ книгъ было получено изъ Венеціи отъ греческаго выходца съ острова Корфу, Антонія Епарха; онъ поднесъ ихъ королю въ видѣ дара, но вознагражденъ былъ щедро надлежащею денежною суммою. Наконецъ, приходили кодексы изъ самой ихъ родины, именно отъ Пьера Жила (Gille), автора Топографіи Константинополя, который отправленъ былъ Францискомъ на востокъ въ концѣ царствованія именно съ цѣлью приобрѣтенія рукописей. При Карлѣ IX королевская библіотека перенесена была изъ Фонтенбло въ Парижъ. Между тѣмъ Мануцій Альдъ въ Венеціи давно уже началъ издавать греческія грамматика Хризолора и Газы, а затѣмъ и греческихъ классиковъ, а въ 1516 году Фробенъ въ Базелѣ напечаталъ греческій текстъ Новаго Завѣта, приготовленный къ изданію Еразмомъ Роттердамскимъ ²⁾. Обращаемся къ такого рода явленіямъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ византійской литературѣ.

Въ 1509 году грекъ съ острова Крита, переселившійся въ Италію, проживавшій то въ Венеціи, то въ Римѣ и занимавшійся тамъ перепискою и преподаваніемъ греческаго языка, Захарія Каліерги, извѣстный въ исторіи классической филологіи изданіями

¹⁾ См. письма Pellicier въ книгѣ *Delisle: Cabinet des manuscrits de la bibliothèque nationale* (Paris, 1868), I, 154. См. тамъ же и вообще о дѣятельности Ласкариса, а равно у *Летрама*, написавшаго превосходную біографію Ласкариса въ видѣ введенія къ каталогу принадлежащихъ ему печатныхъ изданій.

²⁾ *Didot. Aldo Manuce et l'hellénisme à Venise*. Paris. 1875.

Феокрита и Пиндара, сочиненіями объ Аристотелѣ, а также изданіемъ Большого Этимологикона (Μέγα ἑτυμολόγιον) на счетъ Анны, дочери Луки Нотары, напечаталъ подлинный греческій текстъ увѣщательныхъ главъ императору Юстиніану діакону Агапита: Ἀγαπῆτοῦ διακόνου παρακλιτικῆ κεφάλαια πρὸς Ἰουστιανόν¹⁾). Сочиненіе это, издававшееся не менѣе восемнадцати разъ въ теченіе одного XVI вѣка, было потомъ любимо и у насъ и часто встрѣчается въ каталогахъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ. Въ томъ же году знаменитый астрономъ Николай Коперникъ издалъ въ Краковѣ латинскій переводъ писемъ Феофилакта Симокатты, которыя привлекли его вниманіе, конечно, своимъ отчасти естественно-научнымъ содержаніемъ, а впрочемъ не имѣютъ большаго значенія; важнѣе было бы издать Исторію дѣяній императора Маврикія того же автора, касающуюся великаго переселенія славянъ за рѣку Дунай въ концѣ VI вѣка; но хотя Коперникъ былъ славянинъ, исторія славянъ его не занимала.

Въ 1531 году въ Базелѣ появилось изданіе подъ заглавіемъ De rebus Gothorum, Persarum et Vandalorum; оно принадлежало извѣстному нѣмецкому гуманисту, ученику Еразма Роттердамскаго, не чуждому стремленій къ изученію и родной нѣмецкой древности, Беату Ренау (собственно Bild изъ Шлеттштадта). Въ этомъ изданіи были помѣщены латинскій переводъ сочиненій Прокопія и Агаѳи о войнахъ Юстиніана, передѣлка Бруни Аретина о войнѣ италійцевъ противъ готовъ (De bello Italorum contra Gothos) и въ первый разъ сочиненіе Прокопія о постройкахъ (De aedificiis) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ²⁾. Въ томъ же городѣ былъ отпечатанъ нѣсколько позже (1536) Каталогъ Константинопольскихъ императоровъ и патріарховъ Никифора Ксанопула или Баллиста, который и самъ былъ патріархомъ около 1341 года³⁾. Гораздо болѣе важное и обширное сочиненіе того же автора, именно, его Церковная исторія отъ Рождества Христова до 610 года, также обратило на себя вниманіе уже въ XVI вѣкѣ и, начиная съ 1560 года, много разъ (по счету Саомъ — девять) была издаваема въ латинскомъ переводѣ; былъ и одинъ французскій переводъ;

¹⁾ Точное воспроизведеніе заглавнаго листа у *Лейбана* I, 95.

²⁾ О Беатѣ Ренау и его историческихъ замѣткахъ: см. *Wegele*, Geschichte der deutschen Historiographie (München. 1885) стр. 134 и 135.

³⁾ *Catalogus imperatorum et patriarcharum C. Politanorum* (въ стихахъ graece et latine editus una cum Theodori Prodromi epigramm. Bessiae, 1536).

греческій подлинникъ явился только въ слѣдующемъ столѣтіи ¹⁾. Не чуждою византійской историографіи была и дѣятельность Етьенпей, столь достопамятная въ исторіи французскаго Возрожденія ²⁾. Родоначальникъ этой знаменитой, по выраженію Мишле, династіи еллинистовъ, Генрихъ Етьеннъ или Стефанъ открылъ въ 1502 году небольшую типографію подъ вывѣскою кроликовъ на одной изъ глухихъ парижскихъ улицъ; скоро она прославилась своими изданіями. Это была уже вполне ученая типографія; Генрихъ Етьеннъ былъ друженъ съ извѣстнымъ греческимъ гуманистомъ Яномъ Ласкарисомъ, который, говорятъ, даже работалъ въ его типографіи, какъ корректоръ; другими справщиками были грекъ съ острова Крита Петръ Портъ, вышеупомянутый Беатъ Ренавъ и многіе другіе, славившіеся тогда знатоки греческаго и латинскаго языковъ; въ самомъ семействѣ Етьенней даже женщины говорили не иначе какъ по латыни; простые наборщики въ типографіи понимали этотъ языкъ. Извѣстны и по своему изяществу и по своему значенію для развитія идей Реформаціи изданія Новаго Заѣта въ подлинникѣ и переводахъ, выходившія изъ типографіи Генриха Етьенна. Его сынъ и наследникъ Робертъ, прославившійся составленіемъ большаго словаря латинскаго языка (*Thesaurus Linguae Latinae*), издалъ въ подлинникѣ церковныхъ писателей IV и VI вѣка: Евсевія Кесарійскаго, Сократа, Созомена и Θεодорита, Анагноста и Евагрія. Изданіе это было предпринято по порученію и при денежномъ вспоможеніи короля Франциска I и появилось въ 1544 году; оно было перепечатано съ нѣкоторыми исправленіями и прибавленіемъ различеній въ 1602 году въ Женевѣ, но до появленія новыхъ изданій церковныхъ историковъ Генриха Вalezія (*Valois*) во второй половинѣ XVI вѣка, изданіе Етьенна оставалось лучшимъ не только по внѣшнему своему изяществу, но и по внутреннему достоинству. Внукъ Генриха старшаго и сынъ Роберта, Генрихъ младшій Етьеннъ († 1598) съ пятнадцати лѣтъ зналъ греческій языкъ какъ природный; онъ знаменитъ своимъ словаремъ или Сокровищницею греческаго языка (*Thesaurus Linguae Graecae*), который и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ филологовъ, такъ какъ на замѣну его не явилось чего-нибудь подоб-

¹⁾ Nicephori Callisti, *Historia ecclesiastica latine reddita à Langio. Basileae. 1560.* см. у *Поттаста* (*Potthast, Bibliotheca medii aevi*).

²⁾ См. *Egger, L'hellénisme en France au XVI siècle* (Paris, 1869) I, 198; *Michelet, Renaissance*, p. 378—380.

наго латинскому словарю Форчеллини; въ настоящемъ столѣтіи этотъ словарь былъ изданъ съ исправленіями и дополненіями, стараніемъ типографщика и издателя Дидо (Didot), во многомъ напоминающаго по характеру своей дѣятельности Етьенней. Хотя при составленіи Сокровищницы греческаго языка Генриха Стефана собственно византійскій періодъ и не былъ принятъ въ расчетъ, все-таки сюда вошли слова и реченія Священнаго Писанія въ переводѣ семидесяти толковниковъ, а также и словоупотребленіе древнѣйшихъ греческихъ отцевъ церкви, такъ что и всякому византинисту приходится обращаться за справками къ этому пособию. Упомянемъ еще, что Генрихъ младшій Етьеннъ въ 1581 году въ первый разъ напечаталъ подлинный текстъ греческаго историка Зосими, описывающаго время Константина Великаго, Юліана и Θεодосія; у Поттгаста это изданіе пропущено (см. объ этомъ изданіи ниже).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ первой половинѣ XVI вѣка и позднѣе появлялись пока отдѣльныя изданія, касающіяся византійской исторіи, именно первоначальнаго ея періода, въ сущности болѣе римскаго, а также сочиненія по исторіи церкви того же періода; нѣкто еще не произносилъ словъ „Византійская исторія“. Честь воскрешенія Византіи изъ мертвыхъ вполнѣ принадлежитъ нѣмецкому филологу, современнику Лютера, Герониму Вольфу (1516—1580). Съ отроческихъ лѣтъ пристрастившись къ классическимъ занятіямъ, молодой Вольфъ отказался отъ хорошей служебной карьеры, на которую вступилъ было по волѣ отца; по окончаніи университетскихъ занятій въ Гюбингенѣ, онъ остался педелемъ при университетѣ, чтобъ избѣжать не нравившейся ему придворной службы; онъ провелъ два года въ Виттенбергѣ, куда вызвалъ его Меланхтонъ, былъ школьнымъ учителемъ въ Нюрнбергѣ и другихъ городахъ, посѣтилъ Базель и Парижъ, наконецъ основался въ Аугсбургѣ, гдѣ занималъ мѣсто секретаря и бібліотекаря въ домѣ знаменитаго патриція, богача и мецената Якова Фуггера ²⁾; всѣмъ извѣстна роль этой фамиліи въ эпоху Реформаціи, когда Фуггеры ссужали деньгами въ качествѣ банкировъ Карла V, и когда ихъ агенты сопровождали продавцевъ индульгенцій, именно даже Тецеля, для контроля поступленій, имѣющихъ послужить къ погашенію заравѣ сдѣланной ссуды. Фуггеры

²⁾ *Bursian*. Geschichte der classischen Philologie in Deutschland, 210 — 213. Есть спеціальное сочиненіе: *Passow*, Wolfs Jugendleben въ Historisches Taschenbuch *Paumera*, 1830.

имѣли большую бібліотеку и сношенія съ Константинополемъ; по впушенію и указанію своего патрона, Іеронимъ Вольфъ, занимавшійся классическими греческими писателями, Исократомъ и Демосееномъ, изданіемъ которыхъ и оставилъ послѣ себя память въ исторіи классической филологіи, обратился сначала къ Зонарѣ, а потомъ къ другимъ византійскимъ историкамъ. Изданіе хроникъ Іоанна Зонары, жившаго въ началѣ XII вѣка, вышло въ свѣтъ въ 1557 году въ Базелѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Ioannis Zonarae monachi, qui olim Byzantii Magnus Drungarius excubiarum seu Byglae et proto-secretarius fuit, compendium historiarum, in tres tomos distinctum: quorum Primus agit de rebus iudaicis, ab exordio mundi usque ad Hierosolymitarum excidium Secundus Historiam Romanam ab urbe condita usque ad Constantinum Magnum breviter complectitur Tertius Imperatorum res gestas à Constantino Magno usque ad obitum Alexii Comneni tractat. Opus praeclarum ac diu desideratum: nunc vero demum liberalitate magnifici et generosi viri D. Antonii Fuggeri — et labore Hieronymi V. Volfii graece et latine quinque codicibus inter se collatis, quam emendatissime fieri potuit, in lucem editum. Singulis tomis additi sunt indices et variarum lectionum Annotationes.* (Слѣдуетъ еще указаніе на привилегіи императора и короля Французскаго Генриха II). Basileae, per Ioannem Oporinum. 1557.

Въ предисловіи, въ которомъ Вольфъ обращается къ Антонію Фуггеру, говорится о трудностяхъ изданія; трудности происходятъ отъ неисправности списковъ, отъ ихъ неразборчивости вслѣдствіе того, что они писаны каллиграфически—съ разными сокращеніями признаніе довольно наивное съ точки зрѣнія нынѣшнихъ требованій отъ издателя греческихъ текстовъ. Но и, говоритъ Вольфъ,—употребляя всѣ старанія къ болѣе исправному изданію автора; однако и самое усердіе, рассуждаетъ онъ,—ни къ чему бы не повело, еслибъ у меня не было достаточнаго числа списковъ. Изъ нихъ три я получилъ, пишетъ Вольфъ,—изъ твоей бібліотеки, для которой они были приобрѣтены съ большими издержками въ Константинополѣ стараніемъ отличнаго мужа, знаменитаго не менѣе древняго Улиса своимъ умомъ, странствованіями и большою опытностію въ дѣлахъ, Іоанна Дерншвама (*Ioannis Dersnchivam*). Далѣе приводится надпись, собственноручно сдѣланная Дерншваммомъ на древнѣйшемъ изъ списковъ: „Хроника Іоанна Зонары, раздѣленная на два тома (первый — до разоренія Іерусалима Титомъ, второй—о царяхъ Греческихъ и Римскихъ до Алексѣя Компина), куплена мною въ Константинополѣ, въ Церѣ или

Галатѣ, за 150 дукатовъ угорскихъ. отъ отличнаго господина Антонія Кантакузина, коего фамилія, пока стояла Византія, была императорскою, а теперь, при турецкомъ владычествѣ, обращена въ частное состояніе: и онъ просилъ меня, чтобъ это произведеніе когда нибудь было напечатано, и экземпляръ печатнаго изданія былъ бы присланъ ему за сохраненіе Зонары. Сверхъ того, второй томъ Зонары объ императорахъ я приобрѣлъ для сличенія отъ Александра хартофилакса (діакона при Великой церкви) за 30 угорскихъ дукатовъ. Наконецъ, еще одинъ списокъ Зонары о дѣлахъ имперіи и церкви съ Константина Великаго до Юстиніана я позаботился снять съ иного древняго кодекса*. Это—слова Дерншвамма. Вольфъ прибавляетъ, что четвертый списокъ, пачинающійся съ Константина Великаго, доставила ему богатая бібліотека его мецената Іоганна Якова Фуггера; наконецъ, по благосклонности королевскаго совѣтника Гаспара Нейдпруга (Nudprug) сверхъ всякой надежды, онъ получилъ изъ Вѣнскаго бібліотеки еще пятый и полный кодексъ Зонары, при помощи котораго и восполнилъ многіе пробѣлы другихъ списковъ. Съ напряженными усиліями и не щадя своего здоровья, Вольфъ кончилъ всю работу, включая и переводъ на латинскій языкъ, въ девять мѣсяцевъ, желая засвидѣтельствовать свою преданность Фуггеру. Предисловіе датировано: въ Аугсбургѣ, ex bibliotheca herili (Вольфа или Фуггеровъ?), ноябрь 1556.

Изданіе хроники Зонары само по себѣ было уже большою заслугою, каковы бы ни были его недочеты и пробѣлы; оно вводило уже въ самую среднюю византійскую исторію, такъ какъ Зонара доводилъ свой разказъ отъ сотворенія міра до кончины цара Алексѣя Комнина въ 1118 году. Но еще важнѣе было то, что Вольфъ на этомъ не остановился, и вслѣдъ за Зонарою занялся другимъ византійскимъ историкомъ, Никитомъ Акомипатомъ изъ Хонъ (древнихъ Колоссъ), котораго поэтому мы привыкли звать Хоніатомъ¹⁾. Побужденія, которыя руководили при этомъ Вольфа, объяснены опять имъ самимъ въ предисловіи къ изданію творенія Никиты, вышедшему въ 1557 году. Прежде всего выставляется на видъ, что трудъ Никиты Хоніата служить естественнымъ продолженіемъ Хроники Зонары; тамъ, гдѣ

* Подробно объ изданіяхъ исторіи Никиты можно найти въ сочиненіи *Θ. Η. Успенскаго*: Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. С.-Пб. 1874. Тамъ приведено и длинное заглавіе изданія Вольфа, которое мы, поэтому, не выписываемъ.

одинъ кончается, начинается повѣствованіе другаго, обнимая періодъ времени въ 86 лѣтъ отъ смерти Алексѣя Комнина до взятія Константинополя франками и основанія Латинской имперіи (1206 г.). Не могъ такой опытный и не лишенный вкуса филологъ, какъ Геронимъ Вольфъ, остаться равнодушнымъ и къ высшимъ литературнымъ достоинствамъ позднѣйшаго писателя, по сравненію съ безжизненнымъ хронографомъ, лишеннымъ всякой искры одушевленія и всякихъ признаковъ изящнаго вкуса. Вольфъ еще не догадывался, что Зопаара совсѣмъ даже не самостоятельный писатель, а компиляторъ, почти механически списывающій другихъ; но сужденія его о литературныхъ достоинствахъ, о языкѣ и слогѣ Никиты Хоніата не лишены основательности. У него, по видимому, осталось такое впечатлѣніе, что эта странная рѣчь, представляющая на первый взглядъ какую-то пеструю амальгаму или мозаику, составленную изъ смѣшенія Илиады и Одиссея съ Библіей, фразеологій, добытой изъ Гомера и драмъ Эврипида, съ изреченіями изъ псалмовъ Давида и посланій апостола Павла, все-таки служитъ выраженіемъ сильнаго и оригинальнаго ума, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи другаго орудія для выраженія своихъ мыслей на письмѣ, кромѣ искусственнаго языка, на которомъ уже не говорили ни въ народѣ, ни въ обществѣ, и однако умѣвшаго справиться съ разнообразными его элементами, унаслѣдованными отъ прошедшаго, умѣвшаго слить ихъ въ нѣчто цѣльное, не лишенное своеобразной красоты и выразительности. Во всякомъ случаѣ, Вольфъ говоритъ о краснорѣчій (*facundia*) Никиты, хотя и съ примѣсью нѣкотораго стремленія къ искусственному, необычному изыществу: *nescio cujus insolentis elegantiae affectationem*; ему нравится подробное повѣствованіе историка Комниновъ и Ангеловъ не только потому, что всякій вообще обстоятельный разказъ интереснѣе сухаго и краткаго сообщенія о событіяхъ, но и потому, что оно изложено плавно (*placius at fusius orationis genus*). Сверхъ всего прочаго, сочиненіе Никиты представлялось Герониму Вольфу практически поучительнымъ для его современниковъ. Никита съ горькою скорбію описываетъ нападенія варваровъ, борьбу грековъ или ромеевъ съ персами или, что то же, съ турками; эта борьба въ сущности есть прелюдія той, которую западный христіанскій міръ съ большою для себя опасностью и явными потерями въ продолженіе XVI столѣтія долженъ былъ выдерживать противъ полчищъ Салимана и его преемниковъ. Въ южной Германіи естественно было думать о завоеванной турками Венгріи и тревожиться за свою собственную безопасность. Вольфъ надѣется, что

чтеніе византійскаго историка можетъ возбудить умы и энергію его соплеменниковъ къ защитѣ своей страны и особенно паннонскихъ провинцій, такъ какъ въ сочиненіи Никиты выставляются блистательные примѣры императоровъ Конрада и Фридриха (Барбароссы) и высокими похвалами превозносятся ихъ храбрость и самоотверженіе при завоеваніи Сирии и Святой земли и т. д. ¹⁾. Греческій текстъ Никиты былъ сообщенъ Вольфомъ по рукописи, принадлежавшей опять-таки Фуггеру и купленной для него вышеупомянутымъ Дерншваммомъ въ Константинополь у хартофилакса Александра, діакона Великой церкви, но этотъ списокъ былъ неполный, имѣлъ посреднѣ пробѣлы; для сличенія и восполненія служили два другіе кодекса, одинъ—изъ городской Аугсбургской бібліотеки, другой—изъ наследственной; первому Вольфъ отдаетъ преимущество на основаніи болѣе простоты языка. На сей разъ нѣтъ рѣчи о пользованіи рукописями Вѣнскаго бібліотеки, въ которой находился несравненно лучшій списокъ исторіи Никиты Акомината, отмѣченный послѣ Алляціемъ; тѣмъ менѣе доступны были Вольфу другіе списки, которые теперь указываются въ италіанскихъ и французскихъ бібліотекахъ ²⁾.

За Никитою Хоніатомъ послѣдовали Византійской исторіи Никифора Григоры одиннадцать книгъ отъ Θεодора Ласкариса до смерти Андроника младшаго (вышла въ 1562 г.) ³⁾. Изъ предисловія, обращеннаго по прежнему къ Фуггеру, видно, что Вольфъ нѣкоторымъ образомъ уже вошелъ во вкусъ византійцевъ. Онъ признается, что за Зонару онъ взялся первоначально не столько по собственному влеченію, сколько побуждаемый предложившимъ ему отъ Фуггера вознагражденіемъ, приходившимся въ то время весьма кстатъ; Хоніатомъ онъ уже занимался съ большею охотою, такъ какъ ему больше нравился самый стиль писателя помимо большаго интереса содержанія. Окончивъ этотъ послѣдній трудъ, Вольфъ не столько былъ радъ его завершенію, сколько смущенъ былъ представленіемъ, что онъ остановился какъ бы по срединѣ дороги, не достигши настоящаго предѣла и развязки своей исторіи. И вотъ въ это время

¹⁾ Ср. *Θ. Η. Успенскаго*, Никита Акомината, стр. 32.

²⁾ См. статью *Θ. Η. Успенскаго*: О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной бібліотекѣ въ *Ж. М. Нар. Ир.*, ноябрь, 1877 года.

³⁾ *Nicéphorae Gregorae Byzantinae historiae libri XI a Theod. Lascari usque ad Andronici posterioris obitum graeco. et lat. edit. Hieron. Wolfius Basileae, 1562 fol.*

ему, сверхъ ожиданія, предложенъ былъ Фуггеромъ Никифоръ Григора (Γρηγορας), разказывающій дальнѣйшую исторію Византійской имперіи отъ латинскаго завоеванія до смерти Андроника Младшаго въ теченіи 137 лѣтъ (ошибочно сказано, 145 лѣтъ, такъ какъ Андроникъ III умеръ въ 1341 году) и восполняющій повѣствованіе Зонары и Хоніата. Но все-таки оказывалось, что Григора не доводилъ византійской исторіи до близкой къ XVI вѣку эпохи, а между тѣмъ Вольфъ не зналъ никакого другаго историка, который описывалъ бы послѣдніе дни Византійскаго царства и исторію ваятія Константинополя турками. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, когда одинъ юристъ изъ Вѣны (Sundellius) прислалъ ему недавно изданный въ латинскомъ переводѣ трудъ Лаоника Халкокондила „О происхожденіи и дѣлахъ турокъ и паденіи Греческой имперіи“, въ которомъ разказъ начинается отъ 1298 года и доходитъ до 1462 ¹⁾). Пробѣжавъ томъ съ жадностью, Вольфъ уже не нашелъ нужнымъ хлопотать объ отысканіи и обнародованіи греческаго подлинника, а остановился на мысли передать въ сокращеніи недостающее у Григоры, пользуясь готовымъ переводомъ Клаузера. Сверхъ того, Вольфъ послѣ замѣтилъ, что въ извѣстномъ отдѣлѣ своей исторіи—именно отъ Михаила Палеолога до отпаденія Каталонской компаніи при Андроникѣ Старшемъ въ 1305 году,—Григора представляетъ большое сходство съ другимъ историкомъ той же эпохи, съ Пахимеромъ, и какъ будто у него заимствуется, только сокращая повѣствованіе; ближе ознакомившись съ Пахимеромъ, по списку Аугсбургской городской бібліотеки, Вольфъ извлекъ отсюда то, что казалось полезнымъ прибавить въ Григорѣ въ видѣ дополненій, впрочемъ только на латинскомъ языкѣ. Не смотря на всѣ эти усовершенствованія, нужно все-таки признать, что послѣднее изданіе, а именно основная его часть, исторія Григоры, явилась въ видѣ гораздо болѣе несовершенномъ, чѣмъ Никита Хоніатъ. Списки, которыми пользовался издатель, были крайне неисправны, да притомъ и далеко не полны; исторія Григоры имѣетъ въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ не 11 книгъ, а 38, и простирается далѣе 1341 года, такъ что Вольфомъ напечатана была собственно только четвертая почти часть цѣлаго.

Такъ или иначе, но теперь получалась полная и связанная исторія Византіи, начиная отъ основанія Константинополя до его завоеванія

¹⁾ Laonici Chalcocondilae, Historia de origine atque rebus Turcarum et imperii Graecorum interitu interprete Conr. Clausero latine prodiit, Basil. 1556 fol.

турками, притомъ съ нѣкоторымъ общивъево мидіян ее предшествовавшихъ судьбахъ міра. Иеронимъ Вольфъ ясно сознавалъ и первый отчетливо высказалъ эту идею о цѣльной и самостоятельной византійской исторіи. Обращаясь къ Фуггеру, онъ пишетъ: „Я думалъ бы, что по нѣкоторому рѣшенію судьбы (а не случайно) дѣло пришло къ тому, что нашимъ современникамъ могла быть предложена византійская исторія въ цѣльномъ своемъ составѣ, почти совершенномъ во всѣхъ частяхъ“ (*Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis absolutum nostris hominibus proponeretur*). Дѣло въ томъ, конечно, что именно для современниковъ и соотечественниковъ Иеронима Вольфа византійская исторія заключала-де въ себѣ особую поучительность: отъ своихъ внутреннихъ болѣзней Византія оказалась безсильною предъ турецкимъ завоеваніемъ; такая же участь могла постигнуть и Германію, если не прекратятся раздоры ея князей и правителей, и гроза была тѣмъ страшнѣе и ближе, что въ Венгріи уже господствовали османы.... Труды Вольфа возбуждали большое къ себѣ вниманіе въ Европѣ, и общій интересъ къ византійской исторіи выразился въ различныхъ болѣе популярныхъ изданіяхъ извлеченныхъ имъ на свѣтъ Божій писателей. Французы первые издали въ одномъ томѣ латинскіе переводы Иеронима Вольфа и назвали этотъ сборникъ „*Corpus universae historiae, praesertim Byzantinae*“. Парижское изданіе сборника 1567 года было перепечатано три раза во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1568, 1574 и 1587 гг.; послѣдній разъ подъ заглавіемъ *Historia rerum in Oriente gestarum*. Тотчасъ же появились италіанскіе переводы Зонары, Никиты Хоніата, Никифора Григоры (въ 1560 1562 1569; см. Potthast, *Bibliotheca medii aevi*). Они печатались въ Венеціи, гдѣ связи съ христіанскимъ Востокомъ были особенно тѣсны и живы. Въ концѣ столѣтія, въ Женеvѣ, сдѣлано было новое изданіе исторіи Никиты Хоніата не только съ греческимъ текстомъ, заимствованнымъ, какъ и латинскій переводъ, у Вольфа, но и съ нѣкоторыми дополненіями, имѣющими цѣлью облегчать пользованіе книгой ¹⁾). Особня обстоятельства содѣйствовали распространенію изданныхъ Иеронимомъ Вольфомъ византійскихъ историковъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ полемикѣ, возгорѣвшейся между папистами и православными по поводу уніи, тѣ и

¹⁾ См. объ этомъ изданіи 1593 года у *Θ. И. Успенскаго*, *Никита Анонимъ*, стр. 2 и 3.

другіе искали себѣ либо оружія, либо защиты въ исторіи византійской церкви и государства. Паписты проводили ту мысль, что самое паденіе Византіи было явнымъ послѣдствіемъ ея вражды къ Римскому престолу, выставляли на видѣ отдѣльные факты рѣзкаго проявленія ненависти грековъ къ католикамъ, отмѣчали признаки постепеннаго оскуденія нравственной силы и образованія между ними; оружіе заимствовалось преимущественно, изъ только что изданныхъ сочиненій Зонары, Никиты Хоніата и Григоры, какъ это можно видѣть на страницахъ вышедшей въ 1617 году Обороны уніи Льва Кривзы. Православные обязаны были защищаться оружіемъ изъ того же арсенала, указывать умолчанія и жетолкованія своихъ противниковъ. Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, относящейся къ 1621 году, приводятся цѣлыя страницы изъ исторіи Никиты Хоніата (о разореніи Цареграда латинами въ 1204 году); онъ ссмляется и на подлиннаго Зонару, отличая его отъ славянскаго переводнаго, дополняетъ ссылку Кривзы на Грегораса и т. д. ¹⁾

Германія имѣла много побужденій къ ближайшему ознакомленію съ современнымъ положеніемъ Турецкой имперіи, не исключая и религіозныхъ симпатій протестантовъ къ православному греческому ея населенію, симпатій, высказывавшихся со времени Лютера. Страшные успѣхи турокъ, передавшіе въ руки Сулеймана почти всю Венгрію (три ея четверти), заставляли Габсбурговъ, Карла V и его брата Фердинанда держать своихъ пословъ при Оттоманскомъ дворѣ, хотя имъ всегда грозила опасность попасть въ Семибашенный замокъ; когда такими послами были люди образованные въ духѣ гуманизма, тогда можно было ожидать отъ нихъ интереса къ греческому языку и къ греческимъ рукописямъ. Посломъ короля Римскаго Фердинанда (вскорѣ затѣмъ императора и уже тогда государя Венгрии и Чехіи) былъ, знаменитый Ожье Гизелинъ Бузбекъ, родомъ изъ Фландріи, отправленный туда въ самую критическую минуту, когда почти все зависѣло отъ искусства посла, и проведеній въ Константинополѣ и Турціи около шести лѣтъ, съ 1555 по 1562 г. Онъ описалъ свое путешествіе и свое пребываніе при дворѣ Сулеймана въ письмахъ, составившихъ

¹⁾ Оба сочиненія напечатаны въ шестомъ томѣ Русской исторической бібліотеки, издаваемой археографическою комиссіею, подъ редакціею П. А. Гиллельбрандта; см. составленный имъ указатель подъ словами Зонара, Хоніатъ, Григора. Экземпляръ перваго изданія Зонары въ бібліотеку С.-Петербургскаго университета достался изъ Полоцкой іезуитской коллегіи.

послѣ крайне интересную книгу ¹⁾). Изъ нея мы между прочимъ узнаемъ, что онъ заботился и о пріобрѣтеніи рукописей, хотя, по его собственному замѣчанію, ему приходилось собирать послѣдніе колосья на нивѣ, уже сжатой другими; тѣмъ не менѣе, у него же мы читаемъ о цѣлыхъ возахъ греческихъ рукописей, отправленныхъ на корабли для нагрузки; около 240 греческихъ кодексовъ прибыли черезъ Венецію въ Вѣну, будучи назначены для императорской бібліотеки. Вслѣдъ за ними, но нѣсколько позже, пріобрѣтенъ былъ отъ придворнаго турецкаго доктора удивительный и прославленный списокъ Діоскорида, украшающій и теперь Вѣнскую придворную бібліотеку. Посломъ Максимилиана II и Рудольфа II къ султану Селиму былъ баронъ Угнаде, съ 1573 г., также весьма образованный челоуѣкъ, стоявшій на сторонѣ протестантизма. Онъ захотѣлъ взять съ собою благочестиваго и знающаго греческій языкъ проповѣдника; по рекомендаціи герцога Вюртембергскаго избранъ былъ Стефанъ Герлахъ, магистръ, а послѣ докторъ богословія въ Тюбингенскомъ университетѣ: его товарищи, тюбингенскіе протестантскіе богословы, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ Мартинъ Крузій (Crustus), возлагали на предпринятую Герлахомъ поѣздку большія надежды. Онъ долженъ былъ ближе ознакомиться съ религіознымъ положеніемъ современныхъ грековъ, съ ихъ догматическими вѣрованіями и церковными обрядами, а также и съ церковнымъ устройствомъ; онъ долженъ былъ собирать и ученныя свѣдѣнія о книгахъ и бібліотекахъ, о греческомъ языкѣ, которымъ теперь говорили на востокѣ; особенно же стараться войти въ тѣсныя сношенія съ лучшими представителями греческаго духовенства. Герлахъ прекрасно выполнилъ данныя ему инструкціи, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ его высокочинимательный дневникъ, напечатанный, впрочемъ, почти черезъ сто лѣтъ его внукомъ ²⁾). Но черезъ его посредство уже и самъ Мартинъ Крузій завязалъ личную переписку съ греческимъ патріархомъ, который былъ тогда Іеремія II, а также съ окружавшими его учеными совѣтниками, риторомъ Великой церкви Іоанномъ Зигомалою и его сыномъ Θεодоромъ. Плодомъ этихъ литературныхъ связей было появленіе въ 1584 г. дра-

¹⁾ Письма Бусбека недавно появились въ англійской обработкѣ въ книгѣ: *The life and letters of Ogier Ghiseline de Busbecq, by ch. Thornton Forster. In two volumes. London, 1881*; только первый томъ касается пребыванія въ Греціи.

²⁾ *Stephan Gerlachs des älteren Tagebuch: herfürgegeben durch seinen Enkel M. Samuel Gerlach. Franckfurth am Mayn. 1674.*

гоцѣнной книги, которую Крузій назвалъ Туркогречеіей¹⁾. Кромѣ двухъ трактатовъ о судьбахъ и бѣдствіяхъ Константинополя, написанныхъ одинъ—Крузіемъ, а другой—Феодоромъ Зигомалою, книга содержитъ въ себѣ анонимную исторію патриарховъ Константинопольскихъ съ 1453 г. (*Patriarchica Constantinopoleos historia*), съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями издателя, а затѣмъ болѣе половины тома посвящено ученой перепискѣ Крузія съ Константинополемъ. Не имѣя нужды и возможности на ней останавливаться, замѣтимъ только, что традиціи благожелательныхъ и дружелюбныхъ отношеній между греческими учеными богословами и нѣмецкими протестантскими еллинистами держались и послѣ, даже не остались безъ вліянія на ходъ византійскихъ занятій. Какъ увидимъ ниже, одинъ изъ учениковъ Іеронима Вольфа, Гешель, былъ въ дружбѣ съ грекомъ Маргуниемъ и пользовался его сотрудничествомъ при своихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

Іеронимъ Вольфъ имѣлъ нѣсколькихъ учениковъ и послѣдователей. По его совѣту и указанію, на счетъ сыновей Антона Фуггера нѣмецкій еллинистъ изъ Гейдельберга, Вильгельмъ Голцманнъ (*Holzmann*), а по ученому наименованію, подъ которымъ онъ гораздо болѣе извѣстенъ, Ксиландръ, издалъ въ 1566 году сочиненіе Георгія Кедрина, жившаго въ XII вѣкѣ²⁾. Кедринъ есть писатель однородный съ Зонарою въ томъ отношеніи, что и онъ не былъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ историкомъ близкихъ къ нему по времени событій, извѣстнаго царствованія или періода, а составилъ историческій Синописисъ (*Σύνοψις ἱστορίων*) или хроникку, по обычаю начинающуюся отъ сотворенія міра и доведенную далѣе половины XI столѣтія, при чемъ даже и самая послѣдняя часть не принадлежитъ ему, а рабски списана у другихъ. Еще Іеронимъ Вольфъ замѣтилъ, что въ извѣстныхъ отдѣлахъ и періодахъ компиляція Кедрина имѣетъ преимущественно предъ таковою же Зонары, но большей полнотѣ и подробности повѣствованія. На кодексѣ, содержащемъ въ себѣ сочиненіе Кедрина и находившемся въ библіотекѣ Фуггеровъ, Вольфъ даже написалъ, что еслибы съ самаго начала онъ имѣлъ возможность выбора, то предпочелъ бы издать Кедрина. Самъ Ксиландръ нашелъ въ пред-

¹⁾ *Turcograeciae libri octo a Martino Crusio, in Academia Tyvengonsi Graeco et Latino professore, utraque lingua edita. Basileae.*

²⁾ *Georgii Cedreni Annales ab O. C. ad Isaacum Comnenum gr. et lat. cum notis à G. Xylandro. Basileae. 1566.*

ложенномъ ему трудѣ много интереснаго для себя и для другихъ; но его мнѣнію, хроника Кедрина могла послужить не только къ восполненію древнихъ писателей, Зонары и Прокопія, а также и новѣйшихъ Куспидіана, Панвина и т. д., а равнымъ образомъ къ обогащенію географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о Константинополѣ и его окрестностяхъ. Греческій текстъ былъ изданъ по двумъ рукописямъ, но обѣ были неисправны и съ пробѣлами, хотя одна была писана въ самой Византіи еще при Ангелахъ, то-есть, въ концѣ XII столѣтія, какъ оказывалось изъ приписокъ и замѣтокъ переписчика на поляхъ. Кромѣ латинскаго перевода, Ксиландръ прибавилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, довольно скудны и неудовлетворительны. Въ предисловіи издатель чистосердечно признается въ своемъ маломъ знакомствѣ съ языкомъ и терминологіей византіяца; его очень смущали слова варварскія и полуварварскія, отчасти совсѣмъ неизвѣстныя древнимъ грекамъ и латинамъ: одни изъ нихъ обозначаютъ вещи, какъ *scagamangium*, *tuldum* и т. д., другія — названія должности, какъ *barangi*, *protovestiarius*, *logotheta dromi*, *protospatharius* и т. п.; съ барангами (то-есть, варягами) Гольцманнъ такъ и не справился. Послѣ Гоаръ во многомъ дополнилъ и исправилъ комментарий своего предшественника, но надѣ барангами и онъ затруднился и готовъ быть производить отъ бароновъ: *baraganium*—*baronium*.

Въ тѣхъ рукописяхъ, по которымъ Ксиландръ издавалъ хронiku Кедрина, она оканчивалась восшествіемъ на престолъ Исаака Комнина, но въ другихъ она продолжается далѣе до 1081 года. Не только въ этой послѣдней части, но еще ранѣе, начиная съ Никифора I, (съ 812 г.) преемника Ирины, Кедришь, какъ послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, воишь зависить отъ своего предшественника Іоанна Скилиція, является по отношенію къ нему совершеннымъ плагиаторомъ. Отношенія эти были совсѣмъ не ясны для первыхъ издателей, да невоишь разъяснены и до сихъ поръ, потому что отдѣльнаго изданія хроники Скилиція (начинающейся съ 812 года) въ подлинникѣ не появлялось; это сдѣлалось почти не нужнымъ вслѣдствіе того, что она цѣликомъ вошла въ составъ Кедрина. Существуетъ только переводное изданіе Скилиція, іезунта Габія, вышедшее въ Венеціи въ 1570 году — подъ заглавіемъ: *Joannis Curopalatae Scilizzae historiarum compendium, quod incip. à Nicephori imperatoris à Genets obitu ad imper. Js. Comueni pertinet*, Latine ed. J. Vart. Gabius. Venet. 1570 fol. Къ нему и приходится обращаться въ случаѣ нужды.

Однимъ изъ наиболее важныхъ и оживленныхъ центровъ умственнаго движенія и ученой дѣятельности въ концѣ XVI вѣка сдѣлался Лейденскій университетъ, основанный голландцами въ самый разгаръ борьбы за свое освобожденіе отъ испанскаго ига и католическаго гнета (въ 1575 году). Представителями классической филологіи были здѣсь въ данный періодъ, кромѣ знаменитаго латиниста Юста Липсія (Lipsius), Бонаventura Вулканій, собственно de-Smet, и Янъ Дуза съ другими членами той же фамиліи (van der Does). Бонаventura Вулканій для насъ важенъ какъ издатель продолжателя Прокопія и историка послѣднихъ лѣтъ Юстиніана, Агаѳіи Миринейскаго ¹⁾, какъ издатель Всеобщей хроникѣ Теофилакта Симокатты ²⁾, о важности которой мы уже упоминали, и наконецъ, какъ издатель сочиненія Константина Вагранороднаго о Ѡемахъ ³⁾, то-есть, объ отдѣльныхъ провинціяхъ или военныхъ округахъ византійской имперіи. Всѣ эти изданія были напечатаны въ Лейденѣ. Георгъ Дуза первый познакомилъ ученыхъ съ сочиненіемъ Кодина о происхожденіи и древностяхъ города Константинополя ⁴⁾. Другое сочиненіе Кодина, жившаго въ XV вѣкѣ, о придворныхъ должностяхъ византійскихъ появилось нѣсколько ранѣе, а затѣмъ было перепечатано въ Гейдельбергѣ, въ той же типографіи, въ которой было издано и первое только что упомянутое произведеніе о древностяхъ цареградскихъ ⁵⁾. Симокатта былъ изданъ въ продолженіе XVI столѣтія еще два раза ⁶⁾.

¹⁾ *Agathiae De imperio et rebus gestis Justiniani Libri V. Graece cum interpretat. latina et notis Bonavent. Vulcanii. Lugduni Batavor. 1594.* (Есть въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета).

²⁾ *Theophylacti Simocatae chronicon universale graece ed. B. Vulcanius L. B. 1596.*

³⁾ *Περὶ θεμάτων sive de praefecturis imperii orientalis sapientissimi regis Constantini Porphyrog. (и т. д.)... Liber nunquam antehac editus. Ex bibliotheca et versione Bonav. Vulcanii. Cum notis ejusdem. Lugduni Batavor. 1588.*

⁴⁾ *G. Codini Selecta de originibus Constantinopolis graece et latine primum ed. Georg. Douza. Heidelbergae apud Commelin. 1596.* Есть въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета.

⁵⁾ *Codini de officialibus palatii Constantinopolit. et officiis magnae ecclesiae. Nunc primum graece et latine in lucem editus. Ex biblioth. Julii Pacii (op. Fr. Junii). Lugdun. 1588.* Второе изданіе: *Gr. et latine notis illustravit lacunas operi manuscript. supplevit Fr. Junius. Ex officina Commeliana 1596.* Junius есть, конечно, *Jongh*, довольно вѣстный голландскій египтологъ.

⁶⁾ *Theophylacti Simocati quae reperiri potuerunt omnia. Graece ex biblioth. A. Schotti (ed. Gruterus). Ex officina Commeliana 1599. Th. Simocatti opuscula*

Не безъ успѣха также трудились въ XVI вѣкѣ и юристы надъ изданіемъ памятниковъ греко-римскаго права. Здѣсь первое мѣсто по времени занимаетъ Григорій Галоандръ или Алоандръ (Haloander), по настоящему Мельцеръ (Meltzer, нѣмецкое Maltz приравнено къ греческому ἄλωρ, ἄλωά гумно), ученикъ нѣмецкихъ гуманистовъ, посѣтившій Италію. Онъ въ первый разъ издалъ въ подлинникѣ новеллы императора Юстиніана, въ 1531 г., въ Нюрнбергѣ, вслѣдъ за другими частями Юстиніанова собранія. Галоандръ пользовался уже готовою копіей, сдѣланною однимъ италіанскимъ ученикомъ, Болоньини, съ рукописи, принадлежавшей прежде Марціанской (Венеціанской), а теперь находящейся въ Флорентійской бібліотекѣ; это было собраніе, составленное еще во время Тиберіа II, и заключавшее въ себѣ 168 новеллъ. Но изданіе Галоандра не было полнымъ, а состояло только изъ 122 новеллъ; 23 новеллы приведены въ рубрикахъ (summae) или оглавленіяхъ, 20 со-всѣмъ нѣтъ: Галоандръ опускалъ тѣ, которыя не принадлежали самому Юстиніану. Тѣмъ не менѣе изданіе Галоандра было весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ науки; латинскій переводъ, принадлежащій самому издателю, заслуживалъ одобренія ¹⁾). Въ теченіи 50 лѣтъ это изданіе новеллъ перепечатывалось девять разъ, и столько же разъ латинскій переводъ до 1567 года; экземпляръ перваго изданія, принадлежавшій самому Галоандру и подаренный имъ Ебнеру, находится въ бібліотекѣ С.-Петербургскаго университета. Только появленіе изданія шотландца Скримгера стало вытѣснять трудъ нѣмецкаго ученаго; оно вышло въ 1558 году въ Женевѣ, подъ надзоромъ Генриха младшаго Етьенна, который тогда находился въ бѣдственномъ положеніи и жилъ внѣ своего отечества, въ изгнаніи, работалъ въ разныхъ типографіяхъ ²⁾). Въ 1540 году было издано (Суаллембергомъ) руководство или краткое изложеніе законовъ Арме нопула (Πρόχυρον νόμου), составленное въ XIV вѣкѣ и получившее потомъ большое приложеніе въ странахъ православнаго исповѣданія. Фран-

omnia J. Kimedonejus e graeco vertit. 1592 (въ той же типографіи). Оба изданія есть въ бібліотекѣ С.-Петербургскаго университета.

¹⁾ О Галоандрѣ и объ его изданіи новеллъ см. особенно *Stintzing, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft* 1,180 и сл. 197 и сл., и *Mortreuil, Histoire du droit Byzantin*, I, 32 и сл.

²⁾ *Imperatorum Justiniani, Justinii et Leonis novellae constitutiones. Excudebat Henr. Stephanus Huld. Fuggeri typographus* (только по гречески). Genevae. 1558.

дузъ Бонифидій (Bonifedius) издалъ свои три книги восточнаго права¹⁾. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность Леунклавія (или собственно Loewenklau). Этотъ ученый нѣмецъ, родомъ изъ Вестфалии (р. 1533 — 1593), былъ вмѣстѣ филологъ и юристъ, историкъ и ориенталистъ. Нѣкоторое время онъ преподавалъ греческій языкъ въ Гейдельбергѣ, въ педагогіумѣ, затѣмъ онъ много путешествовалъ; во время своего пребыванія въ Турціи онъ изучилъ турецкій языкъ и собралъ драгоценныя матеріалы для оттоманской исторіи, которой никто до сихъ поръ лучше его не зналъ; по возвращеніи вращался при разныхъ дворахъ (между прочимъ при Савойскомъ), былъ назначенъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ, но не занималъ кафедры, поселился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ. До его времени на западѣ мало были знакомы съ византійскимъ сводомъ законовъ, составленнымъ при Македонской династіи и, правда, почти безъ измѣненій воспроизводящимъ римское Юстиніаново право, съ такъ-называемыми Василиками (τὰ Βασιλικά). Леунклавій впервые издалъ по рукописи, найденной въ Тарентѣ, Еклогу или Синописисъ (обозрѣніе) шестидесяти книгъ Василикъ²⁾, и это изданіе до сихъ поръ остается единственнымъ. Только латинскій переводъ нѣсколькихъ книгъ Василикъ былъ обнародованъ раньше французомъ Herget³⁾. Преждевременная смерть помѣшала Леунклавію издать самому всѣ сокровища, имъ собранныя. Въ 1596 году послѣ его кончины, вышелъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, подъ редакцію Фрегера (Freyer) посмертный сборникъ Леунклавія, извѣстный подъ названіемъ „Jus Graecoromanum“⁴⁾, гдѣ собрано много важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ церковнаго и гражданскаго права: Арменопула Сокращеніе церковныхъ канонѣвъ, новеллы императорѣвъ о дѣлахъ и привилегіяхъ церковныхъ, синодальныя постановленія Константинопольскаго патріархата, отвѣты и посланія по разнымъ вопросамъ каноническаго права другихъ іерарховъ; отвѣты по разнымъ вопросамъ каноническимъ Валсамона, Матвѣя Властара вопросы о брачныхъ дѣлахъ, небольшое сочиненіе Арменопула о Сектахъ или ересьяхъ; Си-

¹⁾ Juris orientalis libri tres ab E. Bonifedio digesti et notis illustr. Gr. et lat. excud. H. Stephanus. 1573.

²⁾ LX librorum Βασιλικῶν i. e. universi juris romani graecam in linguam traducti Ecloga sive Synopsis, nunc edita per Leunclavium. Gr. et lat. Basileae. 1575.

³⁾ Libri VIII Βασιλικῶν διατάξεων—Herreto interprete. Lutetiae Paris. 1557.

⁴⁾ Juris graecoromani tam canonici quam civilis tt. II. Jo. Leunclavii studio ex varis bibliothecis eruti latineque redditi, nunc primum editi cura Freyeri Pref. 1596.

попися Михаилъ Атталіаты, Еклога Льва и Константина, повеллы позднѣйшихъ императоровъ, юридическій трактатъ Евстаѳіа Римлянина, законы военные, земледѣльческіе, морскіе. Сверхъ того, Леунклавію принадлежитъ та заслуга, что онъ впервые ознакомилъ ученый міръ съ весьма важнымъ историкомъ послѣднихъ столѣтій Римской исторіи, грекомъ Зосимомъ, котораго онъ издалъ въ латинскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Прокопіемъ, Агаѳіемъ и др. (въ Базелѣ въ 1576 году). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, трудъ Зосима появился и въ подлинникѣ, изданный Генрихомъ Стефаномъ (1581 г. и снова въ 1611 г.), впрочемъ не въ полномъ видѣ, а только первыя двѣ книги изъ шести, и это кажется отчасти страннымъ, потому что, какъ видно изъ одного письма Леунклавіи къ Стефану, не только переводъ, но и списокъ подлинника былъ сообщенъ первымъ въ Женеву по адресу Стефана (см. Praefatio Рейтмейера въ новыхъ изданіяхъ Зосима). Полный греческій текстъ Зосима появился только въ 1590 году, изданный Зильбургомъ на основаніи списковъ Леунклавіева и Палатинскаго, которыми и пользовались до появленія изданія Рейтмейера (въ 1783 г.): исключенный изъ Парижскаго собранія, Зосимъ вновь появился въ Боннскомъ, мало измѣнившись послѣ рецензіи Е. Беккера. Возвращаясь къ Леунклавію, мы должны отмѣтить еще два его переводныя изданія второстепенныхъ византійскихъ хроникъ—Михаила Глики и Константина Манасси, жившихъ въ XII вѣкѣ и ничего самостоятельнаго не имѣющихъ: послѣдній, впрочемъ, гораздо обширнѣе и замѣчательнѣе какъ по своей стихотворной формѣ, такъ и по вниманію къ нему позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ: слѣды его есть и въ русскихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Интересна повѣсть или реляція о посольствѣ императора Мануила Комнина къ армянамъ, открытая и изданная Леунклавіемъ по гречески съ латинскимъ переводомъ (перепечатана въ Патрологіи Мидля), а также наставленіе императора Мануила Палеолога къ сыну Іоанну о царскомъ воспитаніи ¹⁾. Остается еще цѣлый рядъ трудовъ по турецкой исторіи, которыхъ мы не перечисляемъ.

Ученикъ Іеронима Вольфа, ректоръ гимназій и бібліотекаръ въ Аугсбургѣ, Давидъ Гешель (Hoeschel), или, какъ онъ именуется на греческой маперѣ, Ескелій, состоявшій въ перепискѣ и дружескихъ сношеніяхъ съ грекомъ Маргуліемъ, епископомъ острова Черіго

¹⁾ Legatio imperatoris Manuella Comneni ad Armenios gr. et lat. Basil. 1578.—Manuella Paleologi imperatoris praecepta educationis regiae. Basil. 1578.

(Цитеры), проживавшимъ большею частію въ Венеціи, при солѣйствіи этого послѣдняго, въ 1601 году, издалъ словарь писателей (*Μοριόβιβλος*) или Библіотеку патріарха Фотія и собраніе его писемъ. Въ первомъ сочиненіи патріархъ даетъ отчетъ о книгахъ, которыя онъ прочелъ, сообщаетъ характеристики авторовъ, дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія: замѣтки его тѣмъ болѣе важны, что многіе писатели съ тѣхъ поръ пропали и извѣстны намъ только по сообщеніямъ Миріозивлія. Самъ князь тогдашнихъ филологовъ и величайшій филологъ всѣхъ временъ, Юстъ Скалигеръ, просматривалъ корректурные листы изданія ¹⁾. Объ историческомъ значеніи писемъ Фотія нѣтъ нужды и говорить; довольно припомнить, что въ одномъ изъ посланій упоминается о крещеніи Руси. Въ настоящее время мы, конечно, имѣемъ лучшія изданія того и другаго сборника, для писемъ—изданіе Валетти (*Valetta*). Тотъ же самый Гешель издалъ въ подлинникѣ исторіи Проконія о войнахъ, чего до сихъ поръ не было сдѣлано, и повторилъ изданіе греческаго текста вышеупомянутаго трактата Проконіева О постройкахъ Юстиніана (*De aedificiis*). Какъ извѣстно, большія сочиненія Проконія были переведены или, по выраженію Гиббона, изуродованы (*mutilated*) на латинскій языкъ Христофоромъ Персоною и Рафаиломъ Волатерраномъ, которые даже не заглядывали въ подлежащія рукописи Ватиканской бібліотеки, гдѣ они были префектами. Изданіе Гешеля для своего времени было большимъ прогрессомъ; послѣ Проконія опять постигла ялая доля (при Парижскомъ изданіи). Кромѣ того, заслугу Гешеля составляетъ первое изданіе Алексіады, то-есть, дѣяній императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), описанныхъ его дочерью, знаменитою Анною Компиною. Существованіе этого сочиненія было извѣстно еще Іерониму Вольфу, который на него указывалъ въ предисловіи къ своему Зонарѣ, объясняя, на сколько скуднымъ и краткимъ представляется разказъ этого хронографа въ сравненіи съ спеціальными историческими сочиненіями. Гешель издалъ въ 1510 г. интересное твореніе греческой царевны по одному только списку, XV вѣка, который нашелъ въ Аугсбургской бібліотекѣ и который теперь находится въ Мюнхенской; но этотъ списокъ представляетъ не полный трудъ Анны, а сокращеніе его (*epitome*), сдѣланное, какъ доказываютъ новѣйшіе рецензенты текста Алексіады, очень рано, еще при жизни

¹⁾ *Bernays, Joseph Justus Scaliger. Berlin. 1855, pag. 188.* Скалигеръ содѣйствовалъ также изданію Проконія

Анны. Особенно сокращена вторая половина; въ восьмую книгу, которая здѣсь приходится послѣднею, заключено все, что въ полной редакціи составляетъ текстъ отъ седьмой книги до четырнадцатой. По видимому, рукопись была писана труднымъ и неразборчивымъ почеркомъ, такъ что Гешель много не понималъ и дѣлалъ пропуски.— Послѣ издавали Анну по Флорентійскому и Коаленеву спискамъ—въ гораздо болѣе исправномъ видѣ.

Около того же времени появилось въ Женевѣ изданіе Халкондила уже въ подлинникѣ, а іезуитъ Радеръ, уроженецъ Тироля, умершій въ Мюнхенѣ, извѣстный своимъ изданіемъ Марціала (въ Ингольштадтѣ, 1662 г.), напечаталъ Паскальскую или Александрійскую хронику, въ послѣдней своей части содержащую важныя подробности для царствованія Ираклія (начало VII вѣка) и даже подлинныя его посланія или релиціи о побѣдахъ во время борьбы съ ново-персами; остовъ хроники составляетъ собственно росписание годовъ отъ сотворенія міра съ обозначеніемъ различныхъ эпохъ и по различнымъ эрамъ, и къ этому уже прибавлены замѣтки о событіяхъ, извлеченныя изъ готовыхъ источниковъ и принимающія иногда довольно обширныя размѣры: въ нѣкоторомъ отношеніи Паскальская хроника, слѣдовательно, напоминаетъ нашу первоначальную лѣтопись, почему къ ней и обращаются при объясненіи состава послѣдней (такъ, между прочимъ, сдѣлано въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова). Ясное дѣло, что Паскальская хроника представляетъ первостепенный интересъ для научнаго изученія хронологіи, чѣмъ стали заниматься съ большимъ усердіемъ со времени появленія знаменитыхъ трудовъ Скалигера, который собственно и обратилъ вниманіе на это сочиненіе и другіе сродные ему византійскіе памятники. Мы разумѣемъ при семъ не столько общее, болѣе теоретическое произведеніе Скалигера—*De emendatione temporum*, имѣвшее уже при его жизни два изданія (1583 и 1598 годовъ), хотя уже и въ немъ есть указанія на византійскихъ писателей, но преимущественно большой историческій архивъ, свидѣтельствующій о необъятной учености и необыкновенной критической проницательности составителя, такъ называемый *Thesaurus temporum*, явившійся въ 1606 году. Изучая хронологическій канонъ Евсевія въ его переводахъ и сохранившихся отрывкахъ, Скалигеръ напалъ на слѣдъ заимствованій, сдѣланныхъ отсюда византійскимъ писателемъ, Георгіемъ Синкелломъ, и первый указалъ его важное значеніе для древней исторіи. Кромѣ того, Скалигеръ не мало здѣсь пользовался Кедринотъ, перепечаталъ хроно-

графію патріарха Никифора, а главное — сообщалъ извлеченія изъ Пасхальной хроники по копіи, полученной отъ Казобона, съ рукописи, принадлежавшей нѣкогда Гешелю. Такая честь, оказанная византійцамъ великимъ французскимъ филологомъ, должна была сообщить имъ новую привлекательность въ глазахъ ученыхъ, что и сказалося какъ въ занятіяхъ Радера, такъ и въ дальнѣйшемъ движеніи византійскихъ занятій. Иезуиты, которые были тогда вождями католической реакціи, съ завистью смотрѣли на ученое торжество своихъ противниковъ въ лицѣ Скалигера и его голландскихъ послѣдователей; они поняли, что для господства надъ умами имъ необходимо имѣть первенство и преобладаніе въ сферѣ собственно научной дѣятельности, они старались привлекать къ себѣ способныхъ и даровитыхъ юношей, направляли ихъ на изученіе древнихъ языковъ, особенно греческаго, который съ конца XVI вѣка очень хорошо былъ поставленъ въ ихъ школахъ, по крайней мѣрѣ во Франціи и Германіи, поощряли ихъ къ ученымъ трудамъ, доставляли имъ всякія средства и досугъ, что при громадныхъ средствахъ ордена было не трудно дѣлать. Этимъ отчасти объясняется такое множество иезуитовъ на всѣхъ поприщахъ ученой дѣятельности въ XVII вѣкѣ, а между прочимъ и въ области византійскаго изученія. Кромѣ Радера, къ иезуитамъ принадлежали Гретсеръ (Gretser), Понтанъ и Пето или Петавій. Наиболѣе важенъ для насъ послѣдній. Діонисій Петавій (Denis Petau 1583—1652 гг.) былъ сынъ французскаго купца и еще въ школѣ изучилъ греческій языкъ на столько, что могъ защищать свои тезисы на первую ученую степень на этомъ самомъ языкѣ, при чемъ оказалось, что онъ превосходилъ въ знаніи его профессоровъ Сорбонны; съ юности онъ не зналъ другаго высшаго удовольствія какъ сличеніе рукописей въ королевской бібліотекѣ въ Парижѣ; ученый Казобонъ угадалъ его призваніе и поручилъ ему приготовить изданіе сочиненій Синезія (писателя времени Θεодосія Великаго и его сыновей); поступивъ въ орденъ иезуитовъ, Пето сдѣлался его славой и опорой, но всѣхъ своихъ трудахъ обнаруживая громадную ученость, а также остроуміе и вкусъ, но запальчиво и ожесточенно преслѣдуя протестантскихъ ученыхъ. Вслѣдъ за Скалигеромъ и отчасти съ намѣреніемъ подорвать его авторитетъ, онъ занимался хронологіей; въ этой области классическое значеніе имѣетъ его трудъ *De doctrina temporum* (1627 г.), а также *Uranologia* (1630 г.), въ которыхъ идетъ рѣчь и о христіанскихъ системахъ лѣтосчисленія. Еще ранѣе

того онъ издалъ текстъ весьма цѣнной византійской исторіи патріарха Никифора (жилъ въ VIII вѣкѣ), въ которой описываются событія отъ смерти Маврикія до Константина Копронима (602 г.—770 г.) и которая носитъ названіе Исторіи сокращенной, *Ἱστορία σύντομος*, или Брeвiаріа историческаго въ отличіе отъ другаго труда, еще болѣе краткаго и представляющаго простой списокъ царей и патріарховъ: *χρονολογία σύντομος* — „лѣтописецъ вскорѣ“ славянскихъ переводовъ. ¹⁾ Петавій напечаталъ сочиненіе патріарха Никифора по копіи, которая недавно была сдѣлана въ Римѣ съ одного списка Сирмондомъ и которая, по его собственному признанію, изобиловала всяческими несправностями; оставляя въ текстѣ многое безъ измѣненія, Петавій дѣлалъ удачныя поправки въ примѣчаніяхъ; сверхъ того, въ видѣ приложенія здѣсь были помѣщены отрывки изъ Теофана, Никифора Григоры, Пахимера. Тридцать лѣтъ спустя изданіе было повторено въ общемъ парижскомъ изданіи византійцевъ. Что касается Хронографіи Никифора, то она уже была напечатана два раза — въ Базелѣ въ 1561 году Камераріемъ и Скалигеромъ въ его *Thesaurus temporum* (1606 г.). Иезуитъ Гретсеръ, профессоръ въ Ингольштадтѣ, главнымъ очагѣ католической реакціи предъ Тридцатилѣтнею войною, отличавшійся громадною ученостію, но также рѣзкостью и грубостью своей полемики противъ протестантовъ ²⁾, оставилъ массу трудовъ, но изъ нихъ для насъ имѣетъ значеніе только его большой трактатъ „De Sancta Cruce“, въ которомъ приложены многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи Крестнаго древа: помимо апокрифическихъ, между ними есть и чисто историческія, представляющія подлинникъ къ славянскимъ повѣстямъ, перепечатаннымъ теперь въ Макарьевской Минееѣ за сентябрь мѣсяцъ. Гретсеръ занимался также переводами греческихъ отцовъ церкви на латинскій языкъ; изъ византійцевъ обратилъ на себя его вниманіе Кодинъ (*de officiis et officialibus magnae ecclesiae*) и отрывки не сохранившейся позднѣйшей хроники Ипполита Оувейскаго,

¹⁾ *Nicephorī patriarchae, Ἱστορία σύντομος sive Breviarium historicum—et ceterum primum vulgatum ac latine redditum op. D. Petavii cum ejusdem notis chronologicis.*—Paris. 1616.

²⁾ Впрочемъ даже его смиреніе проявлялось въ непривлекательной формѣ, если встрѣилъ анекдотъ о томъ, какъ онъ жителямъ роднаго города, желавшимъ имѣть его портретъ въ ратушѣ, посоветовалъ взять и нарисовать ослиную голову.

переданные тоже въ переводѣ. Яковъ Понтанъ (собственно Spammüller изъ Brücke въ Чехіи, откуда и его прозваніе († 1626 г.) известенъ въ исторіи педагогій какъ авторъ многихъ учебниковъ, долго употреблявшихся во всѣхъ школахъ Европы, а въ исторіи византійскихъ занятій — переводомъ на латинскій языкъ Исторіи Іоанна Клинтакузина, а также сочиненія Георгія Франдзи, и разныхъ богословскихъ статей и трактатовъ какъ древнихъ учителей церкви, такъ и позднѣйшихъ — патриарха Филофея, Симеона Младшаго, сверхъ того, новымъ изданіемъ произведенія Симокатты.

Къ другой школѣ принадлежалъ Іоаннъ Меурсій (de Moers 1599—1639 гг.), профессоръ въ Лейденскомъ университетѣ сначала по исторіи, а потомъ по каедрѣ греческаго языка, которую онъ занималъ съ великимъ отличіемъ (съ 1610 года), достигшій званія исторіографа повообразованной республики соединенныхъ Нидерландскихъ штатовъ, воспитатель дѣтей, приверженецъ и другъ знаменитаго Барнефельда. Послѣ казни послѣдняго, подвергаясь преслѣдованіямъ противной партіи, оскорбляемый въ самой своей аудиторіи, онъ вынужденъ былъ принять предложеніе датскаго короля, предложившаго ему каедру исторіи въ академіи въ Согое, и кончилъ свою жизнь въ Дани, сдѣлавъ многое и для исторіи Скандинавскаго сѣвера. Его труды по римскимъ и греческимъ древностямъ должны быть известны классикамъ; насъ интересуютъ его изданія, относящіяся къ византійской исторіографіи. Меурсій напечаталъ Тактику Льва Мудраго, царствовавшего въ началѣ X вѣка, гдѣ даются указанія, какъ устроить и обучать войско, какъ сражаться съ разнаго рода непріятелями, примѣнительно къ ихъ военнымъ привычкамъ, описывается характеръ тогдашнихъ враговъ Византіи, печенѣговъ, болгаръ, мадьяръ; впрочемъ Левъ Мудрый много заимствовалъ изъ такого же сочиненія, приписываемаго императору Маврикію. Послѣднее еще болѣе важное по своимъ извѣстіямъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ и антовъ было издано въ Упсалѣ Шефферомъ въ 1664 году. Существуетъ редакція Тактики, приписываемая Константину Багрянородному: она также была напечатана Меурсіемъ. Переведенная Леуниклавіемъ хроника Манасси была напечатана Меурсіемъ въ греческомъ подлинникѣ съ сохраненіемъ готоваго перевода, (Lugduni Batavor. 1616). Онъ же въ первый разъ издалъ письма Теофилакта, архіепископа болгарскаго — въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, заключающія въ себѣ чрезвычайно важныя данныя для внутренней исторіи Византіи въ этотъ періодъ: послѣ собраніе было дополнено Лами, изда-

телемъ полного собранія сочиненій Меурсія (Meursii opera ed. Lam1), вышедшаго во Флоренціи въ 12 томахъ (1741 — 1763 г.). Меурсій занимался также Кодиномъ, и однимъ изъ первыхъ его трудовъ были составленныя имъ примѣчанія къ константинопольскимъ древностямъ этого писателя (вышли въ Орлеанѣ, въ 1607 году). Церковная литература обязана ему появленіемъ въ печати одного важнѣйшаго произведенія изъ разряда материковъ, то-есть, собранія краткихъ поучительныхъ повѣствованій о святыхъ пустынноикахъ и отшельникахъ, вообще о монашествующихъ; разумѣемъ Лавсанікъ Палладія (перепечатано въ Патрологіи Мина). Въ то время издано было столько византійскихъ памятниковъ, что ощущалась необходимость какого-нибудь пособия для легчайшаго ихъ пониманія. Для классическаго языка существовалъ словарь Генриха Стефана (Thesaurus graecae linguae), но онъ оказывался недостаточнымъ для уразумѣнія собственно средневѣковаго греческаго языка, особенно для объясненія техническихъ словъ и реченій, какия затрудняли, на-примѣръ, Ксиландра. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ Меурсій издалъ еще въ 1599 году Glossarium graeco-barbarum, словарь не филологическій, а скорѣе реальный, объясняющій преимущественно юридическіе термины византійской эпохи. Не много позже Карлъ Лаббэ (Labbé) составилъ свой словарь юридическихъ византійскихъ выраженій, а Николай Риго (Rigault)—военныхъ ¹⁾. Изъ голландскихъ ученыхъ нужно упомянуть еще Теодора Дузу (Douza), который въ первый разъ напечаталъ греческій, хотя и неполный текстъ Георгія Акрополиты, историка періода, послѣдовавшаго за латинскимъ завоеваніемъ до Михаила Палеолога (отъ 1204 г. до 1261 г.).

Не мало услугъ оказали византійской исторіи и пріобрѣли большую славу два грека, жившіе въ Римѣ: Николай Алеманнъ и Левъ Алляцій. Алеманнъ, отецъ котораго былъ грекъ съ острова Андроса, родился уже въ Италіи (въ Анконѣ) и девяти лѣтъ (въ 1592 году, а родился въ 1583 г.) былъ отправленъ въ Римъ для обученія, гдѣ и поступилъ въ основанную папою Григоріемъ XIII греческую школу (collegium Athanasianum, collegium graecum), предназначенную именно для приготовленія въ средѣ природныхъ грековъ дѣятелей

¹⁾ *Rigaultii Glossarium tacticòv μισοβάρβαρον*. De verborum significatione quae ad novellas imp. qui in oriente post Iustinianum regnaverunt de re militari constitutt. pertinent. Lutetiae. 1601. Въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета находится экземпляръ, подаренный Риго самимъ Меурсію.

католической или униатской пропаганды. Алеманнъ съ успѣхомъ занимался науками, особенно греческимъ и латинскимъ языками; ранѣе предназначивъ себя къ духовному званію, онъ былъ посвященъ въ иподиаконы по греческому обряду, но вѣтъмъ, говорятъ биографы, — прямо перешелъ въ католичество; потомъ самъ былъ преподавателемъ въ коллегіи по кафедрѣ греческаго языка и риторики, оставивъ послѣ себя въ этомъ отношеніи хорошую память, такъ что школа долго сохраняла его портретъ. Учениками Алеманна были Алляцій, Францискъ Аркудій, извѣстный потомъ своею дѣятельностью по укрѣпленію униі въ Литовской Руси, куда онъ два раза былъ посланъ изъ Рима, а также Сципіонъ Кобелутти. Послѣдній, получивъ вліятельное мѣсто при папѣ, доставилъ учителю мѣсто секретаря у кардинала Боргези. Въ 1614 году Алеманнъ былъ назначенъ книгохранителемъ (custos) въ Ватиканской библіотекѣ, мѣсто хотя второстепенное, но почетное; главными библіотекарями (bibliothecarius) бывали здѣсь обыкновенно высшіе сановники церкви, кардиналы, между прочимъ послѣ Бароніа самъ Кобелутти. Усердно занимаясь греческими рукописями, Алеманнъ издавалъ мало, но ему посчастливилось сдѣлать одну важную находку, которая и обезсмертила его имя. Онъ первый открылъ и издалъ съ критическими и историческими примѣчаніями 'Авѣхдота Проконія, сочиненіе по самому характеру своему способное надѣлать много шума, помимо неожиданности появленія ¹⁾. Дѣло въ томъ, что это произведеніе Проконія находилось въ видимомъ противорѣчій съ тогда уже извѣстными другими сочиненіями того же автора. Между тѣмъ какъ Проконій раньше прославлялъ Юстиніана за его побѣдоносныя войны, Вандальскую и Готскую и, казалось, представлялъ его образцовымъ и великимъ государемъ, онъ теперь изображалъ его злымъ тираномъ и человѣконенавистникомъ, который самыя войны велъ не ради славы или завоеванія, а просто ради опустошенія цвѣтущихъ странъ и ради истребленія людей; кровопійцею,

¹⁾ Оно появилось подъ такимъ заглавіемъ:

Procopii Caesariensis V. J. 'Avēxδota.

Arcana Historia.

Qui est liber nonus Historiarum.

Ex bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, latine reddidit, notis illustravit.

Nunc primum in lucem prodit tripliei indice locupletata.

Lugduni sumptibus Andreae Bruglotii bibliopolae Romani. МСХХХІІІ.

Это изданіе есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

который налагалъ на своихъ подданныхъ непомерныя подати изъ одной жадности къ деньгамъ, просто изъ злобной ненависти къ римлянамъ и грекамъ, да изъ пристрастія къ варварамъ, осыпаемымъ безъ нужды подарками; который нарочно назначалъ министрами не знающихъ состраданія взяточниковъ, чтобы дѣлиться съ ними добычею, наконецъ—изображалъ не только вампиромъ, высасывающимъ послѣднюю кровь изъ народа, но и буквально демономъ въ образѣ челоувѣческомъ, котораго, впрочемъ, благочестивые люди видали воссѣдающимъ на тронѣ въ настоящемъ его видѣ, то-есть, въ видѣ дьявола. Жену Юстиніана, императрицу Теодору, которая прежде выставлена была женщиною героическою (въ разказѣ о возстаніи Ника), теперь Прокопій изображалъ въ самомъ ненавистномъ и позорномъ видѣ, разказывалъ грязныя исторіи изъ тѣхъ временъ, когда она была мимическою актрисой, и будто бы являлась предъ зрителями въ циркѣ въ крайне соблазнительныхъ сценахъ. Вообще *'Avéxδота* или, какъ перевелъ Алеманнъ заглавіе по латини, *Historia arcana*, представляла нѣчто въ родѣ скандальной хроники императорскаго двора. Алеманпъ обрадовался не только своей находкѣ, но и самому содержанию сочиненія; развѣнчаніе императора Юстиніана, а тѣмъ болѣе Теодоры, могло только послужить къ возвеличенію папскаго престола. Въ своемъ предисловіи, которое начинается посвященіемъ изданія кардиналу Лудовизи, Алеманпъ развивалъ такую мысль, что слава Юстиніана вообще была подозрительна, такъ какъ онъ позволялъ себѣ вмѣшательство въ духовныя дѣла, предписывалъ церкви свои уставы, касался даже догматическаго ученія, а главное непочтительно обращался съ Римскими первосвященниками, какъ будто совсѣмъ не признавая ихъ главенства, даже, по внушенію своей жены, нечестивой Теодоры, подвергая ихъ гоненіямъ, ссылкѣ, истязаніямъ; дурпой католикъ не могъ быть хорошимъ челоувѣкомъ и достойнымъ правителемъ. Объ этомъ-де догадывался покойный кардиналъ Вароній авторъ недавно появившихся знаменитыхъ „Церковныхъ лѣтописей“ (*Annales ecclesiastici*: о значеніи ихъ для Византійской исторіи будетъ сказано ниже); изъ упоминаній Свиды и патріарха Никифора Ксаннопула (о сочиненіи послѣдняго было сказано выше) Вароній зналъ о томъ, что существовало нѣкогда сочиненіе Прокопія съ вышеозначеннымъ многообѣщающимъ заглавіемъ, и какъ будто предчувствовалъ, что отсюда онъ могъ бы узнать пастоящую и прямую правду о нравственныхъ качествахъ и о правительственныхъ способностяхъ этого государя и о препрославленномъ его благочестіи, сомнительный характеръ кото-

раго не могъ ускользнуть отъ вниманія проникательнаго изслѣдователя. Что касается Θεодоры, то онъ уже и безъ того сравнивалъ ее съ Давиломъ Самсона, называлъ Иродіадою, жаждущею крови праведниковъ, и т. д. Теперь все разъясняется, христіанскій міръ не будетъ болѣе смущаться предъ небывалою аномаліей; остается только оплакивать судьбу Юстиніана, который, уклонившись отъ праваго пути, преткнулся о камень и уготовалъ себѣ погибель. Я увѣренъ, замѣчаетъ Алеманнъ,—что Бароній радъ былъ бы появленію этой книги, о потерѣ которой онъ сожалѣлъ,—хотя, прибавимъ, она, по историческому замѣчанію Гиббона, хранилась подъ его собственной охраной (custody) въ Ватиканской библіотекѣ. Въ особомъ изложеніи собственнаго взгляда на Прокопія и его Тайную исторію (de Procopio et arcana ejus historia judicium), Алеманнъ высказываетъ предположеніе, что издаваемое имъ сочиненіе особенно не понравится юристамъ, которые привыкли преклоняться предъ именемъ Юстиніана, какъ законодателя, предъ Юстиніановымъ кодексомъ и пандектами; ожидаемыя ихъ возраженія издатель уже заранѣе старался обезоружить указаніемъ на то, что и въ исторіяхъ о войнѣ персидской и готской встрѣчаются болѣе или менѣе открытыя порицанія Юстиніанова правительства, что упреки тамъ высказываемыя иногда (будто бы) даже тяжелѣе, чѣмъ въ секретной исторіи; онъ ссылается также на свидѣтельства другихъ близкихъ и современныхъ источниковъ, такъ или иначе — отрывочно, косвенно, иногда даже прямо подтверждающихъ показанія Тайной Исторіи. Ожиданія Алеманна оправдались; Юстиніанъ нашелъ себѣ горячихъ защитниковъ и особенно среди юристовъ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ нѣкто Триворъ (Trivorius), историографъ Французскаго короля Людовика XIII. Онъ объяснялъ дѣло такъ, что Прокопій, будучи тайнымъ язычникомъ, всегда питалъ въ душѣ ненависть къ христіаннѣйшему государю, защитнику вѣру и церкви, гонителю еретиковъ (аріанъ), Юстиніану, но сначала сдерживалъ свои чувства, хотя уже и въ исторіяхъ позволялъ себѣ нѣкоторыя неодобрительныя выходы противъ правительства; когда же императоръ, справедливо раздраженный—съ одной стороны, слѣдами измѣчества въ сочиненіяхъ Прокопія, а съ другой—его неблагонамѣренными отзывами объ администраціи, сталъ оказывать ему прямую немилость, не давая ему повышенія, исключая отъ высшихъ государственныхъ должностей, то оскорбленное самолюбіе талантливаго писателя и честолюбиваго чиновника—выразилось сочиненіемъ ялостнаго памфлета. За довольно

поверхностнымъ сочиненіемъ французскаго историографа, явившемся въ 1631 году, послѣдовали другія болѣе серьезныя. Профессоръ правъ въ Гельмштедтѣ, Ейхель, перепечаталъ (въ 1654 г.) текстъ Тайной исторіи съ латинскимъ переводомъ Алеманна, прибавивъ отъ себя обширное введеніе и критическій комментарий въ концѣ; то и другое было направлено къ обличенію ея лживости на основаніи свидѣтельствъ другихъ современниковъ¹⁾; сверхъ того Ейхель, переработалъ и одновременно издалъ „Защиту Юстиніана противъ Алеманна“, написанную англійскимъ королевскимъ адвокатомъ, Ривомъ (Rivius). Ейхель и Ривъ нападали прежде всего на Алеманна а затѣмъ уже и на Проконія. По ихъ мнѣнію, такого злостнаго произведенія не слѣдовало даже издавать, тѣмъ болѣе что и самъ авторъ, можетъ быть, не имѣлъ въ виду его публичнаго распространенія. Измѣнивъ недавно греческой церкви переходомъ въ католичество, Алеманнъ хотѣлъ изданіемъ этого темнаго произведенія подслужиться своему новому владыкѣ, то-есть, папѣ; онъ хотѣлъ подорвать славу императора, въ которомъ чудовищное и безмѣрное честолюбіе нидѣшнихъ римскихъ первосвященниковъ видитъ себѣ противника. Въ лицѣ Юстиніана оба юриста, исповѣдывавшіе къ тому же протестантство, думаютъ защищать общее дѣло всѣхъ князей и государей, права свѣтской власти противу притязаній церковной, въ особенности же права государства на верховный надзоръ и руководство въ дѣлахъ церковныхъ, то-есть, въ сущности протестантскій принципъ, провозгласившій *jus circa sacra* территоріальныхъ князей Германіи; они говорятъ также о международномъ правѣ, охраняющемъ неприкосновенность доброй славы умершихъ государей. Что касается достовѣрности автора, то это былъ либо атеистъ, либо язычникъ, только лицемѣрно притворавшійся христіаниномъ; свидѣтельства его не имѣютъ никакой юридической цѣны, потому что они не могли бы быть подтверждены присягою, которой онъ, вѣроятно, не признавалъ и къ которой самый законъ не допускалъ язычниковъ; притомъ этотъ свидѣтель часто противорѣчитъ самому себѣ, а тѣмъ болѣе показаніямъ

¹⁾ 'Αρχὴδοτα seu historia arcana Procopii caesariensis Nicolao Alemanno defensore primum ex bibliotheca vaticana prolata nunc plerisque in locis συγγραμμάτων testimonіи falsitatis convicta a Joanno Eichelio, prof. Helmst. Helmstadii. 1654. Imperatoris Iustiniani defensio adversus Alemannum autore Thoma Rivio, regis Angliae advocato—curante Eichelio. Оба сочиненія, переплетенныя въ одинъ томъ, находятся въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета. Подробное обозрѣніе всей литературы по поводу 'Αρχὴδοτα находится въ книгѣ Дана о Проконіѣ.

другихъ свидѣтелей. Наиболѣе серьезная часть опроверженія заключается именно въ разборѣ отдѣльныхъ пунктовъ и въ сличеніи Тайной исторіи съ другими сочиненіями какъ самого Прокопія, такъ и прочихъ современныхъ писателей. Не трудно было доказать, что многое изъ того, что сообщается въ Агсапа, просто не возможно (происхожденіе Юстиніана отъ демоновъ), другое опровергается общимъ свидѣтельствомъ современниковъ (убійство Амалавунты Феодоромъ, необразованность, ограниченность и безграмотность Юстиніана), иное должно быть отнесено къ виновности не самого правителя и государя, а его исполнителей и чиновниковъ, иное даже, вопреки злостному порицателю, можетъ быть объяснено въ хорошемъ смыслѣ и поставлено въ похвалу (вмѣшательство въ дѣла церковныя, самое преслѣдованіе еретиковъ, свупость, а лучше—бережливость императора) и т. д. Только мимоходомъ Ейхель остановился на предположеніи, что, быть можетъ, Тайная исторія есть не подлинное сочиненіе, а подложное, подложное не въ томъ смыслѣ, чтобы оно было сочинено самимъ Алеманномъ; этому препятствовали какъ упоминанія объ Агсапа у Сввды и Никифора Каллиста, такъ и указанія Алеманна на рукописи. Алеманнъ издавалъ открытое имъ произведеніе по двумъ манускриптамъ Ватиканской бібліотеки, изъ коихъ впрочемъ одинъ былъ производнымъ отъ другаго; сверхъ того, онъ зналъ о существованіи еще двухъ рукописей: одна была приобретена въ Константинополь для Лаврентія Великолѣпнаго и Катериною Медичи унесена была во Францію, гдѣ и пропала безъ вѣсти, а другая, принадлежавшая Пинелли, утонула въ морѣ вслѣдствіе кораблекрушенія на пути въ Неаполь¹⁾. Можно было усумниться только въ принадлежности сочиненія Прокопію, и эта тема была выставлена впоследствии съ гораздо большею рѣшительностію, не смотря на авторитетъ Гиббона, вообще защищавшаго какъ подлинность, такъ и достовѣрность Тайной исторіи. Мармонтель въ предисловіи къ своему „Велизарію“ прямо провозгласилъ, что это безобразное собраніе грубыхъ выходовъ и осязательной лжи не можетъ принадлежать Прокопію, а какому-нибудь декламатору столько же не искусному, сколько злобному. Оспаривали въ этомъ смыслѣ подлинность и новѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи, какъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что впоследствии для парижскаго изданія послужили другія рукописи, изъ коихъ одна оказалась въ бібліотекѣ канцлера Сегье, а вторая была найдена въ Миланѣ.

Рейнкенсъ ¹⁾). Долго длившійся процессъ казался совершенно погрѣшеннымъ послѣ капитальной книги профессора Дана (Dahn): Procopius von Caesarea (Berlin. 1865); но вотъ мы видимъ, что не кто-либо другой меньшій, а самъ великій учитель новѣйшей критической школы въ Германіи, Леопольдъ Ранке, считалъ невѣроятнымъ, чтобы въ пресловутомъ произведеніи, впервые обнародованномъ Алеманномъ, все отъ начала до конца принадлежало Прокопію: онъ видитъ въ немъ компиляцію, въ коей лишь нѣкоторые отрывки могутъ вести свое происхожденіе отъ Прокопія, а другое заимствовано изъ явившагося послѣ смерти Юстиніана памфлета, выражавшаго взгляды пробудившейся оппозиціи минувшему царствованію, съ прибавленіемъ городскихъ сплетней, да яростныхъ и страстныхъ выходовъ, намѣренно прикрытыхъ именемъ и авторитетомъ Прокопія ²⁾). Самая фактическая внутренняя достовѣрность Тайной исторіи, которую Данъ весьма тщательно и подробно доказывалъ, за вычетомъ, конечно, внутреннихъ страстью преувеличеній, вновь подвергается сомнѣнію, и дѣлаются не совсѣмъ безнадежныя попытки возстановить репутацію императрицы Теодоры ³⁾.

Левъ Алліадій происходилъ изъ знатной фамиліи на островѣ Хіо, такъ что по матери могъ вести свою генеалогію отъ Иппократа Косскаго, родился въ 1586 году ⁴⁾. Его дядя и воспитатель самъ учился въ греческой коллегіи въ Римѣ и въ юности былъ отправленъ на островъ Хіо, для преподаванія греческаго языка въ новоучреждаемой іезуитской коллегіи. Когда онъ, послѣ успѣшной дѣятельности возвращался въ Римъ, то ему въ видѣ награды позволено было взять съ собою кого-нибудь изъ его земляковъ, для опредѣленія въ греческую коллегію Св. Аванасія. Онъ взялъ съ собою

¹⁾ Въ написанной по латини диссертациі 1858 года: *Anecdota sint—ne scripta a Procopio Caesariensi, inquiritur.*

²⁾ См. *Weltgeschichte* VI. 2. *Analekten*, pagg. 300—312.

³⁾ Имѣемъ въ виду латинскую диссертацию Дебидура, которую самъ авторъ недавно въ виду появленія драмы Сарду передавалъ въ книгу: *Debidour. L'impératrice Théodore*. Paris. 1885. См. также статью *Mallet'a* въ *The English Historical Review* 1887 (январь): *The empress Theodora*.

⁴⁾ Лучшая біографія Алліадія, написанная его близкимъ знакомымъ, Рагузинцемъ Гради челъ (Gradius), издана въ шестомъ томѣ *Novae Patrum bibliothecae* (Bohac. 1853),—къ сожалѣнію, она безъ конца; мы пользовались ею и можемъ замѣтить, что краткія свѣдѣнія въ книгахъ *Врето* и *Сасъ* (Νεοελληνική Φιλολογία—заглавіе той и другой) оказываются не во всемъ точными.

сына своей сестры, даровитаго, но крайне болѣзненнаго мальчика. Вслѣдствіе болѣзни и малолѣтства племянникъ былъ оставленъ на нѣкоторое время въ Калабрин, въ домѣ хорошихъ друзей его дяди, въ домѣ Пивелли, былъ даже усыновленъ въ этой фамиліи. Въ 1608 году Алляцій, наконецъ, прибылъ въ Римъ и поступилъ въ среду питомцевъ греческой коллегии, гдѣ въ числѣ его руководителей находились и Алеманнъ. Уже въ бытность свою ученикомъ коллегии, Алляцій много занимался перепискою рукописей, потому что отличался величайшею любознательностью, а прибрѣтать въ свою собственность манускриптовъ онъ не былъ въ состояніи по ихъ дороговизнѣ. Въ числѣ переписанныхъ имъ тогда сочиненій называютъ Филокалію Оригена, историческія сочиненія византійцевъ Константина Манасси и Георгія Акрополиты, а также Федора Анагносты, любовную исторію Евмавія Макремволиты и др. Окончивъ курсъ со степенью доктора философіи и теологіи, онъ еще три года оставался въ Италіи, именно въ Мессинѣ, при Бернарді Джустиніани, епископѣ, происходившемъ тоже съ острова Хіо изъ среды тамошней генуезской колоніи; не смотря на какое-то временное грѣховное увлеченіе, Алляцій и здѣсь все-таки оставался вѣрнымъ своему призванію и продолжалъ занятія греческою литературой. Затѣмъ Левъ пожелалъ посѣтить родину, гдѣ между тѣмъ умерли его родители, оставивъ ему богатое наслѣдство. Островъ Хіо находился подъ властью турокъ, сохраняя, впрочемъ, самоуправленіе и не испытывая особенной тяжести отъ мусульманскаго ига. Были, правда, нѣкоторыя непріятности у Алляція съ турецкими властями, подробно разказанныя его біографомъ, но онѣ не представляются важными; важнѣе были раздоры между самими христіанами, даже между католиками. Вслѣдствіе ссоры съ мѣстнымъ церковнымъ братствомъ (изъ среды старыхъ генуезскихъ поселенцевъ) епископъ (Маркъ Джустиніани), а съ нимъ и Левъ Алляцій, отправились въ Римъ; Алляцій велъ тяжбу католическаго прелата предъ Римскою куріей и подвергся нѣкоторымъ нареканіямъ за то, что будучи греко-унитомъ, служилъ какъ бы намѣстникомъ (викаріемъ) у римскаго католика. Между тѣмъ Алляцій обратилъ на себя вниманіе ученыхъ кардиналовъ Барберини и Кобелутти, прибрѣлъ степень доктора медицины послѣ приготовительныхъ занятій, продолжавшихся только нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ мѣсто при Ватиканской бібліотекѣ въ качествѣ кописта или переписчика греческихъ рукописей безъ жалованья, а потомъ и съ жалованьемъ; здѣсь онъ очутился подъ начальствомъ прежняго своего профессора, Николая Алеманна, ученѣйшаго между греками, которыхъ тогда

жило въ Римѣ не мало (Аркудій, Каріофиллъ и другіе). Нѣкоторое время и самъ Алліцій былъ преподавателемъ греческой словесности въ Аванасіевской коллегіи, но не ужился со своимъ землякомъ завистливымъ Каріофиломъ и вышелъ въ отставку, огорчивъ тѣмъ покровителя школы, кардинала Барберини, послѣ вошедшаго на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. Но пока папою былъ Григорій XV (Лудовизи), расположенный къ Кобелутти, и благодаря рекомендаціи послѣдняго, Алліцій получилъ чрезвычайно важное специальное порученіе. Шла тридцатилѣтняя война; въ Бѣлогорской битвѣ подѣ Прагою сокрушены были силы чешской народности и надежды призваннаго чехами короля Фридриха V Палатинскаго (Пфальцскаго); борьба была перенесена въ область рѣки Рейна, войска лиги подѣ начальствомъ Тилли взяли Гейдельбергъ, столицу курфюрста—палатина и бывшаго Чешскаго короля. Папа помогалъ лигѣ не только нравственно, но и деньгами, и въ вознагражденіе за это выговорилъ себѣ заранѣе право на сокровища Палатинской бібліотеки въ Гейдельбергѣ, славившейся своими греческими рукописями, собранными при прежнихъ курфюрстахъ, особенно поступившими отъ Фуггеровъ (см. ниже, въ отдѣлѣ о каталогахъ бібліотекъ). Такъ какъ вождь лиги, Максимилианъ Баварскій, изъявилъ готовность исполнить обѣщаніе, данное Римскому престолу, то еще Григорій XV ранѣе своей кончины могъ отправить довѣреннаго человѣка для принятія цѣнныхъ сокровищъ и для препровожденія ихъ въ Ватиканъ. Въ концѣ 1622 года Алліцій, рекомендованный, какъ сказано, покровительствующимъ ему кардиналомъ, отправился въ южную Германію и въ декабрѣ достигъ Гейдельберга; онъ хорошо былъ принятъ Тилли и успѣшно исполнилъ порученіе, такъ что тою же зимой на 50 фурахъ палатинскія рукописи и книги направлялись черезъ Альпы въ Италію. Однако, Алліцій не получилъ той награды, на которую расчитывалъ. Папа Григорій умеръ въ тотъ самый моментъ, когда Алліцій, опередившій обозъ, выѣхалъ ему опять на встрѣчу, а новый первосвященникъ, Урбанъ VIII, прежній кардиналъ Барберини, не былъ къ нему столь же расположенъ, тѣмъ болѣе, что еще не забылъ прежняго неудовольствія. Пользуясь этимъ, противъ ученаго грека возстали его враги и завистники, особенно извѣстный пѣмецкій филологъ, жившій тогда при папскомъ дворѣ, Шоппе (Scoppius); они обвиняли его въ утайкѣ книгъ и рукописей (напримѣръ, автографа Де-Ту); но эти обвиненія оказались злостною ложью: при помощи каталоговъ, составленныхъ Грутеромъ и въ послѣднее время Зильбургомъ, Алліцій имѣлъ возможность доказать, что все, чтѣ было тамъ

на лицо, имъ доставлено. Алліцій все-таки остался при Ватиканской библіотекѣ, въ которую поступила и Палатинская, составивъ ея особенное отдѣленіе; послѣ смерти Алеманна, онъ былъ сдѣланъ книгохранителемъ и, даже сверхъ того, начальникомъ Ватиканскаго архива, а послѣ достигъ почетнаго титула префекта библіотеки. Къ этому періоду относятся наиболѣе ревностныя его записія греческими рукописями. Его трудолюбіе было неизмѣнно, равно какъ и его привычки; по разказу, слышанному Мабильономъ въ Римѣ отъ людей, близко знавшихъ ученаго грека, въ продолженіе сорока лѣтъ Алліцій писалъ однимъ и тѣмъ же перомъ и едва не плакалъ, когда оно терялось. Онъ умеръ въ 1669 году. Въ длинномъ списокѣ приготовленныхъ Алліціемъ изданій важное мѣсто занимаютъ его полемическія сочиненія противъ лютеранъ и еще болѣе противъ православныхъ въ пользу уніи; особенно ревностно онъ защищалъ то положеніе, что сама Восточная церковь въ лицѣ своихъ великихъ древнихъ учителей, а равно и многихъ позднѣйшихъ богослововъ, всегда признавала главенство римскаго престола, и что даже послѣ Фотія и Керуларія истинное преданіе не было порвано, прежде чѣмъ оно было восстановлено на Флорентійскомъ соборѣ. Какъ извѣстно, этотъ тевисъ питомцами римскихъ школъ и ихъ послѣдователями прилагался и къ русской церкви, такъ что не только Владиміръ Святой и Ярославъ, но даже митрополитъ Московскій Алексѣй оказывались уніатами и папистами,—послѣдній потому, что получалъ посвященіе отъ патріарха, будто бы признававшаго главенство папы. Одно изъ сочиненій Алліція въ указанномъ направленіи носитъ слѣдующее характеристическое заглавіе „О постоянномъ согласіи Западной и Восточной церкви“¹⁾, другое „Православная Греція“, гдѣ по латыни и по гречески приводятся сочиненія, благопріятствующія латинамъ²⁾. Изъ богатаго запаса Ватиканскихъ архивовъ и библіотекъ Алліцій извлекалъ много до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ данныхъ о сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ, приводилъ новые документы, касающіеся сношеній Византійскихъ императоровъ

¹⁾ *De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione* lib. III. (Cum dissertatione de Dominicis et Hebdomadibus Graecorum et de missa praesantificatorum). Coloniae Agrippinae. 1648.

²⁾ *Graecia orthodoxa, in quo opere graeco et latine exhibentur latinis faventia scripta*. Romae 1652 (первый томъ) и 1659 (второй); третій томъ не выходилъ, хотя и былъ обѣщанъ.

и Константинопольскихъ патриарховъ съ Римскимъ престоломъ въ эпоху Комниновъ и послѣдующія; вслѣдствіе того эти изданія получили большую цѣнность для историка и до сихъ поръ не утратили таковой. Только немногимъ въ такой степени доступны были сокровища Ватикана, да и немного нашлось людей, способныхъ идти по слѣдамъ ученаго грека. Сочиненіе „О постоянномъ согласіи церкви“ было написано по порученію папы Урбана VIII, много заботившагося объ утвержденіи уніи, къ чему подавали поводъ и дѣла церковныя въ Литовской Руси; тѣмъ не менѣе въ началѣ приложено стихотвореніе, написанное еще въ 1642 году, въ честь новорожденнаго французскаго дофина (будущаго Людовика XIV), и отирающееся отъ темы не столько религіозной, сколько патриотической. Греція представляется одѣтою въ трауръ, она принадлежитъ къ новорожденному правцу, повѣствуетъ о своей прежней славѣ и проситъ о помощи противъ поработителей. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе „О восьмомъ соборѣ Фотіевомъ“¹⁾ и „О согласіи обѣихъ церквей въ ученіи о чистилицѣ“²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлый рядъ библиографическихъ трудовъ, касающихся отчасти древней греческой литературы, но и преимущественно христіанской и византійской. Любимый приемъ Аллациа заключался въ томъ, что онъ бралъ цѣлый рядъ писателей, посившихъ одно и то же имя (омонимы) и составлялъ объ нихъ изслѣдованіе, которое онъ обыкновенно называлъ діатрибою, размѣщая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, указывая данныя для ихъ біографіи, приводя свидѣтельства объ ихъ трудахъ изъ всевозможныхъ побочныхъ источниковъ, указывая изданія ихъ сочиненій, если таковыя появились въ печати, либо же рукописи, сохранившіяся въ римскихъ бібліотекахъ или въ какихъ другихъ, приводя иногда обширныя выписки изъ неизданнаго. Такія изслѣдованія помѣщались Аллациемъ въ видѣ приложенія къ изданіямъ памятниковъ средневѣковой греческой литературы, а также и отдѣльно. При изданіи одного сочиненія Меѳодія Патарскаго приложено было изслѣдованіе о Меѳодіяхъ³⁾; при изданіи Похвалы Пселла Симеону Метафрасту — помѣщено было изслѣдованіе о Симеонахъ⁴⁾; от-

¹⁾ De octava Synodo Photiana. Romae. 1662.

²⁾ De utriusque ecclesiae, occidentalis atque orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione. Romae. 1655.

³⁾ S. Methodii Convivium Virginum, graece et latine cum notis et *diatriba de Methodiis*. Romae. 1655.

⁴⁾ Pselli Eneomium in Simeonem Metaphrastem et officium. Symeonis Meta-

дѣльно появились изслѣдованія о Пселлахъ ¹⁾ и о Нилахъ ²⁾; діатриба о Георгіяхъ и сочиненіяхъ ихъ появилась съ приложеніемъ къ изданію исторіи Георгія Акрополиты, которое было приготовлено Алляціемъ для парижскаго собранія (см. ниже). Не всѣ такіе библиографическіе опыты были изданы тотчасъ послѣ ихъ составленія; нѣкоторые увидѣли свѣтъ только въ настоящемъ столѣтіи. Чрезвычайно важныя діатрибы о Никитахъ, о Филонахъ и о Θεодорахъ — напечатаны въ VI томѣ издававшейся кардиналомъ Мав Библиотекѣ отцовъ церкви ³⁾; списокъ Θεодоровъ начинается греческимъ художникомъ Θεодоромъ Самосскимъ (съ острова Само), который, между прочимъ, приготовилъ перстень Поликрата-тирана, и кончается Θεодоромъ Газою, который печаталъ свои сочиненія у Альдовъ въ Венеціи; всѣхъ Θεодоровъ, имѣвшихъ право войти въ каталогъ писателей, оказалось 136. ⁴⁾Отмѣтимъ еще Συμριχτα (смысь) Алляція, изданіе появившееся въ Кельнѣ въ 1653 году, куда вошли нѣкоторыя статьи, прежде напечатанныя отдѣльно ⁴⁾. Оно состоитъ изъ двухъ частей; первая содержитъ, кромѣ четырехъ греческихъ описаній Святой Земли (Фока, Епифаній, Пердикка, Анонимъ) и одного латинскаго (Гегезиппъ), нѣсколько трактатовъ самого Алляція о церковныхъ древностяхъ (*de solea veteris ecclesiae, de Liturgia S. Jacobi, de Graecorum communione sub specie unica, de lignis sancti crucis*); во второй части напечатаны въ первый разъ слѣдующія византійскія статьи съ переводомъ на латинскій языкъ: Константина Порфиророднаго о Василіѣ Македонинѣ, Іоанна Каменіаты о разореніи города Солуни (*Excidium urbis Thessalonicae* — разумѣется разореніе въ 904 году сарацинами), Іоанна Анагноста о послѣднемъ разореніи того же города (турками, въ 1434), его же монодія о томъ же разореніи, Θεодоры Газы, о происхожденіи турокъ, Льва Алляція — о вависсѣ Іоаннѣ и еще нѣкоторыя другія. Алляцій принималъ ревностное участіе въ полномъ изданіи всѣхъ византійскихъ историковъ, которое было предпринято во Франціи;

phraetae oratio in lamentationem S. Desiparae et epistolae IX graecae ac latinae cum diatriba de Simeonibus. Parisiis, 1664.

¹⁾ De Paellis et eorum scriptis. Romae, 1633.

²⁾ De Nilis. Romae in fol. 1668.

³⁾ Patrum novae bibliothecae tomus sextus. Romae, 1853.

⁴⁾ Leonis Alia'ii Συμριχτα sive opuscula graecorum et latinorum veteriorum ac recentiorum ed. a Nihusio. Coloniae Agrippinae, 1653. Другое изданіе: Romae 1668.

собственнымъ важнымъ вкладомъ Алліція въ эту коллекцію была исторія Георгія Акрополиты въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; сверхъ того, Алліцій сообщалъ нужныя свѣдѣнія о рукописяхъ и отмѣчалъ разночтенія; онъ занимался и Георгіемъ Амартоломъ, даже приготовилъ латинскій полный переводъ его хроники, сдѣланный съ ватиканскихъ списковъ (что именно и важно), но этотъ переводъ остался не изданнымъ, какъ, впрочемъ, и многое другое изъ трудовъ Алліція, — онъ находится теперь въ Вѣнской придворной (публичной) бібліотекѣ. Въ бумагахъ Алліція, хотя онѣ и были рассмотрѣны кардиналомъ Анджело Май, все еще могутъ отыскаться новыя интересныя вещи; на нихъ при удобномъ случаѣ не мѣшало бы обратить вниманіе тѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, занятія которыхъ соприкасаются съ византійскою исторіей. Болѣе или менѣе полные списки разнообразныхъ трудовъ Алліція по классическимъ и христіанскимъ древностямъ, по церковной исторіи и патрологіи можно найти у Фабриція-Гарлеса, у Саен, у Врето (заглавія этихъ изданій указаны выше). Въ новогреческомъ аѳонскомъ журналѣ *Παυδώρα* также помѣщались статьи объ Алліціѣ—томы XVIII и XIX (годъ 1868), и здѣсь, въ №№ 433, 437 и дальнѣйшихъ, авторъ ихъ, Родоконаки, сообщилъ бібліографическое болѣе, чѣмъ у другихъ, подробное обозрѣніе изданій и сочиненій Алліція.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІІ.

1887.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Е. Ф. Шмурло. Евгений митрополитъ Кіевскій (продолженіе) . . .	1
Графъ А. А. Бобринскій. Романъ о Фовелѣ	30
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Осодоровича Романова	49
В. Г. Васильевскій. Обзоръ трудовъ по византийской исторіи (продолженіе)	113

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. О. Дестунисъ. Записки Греческаго историческаго и этнологическаго общества	148
И. П. Тихомировъ. Нижегородскій летописецъ. Работа А. С. Галицкаго. Нижній-Новгородъ. 1886	172
Э. А. Вольтеръ. Изъ области латышской письменности и словесности	176
— Книжныя новости	182
Ө. И. Леонтовичъ. Коммерческія училища за границей и въ Россіи (продолженіе)	1
А. Д. Путята. Объ употребленіи метрической ономимы въ школахъ	17
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ)	64

О ВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1884 году	1
— Наши учебныя заведенія: I. С.-Петербургскій университетъ въ 1886 году	16
II. Учебная часть на Кавказѣ въ 1886 году (продолженіе)	30
И. И. Броуновъ. Письма изъ-за границы. I	46
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	62
— Л. Э. Стефани (некрологъ)	74

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля (продолженіе)	97
В. Л. Краузе. Палаatinская рукопись Βατραχονομαχίαε	137

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 3-го июля).

ОВОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

Часть первая. Изданіе источниковъ.

II.

Время Дюканжа.

Занятіе византіядами во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. — Покровители ученыхъ занятій и собиратели греческихъ рукописей. — Людовикъ XIII. — Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ. — Предшественники Дюканжа: Лаббъ, Фабро, Гоаръ, Комбефизъ, Валуа; изданія Кантакузина, Кедрина и Никиты. — Воззваніе къ ученымъ или протретьяконъ. — Дальнѣйшія изданія: Кодицъ, Дука, Анна Комнина, Георгій Синкеллъ, Теофанъ, его продолжатели и т. д.; труды Дюканжа: *Historia Constantinopolitana*. — Словарь средневѣковой латыни и греческій. — Топографія Константинополя и византійскія фамиліи. — Изданія Зонары, Квинта и Паскальпой хроникъ.

Всего больше было сдѣлано для византійцевъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. До сихъ поръ занимались исключительно изданіемъ текстовъ, и притомъ безъ опредѣленнаго плана и общей программы, безсвязно и спорадически, руководясь при этомъ разнообразными побужденіями и цѣлями. Въ Италіи прежде всего обращено было вниманіе на историковъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ ея судьбамъ послѣ паденія Западной Римской имперіи, на Прокопія и Агабія. Къ этому присоединилось уваженіе, питаемое учеными приставами къ памяти Юстиніана, а затѣмъ и къ византійскимъ остаткамъ и отраженіямъ его законодательства. Въ Германіи у Вольфа и его послѣдователей (Ксиландра и Гешеля) впервые высказался общій интересъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрельскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.
часть сошл., отд. 2.

уже прямо къ византійской исторіи съ той точки зрѣнія, какая показывалась продолжающимися успѣхами мусульманъ, борьба съ которыми прежде составляла постоянную жизненную задачу разрушенной турками имперіи. Въ Голландіи, такъ много сдѣлавшей для византійцевъ въ лицѣ Вулканія и особенно Меурсія, преобладали, по видимому, стремленія чистой науки, которая тогда почти вполнѣ воплощалась въ классической филологіи. Какъ скоро вѣсто гуманизма, господствовавшего въ первый италянскій періодъ возрожденія, вступила въ силу научная филологія, то вѣсто непосредственнаго наслажденія изящными формами древне-греческой литературы и непосредственнаго усвоенія ея содержанія, соединеннаго съ поклоненіемъ и восторгомъ, задачей стало изученіе всего, что могло содѣйствовать познанію этой самой древности, оставившей столь прекрасные образцы мысли и слова, изученіе ея исторіи, ея гражданственности, ея учрежденій и т. д. При новомъ направленіи приходилось гораздо менѣе брезговать византійцами, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что направленіе это и не искало одного удовлетворенія чувствамъ изящнаго и высокаго. При первомъ серьезномъ опытѣ возстановить простой, но точный хронологическій остовъ событій древней исторіи, предпріятомъ Скалигеромъ, оказалась необходимость изучать Кедрина, Синкелла, Паскальнуу хронику. Традиція, принесенная въ Лейденъ знаменитымъ французомъ, продолжала держаться въ Голландіи и вызвала труды надъ сочиненіями Костянтина Багрянороднаго и прочими авторами. Не нужно также забывать могущественнаго вліянія религіозныхъ и церковныхъ интересовъ. Первоначальную исторію своей церкви и католики должны были изучать въ произведеніяхъ греческихъ писателей; со времени Флорентійской уніи, и затѣмъ послѣдующей Брестской уніи, у поборниковъ папскаго главенства, преимущественно у тѣхъ, которые выходили изъ греческой православной среды, являлась потребность съ этой точки зрѣнія разъяснить себѣ и своимъ соплеменникамъ весь ходъ предыдущей исторіи Востока. Іезуиты, которые взяли въ свои руки дѣло уніи и сдѣлались главными носителями универсальныхъ римскихъ тенденцій, также руководились не однимъ отвлеченнымъ ученнымъ одушевленіемъ въ дѣлѣ занятія византійскою литературою. Почти всѣ означенные мотивы имѣли силу и для Франціи XVII вѣка. Легко указать политическіе и церковные интересы, съ которыми соединено было неслыханное усердіе къ обнародованію памятниковъ византійской исторіи въ католической Франціи. Но конечно, гораздо важнѣе того общій уровень умственнаго и научнаго развитія, кото-

раго достигли руководящіе общественные слои Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. Возможно, что въ извѣстной странѣ очень ясно будутъ сознаваться побужденія къ занятію прошлыми судьбами другой, но, хотя бы дѣло шло о единовѣрной и отчасти единоплеменной странѣ, за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ силъ, все будетъ оставаться втунѣ. Не въ такомъ, конечно, положеніи было дѣло во Франціи въ тотъ вѣкъ, когда ея національная литература становилась классическою для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частныя лица соперничали въ уваженіи къ учености, въ заботахъ объ основаніи библіотекъ и собираніи рукописей: значительная часть этихъ заботъ доставалась на долю всего греческаго, именно греческихъ рукописей, а въ нихъ наиболѣе значительный процентъ всегда составляли произведенія византійскаго періода.

О Людовикѣ XIII извѣстно, что онъ въ юности (съ 1612 г.) изучалъ греческій языкъ и успѣлъ въ немъ на столько, что самъ могъ перевести на французскій извѣстныя наставленія діакона Агапита Юстиніану ¹⁾. Кардиналъ Мазарини, не будучи природнымъ французомъ, не могъ питать такого живого участія къ развивающейся національной французской литературѣ и языку, какимъ былъ проникнутъ Ришелье, но за то онъ принималъ близко къ сердцу интересы общей учености; онъ былъ большимъ любителемъ книгъ и собирателемъ рукописей. Когда во время Фронды его библіотека, вывезенная еще изъ Италіи, была разрушена и расхищена, то послѣ возвращенія къ власти онъ не падилъ ни заботъ, ни денегъ для ея возстановленія. Его библіотекарь долженъ былъ всегда выставить новыя приобрѣтенія на особомъ столѣ въ комнатѣ, чрезъ которую кардиналъ проходилъ на аудіенціи и возвращался отъ нихъ, дабы онъ могъ найти свободную минуту обзрѣть приобрѣтенное, и онъ особенно бывалъ доволенъ, когда въ новомъ признавалъ старое достоиніе своего прежняго книгохранилища. Когда послѣ смерти Мазарини устроена была Кольберомъ извѣстная въ исторіи просвѣщенія сдѣлка, по которой рукописи Мазариніевой библіотеки, сдѣлавшейся публичною и отданной въ зафѣндываніе Коллегіи четырехъ націй (имъ же основанной), поступили въ королевскую библіотеку въ обмѣнъ за книги, то оказалось, что вслѣдствіе того королевская библіотека обогатилась собраніемъ въ 2156 манускриптовъ, и въ томъ числѣ было 229 греческихъ кодексовъ, отчасти весьма цѣнныхъ, такъ какъ для кардинала нѣкогда была

¹⁾ *Egger, L' Hellénisme en France II, 46.*

приобрѣтена главная часть коллекціи знаменитаго Пейреска, о которомъ у насъ была рѣчь выше ¹⁾.

Современникъ Мазарини, возвысившійся при Ришелье и пережившій обоихъ, образованный и ученый канцлеръ Сегье (Séguier) точно также основалъ богатое частное книгохранилище, которое особенно славилось своими манускриптами ²⁾. Сегье болѣе всего цѣнилъ греческія рукописи. Онъ ихъ получалъ отчасти путемъ переписки или копированія, чѣмъ занимался по его порученіямъ какой-то Беллерофонъ. Но канцлеръ понималъ, что для приобретенія дѣйствительно цѣнныхъ греческихъ манускриптовъ, которые не имѣли бы себѣ равныхъ во Франціи, Италіи и Испаніи, слѣдовало найти доступъ въ греческіе монастыри, бібліотеки которыхъ почти не были тронуты путешественниками. Агенты, чрезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были въ такомъ положеніи, что черпали, можно сказать, полными руками въ сокровищахъ горы Аэона, богатствъ которой до тѣхъ поръ и не подозрѣвали во Франціи. Половина греческихъ манускриптовъ, приобретенныхъ для бібліотеки Сегье, ведетъ свое происхожденіе изъ монастырей аэонскихъ. Главнымъ орудіемъ канцлера въ этомъ случаѣ былъ одинъ греческій священникъ, Аванасій Риторъ, прибывшій за чѣмъ-то во Францію и затѣмъ въ 1642 году воротившійся въ Турцію: онъ, очевидно, умѣлъ ладить съ калугерами Аэонской горы ³⁾; за нимъ наблюдалъ и уплачивалъ деньги французскій посолъ въ Константинополѣ La Haue. Впрочемъ были и другіе пути: объ ученыхъ вкусахъ могущественнаго канцлера и его пристрастіи къ рѣдкимъ рукописямъ знали французскіе купцы, торговавшіе съ Левантомъ, даже основавшіеся въ Абиссиніи. Марсельскій купецъ извѣщаетъ Сегье, что онъ далъ порученіе своему фактору въ Египтѣ во что бы то ни стало отыскать творенія св. Ефрема (saint Ufene) и добыть каталогъ рукописей монастыря св. Макарія; приходили также письма изъ Каира съ обѣщаніемъ присылки греческихъ книгъ и т. п. Дальнѣйшая судьба бібліотеки и

¹⁾ О бібліотекѣ и рукописяхъ Мазарини см. *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 280 и сл.

²⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrits, II, 84. *Kerviler*, Le Chancelier Pierre Séguier. Paris. 1875. У послѣдняго отрывки изъ корреспонденціи Сегье, относящейся къ приобретенію рукописей, приводятся частію въ текстѣ (pagg. 166—175), частію въ приложеніяхъ (pagg. 662, 664).

³⁾ Les manuscrits grecs achetés de caloyers du Mont Athos; говорится въ описаніи галлерей для рукописей канцлера: *Delisle* II, 88.

рукописей Сегье извѣстна; все досталось по наслѣдству внуку его, герцогу Коалену (Henri-Charles de Cambout de Coislin), епископу Мецскому. По его порученію, греческія рукописи библиотеки были описаны знаменитымъ Монфокономъ (Montfaucon), и въ 1715 году каталогъ ихъ явился въ печати въ видѣ большого тома in fol. подъ извѣстнымъ заглавіемъ: *Bibliotheca Coisliniana et cet.* Коаленъ завѣщалъ драгоцѣнное наслѣдство бенедиктинцамъ Сентъ-Жерменскаго аббатства; во время революціи, въ 1795 и 1796 гг., вмѣстѣ съ другими учеными сокровищами закрытаго Сентъ-Жерменскаго монастыря, греческія рукописи перенесены были въ Національную библиотеку, бывшую королевскую. Онѣ нисколько не пострадали отъ грабежа, которымъ подверглись наиболѣе драгоцѣнныя собственно французскія коллекціи, часть которыхъ досталась секретарю русскаго посольства Дубровскому, а отъ него—Императорской Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Извѣстный въ исторіи Людовика XIV сюринтендантъ финансовъ Фуке (Fouquet), слѣдуя модѣ времени, тоже устроилъ въ своемъ замкѣ великолѣпную библиотеку, состоявшую изъ 30,000 томовъ, въ томъ числѣ 1050 манускриптовъ. Послѣ опалы, его постигшей, библиотека Фуке была конфискована на покрытіе начетовъ казны и распродавалась по самой низкой цѣнкѣ; между тѣмъ нѣкоторыя рукописи ея имѣли очень благородное происхожденіе и принадлежали прежде Шарлю Моншалю (Montchal), архіепископу Тулузскому, библиотека котораго очень высоко цѣнилась за свои драгоцѣнныя греческія манускрипты; нѣкогда они (то-есть, греческія манускрипты) привлекали вниманіе королевы Христины, конкурировавшей съ Фуке, а теперь они достались Летелю (Letellier), архіепископу Реймскому († 1710), а отъ него перешли въ королевскую библиотеку.

Преемникъ Фуке по управленію финансами, знаменитый Кольберъ, завѣдывавшій также и королевскою библиотекою, держался такого взгляда, что Франція должна пользоваться вслкимъ случаемъ для умноженія своихъ ученыхъ сокровищъ и приобрѣтенія рукописей за границей. Онъ обращалъ на это вниманіе дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ и въ то же время давалъ спеціальныя порученія ученымъ путешественникамъ. Такъ, въ 1667 году путешественники по Леванту, de Monceaux и Laisné, получили наказъ приобрѣтати греческія и восточныя рукописи. Именно по этому случаю составлена была любопытная инструкція, въ которой рекомендовали обращаться

къ калуерамъ и другимъ монахамъ греческимъ ¹⁾, а также къ маронитамъ горы Ливана; тогда же или нѣсколько позже Котелле (Coteller, Jean Baptiste), занимавшійся по порученію Кольбера пересмотромъ каталога греческихъ рукописей королевской библіотеки и получившій за это въ награду каяедру греческаго языка въ королевской коллегіи, составилъ замѣтки о манускриптахъ греческихъ, въ которыхъ опредѣлялась ихъ цѣнность соотвѣтственно съ содержаніемъ и древностью письма, кратко указывались признаки, по которымъ можно различить древнее письмо отъ новаго и т. д. ²⁾. Монсо принялъ къ сердцу данныя ему внушенія и хорошо исполнилъ порученіе: онъ прислалъ 62 греческихъ кодекса древняго письма и хорошаго качества. Большія надежды, которыя возлагались на посольство Нуантели (Nointel) въ Константинополь, не были вполне оправданы, хотя посла сопровождалъ ученый оріенталистъ, Галландъ, оставившій журналъ своего тамъ пребыванія, недавно обнаруженный ³⁾.

Кольберъ имѣлъ и собственную библіотеку, которая уже съ 1662 г. пользовалась извѣстностью и сначала обогащалась преимущественно собраніемъ документовъ по французской исторіи, подъ руководствомъ первыхъ ея бібліотечарей Баркави и знаменитаго Валува (Baluze). Но Кольберъ желалъ имѣть у себя тоже и греческія рукописи; когда онѣ получались, онъ пересматривалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ его письмахъ къ Валуву встрѣчаются такого рода замѣтки: „Въ будущую среду я очень радъ буду ознакомиться съ только что пришедшими греческими манускриптами“ и т. д. ⁴⁾. Ихъ присылали консулы Леванта; такъ одинъ изъ нихъ (Sauvag) прислалъ въ 1673 году 16 манускриптовъ съ острова Кипра, а послѣ варавъ 50 нумеровъ. Посольство въ Константинополь тоже получало запросы и порученія. Разыскивались всякаго рода рукописныя сокровища и

¹⁾ Les caloyers et autres moines grecs: *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 275.

²⁾ Ibid pag. 276. 277. Для прилѣга примводимъ три параграфа:

13. Il ne faut point laisser échapper aucun livre historique, ni aucun livre de loix civiles ou ecclésiastiques, c'est à dire canons.

14. Les livres de prières et d'office ecclésiastique sont le plus méprisables, s'ils ne sont fort anciens.

20. Dans le doute, il vaut mieux acheter que laisser: un livre rare en paye cinquante méchants.

³⁾ Journal d'Antoine Galland pendant son séjour à l'ambassade de France à Constantinople, publ. par *Scheffer*.

⁴⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrits I, 449.

въ самой Франціи, въ провинціальныхъ городахъ, въ старинныхъ монастыряхъ, и такимъ путемъ приобрѣтались иногда интересныя греческія находки, въ родѣ подлиннаго акта Флорентійской уніи, привезеннаго изъ Фландріи ¹⁾). Приобрѣтеніе путемъ покупки бывшей бібліотеки историка и канцлера де Ту (Jacques Auguste de Tout), которая имѣла европейскую извѣстность и заключала въ себѣ 1000 манускриптовъ, а также рукописей Пьера Питу (Pithou), поставило книгохранилище Кольбера на самое видное мѣсто. Всѣ рукописи, его украшавшія, при наслѣдникахъ великаго министра въ 1732 году были куплены королемъ Людовикомъ XV для королевской бібліотеки. Значительныя заслуги въ дѣлѣ обогащенія ея книгами и рукописями и устройства оказаны были двумя братьями Дюпюи (Pierre и Jacques Dupuis); они первоначально управляли богатою бібліотекою президента де Ту; потомъ были преемниками Николая Риго (Rigault) въ званіи книгохранителей (Garde de Librairie) королевской бібліотеки, получивъ это назначеніе въ 1645 году. Но и ранѣе того они принимали живое участіе въ дѣлахъ королевской бібліотеки; ихъ стараніями достались ей (въ 1621 году) рукописи бывшаго посла въ Константинополь при Карлѣ IX, Гюрб (Jean Hugault), въ числѣ которыхъ было до ста греческихъ манускриптовъ. Сами братья, отличавшіеся наслѣдственною въ ихъ фамиліи любовью къ просвѣщенію и большою ученостью, составили собственное богатое собраніе книгъ и рукописей, начало которому было положено ихъ отцомъ: по общему соглашенію тотъ изъ братьевъ, который пережилъ другаго, отказалъ по завѣщанію это дорогое наслѣдство королевской бібліотекѣ, дабы обезпечить его цѣльность и предотвратить всякое раздробленіе. Когда намъ встрѣтится указаніе на *codex Puteanus* по поводу изданія того или другаго источника, то при этомъ нужно вспоминать о братьяхъ Дюпюи, которые по ученому именовались *Puteani*. Нужно прибавить, что завѣдывая королевскою бібліотекою и стоя весьма близко ко всѣмъ ученымъ интересамъ времени, братья (особенно второй, Жакъ) вели обширную корреспонденцію, часть которой, какъ увидимъ ниже, прямо касалась византійскихъ занятій. Королевская бібліотека въ Парижѣ уже и тогда богатствомъ греческихъ рукописей не уступала никакой другой, кромѣ Ватиканской. Тѣмъ не менѣе, когда заходила рѣчь объ изданіи того или другаго греческаго автора, то не всегда можно было довольствоваться

¹⁾ *Delisle*, I, 467.

рукописями парижскими; всего естественнѣе было обращаться въ Римъ, къ сокровищамъ Ватикана, умноженнымъ недавно приобрѣтеніемъ Палатинской бібліотеки. Въ данную эпоху существовали весьма оживленныя сношенія между парижскими учеными кружками и римскими—особенно чрезъ посредство кардинала Барберини и филолога Голстена (Holste, Holstenius), съ одной стороны, канцлера Сегье и братьевъ Дюпюи — съ другой. Кардиналъ Барберини (Франческо, 1597—1679), племянникъ папы Урбана VIII, бібліотекаръ Ватикана, получившій при своемъ дядѣ княжеское положеніе, послѣ его смерти долженъ былъ искать убѣжища во Франціи и покровительства у Мазарини; благодаря послѣднему, онъ дѣйствительно воротился въ Италію и примирился съ Римскимъ дворомъ новаго папы. Будучи знакомъ съ древними и восточными языками, самъ обладалъ богатою бібліотекою, Барберини продолжалъ быть до своей смерти покровителемъ ученыхъ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Голстенъ, родомъ нѣмецъ изъ Гамбурга, но давно оставившій родину; во Франціи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и успѣлъ завести ученія связи (1624 — 1627), принялъ католичество, а затѣмъ переселился въ Римъ, гдѣ получилъ мѣсто бібліотекаря въ Барберинской бібліотекѣ (1636), а впоследствии должность и званіе *custos* въ ватиканской (при Иннокентіи X). Онъ именно былъ наиболѣе усерднымъ корреспондентомъ братьевъ Дюпюи, исполнителемъ различныхъ запросовъ отъ Парижской бібліотеки къ Ватиканской и Барберинской.—Обращаемся къ первичному изложенію.

Послѣ смерти Кольбера королевская бібліотека поступила въ заведываніе министра Лувуа, который передалъ ее своему сыну, Камиллу Летелье, извѣстному больше подъ именемъ аббата Лувуа, съ дѣтства обнаружившему большую склонность къ научнымъ занятіямъ. Въ его управленіе продолжались поиски на Востокъ съ цѣлью приобрѣтенія новыхъ греческихъ рукописей. Преемникъ Нуавтеля въ Константинополь, Жирарденъ, вслѣдствіе распространенныхъ путешественниками слуховъ о необычайномъ богатствѣ рукописями султанской бібліотеки въ сералѣ, будто бы сохранившей сокровища, наследованныя отъ Византійскихъ императоровъ, производилъ тамъ тщательныя разслѣдованія, и результаты оказались очень скудными, хотя баснословные разказы о греческихъ рукописяхъ серала не умолкали даже до настоящаго времени ¹⁾. Изъ дальнѣйшихъ прира-

¹⁾ *Delisle, Cabinet des manuscrits I, 296.* Вопросъ о греческихъ рукописяхъ бібліотеки серала посвящено специальное изслѣдованіе Ферстера: *Foerster, de antiquitatibus et libris manuscriptis constantinopolitanis commentatio.* Rostochii. 1877.

щеній греческаго фонда въ королевской библіотекѣ, кромѣ пожертвованія архіепископа Летелле въ 1700 г., должно быть отмѣчено приобрѣтеніе остатковъ библіотеки Виго (Bigot), собранной трудами названной ученой служилой фамилии въ продолженіе столѣтія; это совершилось въ 1706 году и послужило къ умноженію греческихъ рукописей, которыми, впрочемъ, уже ранѣе пользовались ученые, въ числѣ ихъ Дюканжъ, благодаря особенной прославленной обязательности Емерика Виго ¹⁾).

По старой традиціи даже при Людовикѣ XV продолжали заботиться о прибрѣтеніи восточныхъ и греческихъ манускриптовъ. Въ этомъ отношеніи выдается миссія Фурмона и Севена (Fourmont, Sévin) въ 1727—1730 годахъ: первый занимался по преимуществу монетами и медалями, второй—рукописями. Въ отчетѣ о дѣятельности Севена весьма много любопытнаго ²⁾: опять шла рѣчь о библіотекѣ Византійскихъ императоровъ въ сералѣ, при чемъ были сообщены положительныя данныя—объ ея несуществованіи; болѣе плодотворны были старанія прибрѣсть расположеніе патріарховъ Цареградскаго и Іерусалимскаго: благодаря этому, получена была возможность посѣтить греческія монастыри въ окрестностяхъ Константинополя—и не безплодно, такъ какъ тамъ отысканы были нѣкоторыя не изданныя слова Златоуста, романъ объ Іосафатѣ и Варлаамѣ и т. п.; свои сношенія и связи аббатъ Севенъ умѣлъ распространить на весь христіанскій востокъ—до Арменіи и Ечмиадзина и даже помышлялъ о книжныхъ сокровищахъ, хранившихся въ Бухарѣ со времени Тамерлана. Одно изъ секретныхъ донесеній Севена посвящено было путешествію какого-то попа греческаго (un prêtre grec) въ Θεσσαλίю въ качествѣ агента для покупки книгъ въ монастыряхъ; здѣсь идетъ рѣчь о жалкомъ невѣжествѣ и жадности высшаго греческаго духовенства, что, правда, повело къ большимъ утратамъ, къ прямому истребленію драгоценныхъ памятниковъ греческой письменности, но за то отнюдь не мѣшало торговлѣ сохранившимся еще матеріаломъ и продажѣ его чужеземцамъ-инновѣрцамъ.

Въ бесѣдѣ съ французскимъ аббатомъ, пріѣхавшимъ скупать послѣдніе остатки прежнихъ греческихъ и византійскихъ ученыхъ сокровищъ, патріархъ Іерусалимскій, болѣе другихъ греческихъ іерар-

¹⁾ О библіотекѣ Виго: *Delisle, Cabinet des manuscrits*, I, 322 и сл. Тамъ же приведены отрывки изъ переписки Виго.

²⁾ Отъ вполне напечатанъ у Деліля, I, 360—385, точно также и другой документъ Севена.

ховъ образованный, высказалъ такую мысль, что если Греція обязана своею славою превосходнымъ созданіямъ древнихъ еллиновъ, то за сохраненіе этихъ самыхъ произведеній она должна считать себя обязанною щедрости королей Французскихъ: они не довольствуются тѣмъ, что ихъ собираютъ, но сдѣлали ихъ бессмертными посредствомъ великолѣпныхъ печатныхъ изданій¹⁾. Въ словахъ патріарха заключается не какой-либо искусный и льстивый оборотъ рѣчи и не простая похвала типографскому станку, а совершенно правильная и знающая оцѣнка дѣятельности одного спеціального учрежденія, знаменитаго вообще въ исторіи науки, а впрочемъ оказавшаго еще болѣе заслугъ христіанской греческой литературѣ, чѣмъ древне-еллинской. Мы разумѣемъ королевскую типографію въ Луврѣ и королевскій или луврскій шрифтъ, послужившіе между прочимъ извѣстному роскошному изданію византійцевъ, какового они никогда больше не удостоивались ни прежде, ни послѣ. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденіи тѣмъ болѣе, что не только внѣшнее исполненіе, но самая мысль полного изданія византійцевъ тѣсно связана съ его существованіемъ. Прежде всего нужно припомнить нѣсколько фактовъ изъ исторіи греческаго шрифта, отлитаго при королѣ Францискѣ I и послужившаго изданіямъ первыхъ Етьенней.

Робертъ Етьеннъ при удаленіи въ Женеву взялъ съ собою матрицы этихъ шрифтовъ, а сынъ его Генрихъ II Етьеннъ, извѣстный превратностями своей жизни, вынужденъ былъ ихъ заложить въ обезпеченіе сдѣланнаго займа. Такъ какъ долгъ остался непокрытымъ, то послѣ его смерти, по рѣшенію женевского сената, на этотъ залогъ наложено было запрещеніе. Такое рѣшеніе, какъ извѣстно, очень огорчило Казобона, такъ какъ оно лишало всякаго наслѣдства его жену, дочь Етьенна. При Людовикѣ XIII рѣшено было ради чести Франціи снова воротить на родину матрицы, уплативъ долги Етьенна; сперва это дѣло замедлилось вслѣдствіе разнаго рода опасеній и затрудненій; но въ 1619 году духовенство Франціи, въ виду предположеннаго изданія отцевъ церкви и авторовъ греческихъ, просило короля, чтобы матрицы были окончательно выкуплены и возвращены во Францію. По рѣшенію королевскаго совѣта отпущено было для этой цѣли 3,000 ливровъ изъ суммъ церковныхъ, поступившихъ въ королевскую казну; Полю Етьенну, сыну умершаго Генриха, поручено было доставить въ Парижъ старое французское достоиніе; оно оставалось еще

¹⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrite, I, 382.

нѣкоторое время въ распоряженіи его сына, обратившагося въ католичество. Со времени возвращенія во Францію *les grecs du roi*, греческіе королевскіе шрифты опять появились въ разнаго рода изящныхъ ученыхъ изданіяхъ. Прежде всего они послужили новому изданію (четвертому) Парижской Библіотеки свв. отцевъ (*Bibliotheca sacrorum Patrum*) Биня (*Margarin de la Bigne*), въ первый разъ вышедшей въ 1575 году и теперь умноженной двумя добавочными греко-латинскими томами (*Austaria graeco-latina*), то-есть, посвященными исключительно греческимъ отцамъ помимо латинскихъ, но съ переводомъ на латинскій языкъ ¹⁾. Эти дополненія вышли въ свѣтъ въ 1624 году, когда еще королевскій греческій шрифтъ продолжалъ оставаться достоиніемъ частныхъ типографій. Основаніе королевской типографіи не имѣетъ точной хронологической даты. Еще въ 1620 году король Людовикъ XIII устроилъ у себя въ луврскомъ дворцѣ маленькую книгопечатную мастерскую; но это было личное дѣло короля. Возвращеніе греческихъ матрицъ Франциска I и пріобрѣтеніе восточныхъ (арабскихъ) шрифтовъ въ 1632 году дали новое возбужденіе умамъ, и кардиналь-министръ (Ришелье) рѣшился основать королевскую или государственную типографію, чтобъ издавать для публики произведенія хорошихъ писателей достойнымъ ихъ образомъ ²⁾. Съ 1640 года типографія несомнѣнно существуетъ; высшее управленіе надъ нею было сначала поручено Де-Нойе (*Sublet seigneur des Nouers marquis de Dangu*), суперинтенданту и генеральному распорядителю построекъ и мануфактуръ короля, извѣстному участіемъ въ основаніи академіи художествъ.

Первымъ греческимъ изданіемъ типографіи была Королевская коллекція соборныхъ актовъ въ 37-ми томахъ, которые всѣ помѣчены 1644 годомъ, хотя, конечно, не могли быть отпечатаны въ одинъ годъ; выставленъ былъ годъ выхода въ свѣтъ ³⁾. Королевская коллекція соборовъ представила прекрасный образецъ для всѣхъ послѣ-

¹⁾ *Aug. Bernard, Histoire de l'imprimerie royale du Louvre (Paris, 1867).* Оглавленіе двухъ греческихъ томовъ Парижской библіотеки отцевъ. См. въ старомъ изданіи *Иттигуса (Ittigius) De Bibliothecis et ceteris Patrum (Lipsiae, 1707)* pag. 92—97.

²⁾ *Donner au public les ouvrages des bons auteurs en caractères dignes de leurs travaux.*

³⁾ *Concellorum omnium generalium et provincialium collectio regia. 37 vol. Ср. A. Bernard op. с. pag. 71.* Это изданіе соборовъ находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

дующихъ подобныхъ собраній и въ сущности послужила для нихъ основаніемъ относительно внутренняго содержанія и распредѣленія матеріала. Особенно выдаются своимъ выѣшнимъ изящнымъ видомъ греческіе отдѣлы сборника, отпечатанные крупными королевскими или, какъ теперь стали говорить, луврскими тѣнами (*typis regalis, typis Lupraeaeis*). Принято было за правило издавать не одни только соборные акты въ собственномъ смыслѣ, то-есть, протоколы засѣданій соборныхъ, но и всѣ относящіяся къ предмету историческіе документы, объясняющіе поводъ и цѣль собора, способъ его собранія, отношеніе къ возбужденному вопросу заинтересованныхъ сторонъ, папскаго престола, знаменитыхъ современныхъ іерарховъ и т. п.; напримѣръ; по поводу собора на Фотіа (869 г.) напечатано (въ XXIII-мъ томѣ) въ полнѣникѣ и переводѣ все житіе патріарха Игнатія, принадлежащее Никитѣ Пафлагонскому, и всѣ сколько-нибудь касающіяся дѣла письма папы Іоанна VIII. Такимъ образомъ луврское изданіе соборовъ, а затѣмъ и дальнѣйшія его переработки, Лабба, Гардуена и особенно Манси (Mansi), должны считаться въ числѣ важнѣйшихъ пособій для изученія средневѣковой исторіи вообще, и въ частности византійской. Еще первыя изданія королевской типографіи встрѣчены были всеобщимъ вѣдѣмъ одобреніемъ; Константинопольскій патріархъ еще ранѣе Іерусалимскаго призналъ ихъ важность и поздравилъ Де Ноье очень лестнымъ письмомъ.

Непосредственно за изданіемъ сборника соборовъ приступлено было къ печатанію византійскихъ историковъ. Здѣсь мы должны послѣ учрежденій, сдѣлавшихъ возможнымъ предпріятіе, ближе познакомиться съ лицами, которыя его двигали. Въ первомъ періодѣ главную роль играли три лица: Ф. Лаббъ, Гоаръ и Фабро.

Филиппъ Лаббъ (Labbe, 1607—1667) считался расположеннымъ къ нему современниками однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей Франціи и ставился на ряду съ Петавіемъ (Petau), съ которымъ онъ принадлежалъ къ одному и тому же ордену, то-есть, къ іезуитскому. Какъ и другіе его собратья, прославившіеся ученою дѣятельностью, Лаббъ сначала былъ преподавателемъ различныхъ наукъ — риторики, философіи и богословія — въ разныхъ орденскихъ коллегіяхъ (въ Буржѣ на родинѣ, послѣ въ Парижѣ), но затѣмъ получилъ позволеніе отдаться исполнѣ своимъ ученымъ влеченіямъ и осуществленію обширныхъ, тоже ученыхъ проектовъ, которые его занимали. Первые труды Лабба относились къ древней географіи и французской археологіи; и впоследствии онъ обращался къ вопросамъ этого рода, вообще писалъ спе-

ціальныя изслѣдованія, составлялъ каталоги библіотекъ и рукописей; въ то же самое время онъ успѣлъ если не прославиться, то приобрести себѣ болѣе широкую извѣстность своею полемикою противъ Портъ-Рояля и въ частности противъ дидактическихъ приемовъ преподаванія греческаго языка въ школахъ этой общины ¹⁾). Такъ какъ просвѣщенные и образованные люди болѣе стояли, конечно, на сторонѣ Паскала и его товарищей, то въ послѣдующихъ литературныхъ отзывахъ о дѣятельности Лабба встрѣчаются признаки нѣсколько ироническаго и недоброжелательнаго къ нему отношенія. Несомнѣнно, что Ф. Лаббъ отличался духомъ предприимчивости и почина; онъ не только самъ любилъ работать, но и другихъ побуждалъ работать, составляя разнаго рода компіляціи и сборники, пускалъ въ оборотъ чужія работы, переиздавалъ прежде изданное въ новомъ улучшенномъ видѣ. За это называли его плагиаторомъ и отчасти пиратомъ, прибавляя снисходительную оговорку, что такіе люди также нужны въ ученой республикѣ, какъ и на морѣ ²⁾). Подобные отзывы уже потому нельзя считать вполне справедливыми, что Лаббъ никогда не выдавалъ чужаго за свое и не отнималъ насильно у ближнихъ ихъ достоянія. Во всякомъ случаѣ Лаббъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностью, о чемъ уже достаточно свидѣтельствуетъ безконечный списокъ обнародованныхъ имъ изданій (у Нисерона); несомнѣнно, что самъ онъ обладалъ громадною эрудиціей въ различныхъ областяхъ знанія; никакъ нельзя отрицать и большихъ его заслугъ исторической наукѣ. Изъ числа ученыхъ его предпріятій здѣсь нужно упомянуть о многотомномъ изданіи Соборныхъ дѣяній ³⁾, котораго онъ не успѣлъ докончить при своей жизни, впрочемъ, уже напечатать восемь первыхъ томовъ и двѣнадцатый; остальное было довершено собратомъ его по ордену Коссаромъ (Cossart). Изданіе это не было, конечно, самостоятельнымъ, а составлено по королевскому собранію, о кото-

¹⁾ *Saint-Beuve*, *Histoire du Port-Royal*, III, 438, 439.

²⁾ On a vu un grand nombre des ouvrages, je ne dirai pas tout-à-fait de lui, mais de toutes sortes de personnes sous son nom. Les autres enfantaient et lui comme parain nommoit l'enfant et lui donnoit un begain et des langes. Aussi, a-t-il été accusé d'être un peu pirate, mais il faut de ces gens dans la république des lettres, aussi bien que sur mer. *Niceron*, *Mémoires*, XXV, 12. Cp. *Saint-Beuve*, l. c. Le père Labbe mettait en circulation le bien des riches, et il était utile en ce sens là à la république des lettres. Иное о немъ сужденіе со стороны его со-
брата: *Sotuel*, *Scriptores societatis Jesu*.

³⁾ *Coneilia ad regiam editionem exacta cum duobus apparatusibus*. Paris. 1671—1672.

ромъ мы говорили выше; только нѣкоторые дополненія и новыя примѣчанія принадлежатъ Лаббу. За то въ свою очередь коллекція Лабба послужила основаніемъ для подобныхъ же изданій Гардуена и Манси: послѣднее пользуется наибольшимъ уваженіемъ по своей полнотѣ ¹⁾. Въ 1648 году отъ имени Лабба появилось знаменитое воззваніе къ ученымъ объ изданіи византійскихъ писателей, составляющее, можно сказать, эпоху въ исторіи интересующихъ насъ ванатій. Объ этомъ документѣ рѣчь будетъ далѣе; теперь замѣтимъ только, что участіе самого Лабба въ грандіозномъ предпріятіи на дѣлѣ выразилось вовсе не столь обширными размѣрами, какъ предполагалось сначала. Все-таки его имя носитъ Лѣтопись Михаила Глики и *Notitia utriusque impregii*, вошедшія въ составъ Парижской коллекціи византійскихъ историковъ.

Жакъ Гоаръ (Goar, 1601—1653) не принадлежалъ къ ордену Иисуса, а былъ доминиканецъ, что не лишено значенія въ виду выше отмѣченнаго ученаго преобладанія иезуитовъ; въ молодости онъ преподавалъ философію и теологію въ учебныхъ заведеніяхъ своего ордена, особенно прилежно изучалъ греческій языкъ; эти занятія возбудили въ немъ желаніе посѣтить Востокъ, гдѣ онъ надѣялся найти много рукописей, доселѣ неизвѣстныхъ. Восемь лѣтъ Гоаръ прожилъ на островѣ Хіо, родинѣ Аліація, и былъ тамъ сдѣланъ настоятелемъ (аббатомъ) одного католическаго монастыря; на изданныхъ рукописей онъ отыскалъ гораздо менше, чѣмъ ожидалъ, хотя и есть извѣстія объ ихъ многочисленности ²⁾; за то онъ близко ознакомился съ новогреческимъ говоромъ, съ обрядами и практикою греческой православной церкви, съ народными повѣрьями и обычаями. Возвратившись черезъ Италію и городъ Римъ на родину (въ 1644 г.), Гоаръ сталъ готовить къ изданію свой извѣстный греческій Евхологіонъ (молитвенникъ или требникъ), который и появился въ 1647 году ³⁾. Многія статьи въ этомъ изданіи имѣютъ прямой интересъ для историка, какъ, напримѣръ, молитвы при заключеніи названнаго братства или побратимства — обычай, нѣкогда распростра-

¹⁾ *Conciliarum amplissima collectio. Florentiae, 1759. 31 vol.* Недавно объявлено было о подпискѣ на новое изданіе.

²⁾ *Delisle, Cabinet des manuscrits, II, 245.*

³⁾ *Euchologium sive Rituale Graecorum, complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum sacramentorum, consecrationum, benedictionum, funerum, orationum—juxta usum orientalis ecclesiae.... Paris. 1647.* Полнѣе доступно венеціанское изданіе 1740 года.

ненный не только у славянъ, но и у грековъ; молитвы при вѣнчаніи на царство или же при возведеніи въ другой, не столь высокой санъ (куропалата, патриція) и т. д. Гоаръ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Алліаціемъ, а послѣ былъ въ сношеніяхъ съ Дюканжемъ; при помощи перваго онъ могъ воспользоваться для своего изданія манускриптами Ватиканской бібліотеки. Какъ увидимъ ниже, Гоаръ былъ весьма усерднымъ сотрудникомъ при изданіи византійцевъ Парижской коллекціи. Послѣ смерти Гоара его мѣсто въ числѣ сотрудниковъ Византины занялъ другой его собратъ по ордену, Комбефизъ (Combesis, Franco, 1605—1697). Комбефизъ уже двадцати лѣтъ поступилъ въ доминиканцы у себя на родинѣ, въ городъ Бордо, гдѣ потомъ оставался около десяти лѣтъ преподавателемъ философіи и теологіи; въ 1640 году онъ переселился въ Парижъ и былъ проповѣдникомъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Будучи знатомъ греческаго языка, онъ поставилъ своею задачей восстановленіе и обнародованіе подлиннаго текста греческихъ отцевъ церкви и посвятилъ этому дѣлу болѣе 50 лѣтъ; французское духовенство назначило ему ежегодную пенсію въ 1000 ливровъ именно въ виду такихъ его занятій. Комбефизу принадлежитъ большое количество изданій и переводовъ, относящихся преимущественно къ греческой патрологіи, но нѣкоторые изъ нихъ содержатъ матеріалъ, прито интересующій историка. Въ 1644 году онъ издалъ въ подлинникѣ и переводѣ творенія Амфилохія, Меводія и Андрея Критскаго. Въ 1648 году вышли его два новыхъ дополнительныхъ тома къ вышеупомянутой греко-латинской Парижской коллекціи отцевъ церкви, *Novum Auctarium*¹⁾; особенно важель для насъ второй томъ, названный историческимъ и догматическимъ; въ началѣ его находится исторія монофелитовъ и шестаго вселенскаго на нихъ собора съ разными сюда же относящимися документами, а затѣмъ не мало отдѣльныхъ статей, содержащихъ либо житія святыхъ, какъ Николая Студита и Луки Елладскаго, которыя здѣсь являлись въ первый разъ, либо сказанія объ иконахъ и чудесахъ, какъ исторія образа, называемаго Антифонитомъ, или образа въ источникѣ Великой церкви (*historia imaginis Salvatoris, quam anti-phontis dicunt, de imagine Salvatoris in puteo magnae ecclesiae*), которыя даже и послѣ не были перепечатываемы. Подобнаго же содержанія и другое изданіе Комбефиза, носящее неудачно придуманное заглавіе: *Originum rerumque Constantinopolitanorum ex variis*

¹⁾ *Græcolatinae Patrum bibliothecae novum Auctarium, 1648. 2 vol. fol.*

ауторibus manіpulus, 1664 г. Кромѣ анонимаго писателя о древностяхъ Константинополя (Patria), здѣсь заключались: сказаніе Константина Богрянороднаго объ Едесскомъ изображеніи Христа (о святомъ убрूसѣ) и перенесеніи его въ Царьградъ, синодальное посланіе восточныхъ патріарховъ къ императору Теофілу о почитаніи иконъ, житіе св. Теодора начертаннаго (Ggarti), патріарха Фотія описаніе церкви—новой базилики и т. под. Въ 1679 году вышло Новѣйшее дополненіе (Auctarium novissimum) къ библиотекѣ греческихъ отцевъ¹⁾—опять въ двухъ частяхъ, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить Никиты Пафлагонскаго похвальныя рѣчи двѣнадцати апостоламъ, оглавленіе рѣчей Фотія, Сказаніе о Никитѣ патріцѣ (Narratio rei gestae Carthagine Niceta Patricio). Комбефизу принадлежить также полное изданіе твореній Василія Великаго. Объ его долѣ участія въ изданіи византійскихъ историковъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь же нужно назвать двухъ свѣтскихъ дѣятелей, не уступающихъ по своимъ заслугамъ для византійской исторіи, ни Гоару, ни кому другому,—ни разумѣемъ Гейнриха Вalezia и въ особенности Фабро²⁾.

Фабро (Charles Annibal Fabrot, 1580 — 1659) былъ сначала адвокатомъ при парламентѣ въ г. Э (Aix), гдѣ въ числѣ судей находился знаменитый Пейрескъ (Peiresc), усердный и счастливый собиратель, прозванный поставщикомъ ученой республики (le pourvoyeur de la république des lettres), обладатель богатой коллекціи манускриптовъ, надписей и медалей, своею обширною корреспонденціей поддерживавшій вкусъ къ классическимъ занятіямъ не только во Франціи, но и въ ея границѣ³⁾. Фабро вступилъ съ нимъ въ дружбу, и благодаря его вліянію, а также совѣтамъ другаго ученаго юриста и судьи, Дювэра (Duvalr, Duvarius), обратился къ ученымъ занятіямъ, переселился на нѣкоторое время въ Парижъ, потомъ сдѣлался профессоромъ права въ университетѣ Эссскомъ (Aix). Такъ какъ латинскіе источники римскаго права казались уже достаточно разработанными,

¹⁾ Bibliothecae graecorum Patrum Auctarium novissimum, gr. et lat. 1672. 2 vol. fol.

²⁾ О Фабро существуетъ специальное сочиненіе Жиро: *Givend, Notice sur la vie de C. A. Fabrot*. Aix, 1834. Въ соціальномъ, имъ нигдѣ не могли отмѣнить его.

³⁾ *Egger, L'hellénisme en France*, II, 68. Корреспонденція Пейреска въ настоящее время издается, но такъ sporadически и въ столь различныхъ и мало доступныхъ специальнымъ изданіяхъ, что трудно достать ее. *Tamizey de Larroque, Les correspondants de Peiresc*.

то Фабро обратился къ греческимъ, на которые уже ранѣе обращалъ вниманіе славный юристъ Куацій или собственно Кюжа (Cujas). Главную заслугу Фабро въ этой области составляетъ изданіе *Василикъ*, наиболѣе обширнаго законодательнаго памятника византійской эпохи, съ которыми только отчасти познакомили ученыхъ вышеупомянутые труды Леунклавія, Лаббэ, въ особенности Герве (Hervey) и самого Куація ¹⁾. Изъ шестидесяти книгъ *Василикъ* были пока обнаружены девять, но и то въ латинскомъ переводѣ; ни одна не была явлена въ греческомъ подлинникѣ. Кюжа, настоящій основатель историческаго и литературнаго изученія римскаго права, очень ясно сознавалъ всю настоятельность ближайшаго знакомства съ византійскими памятниками для критики и восстановленія правильнаго текста въ самомъ *Corpus juris* Юстиніана. Онъ всю жизнь заботился о разысканіи юридическихъ памятниковъ византійскаго происхожденія; большая часть рукописей, которыя впоследствии послужили къ печатному изданію *Василикъ*, принадлежали ему. Послѣ смерти Кюжа онѣ приобрѣтены были президентомъ парламента въ Тулузѣ, Дюфоромъ (Pietre du Faug de Saint-Jorgy); изъ одного письма Пейреска, писаннаго въ 1614 г., видно, что уже ранѣе существовалъ проектъ изданія *Василикъ* на основаніи опухъ: упомянутый выше нами іезуитъ Фронтон-ле-Дюкъ предложилъ обществу парижскихъ книгопродавцевъ напечатать этотъ памятникъ; но военныя смуты тогдашняго времени и распаденіе ассоціаціи помѣшали осуществленію плана; самъ Пейрескъ былъ озабоченъ дѣломъ, и къ нему обращались ученые юристы (Jacques Godefroi) съ самыми горячими пожеланіями и поощреніями. Фабро не было безызвѣстно желаніе его знаменитаго друга увидѣть возможно полное изданіе *Василикъ*, и когда опъ по смерти Пейреска (1637 г.) прибылъ въ Парижъ, то сейчасъ же выступилъ на сцену интересовавшій ученую республику важный вопросъ. Отъ канцлера Сегье Фабро получилъ прямое порученіе заняться изданіемъ византійскаго кодекса. Первымъ актомъ обширнаго литературнаго предпріятія было приобретеніе рукописей Кюжа, оставшихся въ рукахъ наслѣдниковъ Дюфора, уже погибшаго. Издателю предоставлено было пользоваться станкомъ королевской типографіи, король назначилъ ему пенсію въ 2000 ливровъ на все время, пока будетъ продолжаться печатаніе. Вопреки завистливымъ и насмѣшливымъ замѣчаніямъ недоброжелателей, Фабро велъ

¹⁾ Βασιλικῶν τὸμ. VII. C. A. *Fabrotus* latine vertit et graece edidit. Parisiis, 1647.

дѣло съ величайшею энергіею и быстротою, часто два станка работали варазъ. Дѣло потребовало все-таки шести лѣтъ неустанной работы, такъ какъ, кромѣ установленія текста по рукописямъ, находившимся въ королевской библіотекѣ, по обычаю прилагался латинскій переводъ; притомъ не для всѣхъ книгъ существовало готовое рукописное преданіе; нѣкоторыя приходилось возстановлять ученымъ путемъ при помощи Юстиніанова кодекса, Синописа и другихъ пособій. Наконецъ монументальное изданіе явилось въ свѣтъ съ посвященіемъ канцлеру Сергею въ семи томахъ in fol.; оно считается однимъ изъ великихъ литературныхъ событій XVII вѣка¹⁾; и до появленія, уже въ XIX вѣкѣ, новой обработки трудами нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ, братьевъ Геймбаховъ (Heimbach), оно было единственнымъ и незамѣнимымъ²⁾. Энергія, съ которою Фабро довелъ до конца принятую на себя задачу, представляется тѣмъ болѣе удивительною, что одновременно съ тѣмъ онъ принималъ ревностное участіе въ трудахъ по изданію византійскихъ историковъ, съ которыми близко ознакомился при своихъ занятіяхъ византійскимъ правомъ. Какъ сейчасъ увидимъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ осуществленіи плана, возникшаго при королевской типографіи, можетъ быть, подъ непосредственнымъ личнымъ его вліяніемъ.

Изъ братьевъ, носившихъ имя Валуа или Вalezіевъ (Valois, Valesius), очень извѣстное въ исторіи филологіи, для насъ особенно важенъ Анри (Генрихъ) изъ благородной норманнской фамиліи (seigneur d'Orcé), ученикъ іезуитскихъ школъ, Петавія и Сирмонда; по своей профессіи тоже юристъ, какъ и Фабро, онъ прославился изданіемъ фрагментовъ древнихъ греческихъ историковъ со включеніемъ Іоанна Антиохійскаго (VI вѣка по Р. Х.) по рукописи вышеупомянутаго Пейреска, заключавшей въ себѣ одинъ отдѣлъ сборника (Collectanea) Константина Багрянороднаго, именно пятидесятый κεφάλαιον καὶ χακίας. Изданіе извѣстно подъ именемъ *Excerpta Peiresciana* или *Valesiana*³⁾; всѣмъ занимающимся исторіей греческой литературы, всѣмъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ изданія Поллвіа,

¹⁾ *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin, II, 241.

²⁾ *Heimbach*, Basilicorum libri LX. Leipzig, 1833—1850.

³⁾ А также Liber Peirescianus. Изданіе вышло подъ слѣдующимъ титуломъ, который ближе знакомитъ съ его содержаніемъ: Polybii, Diodori Siculi, Nicolai Damasceni, Dionysii Halicarn., Appiani Alexandr., Dionis et Ioannis Antiocheni excerpta ex collectaneis Constantini Aug. Porphyrogeniti. Henr. Valesius nunc primum graece edidit, latine vertit notisque illustravit. Paris, 1634.

Аппіана или Діона, хорошо извѣстно, какая значительная часть ихъ сочиненій дошла до насъ именно только этимъ путемъ извлеченій въ позднѣйшихъ компиляціяхъ. Объ *ἐκλογαὶ κατὰ πρόβλεψιν* мы сказали выше, говоря объ изданіи ихъ Гешелемъ, и напоминаемъ, что этотъ отдѣлъ (двадцать-седьмой) Константинова сборника содержалъ только отчасти тѣ же имена, послѣдній большою частью совсѣмъ другія, чѣмъ *Εκσερτα Ρετγесσιана*, и по содержанію своему гораздо ближе къ византійской исторіи, ибо заключалъ въ себѣ наиболѣе значительные отрывки историковъ времени переселенія народовъ, начиная *Δεξιπνομῶς* и оканчивая *Θεοφιλακτομῶς* *Σιμοκαττοῦ*. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Αδριανομῶς* *Γενρηχῶς* *Βαλεσίου* издалъ также найденные имъ отрывки анонимнаго латинскаго историка отъ *Διοκλητιανῶς* до *Θεοδωρικῶς* *Ὀστρογοτθικῶς* по рукописи, затѣмъ потерянной совершенно изъ виду и только въ послѣднее время вновь отысканной въ Англїи. Это есть такъ называемый *Απομυθισ* *Βαλεσίου*, часто издаваемый при сочиненіи *Αμμιανῶς* *Μαρκελλιανῶς* ¹⁾. Въ области византійской литературы *Γ. Βαλεσίου* особенно памятенъ превосходнымъ для своего времени изданіемъ церковныхъ историковъ—*Εὐσεβίου* и его продолжателей: *Σοκράτους*, *Σοζομῆνα* и *Θεοδωριτῶς*, *Φιλοστοργίου*, а также *Εὐαγγερίῶς* *Σχολαстикῶς*, который довелъ разказъ до восшествія на престолъ императора *Μαυρικίου* (582—602 гг.) и уже имѣлъ случай говорить о первыхъ славянскихъ движеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Βαλεσίου* трудился надъ этимъ изданіемъ по порученію французскаго духовенства, отъ котораго ему была назначена ради того пенсія. Греческій текстъ изданія сопровождался не только латинскимъ переводомъ, но и обширными, полными учености примѣчаніями. При помощи внимательнаго изученія рукописей и сдѣланныхъ для него другими учеными сличеній *Βαλεσίου* исправилъ множество неправильно прочтенныхъ и темныхъ мѣстъ въ изданіи *Εὐθymiῶς*. Текстъ *Βαλεσίου* съ большими дополненіями переиздается и въ новѣйшихъ изданіяхъ церковныхъ греческихъ писателей, напримѣръ, въ *Πατρολογίῳ* *ἀββῆτος* *Μηνῆος*. Для *Εὐσεβίου*, конечно, можно теперь обращаться къ новѣйшему его изданію, *Γενηνικῶς* ²⁾; но и здѣсь оказывается, что

¹⁾ Фрагменты именуется также *Εκσερτα Βαλεσιανῶς*. Последнее и лучшее изданіе при *Αμμιανῶς* *Μαρκελλιανῶς* *Γαρδτγαιου* *Αμμιανῶς* *Μαρκελλίνῶς*, *Libri qui supersunt recens. Gardthausen, Lipsiae, 1875. Vol. alterum.*

²⁾ *Eusebii Pamphylī Historiῶς ecclesiasticῶς libri X. Recensuit Heinichen, Lipsiae 1868.* См. въ предисловіи оцѣнку изданія *Βαλεσιανῶς*. *Vita Constantini et Panegyricus. Denuo edidit Heinichen Lipsiae. 1869.*

многое такое, чего не было сдѣлано Валезіемъ, остается не сдѣланнымъ и по настоящее время. Разумѣемъ сличеніе кодекса Евсеція Московской синодальной бібліотеки, которымъ только отчасти пользовались для церковной исторіи и совсѣмъ не пользовались для житія Константина, а между тѣмъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, именно для этой части московскій списокъ могъ бы оказать неоцѣненныя услуги. Указывается здѣсь московскій кодексъ № LI (по каталогу Маттеи), относимый у Маттеи къ XI или XII вѣку, на самомъ дѣлѣ скорѣе принадлежащій XII вѣку, но при поводѣмъ происхожденіи и всѣхъ другихъ списковъ, содержащихъ житіе Константина, не теряющій отъ того своего достоинства ¹⁾).

Упомянемъ здѣсь же еще о двухъ сотрудникахъ Лабба и Фабро, Измаилѣ Буллио и Петрѣ Пуссинѣ. Измаилъ Буллио (Boulliau, 1605—1694), астрономъ и математикъ, обладавшій филологическимъ образованіемъ, былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ кружка (кабинета) президента де-Ту, много путешествовалъ, между прочимъ въ качествѣ агента короля Польскаго Яна-Казимира, къ которому, вѣроятно, черезъ жену его родомъ французенку, Марію Гонзага, онъ былъ въ какихъ-то отношеніяхъ; онъ оставилъ большое количество сочиненій по астрономіи и математикѣ древнихъ, а также издавалъ ихъ сочиненія; онъ одинъ изъ первыхъ познакомился также съ наблюденіями арабскихъ астрономовъ. Участіе его въ изданіи византійскихъ историковъ выразилось тѣмъ, что онъ приготовилъ къ печати одного до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстнаго, по важнаго писателя времени разрушенія Византійской имперіи. Пуссинъ (Poussines, по латини Possinus, 1609—1686), родомъ изъ южной Франціи, пятнадцати лѣтъ вступилъ въ іезуитскій орденъ, и такъ какъ обнаружилъ хорошія способности къ ученнымъ занятіямъ, то былъ отправленъ въ Парижъ къ Петавію для дальнѣйшаго образованія; возвратившись на родину въ Тулузу (въ 1642 г.), онъ преподавалъ риторику и объяснялъ Священное Писаніе въ іезуитской коллегіи; послѣ вызванъ былъ въ Римъ, чтобы продолжать исторію ордена, не доконченную Sacchini, и затѣмъ назначенъ былъ на кафедру Священнаго Писанія въ римской (іезуитской) коллегіи. Знаніе греческаго языка,

¹⁾ Codex Magarinaeus, писанный въ X вѣкѣ, содержитъ въ себѣ только церковную исторію, а Codex Regius (Парижской національной бібліотеки; № 1437), по которому главнымъ образомъ издавалось житіе Константина, принадлежитъ XIII столѣтію; другіе еще возможны.

принесенное имъ изъ Франціи, было причиною того, что его выбрали давать уроки Орсини и аббату Албани, будущему папѣ Клименту XI. Къ концу своей жизни воротился въ Тулузу, гдѣ продолжалъ работать, не смотря на упадокъ силъ; предъ смертью онъ сжегъ свою обширную корреспонденцію, которую онъ велъ нѣкогда съ учеными многихъ странъ. Къ первому періоду его дѣятельности относятся переводы съ греческаго нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Никиты, писемъ св. Пила, слова императора Льва Мудраго въ похвалу Николаю Мирликійскому, одного произведенія Теофилакта Болгарскаго (*Institutio regia*). Главную заслугу Пуссинна составляютъ, однако, изданія исторій Анимы Комнини, Никифора Врѣенниа и Пахимера, о чемъ будетъ сказано ниже. Сверхъ того, онъ участвовалъ въ изданіи *Acta Sanctorum* Болландистовъ, именно за мѣсяць февраль.

Въ ученое кружкѣ, который группировался около королевской типографіи, къ которому принадлежали братья Дюпюи, Лаббъ, Фабро, Гоаръ и Валуи, и который былъ въ сношеніяхъ съ Голстенемъ и Алляциемъ въ Римѣ, созрѣла мысль о полномъ собраніи всѣхъ источниковъ византійской исторіи. Въ 1645 году изъ королевской типографіи вышло изданіе сочиненія императора Іоанна Кантакузина въ греческомъ подлинникѣ¹⁾, тогда какъ до сихъ поръ это произведеніе, представляющее аналогію продолжительной государственной дѣятельности автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій источникъ для исторіи греко-славянскихъ отношеній съ первой половиной XIV вѣка (отъ 1320 по 1357 г.), было извѣстно только въ латинскомъ переводѣ Понтана съ примѣчаніями Гретсера (см. выше). Основой изданія послужила рукопись, принадлежавшая канцлеру Сегье. Въ предисловіи говорилось, что хотя Кантакузинъ, писатель въ высшей степени интересный, и былъ доступенъ для всѣхъ образованныхъ людей въ латинскомъ переводѣ Понтана, но все-таки многимъ казалось ненатуральнымъ читать греческаго писателя не на греческомъ

¹⁾ *Ioannis Cantacuzeni historiarum libri VI (gr. lat.)*, ex interpretatione Pontani cum ejusdem ac Jac. Gretseri annotationibus. 3 vol. in fol. Заглавія отдельныхъ томовъ Парижской коллекціи мы приводимъ здѣсь и далѣе болѣею частью по каталогу, напечатанному въ книгѣ *Bernara* (*Histoire de l'imprimerie du Louvre*), который въ свою очередь заимствовалъ оныя изъ старыхъ каталоговъ типографій. Оговориться объ этомъ слѣдовало потому, что эти заглавія иногда нѣсколько отступаютъ отъ тѣхъ, которыми стоятъ на выпускныхъ листахъ изданій, и бываютъ то длиннѣе, то коротки, а при томъ неодинаковы на первомъ и второмъ листахъ.

языкъ; поэтому савонный мужъ D. de Nouers, завѣдующій королевскими зданіями и королевскою типографіей, а также искусствами, нашелъ нужнымъ, чтобъ исторія Кантакузина была обнародована на обоихъ языкахъ. Имя издателя, приготовившаго текстъ къ печатанію, не было обозначено ни въ заглавіи, ни въ предисловіи, но по замѣчанію позднѣйшаго филолога, занимавшагося сочиненіемъ Кантакузина (именно Шбпена, редактора боннскаго изданія этого автора), ясно было, что издатель былъ человекъ ученый и знающій; это показывали прибавленныя на поляхъ замѣчанія, въ которыхъ объясняются трудныя для пониманія мѣста, обличающія глубокое знакомство съ самымъ содержаніемъ комментируемаго текста, и вообще съ предметомъ изложенія, въ коемъ дѣлаются болѣею частью весьма счастливыя попытки для исправленія испорченныхъ мѣстъ рукописи. Мы думаемъ, что въ данный періодъ времени такимъ человекъ могъ быть только Фабро.

Затѣмъ, въ 1647 году, послѣдовало изданіе хроники Георгія Кедрина съ сохраненіемъ перевода и примѣчаній Ксиландра (Голцманна), но съ восполненіемъ обширныхъ пропусковъ въ подлинномъ текстѣ, и съ устраненіемъ многихъ несправностей ¹⁾. Сверхъ того, въ предисловіи, хотя и не совсѣмъ правильно, но по возможности разъяснено было взаимное отношеніе между хроникою Кедрина и сочиненіемъ Скилиція, и часть исторіи послѣдняго въ первый разъ была издана съ именемъ ея автора; латинскій переводъ Габія въ соотвѣтствующей его части былъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ. Къ этому изданію Гоаръ прибавилъ свои примѣчанія, поставивъ ихъ рядомъ съ комментаріями Ксиландра; мы уже мимоходомъ замѣтили, что эти новыя примѣчанія свидѣтельствуютъ о громадномъ прогрессѣ въ пониманіи средневѣковаго греческаго языка и византійской терминологіи. Сверхъ того, Фабро присоединилъ отъ себя объяснительный словарь затруднительныхъ словъ и реченій (*Glossarium sive interpretatio obscurorum verborum Cedreni*), а къ этому разряду причислены здѣсь, какъ техническія выраженія, относящіяся къ политическому и церковному византійскому быту, такъ и реченія обыденныя, по значенію или формѣ отличающіяся отъ классическаго словоупотребленія;

¹⁾ *Georgii Cedreni historiarum ab orbe condito ad Isaacum Comnenum, a Guill. Xylandri interpretatione cum ejusdem et Iacobi Goar annotationibus, necnon Caroli Annibalis Fabroti glossario Cedrenano; accessit Ioannis Seylitzae europalatae historia (gr. lat.), excipiens ubi Cedrenus desinit ad Nicephorum Botoniatem, cum ejusdem notis. 1647, in Fol. 2 vol.*

напримѣръ, ἀλοῦον лошадь и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи словарь, конечно, неполонъ, то-есть, не всё своеобразныя выраженія у Кедрина въ немъ исчерпаны. Изданіе было посвящено кардиналу Юлію Мазарини, въ немъ прославлялись заслуги его для возвышенія могущества и славы Франціи, и между прочимъ въ концѣ говорилось объ его великолѣпной библіотекѣ; подъ этимъ посвященіемъ подписался К. А. Фабро.

Далѣе въ томъ же 1647 году появилось и новое изданіе Никиты Хоніата подѣ редакціею все того же неутомимаго Фабро и опять посвященное Мазарини ¹⁾; за основаніе, конечно, приняты были текстъ и переводъ Іеронима Вольфа, но прибавлены были разночтенія по вновь открытымъ спискамъ (по мѣнскому) присоединена была хронологія Никиты, то-есть, таблица годовъ, подѣ которыми размѣщены по порядку событія, описываемыя въ сочиненіи: нужно замѣтить, что она теперь оказывается весьма несостоятельною ²⁾; прибавленъ составленный Фабро словарь греко-варварскихъ реченій, встрѣчающихся въ исторіи Никиты, къ которымъ отнесены опять самыя обычныя и ходячія греко-византійскія выраженія (ρόγα, παρφοροῦντος и т. п.); впрочемъ, есть ссылки на аугсбургскій (теперь мюнхенскій) кодексъ Никиты, codex barbarus, гдѣ въ изобиліи встрѣчаются особенныя слова, приближенныя къ тогдашнему разговорному и народному греческому языку. По мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, именно въ такомъ видѣ продиктована или была набросана первоначально исторія Никиты (ἀποσχεδίαστί), а затѣмъ уже она получила приличную литературную оболочку. Въ концѣ тома помѣщенъ улучшенный указатель собственныхъ именъ и содержанія.

Въ началѣ 1649 года было перенечатано королевскою типографіею сочиненіе Теофилакта Симокатты безъ всякихъ перемѣнъ противъ изданія Понтана и выпущено новое изданіе Бreviаріа патріарха Никифора, въ которомъ Цетавій сдѣлалъ нѣкоторыя дальнѣйшія улучшенія въ текстѣ вслѣдствіе болѣе внимательнаго изученія все

¹⁾ Nicetae Acominati Choniatae historiae, ab imperio Ioannis Comneni, Alexii filio, ad Henricum, Balduini fratrem (gr. lat.), interprete Hieron. Wolphio ex recensione et cum notis ac glossario Car. Ann. Fabroti.

²⁾ Хронологическая путаница господствуетъ уже въ самомъ прозведеніи Никиты и чтобы замѣтить ее нужно было бы специальное изученіе при помощи многихъ постороннихъ источниковъ. Причина путаницы отчасти объяснена въ моей рецензіи на книгу Э. И. Успенскаго: Образование втораго Волгарскаго царства (*Жур. Мин. Нар. Пр.* Іюнь, 1879 г.).

того же доставленнаго Сирмондомъ манускрипта¹⁾. Оба сочиненія вышли въ одномъ томѣ.

Дѣло шло какъ бы по извѣстному опредѣленному плану, который, впрочемъ, хотя отчасти былъ уже заявленъ. Еще при изданіи Кантакузина въ предисловіи было сказано, что если читатели отнесутся благосклонно къ этому опыту, то подѣ руководствомъ вышеназваннаго сановнаго мужа (De Noyers) и подѣ покровительствомъ короля въ скоромъ времени королевскою типографіей будутъ обнародованы всѣ писатели византійской исторіи, какъ напечатанные, такъ и остающіеся въ рукописяхъ, что очень многіе признаютъ полезнымъ. При выходѣ Кедрина было обѣщано появленіе хроникъ Теофана, которая до сихъ поръ не видала свѣта, а между тѣмъ имѣла первостепенное значеніе для эпохи иконоборства, когда жилъ авторъ, а также и для предидущаго времени, такъ какъ, продолжая Синкелла, онъ начиналъ изложеніе со времени Діоклетіана. Изъ переписки одного изъ братьевъ Дюпри съ Голстеномъ видно, что изданіе Теофана, а равно и Георгія Синкелла предполагалось поручить племяннику Голстена Ламбеку (Ламбецію), нѣмецкому начинающему ученому, находившемуся тогда въ Парижѣ; изъ Рима ожидали рукописи, которую долженъ былъ прислать кардиналъ Варберини. Сообщивъ потомъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ Василия Фабро—письмо было писано въ сентябрѣ 1646 года, корреспондентъ Голстена продолжалъ: „предпринимаютъ также при королевской типографіи изданіе корпуса греческихъ историковъ Восточной имперіи²⁾. Вы могли бы видѣть Кантакузина въ трехъ небольшихъ томахъ in fol. по гречески и по латини. Вы знаете, что греческій текстъ еще не былъ напечатанъ. Въ настоящее время работаютъ надъ Кедриномъ, но хотятъ только повторить прежнее изданіе, не заботясь объ исправленіи перевода, который въ томъ нуждался бы³⁾. Во всемъ этомъ обращаетъ на себя вниманіе способъ выраженія, избирающій безличныя мѣстоименія и лишаящій насъ возможности сказать, кому именно принадлежалъ починъ и первая мысль предпріятія³⁾. На первомъ планѣ

¹⁾ Theophylacti Simocatae historiarum libri VIII ex versione et cum notis Sac. Pontani. 1647. S. Nicephori patriarch Constantinopolitani Breviarium historicum ex versione et cum notis Petavii.

²⁾ On entreprend aussi à la Typographie Royale un corps des historiens grecs de l'empire d'Orient... Pélassier, Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'école Française de Rome. Mars 1887. pag. 98.

³⁾ Въ свою очередь Голстенъ пишетъ (Іюль 1647) къ Гейнсію: *Mokimatu*,

стоитъ королевская типографія и ея начальство. Что касается предположеній объ участіи Ламбека, то въ такомъ видѣ, какъ писалъ Дюнио, они не оправдались.

Въ 1648 г. сначала отдѣльно, а потомъ при изданіи новаго тома византійцевъ, напечатано и обнародовано было написанное Лаббомъ воззваніе ко всѣмъ любителямъ византійской исторіи, гдѣ заявляется уже, что византійская исторія составляетъ предметъ общаго вниманія ученыхъ, и что книги, къ ней относящіяся, усердно требуются и жадно вездѣ разыскиваются, и притомъ большею частью тщетно, потому что вездѣ почти полки библіотекъ, назначенны для этого отдѣла, пусты. Большая часть византійскихъ историковъ остается въ рукописяхъ, покрытыхъ пылью и паутиною, а тѣ, которые обнародованы, обнародованы либо только по латыни, либо только по гречески, а если которые по латыни и по гречески, то появились въ разнообразной формѣ, напечатаны различными шрифтами, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, такъ что весьма трудно даже при большихъ издержкахъ собрать ихъ вѣстѣ. По этой причинѣ и многимъ другимъ рѣшено издать королевскимъ шрифтомъ (*typis regijs*) въ одинаковомъ форматѣ всѣхъ византійскихъ историковъ, какіе гдѣ-либо отыщутся— въ библіотекахъ Ватиканской, королевской (Парижской), Варберинской, Мазариніевой и т. д., и т. д. Для всеобщаго свѣдѣнія при этомъ объявленіи прилагался и проспектъ изданія, то-есть, списокъ авторовъ-византійцевъ съ указаніемъ, какіе уже изданы (Калпакузинъ, Кедринъ, Никита), какіе печатаются (Симокатта, Никифоръ), какіе предположены къ изданію и съ указаніемъ именъ ученыхъ, кому это поручено и кто за это взялся. Ученые всѣхъ странъ усердно приглашались къ содѣйствію, къ разысканію по библіотекамъ, музеямъ, по всѣмъ угламъ, всего относящагося къ византійской исторіи, съ тѣмъ, чтобы сообщать отысканное главному директору Луврской типографіи, Крамуазу (*Cramoisy*): въ вознагражденіе обѣщается признательность и вѣчная память въ потомствѣ ¹⁾.

Томъ, къ которому приложено было это воззваніе, *Protrepticon*, вышелъ тоже въ 1648 году и заключалъ въ себѣ Выборку о посольствахъ, составленную при Константиѣ Багрянородномъ, иначе *Excerpta legationum*, уже разъ изданныя Гешелемъ и теперь переве-

*magnam et absolutissimum historiae Byzantinae corpus et subsidia undique con-
trahunt... Ibid. pag. 108.*

¹⁾ *Philippi Labbaei de Byzantinae historiae scriptoribus publicam in lucem e
typographia regia Luparaca emittendis ad omnes eruditos protrepticon. 1648 in fol.*

денія на латинскій языкъ Кантоларомъ (Cantolagus); но при этомъ были прибавлены примѣчанія Генриха Вalezia, да сверхъ того, присоединены эксперты изъ Симокатты, до тѣхъ поръ не входившіе въ собраніе. Вторую часть тома подъ заглавіемъ *Eclogae historicorum* составляли вѣтныя изъ библіотеки Фотія оглавленія такихъ историческихъ византійскихъ писателей, которые до насъ не дошли въ цѣлости, именно Олимпіодора, Кандида, Теофана Византійскаго; затѣмъ Гезихій Милетскій о древностяхъ константинопольскихъ по изданію Меурсія и извлеченіе изъ лексикона Свиды (IX вѣка) статей, касающихся византійской исторіи; наконецъ, примѣчанія Меурсія къ Гезихію и Филиппа Лабба къ Олимпіодору, Кандиду, Теофану и Свидѣ, обличающія значительную начитанность въ источникахъ и не безполезныя. Слѣдуетъ замѣтить, что посвященіе кардиналу Мазарини, въ формѣ письма къ нему (*epistola*), опять подписано Аннибаломъ Фабро. А что касается воззванія, то въ немъ обѣщано было Лаббомъ еще многое, долженствовавшее появиться при ближайшихъ томахъ коллекціи, чего, однако, пришлось ожидать довольно долго, потому, вѣроятно, что оказалось дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ казалось сначала. Именно обѣщаны были: 1) Хроника новаго Рима—нѣчто въ родѣ регестъ или краткой погодной лѣтописи византійскихъ событій; 2) Синтагма или каталогъ писателей по византійской исторіи съ краткимъ указаніемъ времени, когда жилъ каждый и его трудовъ; 3) Топографія Константинополя, и 4) лексиконъ византійскій. Только второй пунктъ оказался болѣе осуществимымъ и уже при первомъ томѣ, вышедшемъ послѣ воззванія, то-есть, при *Excerpta legationum* приложены были подъ названіемъ „*Apparatus byzantinae historiae*“, списки Византійскихъ императоровъ, патриарховъ, а затѣмъ и писателей въ самой краткой формѣ и въ началѣ тома. Тѣмъ не менѣе, нужно считать весьма замѣчательнымъ заявленіе о необходимости лексикона и топографіи, хотя мы и не знаемъ, чтобы великій ученый, впоследствии осуществившій идею, взялся за свой трудъ подъ чужимъ вліяніемъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла точно также не вполне соответствовалъ заявленной программѣ; вмѣсто однихъ предполагаемыхъ редакторовъ нѣкоторые авторы переданы были другимъ; перемѣны иногда были къ лучшему, и даже такъ было въ большей части случаевъ; особенно когда на сцену появились дѣятели, далеко превосходившіе Лабба, которому первоначально выпадала слишкомъ большая доля въ распределеніи труда, и даже способные затмить Фабро и Гоара. Прибавимъ еще, что съ самаго начала инициатива, взятая на себя Лаб-

бомъ, не всѣмъ близкимъ къ дѣлу лицамъ одинаково нравилась, отчасти изъ нѣкотораго, можетъ быть, соревнованія къ іезуитамъ болѣе галликански настроенныхъ лицъ. Извѣстный намъ корреспондентъ Голстена находилъ, что предпріятію недостаетъ компетентнаго руководителя и что недавно проявившійся іезуитъ Лаббъ едва ли обладаетъ для того достаточными силами ¹⁾).

Мы не будемъ отдѣльно излагать программы, возвѣщенной въ Воззваніи, а воспользуемся ею для сравненія съ дѣйствительнымъ исполненіемъ, которое ностараемся представить въ краткихъ чертахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Къ 1648 году, сверхъ всего прочаго, относится еще изданіе Кодина „О должностяхъ великой церкви и двора Константинопольскаго“ съ примѣчаніями и приложениями, которыя уже были у Гретсера, а также съ присоединеніемъ разныхъ не изданныхъ каталоговъ церковныхъ и придворныхъ должностей, заимствованныхъ изъ рукописей Королевской и Мазариніевой бібліотеки, съ придачею списковъ епархій, приписываемыхъ Льву Мудрому и Андронику Палеологу ²⁾). Это не была простая перепечатка прежняго изданія; трудъ Гоара, который согласно съ предположеннымъ планомъ завѣдывалъ редакціею Кодина, былъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и даже любовію къ дѣлу. Хотя за основаніе былъ принятъ текстъ Гретсера, но онъ былъ сличенъ и по мѣстамъ исправленъ по двумъ спискамъ Парижской королевской бібліотеки; точно также пересмотрѣнъ былъ и латинскій переводъ, который вовсе не былъ безошибоченъ и безупреченъ; обширныя примѣчанія Гретсера были оставлены неприкосновенно, но на ряду съ ними Гоаръ нашелъ необходимымъ помѣстить еще болѣе пространныя собственныя толкованія. Дѣло въ томъ, что хотя Гретсеръ и обличалъ съ большою рѣзкостью своего голландскаго пред-

¹⁾ Ce qui nous manque ici, c'est un bon conducteur de l'ouvrage, tant pour le texte grec que pour la version latine — — et je ne sçay si le P. Labbe, jésuite qui s'est produit depuis peu, a les espauls assez fortes pour cela. Письмо Дюлюкъ къ Голстелу отъ 13-го марта 1648 г. (Mélanges et cet. pag. 114). Дюлюкъ предпочиталъ бы видѣть во главѣ дѣла Фабро, но онъ слишкомъ обремененъ другими работами и т. д.

²⁾ Georgius Codinus Curopalata, de officiis magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae, ex interpretatione Jac. Gretseri, cum ejusdem commentariis in Codinum et syntagmate de imaginibus manu non factis, deque aliis a S. Luca pictis; item notitiae episcopatum graecorum a Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum et tituli honoris quibus proceres tum ecclesiastici, tum palatini celebrantur in orientali imperio. 1648.

шественника (Юнія) въ непониманіи и незнаніи, но и самъ надѣлялъ много промаховъ въ толкованіи византійскихъ терминовъ и словъ новогреческаго образованія. Гоару при этомъ крайне полезнымъ оказалось его знакомство съ живымъ новогреческимъ языкомъ, съ настоящею практикою и обрядностью восточной православной церкви, съ богослужебными книгами грековъ и т. д. Онъ извѣщаетъ своего предшественника, человѣка почтеннаго и благочестиваго, тѣмъ, что во время Гретсера весь этотъ словарь новшествующей Греціи еще не былъ принесенъ на западъ, *voces illae neotericae Graeciae nondum in occidentales partes essent allatae*, и что онъ принужденъ былъ руководствоваться лексикономъ Меурсія, который часто самъ ошибался и вводилъ такимъ образомъ въ искушеніе, увлекалъ за собою въ яму другаго. Гоаромъ весьма много сдѣлано для объясненія писателя, который былъ труднымъ и темнымъ не вслѣдствіе какой-либо своей древности, а именно вслѣдствіе новизны своей, для воскрешенія обрядовъ, нравовъ, обычаевъ, одеждъ, погребенныхъ подъ недавними развалинами, а еще болѣе подъ необычнымъ и недоступнымъ для непосвященныхъ языкомъ описанія. Томъ, посвященный Кодицу, нужно считать однимъ изъ лучшихъ парижскаго собранія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ, не исключая боннскаго, ничего новаго къ сдѣланному Гоаромъ не прибавлено.

Въ 1649 году вышло въ свѣтъ изданіе церковной исторіи или Трехчленной хронографіи Анастасія Библиотекаря ¹⁾, сочиненія на латинскомъ языкѣ, представляющаго извлеченіе изъ трехъ византійскихъ хроникъ — Синкелла, патріарха Никифора и Теофана. Особенное значеніе этотъ трудъ, совершенный авторомъ послѣ его побѣдки въ Константинополѣ въ 869 году, приблизительно около 874 года, представлялъ, конечно, для запада, гдѣ его компіляція имѣла въ средніе вѣка самое обширное распространеніе; но вслѣдствіе того, что она составлена едва черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ появленія подлинной хроникѣ Теофана, котораго передаетъ почти въ цѣлости и въ буквальномъ переводѣ, она могла служить нѣкоторою замѣной подлинника этой послѣдней хроникѣ, а для новѣйшихъ ученыхъ — средствомъ для точнѣйшаго восстановленія греческаго оригинала, извѣстнаго намъ по спискамъ гораздо болѣе позднимъ. Парижское

¹⁾ Anastasii bibliothecarii historia ecclesiastica, sive chronographia tripartita, ex Georgio Syncello, Nicephoro et Theophane excerpta, recensita et notis ac glossariis mixto-barbaris illustrata, a Car. Annib. Fabroto. 1649.

изданіе, повторявшееся въ другихъ собраніяхъ, было въ сущности единственнымъ до послѣдняго времени. Оно было сдѣлано Фабро, который располагалъ для этого двумя французскими рукописями, довольно поздними, однимъ ватиканскимъ спискомъ, съ котораго копія приготовлена была Лукою Голстеномъ и прислана изъ Рима; но и этотъ списокъ относился къ XV столѣтію. Хотя Лука Голстенъ и сдѣлалъ далѣе сличеніе ватиканской копіи своей съ манускриптомъ Монтекассинскаго монастыря, безъ того послужившимъ въ качествѣ оригинала для римскаго, но это мало помогло дѣлу, потому, во первыхъ, что и Монтекассинскій списокъ не передаетъ подлиннаго текста Анастасія вслѣдствіе произвольныхъ безчисленныхъ большихъ и малыхъ измѣненій позднѣйшей руки, а повторилъ, потому, что сличеніе сдѣлано было, по видимому, весьма поверхностно, по крайней мѣрѣ слѣды его въ печатномъ изданіи Фабро совершенно ничтожны. Упреки, которые высказаны противъ парижскаго изданія Анастасія новѣйшимъ издателемъ Теофаномъ (де-Вооромъ), должны падать въ некоторомъ образѣ на Голстена, и во всякомъ случаѣ, если взять въ расчетъ тогдашнія условія и уровень критическихъ требованій, не отнимаютъ цѣнности труда, совершеннаго Фабро; прибавленный къ тому словарь темныхъ словъ еще оную увеличиваетъ.

Хроника Дуки заключаетъ въ себѣ по обычаю краткій обзоръ событій отъ сотворенія міра, затѣмъ начинается свой болѣе подробный разсказъ отъ смерти Андроника Палеолога Младшаго въ 1341 году и доводитъ оный до завоеванія турками Митилены (Лезбоса, 1462 г.), куда авторъ удалился послѣ паденія Константинополя; такимъ образомъ она какъ бы составляетъ продолженіе къ исторіи Каптакузина. Авторъ, во время своего пребыванія при дворѣ митиленскихъ христіанскихъ владѣтелей, Гателуцци, признавшихъ турецкое верховенство, нѣсколько разъ былъ отправляемъ въ послахъ къ Магомету II, котораго, слѣдовательно, зналъ лично, а при своемъ образованіи и большомъ умѣ онъ лучше, чѣмъ другіе его соотечественники, Халкокондила и Франджи, понималъ и объяснялъ причины паденія своего отечества и послѣдней катастрофы. Его интересное и важное сочиненіе, дотолѣ совершенно неизвѣстное и дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ Парижской бібліотеки, издано было, согласно съ заявленіемъ предварительной программы (prograterticon), Измаиломъ Буллио, который прибавилъ еще краткую анонимную греческую хронику отъ 1089 по 1523 годъ, въ послѣдствіи цитованную Дюбанжемъ въ его словарь

подъ названіемъ греко-венеціанской ¹⁾). Такъ какъ она писана совершенно варварскимъ, то-есть, ново-греческимъ языкомъ, законы котораго не совсѣмъ были понятны издателю, то при установленіи текста легко могли быть допущены многія неправильности и ошибки: послѣ на это обращали вниманіе ученые филологи. Отчасти тѣ же трудности и опасности представляла рукопись и относительно Дуки, и не вездѣ можно было съ ними справиться безъ спеціальнаго филологическаго изученія народной греческой рѣчи ²⁾).

Въ 1650 году относится изданіе Халкокондилы подъ редакцію Фабро ³⁾). Основаніемъ служилъ греческій текстъ Баумбаха (женевское изданіе 1615 г.), съ нѣкоторыми исправленіями и вариантами изъ двухъ парижскихъ списковъ королевской бібліотеки; латинскій переводъ взятъ тоже прежній (Клаузера, 1556), но прибавленъ словарь къ Дуки и Халкокондилѣ, составленный по обычному способу Фабро; кромѣ того, здѣсь же присоединены лѣтописи Османскихъ султановъ отъ 1289 по 1550 годъ, переведенныя съ турецкаго на нѣмецкій и изданныя вмѣстѣ съ подлинникомъ Іоанномъ Шпигелемъ (Gaudler dictus Spiegel) во Франкфуртѣ, а послѣ переведенныя на латинскій Леунклавиемъ, который и продолжилъ ихъ по 1588 годъ и т. п. Изданіе въ сущности является перепечаткою прежнихъ, о которыхъ рѣчь была выше.

Въ 1651 году было вышущено уже упомянутое нами изданіе Георгія Акрополиты Алліціемъ; къ основному тексту присоединена была краткая и малозначущая хронографія Іонія (по 1204 г.) и повѣсть Іоанна Канана, о войнѣ Константинопольской 1422 года съ султаномъ Амуратомъ II, когда Цареграду уже угрожала конечная гибель, предотвращенная однимъ чудомъ. При комментаріѣ сохранены примѣчанія Дузы, перваго издателя Акрополиты, и приложена діатриба Алліція о Георгіяхъ ⁴⁾).

¹⁾ Ducae, Michaelis Ducae nepotis, historia Byzantina; accessit chronicon breve aliquot gestorum Graecorum, Venetorum et Turcorum, ex interpretatione et cum notis *Ismaelis Bullialdi*. 1649.

²⁾ *Mullach*, Collectaneorum byzantinorum libri duo (Berolini, 1852), 3—14.

³⁾ Leonici Chalcocondyli historiae Turcorum libri X, ex interpretatione Conradi Cluseri, cum annalibus sultanorum ex interpretatione Ioann. Leunclavii; accessit *Car. Anst. Fabroti* index et Chalcondylae glossarium, 1650.

⁴⁾ Georgii Acropolitae historia Byzantina; Ioelis chronographia compendiaris et Ioannis Canani narratio de bello Constantinopolitano, ex interpretatione Leonis Allatii, cum ejusdem notis et Theodori Douzae observationibus; accessit ejusdem Allatii diatriba de Georgiorum scriptis. I, 651, Paris.

Къ тому же году относится появленіе Алексіады, то-есть, исторіи императора Алексѣя Комнина (1081—1118), сочиненной его дочерью Анною¹⁾. Въ новомъ изданіи этого памятника византійской письменности, одного изъ наиболѣе въ ней интересныхъ, давно ощущалась потребность, потому что текстъ, изданный Гешелемъ, какъ это скоро замѣчено было учеными, содержалъ въ себѣ не болѣе какъ только извлеченіе изъ подлиннаго произведенія. Для приготовленія его къ печати (см. Protergerison) избранъ былъ іезуитъ Пуссинъ, проживавшій тогда въ Тулузѣ, и этотъ выборъ не только не былъ удаченъ, какъ показали послѣдствія, но и представлялъ въ себѣ пѣчто загадочное и странное. Дѣло въ томъ, что Алексіадою занимались ранѣе гораздо болѣе выдающіеся тогда филологи. Еще въ 1636 году Голстенъ извѣщалъ Пейреска изъ Рима, что, по его совѣту, кардиналъ Барберини велѣлъ сдѣлать копію съ ватиканскаго списка Алексіады. Черезъ десять лѣтъ, когда въ Парижѣ созрѣла мысль о полномъ собраніи византійцевъ, уже отсюда писали въ Римъ Голстену, что его рукописная исторія Анны Комнины будетъ очень кстати, дабы войти въ сборникъ, тѣмъ болѣе, что во Франціи не имѣли ея полного списка²⁾. Однако, самъ Голстенъ, по видимому, не хотѣлъ взяться за это дѣло. Алексіаду собирался издавать Яковъ Гроновъ, извѣстный тогда голландскій филологъ, посѣтившій въ 1641 году Римъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Голстеномъ; отъ него онъ получилъ возможность имѣть свою копію барберинскаго или, что то же, ватиканскаго текста Анны; затѣмъ этотъ неполный и неисправный текстъ онъ сличилъ съ миднейскимъ флорентійскимъ, наиболѣе исправнымъ и древнимъ, впрочемъ, не очень тщательно: этотъ его экземпляръ сохранился въ Лейденской бібліотекѣ. Но это же самое сличеніе, имѣи болѣе свободнаго времени, съ большимъ досугомъ произвелъ и Голстенъ въ своемъ экземплярѣ, который онъ и предложилъ Гронову въ пособіе при предполагаемомъ изданіи. Пока Гроновъ ожидалъ посылки, она, по его словамъ, какъ-то очутилась въ Парижѣ. Какъ теперь разъясняется, первоначальное намѣреніе, по видимому, дѣйствительно, было такое, чтобы поручить изданіе Анны для Парижской коллекціи Гронову; Голстена извѣщали (въ апрѣлѣ 1647 г.)

¹⁾ *Annae Comnenae Alexias, sive de rebus ab Alexio Comneno vel ejus tempore gestis, ex interpretatione Petri Possini, cum ejusdem notis et praefationibus, annotationibusque Davidis Hoerschellii.*

²⁾ *Périsier, Les amis d' Holstenius l. c. pag. 103.*

изъ Парижа (письмо Дюпюи), что вотъ Гроновъ предлагаетъ прислать въ пакетѣ свой экземпляръ Анны (s'offre de bailler son exemplaire de l'Alexias d'Anna Comnena), но прежде желаетъ ознакомиться съ корректурами, вами (Голстеномъ) сдѣланными на своемъ экземплярѣ. Значитъ, хотѣли имѣть текстъ Гронова, но тотъ по добросовѣстности ждалъ помощи Голстена. Съ своей стороны, Голстенъ, посылая на нѣя Дюпюи свою посылку, предполагалъ, что она будетъ передана Гронову. Но она была передана не ему, а Пуссину, и когда объ этомъ узналъ Голстенъ, то онъ былъ очень недоволенъ, а Гроновъ тѣмъ болѣе. Въ 1648 году Голстенъ писалъ къ одному постороннему ученому въ Голландіи (Гейнвию), что онъ не повѣрилъ бы никакимъ извѣстіямъ о своей Алексіадѣ, еслибы ихъ не подтвердило присланное воззваніе (Protgerison) изъ королевской типографіи ¹⁾; въ немъ, какъ упомянуто, при Алексіадѣ Анны стояло имя Пуссина. Съ своей стороны, Пуссинъ въ предисловіи къ своему изданію Алексіады, и въ посвященіи его канцлеру Сегье сообщаетъ нѣны данныя. Онъ ранѣе зналъ о существованіи очень хорошаго списка Алексіады, принадлежавшаго нѣкогда Куяцію (Кюжэ), и еще прежде, чѣмъ на него возложено было порученіе приготовить къ изданію Алексіаду, то есть, самое главное, сдѣлать ея латинскій переводъ, онъ употреблялъ много стараній, чтобы добраться до этого манускрипта, но не смотря на содѣйствіе ученаго Тулузскаго архіепископа (Charles de Montschal), всѣ поиски оказались тщетными. Однако, они были извѣстны канцлеру Сегье, и потому, какъ скоро онъ пришелъ къ сознанию необходимости включить Алексіаду въ византийское собраніе, онъ обратился къ Пуссину, но съ другой стороны, зная о тщетѣ его прежнихъ усилій, принялъ свои мѣры. „Ты обращаешься въ Италію“, — съ наосомъ восклицаетъ Пуссинъ въ посвященіи, — „хлопочешь въ Римѣ, привлекаешь оттуда кодексъ Барберинской бібліотеки, хотя не самый лучший и не совсѣмъ полный, но достаточно удовлетворительный для того, чтобы несовсѣмъ тупой и сколько-нибудь опытный переводчикъ могъ утѣшиться въ недостатокѣ лучшаго и съ нѣкоторою увѣренностью взяться за дѣло“. Въ предисловіи къ читателямъ сообщается, что этотъ списокъ, который Сегье досталъ изъ Рима чрезъ посредство письменныхъ сношеній и чрезъ извѣстныхъ лицъ, былъ произведеніемъ трудовъ Голстена, и что Голстенъ сличилъ

¹⁾ Все это заимствовано нами изъ обнародованной у Пеллессе переписки Дюпюи съ Голстеномъ.

текстъ римскаго кодекса съ болѣе древнимъ пергаментнымъ флорентійскимъ спискомъ, — „который я“, мимоходомъ замѣчаетъ Пуссинъ, — „нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ лично видѣлъ въ Медицейской библиотекѣ во Флоренціи. Недоставало въ сообщенной Пуссину копій очень немногаго, такъ какъ ватиканскій и флорентійскій списки не имѣли вполнѣ развѣ только вступленія Анны въ свое повѣствованіе, которое было совсѣмъ утрачено, да самаго окончанія книги, гдѣ вслѣдствіе порчи листовъ не все можно было разобрать; недостающее въ началѣ Пуссинъ съ полнымъ правомъ могъ пополнить по сокращенной редакціи, изданной Гешелемъ. Приведенная нами, не во всѣхъ своихъ подробностяхъ понятная, исторія подготовительныхъ мѣръ въ изданію Анны, кажется достаточно объясняетъ, почему оно вышло столь неудовлетворительнымъ. Издатель или редакторъ самъ лично не изучалъ текста по рукописямъ и едва ли могъ составить себѣ ясное представленіе о взаимномъ отношеніи и обоюдномъ достоинствѣ тѣхъ двухъ редакцій, какія слиты были вмѣстѣ въ доставленной ему копіи. Основаніемъ всего послужилъ ватиканскій списокъ, который уже тогда считался неудовлетворительнымъ по сравненію съ флорентійскимъ; послѣдній, признанный наиболѣе древнимъ и цѣннымъ, былъ только привлеченъ для полученія варіантовъ и поправокъ, но не извѣстно, по какой системѣ и въ какой степени. Впрочемъ, самъ Пуссинъ ради своего извиненія указывалъ на слабыя стороны своего дѣла. „Въ моихъ рукахъ былъ одинъ только кодексъ“, говоритъ онъ, — „торопливо и безъ разбора составленный и сшитый изъ двухъ попорченныхъ, и онъ изобилдовалъ иногда непонятными и сомнительными, иногда явно ошибочными выраженіями“¹⁾). Считаая опаснымъ пускаться въ произвольныя исправленія и догадки, Пуссинъ рѣшился оставить греческій текстъ неприкосновеннымъ, какъ онъ былъ, не трогая даже очевидныхъ погрѣшностей, но за то обратить все свое вниманіе на латинскій переводъ. Объ этомъ латинскомъ переводѣ нужно сказать, что, занимаясь имъ, Пуссинъ опять-таки думалъ, кажется, болѣе объ изяществѣ своего латинскаго стиля, чѣмъ о близости къ подлиннику; иногда онъ принимаетъ видъ отдаленнаго и совсѣмъ неточнаго перифраза. Наконецъ, Пуссинъ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что по-

¹⁾ Codex qui ad manum erat unicus tumultuarie, ut dixi, ex duobus mutilis congestus consutusque passim incertae, paleaque interitae mendosae lectionis vocibus scatebat.

ниманію Анны много помогутъ словарь и примѣчанія, коики должно было сопровождаться изданіе. Словарь, дѣйствительно, былъ приложенъ къ вышедшему тому и былъ крайне плохъ и недостаточенъ, а примѣчанія были отложены до будущаго времени и должны были появиться въ отдѣльномъ томѣ, вмѣстѣ съ приложеніями, въ числѣ коихъ названа была жизнь Анны по древнимъ источникамъ и Панагиріикъ императору Алексію, сказанный Теофилактомъ въ его присутствіи, и т. д. Пуссию въ послѣдствіи посчастливилось отыскать тотъ самый списокъ Алексіады, котораго онъ такъ усердно и такъ тщетно искалъ въ Тулузѣ, и по его словамъ, находка принесла ему большую пользу, такъ какъ давала возможность дополнить всѣ пробѣлы и представила множество болѣе исправныхъ и надежныхъ чтеній отдѣльныхъ словъ: до двухъ тысячъ отмѣтилъ ихъ Пуссинъ въ своемъ печатномъ экземплярѣ Анны и хотѣлъ обнародовать все въ томъ же дополнительномъ томѣ. Но этотъ томъ никогда не появлялся. Что касается примѣчаній къ Аннѣ, то они были написаны нѣсколько позже другимъ болѣе къ тому подготовленнымъ ученымъ.

Изданная вслѣдъ за Алексіадою Анны, переведенная на латинскій языкъ съ арабскаго, Восточная хроника была посвящена Авраамомъ Екхелепскимъ, маронитомъ съ горы Ливана, канцлеру Сеге, такъ какъ самая рукопись, съ которой сдѣланъ переводъ, принесена была съ Востока благодаря стараніямъ канцлера, и такъ какъ переводчикъ, преподаватель сирійскаго и сербскаго языка въ Сорбоннѣ, былъ многими обязанъ щедрости этого сановника¹⁾. Что касается до содержанія хроники, то она заключаетъ въ себѣ списки ветхозавѣтныхъ патриарховъ отъ Адама до Моисея, списки судей и царей Израильскихъ до плѣненія вавилонскаго, царей Халдейскихъ, Персидскихъ, Греческихъ, Маккавейскихъ и дома Иродова, далѣе хронику Римскихъ императоровъ до 11-го года Ираклія, потомъ статьи о происхожденіи магометанства, о халифахъ, царствовавшихъ въ Аравіи, Египтѣ и Багдадѣ (Вавилонѣ) по 655 годъ гижры (=1277), наконецъ, списокъ коптскихъ (монофизитскихъ) патриарховъ въ Александріи, начиная отъ Марка Евангелиста до Аенасія въ половинѣ XIII вѣка (1251—1262). Въ своей первой части она имѣетъ близкое родство съ хроникою мелхитскаго (православнаго) патриарха Евтихія (=Саида-Ибн-уль-Батрика), жившаго въ X

¹⁾ Chronicon orientale, nunc primum latinitate donatum ab Abrahamo Echelepiensi Syro maronita e Libano. Parisiis. 1651.

вѣкѣ (+940). Переводчикъ присоединилъ отъ себя нѣсколько добавочныхъ статей, составленныхъ на основаніи арабскихъ источниковъ и касающихся исторіи до-магометанской Аравіи, вѣрованій и ученыхъ воззрѣній послѣдующихъ арабовъ и т. п. Обѣщанныя къ хроникѣ примѣчанія не появлялись на свѣтъ.

Къ тому же 1651 году относится появленіе двухъ какъ бы дополнительныхъ изданій небольшого объема и въ другомъ форматѣ, но включаемыхъ въ каталоги византійской французской коллекціи: это, во первыхъ, наставленіе своему царскому питомцу Константину Дуки, сыну императора Михаила Дуки (1071—1077) извѣстнаго болгарскаго архіепископа Теофилакта ¹⁾, и во вторыхъ, списокъ военныхъ и другихъ чиновъ Римской имперіи съ указаніемъ размѣщенія военныхъ разнаго рода отрядовъ по различнымъ провинціямъ, относящійся по своему происхожденію къ первой половинѣ V вѣка ²⁾. Издателемъ перваго сочиненія былъ Пуссинъ, а втораго—Филиппъ Лаббъ, присоединившій къ нему нѣсколько приложеній, не имѣющихъ для насъ важнаго значенія.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ S. Patris nostri Theophylacti, Bulgariae archiepiscopo, institutio regia ad Porphyrogennitum Constantinum, interprete Petro Possino.

²⁾ Notitia dignitatum imperii romani ex nova recensione Philippi Labbaei Biturici... cum pluribus aliis opusculis, indicibus et notis.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІІІ.

1887.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екаторининскаго 'кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	1
В. А. Вильбасовъ. Первые политическія письма Екатерины II	1
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи (продолженіе).	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Франца Миклошича. В. IV. М. 1896	154
И. М. Ж—въ. Монастыри въ Россійской имперіи. В. В. Зеррикскій. С.-П. 1887	159
— Книжныя повести	163
— Наша учебная литература (разборъ 16 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А. И. Бирничниковъ. Двѣ недѣли на островъ Хаики	1
И. И. Броуновъ. Письма изъ-за границы. IV—V.	9

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

© E. <u>Loev</u> . Quaestiones Theognidaeae.	1
--	---

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го сентября).

ОВОЗРВНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Часть первая. Изданіе источниковъ.

II.

Время Дюканжа ¹⁾.

Въ ряду трудовъ, посвященныхъ обнародованію памятниковъ византійской исторіи, первостепенное значеніе принадлежало изданію трехъ дотолѣ неизданныхъ или только отчасти изданныхъ произведеній, находящихся въ связи между собою и потому въ самыхъ оригинальныхъ рукописяхъ иногда слѣдовавшихъ одно за другимъ: разумѣются хроники Георгія Синкелла, Теофана Исновѣдника и Льва Грамматика, въ совокупности излагающія исторію отъ начала міра до половины X столѣтія.

Изборникъ хронографіи, составленный Георгіемъ Синкеломъ ²⁾, то-есть, буквально сокелейникомъ патріарха Тарасія, извѣстнаго по своей дѣятельности на вселенскомъ соборѣ 787 года, доходитъ только до времени Діоклетіана, такъ какъ смерть помѣстила автору продолжать свой трудъ далѣе. Такимъ образомъ, эта хронографія хотя и писана византійцемъ, но не касается собственно византійскаго

¹⁾ *Продолженіе*. См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Georgii Syncelli chronographia, ab Adamo usque ad Diocletianum, et Nicephori, patriarchae Constantinopolitani, breviarium chronographicum et cet. ex interpretatione et cum notis Jacobi Goar. 1652.* По гречески трудъ Синкелла называется *Εκλογὴ χρονογραφίας*.

времени; для древней исторіи она важна особенно тѣмъ, что сохранила драгоценнѣйшія извлеченія изъ древнѣйшихъ утраченныхъ трудовъ Манссона (для Египта), Африкана и Евсевія, изъ перваго едва ли заимствованныя непосредственно. Знаменитый Скалигеръ, напечатавшій значительную часть Синкелла въ своей Сокровищницѣ временъ (*Thesaurus temporum*), полагалъ, что все это прямо можетъ служить къ восстановленію утраченнаго подлинника (первой части) хроники Евсевія, но, какъ теперь (послѣ открытія армянскаго перевода обѣихъ частей хроники Евсевія) сдѣлалось очевидно, Скалигеръ ошибался въ своемъ предположеніи объ исключительной зависимости Синкелла отъ Евсевія ¹⁾. Аллицій разсуждалъ о Синкеллѣ въ своей діатрибѣ о Георгіяхъ и показалъ, что иныя изъ ученыхъ (*Possevinus, Vossius*) напрасно смѣшивали этого писателя съ другимъ Георгіемъ, съ тѣмъ, которому потомъ было усвоено имя Амартола. Мысль о цѣльномъ изданіи Синкелла, и что для насъ особенно важно, вмѣстѣ съ его продолженіемъ, касающимся византійской эпохи, существовала гораздо ранѣе, чѣмъ королевская типографія въ Парижѣ заявила о планѣ общаго изданія византійцевъ. Объ этомъ шла рѣчь съ 1628 года въ перепискѣ Голстена, только что переселившагося въ Римъ изъ Парижа, сначала съ Перейскомъ, потомъ съ Дюпюи ²⁾. Во Франціи

¹⁾ См. обо всемъ этомъ подробнѣе у *Шёне* (*Schoene*) при новѣйшемъ изданіи хроники Евсевія.

²⁾ Считаю не излишнимъ привести хотя въ примѣчаніи нѣкоторыя, сюда относящіяся свѣдѣнія, находящіяся у *Палиссе*, *Les amis de Holstenius*: l. c. Въ 1628 году Голстенъ писалъ Пейреску, что по приказанію кардинала Варберни списаны были съ Ватиканскихъ хартій хроники Георгія монаха и его продолжателя Θεοφανъ, а также латинскій переводъ того и другаго сочиненія, принадлежащій Анастасію Вибліотекарю: *Tum alia Theophanis continuatio jussu Leonis cognomento sapientis imperatoris Constantinopolitani confecta, quae res orientis sedulo parat ad Leonis tempora. Opera pretium foret omnes ista junctim prodire in lucem.* Потомъ еще разъ Голстенъ писалъ, что весьма полезно было бы издать Синкелла и Θεοφана вмѣстѣ съ продолжателями, но что онъ въ Римѣ не видитъ къ тому средствъ (*sed adminicula ad rem nulla video*). Въ томъ же 1628 г. Голстенъ писалъ снова Пейреску о томъ же дѣлѣ и уже предлагалъ нѣкотораго рода соединеніе и раздѣленіе труда между Парижемъ и Римомъ. Онъ совѣтовалъ кардиналу, пусть тотъ поощритъ Готена, чтобъ онъ сдѣлалъ со своимъ изданіемъ (Синкелла? въ латинскомъ переводѣ?); и пусть либо самъ Готенъ, либо Пейрескъ сообщитъ о планѣ изданія въ Римѣ, кардиналу Варберни и попроситъ у него содѣйствія, а еще лучше попроситъ того, чтобъ одна часть столь обширнаго предпріянія была исполнена въ Римѣ, а исполненію другой въ Парижѣ оказано было содѣйствіе. *Monueram ill. cardinalem ut clarissimum et amplius*

переводомъ Синкелла на латинскій языкъ занимался одинъ изъ ученыхъ членовъ французской магистратуры, какихъ тогда было не мало, Готенъ (Hautin, Haultinus, Altinus), совѣтникъ судебной палаты (conseiller au Chatelet), умершій въ 1640 году. Въ проспектѣ при воззваніи (protrepticon) Лабба этотъ самый переводъ, пересмотрѣнный синозомъ умершаго, уже имѣлся въ виду. Самый греческій текстъ Лаббъ предполагалъ напечатать по рукописи Парижской королевской библіотеки, сообщенной братьями Дююи, при помощи сличенія ея съ другими манускриптами библіотеки Мазариніевой, а также съ тою копіей Ватиканскаго кодекса, которая прислана была изъ Рима кардиналомъ Барберини чрезъ посредство Голстена. Сверхъ того, предполагались комментаріи хронологическаго содержанія знаменитаго Петавіи и сличеніе напечатаннаго текста съ какими-то двумя манускриптами (помимо вышеозначенныхъ), что Лаббъ предоставлялъ себѣ самому. На самомъ дѣлѣ всѣ труды по изданію Синкелла достались на долю Гоара, о привлеченіи котораго къ этой задачѣ идетъ рѣчь уже въ письмѣ Дююи къ Барберини 1646 года ¹⁾. Въ предисловіи къ изданію Гоаръ сообщаетъ, что онъ взялся за латинскій переводъ Синкелла по приглашенію тѣхъ, кого нельзя было ослушаться, то-есть, какъ видно изъ связи, по порученію кардинала Барберини; о переводѣ Готена прямо не упомянуто, а только замѣчено вообще, что надъ нимъ, то-есть переводомъ, трудились уже многіе — французы,

simum D. Altinum potius ad maturandam editionem cohortaretur. Velleum itaque vel ipsum Altinum vel te (Пейреска, очевидно) illius nomine illi-mo cardinali exponere consilium editionis jampridem ab eo susceptum ac rogare ut si quid adjumenti ex Vaticanis eodd. accedere possit ad tam praecelorum studium suggerere dignetur, aut id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam à suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophanis, in ipsius Theophanis editione et Georgii sive monachi sive abbatis Altinum adjuvaret. Ita omni partitis operis editio citius absolveretur et laus integra ad illum principem tanquam ἐπιδημιάρχην rediret. Въ Римѣ сталъ работать надъ переводомъ Θεοφάνη Вушаръ (о чемъ ниже), уже въ 1634 году, и этотъ переводъ взялъ съ барберинскими епископами Синкелла и Θεοφάνη, сдѣланными Дормалиемъ (Dormalius), былъ посланъ въ Парижъ въ 1646 году.

¹⁾ *Périsier*, Les amis d. Holstenius, II, l. c., pag. 124: письмо отъ 22-го ноября означеннаго года. Получивъ изъ Рима послышку, въ которой оказался между прочимъ списокъ Синкелла, принадлежавшій Пейреску, Дююи пишетъ: „я приглашаю Крамуазан, и онъ обѣщаетъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ. J'ai jetté les yeux pour conduire cet ouvrage sur un religieux dominicain le P. Goard, que V. E. a vu dans Paris. Il a même copié en partie le Theophane, il me semble comme si m'a parlé de ces livres qu'il est capable d'entreprendre à travailler“.

итальянцы и нѣмцы. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что переводъ принадлежитъ самому Гоару. Для греческаго подлиннаго текста послужилъ преимущественно кодексъ Парижской королевской библіотеки, драгоценный тѣмъ, что, кромѣ Синкелла, онъ заключаетъ въ себѣ еще хронику Θεοφана и сверхъ того продолженіе послѣдней Льва Грамматика, которое ни въ какой другой рукописи, кромѣ этой, и не существуетъ. Теперь этотъ знаменитый пергаментный кодексъ значится подъ № 1711; какъ видно изъ греческой надписи на первомъ листѣ, онъ былъ купленъ какимъ-то Іоанномъ, сыномъ Авраама, въ Коринѣ въ 1507 году за четыре золотыя монеты, а послѣ принадлежалъ королю Генриху IV; самый текстъ писанъ не позднѣе конца XI столѣтія, хотя прежде относили его къ XIII ¹⁾; почеркъ дурной, некрасивый, неправильный, выходящій то вверхъ, то внизъ строки, съ весьма частыми сокращеніями или аббревіатурами, что даже необычно для столь древнихъ списковъ; вообще чтеніе его представляется крайне труднымъ даже для новѣйшихъ ученыхъ, которые обыкновенно подготовляются къ своему дѣлу теоретическимъ и практическимъ изученіемъ палеографіи, имѣютъ у себя въ распоряженіи отличныя для этой цѣли пособія, какихъ во время Гоара совсѣмъ еще не существовало. Поэтому мы думаемъ, что новые ученые, слишкомъ уже рѣзко отзывающіеся о недостаткахъ изданій Гоара, сдѣланныхъ по означенному манускрипту, не совсѣмъ справедливы. Гоаръ заявлялъ въ предисловіи, что онъ хочетъ напечатать основную рукопись буквально какъ есть, оставляя въ текстѣ небольшіе явные пробѣлы (*lacunas*) и несомнѣнно ошибочныя чтенія; поправки онъ дѣлалъ на поляхъ, а затѣмъ въ концѣ отдѣльно (въ *Emendationes* и *Adnotationes*). Но его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ иногда дѣлалъ поправки только къ своимъ собственнымъ ошибкамъ, къ ошибкамъ, происшедшимъ отъ неправильнаго чтенія правильно, но пераборочно написанныхъ словъ. Другіе списки Синкелла, какъ это было довольно обычно въ парижскихъ изданіяхъ византійцевъ, были привлечены только послѣ отпечатанія текста для подисденія вариантовъ. *Frates Puteani*, то-есть, братья Дюжи сообщили Гоару или даже подарили списокъ, принадлежавшій нѣкогда Пей-

¹⁾ Въ каталогѣ Парижской библіотеки она означена XIII вѣкомъ, но это сдѣлано на основаніи первыхъ листовъ, содержащихъ *Breviarium* Никифора и писанныхъ другою рукою, чѣмъ основной текстъ. Къ XI вѣку относятъ рукопись de Boog, въ изслѣдованіи о рукописяхъ Θεοφана, во второмъ томѣ изданія хроники сего послѣдняго.

реску (D-po Pereg), и этимъ самымъ почти-де устранили необходимость всякихъ дальнѣйшихъ розысковъ, ибо надпись показываетъ, что онъ былъ сличенъ съ палатинско-ватиканскимъ спискомъ самимъ его первоначальнымъ обладателемъ. Впрочемъ, часть хронографіи, начиная съ осады Іерусалима Титомъ до Діоклетіана, была еще сличена со спискомъ ватиканскаго кодекса № 154, доставленнымъ кардиналомъ Барберини. Главнымъ же образомъ сличенія дѣлаются уже съ печатнымъ изданіемъ Скалигера и направляются въ обличіе этого знаменитаго филолога; есть какъ бы статистика всего, заимствованнаго Скалигеромъ изъ Синкелла, есть затѣмъ указаніе текстовъ Синкелла: а) испорченныхъ, б) изувѣченныхъ, в) измѣненныхъ или упущенныхъ Скалигеромъ. Затѣмъ уже слѣдуютъ исправленія и примѣчанія — очень обширныя и, конечно, весьма поучительныя: объясненія дѣлаются на основаніи изученія всѣхъ другихъ, тогда извѣстныхъ, сродныхъ источниковъ; поправки текста сообщаются здѣсь по преимуществу такія, которыя требуютъ разъясненій и доказательствъ. Предварительныя и разнаго рода реальныя объясненія, сверхъ того, находятся въ предисловіи и въ хронологическомъ канонѣ. Предисловіе, конечно, стоитъ въ началѣ, тотчасъ за посвященіемъ канцлеру Себье. Здѣсь говорится о предшественникахъ Синкелла — хронографѣхъ Африканѣ и Евсевіѣ, о значеніи слова синкеллъ, при чемъ доказывается, что въ древности званіе келейника патріарха было весьма почетнымъ и вело къ достиженію высшихъ духовныхъ должностей, говорится о самой хронографіи и ея авторѣ, уже отличаемомъ отъ Амартола, объ источникахъ ея, при чемъ Гоаръ подробно опровергаетъ взглядъ Скалигера, что все почти, чтѣ было въ хроникѣ Евсевія, перешло къ Синкеллу, а напротивъ доказываетъ, что у Синкелла были и другіе источники; наконецъ, идетъ разсужденіе о томъ, въ полномъ ли видѣ дошло до насъ сочиненіе Синкелла, и говорится о рукописяхъ. Таблица *chronicus*, хронологическая таблица родоначальниковъ, царей, вождей и императоровъ, составлена Гоаромъ на основаніи Синкелла съ указаніемъ, гдѣ его хронологія правильна, гдѣ требуетъ исправленія. Въ боннскомъ изданіи все это было перепечатано безъ измѣненія; только относительно текста сдѣланы были разныя улучшения и привлеченъ къ дѣлу новый кодексъ Парижской бібліотеки № 1764, указанный Бредовымъ. Тѣмъ не менѣе о самомъ Гоарѣ сказано только, что это былъ яростный порицатель Скалигера, человекъ посредственной учености, лишенный всякой способности къ критикѣ. Впрочемъ, при этомъ имѣется въ виду только чисто филологическая

часть труда, а не то, что сдѣлано Гоаромъ для реального комментарія. О Вревіаріѣ Никифора, изданномъ вмѣстѣ съ Синкелломъ, замѣтимъ только, что онъ былъ напечатанъ по тому же кодексу 1711, но въ немъ онъ писанъ, какъ связано, болѣе поздней рукой, чѣмъ остальной текстъ, и является въ рецензій не первоначальной, но уже испорченной и не чуждой позднѣйшихъ вставокъ.

По завѣту умирающаго Георгія и согласно съ обѣтомъ, даннымъ предъ его смертнымъ одромъ, Синкелла продолжалъ Теофанъ, игуменъ монастыря Сигріанскаго, защитникъ иконопочитанія, получившій названіе исповѣдника вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ онъ подвергся при Львѣ Армянинѣ, продержавшемъ его два года въ тѣсномъ и тяжеломъ темничномъ заключеніи. Теофанъ довелъ свою хронографію отъ Діоклетіана (или 285 года) до восшествія на престолъ Льва Армянина (813 г.)¹⁾. Сочиненіе его пользовалось величайшимъ уваженіемъ у современниковъ, ближайшихъ потомковъ и позднѣйшихъ византійцевъ; къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ продолженій, составленныхъ при Константинѣ Багрянородномъ и позднѣе; намъ уже извѣстно, что, съ одной стороны, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего появленія оно было переведено на латинскій языкъ Апастасіемъ, и что съ другой даже въ концѣ XI столѣтія Скилицій началъ свою компилятивную хроніку тамъ, гдѣ кончается разказъ Теофана. Что касается изданія хроніки Теофана, то выше (въ примѣчаніи) было упомянуто о Бушарѣ, домашнемъ кліентѣ кардинала Варберини, занимавшемся ею по порученію своего патрона. „Кардиналъ желаетъ“, писалъ Бушаръ еще въ 1634 году²⁾,—чтобъ я напечаталъ послѣдовательно исторію отъ начала міра до вятія Константинополя, какъ она изложена греческими христіанскими авторами Ватиканской бібліотекки, и я долженъ начать Теофаномъ, который написалъ исторію отъ Діоклетіана до императоровъ Михайла и Теофила“ (читай: Теофилакта, разумѣя при этомъ сына Михайла Рангави). Не совсѣмъ ясно, въ чемъ заключался первоначальный планъ довольно широко задуманнаго предпріятія; сомнительно, чтобы дѣло шло объ изданіи самихъ греческихъ подлинниковъ, имѣлось въ виду скорѣе приготовленіе однихъ

¹⁾ S. Theophanis chronographia, a Constantino Magno ad Michaelis et Theophili tempora et Leonis Grammathei vitae recentiorum imperatorum, ex interpretatione Jacobi Goar cum ejusdem et Franc. Combesis notis. 1655.

²⁾ Pelissier l. c. pag. 102, изъ корреспонденціи Пейроска, изданной Tamizey de Larroque.

латинскихъ переводовъ. По крайней мѣрѣ самъ Бушаръ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только переложилъ на латинскій языкъ доставленный ему въ копію съ Ватиканскаго списка текстъ хроники Теофана, и если затѣмъ хлопоталъ о полученіи другихъ списковъ, то опять-таки съ цѣлью облегчить себѣ трудъ и достигнуть болѣе точнаго перевода. Онъ уже зналъ, что существуетъ въ Парижской королевской библиотекѣ очень древняя пергаментная рукопись, содержащая вмѣстѣ съ Синкелломъ и Теофана съ его продолжателемъ, и что часть этого чрезвычайно труднаго для чтенія манускрипта, заключающая именно Теофана, была списана Готеномъ трудившимся, какъ мы знаемъ, и надъ Синкелломъ. Бушаръ обращался къ Готену съ просьбой о сообщеніи ему списка, но получилъ отказъ. Тогда чрезъ посредство Дюпюи онъ просилъ о томъ же самомъ знаменитаго филолога Сомеза (Saumaise, Salmasius), который точно также сдѣлалъ или велѣлъ сдѣлать для себя копію съ королевской рукописи; но и на этотъ разъ желаніе Бушара не вдругъ и не вполне было удовлетворено; Сомезъ такъ дорожилъ своимъ спискомъ, что не хотѣлъ равняться съ нимъ и подвергать его случайностямъ дальнейшей пересылки, а сообщилъ только копію съ своей копіи. Каковъ затѣмъ вышелъ переводъ Бушара и къ чему онъ послужилъ,—видно будетъ ниже.

Ф. Лаббъ въ своемъ воззваніи (Prolegomenon) обѣщалъ напечатать греческій, до тѣхъ поръ неизданный, текстъ Теофана, сообщенный ему братьями Дюпюи (Puteani fratres), представляющій воспроизведеніе королевскаго парижскаго списка, сличеннаго потомъ Голстеномъ въ Римѣ съ ватиканскою рукописью, послужившею основаніемъ для перевода Бушара. Здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, о томъ самомъ спискѣ, который былъ провѣряемъ Сомезомъ, и о которомъ послѣ переписывался Голстенъ съ Дюпюи.

„Что касается до греческаго экземпляра Теофана и его продолжателя Льва Армянина (sic), который вы“, пишетъ Дюпюи Голстену въ апрѣлѣ 1647 года—„общаете намъ прислать, чтобы послужить на мѣренію, какое здѣсь имѣютъ, отдать въ печать эти два произведенія, то я скажу вамъ, что ваши предложенія приняты здѣсь съ удовольствіемъ и Васъ просятъ привести ихъ въ исполненіе сколь возможно скорѣе, хотя я думаю, что то, что вы тамъ имѣете, не есть что-либо другое, какъ копія, которую я здѣсь велѣлъ снять съ королевскаго экземпляра для кардинала Барберини (=для его клі-

ента Бушара), и которую Сомэвъ взялъ на себя трудъ перечитать¹⁾.

По словамъ другаго изъ братьевъ Дюпюи, сличеніе древняго королевскаго кодекса (codex regius) съ Ватиканскимъ (Палатинскимъ) сдѣлано было по желанію Пейреска²⁾. Однако, этотъ кодексъ или этотъ списокъ нужно отличать отъ другаго кодекса, собственно такъ называемаго Пейрескова, по имени владѣльца, Пейреска: сей послѣдній, тоже находившійся временно у Барберини въ Римѣ, возвращенъ былъ въ Парижъ еще въ 1646 году, и о полученіи его Пьерръ Дюпюи извѣщаетъ въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ изъясняетъ желаніе о доставленіи вышеозначенной копіи, провѣренной Сомэзомъ. Сверхъ того, Дюпюи ошибался, какъ послѣ оказалось, и въ томъ своемъ предположеніи, что въ Барберинской библіотекѣ не было своего собственнаго экземпляра хроники Теофана. Лаббъ обѣщаль далѣе, что по окончаніи печатанія онъ сравнитъ королевское изданіе съ двумя другими рукописными кодексами, и если что найдетъ достойнымъ вниманія, то отмѣтитъ въ спискѣ варіантовъ. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ кодексовъ, которые предполагалось привлечь только для разпочтеній, могъ быть именно Реугезіанусъ, который самимъ первоначальнымъ владѣльцемъ былъ сличаемъ съ Ватиканскимъ (Палатинскимъ) текстомъ Синкелла и съ королевскимъ древнимъ Теофана; затѣмъ онъ, побывавъ въ Римѣ, сдѣлался достояніемъ Пьера Дюпюи, былъ имъ подаренъ Гоару, а теперь хранится въ Парижской національной библіотекѣ. Что касается латинскаго перевода, то Ф. Лаббъ хотя и упоминаетъ о переводѣ Бушара, но замѣчаетъ, что для королевскаго изданія изготовленъ Готеномъ новый переводъ. Первый еще ранѣе признанъ былъ въ Парижѣ неудовлетворительнымъ и незаконченнымъ, требующимъ новаго пересмотра, не говоря уже о совершенной несостоятельности прибавленныхъ въ концѣ замѣчаній³⁾. По той или другой причинѣ изданіе Теофана перешло вмѣстѣ съ Синкелломъ въ руки доминиканца Гоара съ устраненіемъ руководства, на которое заявлялъ притязаніе іезуитъ Лаббъ. Гоаръ долженъ былъ кромѣ того приложить къ Теофану и его продолжа-

¹⁾ Mélanges d'archéologie et d'histoire (Ecole française de Rome), Mars 1887: *Pelissier*. Les amis d'Holstenius pag. 107 (письмо отъ апрѣля 1647 г.).

²⁾ *Ibid.*, pag. 124 и 125.

³⁾La version latin de Theophanes par le sieur Bouchart qui n'est pas un ouvrage achevé et qu'il faut revoir... Письмо Пьера Дюпюи къ Барберини отъ 22-го ноября 1646 г. *Pelissier*. Les amis d'Holstenius et cet., pag. 124.

тели Льва грамматика. Это и было послѣднимъ, посмертнымъ трудомъ ученаго доминиканца, такъ много оказавшаго заслугъ византологіи; онъ скончался, не успѣвъ довести до конца свою задачу, но впрочемъ уже отпечатавъ всего Теофана, а также и Льва, за исключеніемъ немногихъ листовъ, и оставивъ въ рукописи готовныя примѣчанія къ Теофану. На одрѣ болѣзни онъ усердно просилъ своего сотоварища по ордену, ученаго Комбефиза, взять на себя обязанность докончить то, что было не кончено, и Комбефизъ ради дружбы и общихъ ученыхъ занятій далъ требуемое обѣщаніе. Такимъ образомъ томъ, содержащій хронику Теофана и ея продолженіе, принимаемое Льву Грамматикю, явился на свѣтъ съ именами двухъ издателей и съ предисловіемъ Комбефиза ¹⁾.

Въ этомъ предисловіи (Praefatio) Комбефизъ объясняетъ, что онъ отдалъ въ печать оставленныя Гоаромъ примѣчанія въ томъ самомъ видѣ, какъ они были написаны покойнымъ авторомъ, и хотѣлъ ограничиться приложеніемъ подробнаго указателя; но когда онъ сталъ ради этой цѣли пересматривать текстъ Теофана и Льва Грамматика, то онъ встрѣтилъ много такого, что требовало новаго вниманія и заботливаго исправленія; ради того онъ прибавилъ еще отъ себя дополнительныя примѣчанія, *Notae posteriores*. Дѣло въ томъ, что, какъ объясняетъ Комбефизъ въ другомъ мѣстѣ (въ самыхъ примѣчаніяхъ; см. pag. 665 парижскаго изданія), во время печатанія примѣчаній онъ получилъ въ свои руки парижскій кодексъ Теофана и Льва Грамматика, который въ сущности служилъ единственною основою для Гоара, и убѣдился, что переписчикъ его допустилъ множество недосмотровъ и ошибокъ въ чтеніяхъ; то, что уже поздно было исправлять въ примѣчаніяхъ Гоара, исправлено и отмѣчено Комбефизомъ въ его собственныхъ *Notae posteriores*, которыя, впрочемъ, онъ старался сдѣлать сколь возможно болѣе краткими и сжатыми; образцомъ должны были служить подобныя же дополненія Гоара къ Ксиландрову изданію Кедрина, а не обширный комментарий того же Гоара къ Кодинову. Сверхъ того, Комбефизъ объясняетъ въ предувѣдомленіи, что именно ему пришла мысль приложить къ из-

¹⁾ Theophanis chronographia Leonis Grammatici vitae recentiorum imperatorum. *Jacobus Goar* ord. FF. Praedicatorum congregationis S. Ludovici vicarius generalis latine reddidit, Theophanem notis illustravit, varias lectiones multiplici eodd. collatione adfecit *R. F. Combesis* ejusdem Instituti ac congregationis iterum recensuit, notis posterioribus Theophanem integris Leonem Grammaticum strictim discussit, exque fide eodd. auxit, emendavit.

данію хроники Теофана его житіе въ греческомъ подлинникѣ, и что отыскать таковой ему стоило большихъ трудовъ; онъ обращался съ просьбами о содѣйствіи къ тому же кардиналу Барберини, который уже ранѣе принималъ живое участіе во всемъ дѣлѣ. Указываются слѣдующія заслуги кардинала; онъ приготовилъ для печати (praelo adornaverit) латинскій переводъ своего кліента—Вушара (per Buccardum domesticum) и прислалъ его въ Парижъ въ предположеніи, что переводъ этотъ можетъ оказаться къ чему-нибудь пригоднымъ; онъ переслалъ самый греческій текстъ, сличенный съ нѣсколькими ватиканскими списками Теофапа, при помощи которыхъ королевскій древнѣйшій кодексъ могъ быть восполненъ, разъясненъ и исправленъ. Это уже не списокъ Сомза, а такъ-называемый теперь Барберинскій П, 54. Тутъ же идетъ рѣчь о заслугахъ братьевъ Дюпюи: они не только доставили Гоару списокъ королевской бібліотеки (вѣроятно, списокъ Сомза), по которому тотъ въ сущности и отпечаталъ весь текстъ, но предоставили въ его пользованіе, а затѣмъ и въ полную собственность и списокъ Нейреса, сличенный съ Палатинно-Ватиканскимъ. Соотвѣственно съ приведенными сообщеніями предисловія, парижское изданіе Теофана и Льва получило слѣдующій видъ, который теперь будетъ для насъ вполне понятенъ.

За Praefatio слѣдуютъ: 2) житіе Теофана, подлинникъ котораго въ концѣ концовъ нашелся въ Венеціи, въ бібліотекѣ св. Марка, а также и служба въ честь этого святаго; 3) списокъ словъ и выраженій греко-варварскихъ, встрѣчаемыхъ у Теофана и Льва Грамматика, довольно краткій и похожій уже на извѣстные намъ словари Гоара; 4) самый текстъ обѣихъ хроникъ Теофана и Льва Грамматика, съ латинскимъ переводомъ, который слѣдуетъ приписывать самому Гоару, хотя мы не знаемъ, на сколько онъ воспользовался предшествовавшими переводами Вушара и Готена; въ срединѣ между двумя хрониками вставлено краткое сказаніе неизвѣстнаго автора о времени Льва Армянина, до котораго доходитъ трудъ Теофана (Authoris incerti Historia); затѣмъ, 5) слѣдуютъ варианты къ Теофану, полученные, во первыхъ, отъ сличенія королевскаго пергаментнаго древняго кодекса (Codex regius № 1711) съ двумя другими, весьма исправными, то-есть, съ тѣмъ, который былъ присланъ кардиналомъ Барберини, и съ Reugelianus; во вторыхъ, изъ сличенія съ четырьмя римскими кодексами: ватиканскими №№ 154, 155, 979 и палатинскимъ 246. Это послѣднее сличеніе съ четырьмя кодексами было сдѣлано на полѣ другаго присланнаго изъ Рима списка хроники Теофапа, именуемаго кодексомъ

Барберинскимъ. Ясное дѣло, что его слѣдуетъ отличать отъ того, о которомъ много разъ было у насъ упоминаемо выше, отъ кодекса временно находившагося въ Римѣ въ библиотекѣ Барберинской, по происходившаго отъ парижскаго списка. Впрочемъ изъ позднѣйшихъ болѣе подробныхъ сообщеній намъ извѣстно, что самый основной текстъ Барберинскаго списка представлялъ копію съ одного изъ Ватиканскихъ, именно: V, 155 (X или XI в.), по письму относимую къ XVI вѣку; но если мы припомнимъ сообщеніе Голстена отъ 1628 года о приготовленіи списковъ Синкелла и Теофана для Барберинской библиотеки, то вѣрнѣе считать эту копію относящуюся къ первой половинѣ XVII вѣка. Очень понятно, что сличеніе копій съ оригиналомъ могло дать очень немного вариантовъ, какъ оно оказывается и на самомъ дѣлѣ (см. de Voog, II, 351), и само собою разумѣется, что оно не имѣло важнаго значенія. Важнѣе сличеніе съ cod. V, 154, по оно простирается только до царствованія Юстиніана Великаго, гдѣ означенный неполный списокъ, относящійся къ XII вѣку, прерывается. Ватиканскій греческій 979 былъ писанъ въ XVI вѣкѣ и потому не имѣлъ большой цѣнности уже самъ по себѣ и по близкому родству съ Палатно-Ватиканскимъ спискомъ, мало представлялъ своихъ особенностей. Такимъ образомъ на поляхъ Барберинскаго списка, и отчасти между строками, болѣею частью идутъ отмѣтки только двухъ списковъ Ватиканскаго 154 и Палатно-Ватиканскаго 276 (теперь 395). Послѣдній, сличенный два раза, то-есть, кромѣ Барберинской рукописи еще на Peuzelianus, принадлежитъ тоже къ позднимъ; онъ писанъ въ XVI вѣкѣ. Изъ всего этого видно, что критическій аппаратъ изданія Теофана не отличался ни богатствомъ, ни строгою систематичностью; не говоря о томъ, что нѣкоторые важные списки, какіе сдѣлались извѣстны позднѣе (Coislinianus, Colbertinus), еще не были тогда приведены въ извѣстность. Ни то, ни другое, очевидно, не было во власти Гоара, а также не было въ обычаѣ и средствахъ того времени. Есть и другія два важныя обвиненія, которыя высказываются новыми учеными противъ Гоара. Онъ, во-первыхъ, нерѣдко допускалъ ошибки въ чтеніи своего основнаго подлинника, не всегда вѣрно угадывалъ смыслъ сокращеній, такъ что, напримѣръ, вмѣсто νόθου (незаконнорожденнаго) читалъ νοτάριου (нотарія); но мы уже говорили о тѣхъ трудностяхъ, которыя вообще представлялъ особенно для того времени codex regius 1711. Во-вторыхъ, какъ теперь только замѣчено новѣйшимъ издателемъ Теофана (de Voog), Гоаръ перемѣшалъ въ своихъ вариантахъ отмѣтки разныхъ

списковъ, сдѣланныя на присланной ему Варберинской копіи, и то, что принадлежитъ одному изъ Ватиканскихъ, приписывалъ другому. Такой недосмотръ можно объяснить развѣ болѣзненнымъ состояніемъ и утомленіемъ трудолюбиваго издателя. Комбефизъ, впрочемъ, многое исправилъ, и онъ же первый указалъ одинъ изъ надежнѣйшихъ путей къ восстановленію подлиннаго текста хроникки, какъ его нужно предполагать вышедшимъ изъ рукъ Теофана: это — сличеніе текста Теофановой хроникки съ тѣми оригинальными древнѣйшими произведеніями, которыя послужили для нея въ разныхъ мѣстахъ источникомъ. Въ этомъ отношеніи отъ него остались позади даже нѣкоторые изъ позднѣйшихъ порицателей парижскаго изданія; мы разумѣемъ нѣмецкихъ филологовъ, трудившихся надъ Боннскимъ изданіемъ (объ этомъ рѣчь будетъ ниже). 6) За разночтеніями, которыя — мимоходомъ замѣтимъ — въ Боннскомъ изданіи помѣщены не отдѣльно, а размѣщены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ подѣ текстомъ, слѣдуютъ съ начала примѣчанія (*notae*) къ Теофану Гоара, потомъ *notae posteriores* Комбефиза и наконецъ краткія замѣчанія ко Льву Грамматяку. Изданіе послѣдняго остается пока единственнымъ въ томъ смыслѣ, что позднѣйшія коллекціи повторяли его въ томъ же самомъ видѣ. Такъ какъ и рукопись, по которой издано продолженіе Льва Грамматика къ хроникѣ Теофана, есть единственная и никѣмъ послѣ не была вновь изучаема, то и не представляется возможности сдѣлать относительно его какихъ-либо замѣчаній. Позднѣе была открыта часть хроникки отъ начала міра до Льва Армянина, по вѣдыванію и нѣкоторымъ другимъ признакамъ признанная за начало или первую часть хроникки Льва Грамматика; но это вопросъ, который теперь насъ не можетъ занимать.

Въ томъ же самомъ 1655 году, когда изданъ былъ Теофанъ, появилось новое изданіе историческаго синопсиса Константина Манасси съ посвященіемъ кардиналу Мазарини, а во второй части того же тома — Константинопольскія древности Кодица съ различными приложеніями и съ особымъ посвященіемъ кардиналу Варберини ¹⁾. Изданіемъ Манасси завѣдывалъ Фабро, прибавившій въ

¹⁾ *Κωνσταντίνου τοῦ Μανασῆ Σύνοψις ἱστορικῆ. Const. Manassis Breviarium historicum. Ex interpretatione Jo. Leunclavii cum ejusdem et Meursii notis. Accedit variarum lectionum libellus, cura Leonis Allatii etc. Ann. Fabrotti Jurisae. Item glossarium graeco-barbarum studio ejusdem Fabrotti. Parisiis, 1655. Georgii Codini et alterius cujusdam anonymi excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis, edita in lucem opera et studio Petri Lambecii Hamburgensis.*

концѣ варианты по рукописямъ королевской библіотеки, и по своему обычаю—краткій объяснительный словарь греко-варварскихъ реченій; сверхъ того, вновь даны были варианты, сообщенныя изъ Ватиканскихъ манускриптовъ Алліціемъ; въ остальномъ Луврское изданіе представляетъ простую перепечатку текста установленнаго Меурсіемъ и латинскаго перевода, приготовленнаго еще Леунклавіемъ. Надъ Кодиномъ, составляющимъ вторую половину тома, трудился уже разъ упомянутый нами племянникъ Голстена, гамбургскій нѣмецъ Ламбекъ или Ламбецій. Онъ началъ эти свои занятія еще въ Парижѣ—ранѣе отъѣзда своего въ Римъ (въ сентябрѣ 1647 г.). О Кодиновѣ часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Голстена съ Дюпюи и племянникомъ¹⁾. Въ июлѣ 1647 года Дюпюи извѣщалъ Голстена, о томъ, что имъ полученъ посланный Голстеномъ изъ Рима пакетъ, содержащій *Origines* Кодина и *Chronicon Constantinopolitanum*. Посылка была передана, говоритъ Дюпюи, въ руки вашего племянника, который пришелъ въ восторгъ, видя себя обладателемъ такихъ сокровищъ, и я васъ увѣряю, что ничѣмъ болѣе пріятнымъ вы не могли бы его угостить²⁾. Однако Дюпюи сомнѣвается, чтобы Ламбекъ успѣлъ довести до конца свой трудъ надъ Кодиномъ,—имѣя, конечно, въ виду его близкое удаленіе изъ Парижа³⁾. Въ мартѣ 1648 года, когда Ламбекъ былъ уже въ Римѣ, Дюпюи писалъ Голстену, что трудъ Ламбеція, его племянника, будетъ большимъ украшеніемъ для предполагаемаго собранія византійскихъ писателей, и что онъ будетъ принятъ съ особымъ уваженіемъ въ виду того, что самъ Голстенъ имѣлъ надъ нимъ наблюденіе⁴⁾. Изданъ былъ Кодиновъ, то-есть, его сочиненіе о древностяхъ, по списку Ватиканскому, съ котораго снялъ копию для Варберинской библіотеки Голстенъ, предположавшій первоначально самъ издать этотъ текстъ въ замышляемой коллекціи древнихъ географовъ, но потомъ уступившій эту честь племяннику, котораго кромѣ того снабжалъ дѣйствительно

¹⁾ Много писемъ Голстена къ племяннику находится въ сборникѣ *Буассонада*; *Lucas Holstenii epistolae ad diversos — collegit atque illustravit Boissonade, Paris, 1817*. Отрывки отсюда приводятся у Пеліссье, издателя писемъ Дюпюи, въ которыхъ часто идетъ рѣчь о томъ же самомъ.

²⁾ *Pelissier. Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'École de Rome, Mars 1887, pag. 110*: mais je doute qu'il ait assez de temps pour achever cet ouvrage.

³⁾ *Mais l'ouvrage que M. Lambecius votre neveu a entre les mains sera un grand ornement pour ce dessin de l'histoire byzantine, lequel sera d'autant plus recommandable, que vous avez l'inspection dessus. Ibid. pag. 114.*

полезными совѣтами и указаніями. Новый текстъ былъ гораздо полнѣе и исправнѣе прежняго, напечатаннаго Меурсіемъ. Сверхъ того, здѣсь присоединенъ цѣлый рядъ дополнительныхъ дотогѣ не изданныхъ статей, сообщающихъ новую цѣнность всему изданію. Содержаніе ихъ видно изъ приводимаго нами оглавленія второй части тома: 1) *Georgius Codinus de officiis* (ошибочно, слѣдовало сказать *de originibus*) *Constantinopolitanis*; 2) *Anonymi collectanea de antiquitatibus Constantinopolitanis*; 3) *Manuelis Chrysolorae epistola ad Ioannem imperatorem*; 4) *Petri Lambecii animadversiones in Georgium Codinum et Anonymi excerpta*; 5) *Ioannis Meursii ad Georgium Codinum notae* (перепечатка); 6) *Anonymi paraphrasis ad oracula Leonis imperatoris*; 7) *Petri Lambecii, annotationes ad imperatoris Leonis oracula*; 8) *Auctoris Anonymi, qui creditur esse Franciscus Patricius Dalmata, expositio oraculorum imperatoris Leonis*; 9) *Explicatio officiorum sanctae et magnae ecclesiae, juxta eorum ordinem, auctoris incerti, a Bernardo Medonio in lucem edita* (descripsi ex codice Bibliothecae Palatinae). Главное составляютъ, конечно, примѣчанія Ламбеція къ Кодиону. По приговорору знатоковъ, этотъ комментарий отличается большими достоинствами филологическихкими—относительно объясненія текста, приведенія разночтеній, истолкованія средне-греческихъ и ново-греческихъ словъ, сближенія различныхъ извѣстій объ историческихъ лицахъ; но по отношенію къ топографіи древняго Цареграда, для которой Кодионъ служитъ важнѣйшимъ источникомъ, онъ оставляетъ желать многого (Г. С. Дестунисъ, Топографія древняго Константинополя, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. январь, стр. 21).

Къ 1660 году относится изданіе сочиненій Михаила Глики и Агаѳіа Схоластика, въ одномъ томѣ, не смотря на разнородность и совершенную неодновременность обонхъ сочиненій¹⁾. Что касается Глики, то надъ нимъ трудился самъ Филиппъ Лаббъ, авторъ воззванія къ ученымъ всего міра; въ приложенной къ воззванію программѣ сборника помѣщена особенно обширная статья о предполагаемомъ изданіи Глики. Имѣлось въ виду воспользоваться латинскимъ переводомъ Леунклавія съ его собственнымъ продолженіемъ отъ Іоанна Комнина до паденія имперіи (1453 г.); но Лаббъ обѣщалъ напечатать и не изданный до сихъ поръ греческій текстъ автора отъ

¹⁾ Τοῦ κυροῦ Μιχαὴλ Γλικᾶ Σικελιώτου βιβλὸς χρονικῆ.—*Michaelis Glycae Siciliae annales a mundi exordio ad mortem Alexii Comneni, interprete Jo. Leunclavio, ex recensione et cum notis Phil. Labbei.*

начала міра до императора Зенона и паденія Западной имперіи, то есть, первыя три части вполнѣ, восполнивъ пробѣлы латинскаго перевода, и сверхъ того прибавить четвертую часть, простирающуюся до Алексѣя Комнина. Два кодекса, съ которыми успѣлъ ознакомиться Лаббъ, въ концѣ были попорчены, такъ что четвертая часть представлялась въ нихъ неполною (*mutillam*); но былъ кто-то (*fuist poppeto*), кто общалъ еще третій списокъ, въ которомъ Лаббъ надѣялся найти недостающее, хотя въ немъ не содержалось даже половины всего писателя, а развѣ третья доля. Лаббъ узналъ также, что списки Глики находились прежде (въ концѣ XVI столѣтія) въ бібліотекахъ Баварской, Римской Валицелланской и въ другихъ. Онъ общалъ приложить къ своему изданію подробное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Глики, гдѣ будетъ разрѣшенъ вопросъ о тождественности его съ Сицилійскимъ дидаскаломъ (*Μηλεσίωτη διδασκάλω*): послѣднія общанія въ сущности остались не исполненными. Но и самое изданіе текста сдѣлано было только по двумъ кодексамъ Клермонтской иезуитской бібліотеки, неполнымъ, попорченнымъ и съ пробѣлами, такъ какъ - де издателю приходилось спѣшить; только послѣ достались въ его руки другія пособія: бумажный кодексъ Глики, присланный настоятельницею ордена Фонтевро (*Fontisebraldensis*), Жанною Баттистою де-Бурбонъ и различныя извлеченія, сдѣланныя въ Римѣ Лукою Голстеномъ, а также товарищемъ Лабба по ордену въ Аугсбургской и баварской бібліотекахъ. Дополненія и варианты, полученные отсюда, прибавлены были въ концѣ книги, и первыя оказываются иногда весьма значительными по своему объему. Въ *Protrepticōn* ничего не было сказано о Меурсіѣ, который подъ именемъ Метохиты издалъ отрывокъ, заключающій въ себѣ время отъ Константина Великаго до Юлія Цезаря (=третья часть, но не вся); въ предисловіи объ этомъ упомянуто, хотя и не объяснено, въ какой степени новому издателю то послужило на пользу. *Præfatio* вообще вышло не соответствующимъ возбужденнымъ ожиданіямъ и слишкомъ краткимъ; но здѣсь довольно вѣрно опредѣлены особенный характеръ хроники Глики и ея значеніе. Отъ другихъ она отличается тѣмъ, что очень подробно занимается первоначальною исторіей міра, разными вопросами о мірозданіи, землѣ, воздухѣ, птицахъ, рыбахъ, животныхъ, человѣкѣ, ангелахъ, занимая весьма многое изъ Шестодневоу Василія Великаго, Еустафія, Георгія Писиды и другихъ отеческихъ твореній, и затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Еврейской и Римской, вставляя разсужденія богословско-философскаго характера. Все изданіе имѣетъ слѣ-

дущій видъ: за Praefatio слѣдуютъ: 2) подробное оглавленіе (*titulae, tabula*) хроники, заимствованное изъ кодекса Фонтевро; 3) указатель мѣстъ Священнаго Писанія, объясненныхъ въ лѣтописи Глика; 4) наименование авторовъ, на которыхъ ссылается Глика; 5) указатель малопонятныхъ словъ и реченій; 6) нѣкоторыя выраженія (*vocabula*), встрѣчающіяся въ примѣчаніяхъ; 7) Михаила Глика первый трактатъ *disputatio prima, utrum in peccatum lapsis condescendum, aut prout ratio postulat, increpandi sunt*; 8) его же второе разсужденіе: *utrum audiendi sunt docentes, hominem à principio caducum corpus habuisse*; 9) самый текстъ автора; 10) продолженіе Леунклавія; 11) *Philippi Labbe Biturici Notae, emendationes ac variae lectiones*; здѣсь, какъ уже замѣчено, приведены не только варианты и поправки, но и пѣсьма объемистыя дополненія изъ полученныхъ послѣ напечатанія текста новыхъ списковъ; напечатанъ (pag. 170) между прочимъ и каталогъ императоровъ, оказавшійся въ *codd. Fontesebrauld. u Valliscell*; 12) безъ особенной нужды перепечатаны изъ изданія Мсурсія статьи, относящіяся къ Теодору Метохитѣ, и его предисловіе.

Что касается до вышедшаго одновременно и въ одномъ и томъ же томѣ сочиненія Агаѳія Схоластика о дѣяніяхъ Юстиніана, то парижское изданіе не представляло ничего новаго и составляло простую перепечатку голландскаго, какъ на это указано было въ самомъ выходномъ листѣ ¹⁾.

Далѣе очередь дошла до Прокопія, предшественника Агаѳія. Въ двухъ томахъ, появившихся въ 1662 и 1663 годахъ, издано было за разъ полное собраніе дошедшихъ до насъ трудовъ Прокопія, которые до тѣхъ поръ являлись по частямъ, то-есть: Исторіи о войнахъ (Персидской, Вандальской, Готской), сочиненіе о постройкахъ, а также и *Historiae arcanae*; сверхъ того, тутъ же совсѣмъ неожиданно появился совершенно до того неизвѣстный писатель, не имѣющій къ Прокопію никакого отношенія, именно Никифоръ Врѣенній, налагавшій исторію возвышенія дома Комниновъ ²⁾. Издателемъ Прокопія былъ ни-

¹⁾ *Agathiae Scholastici de imperio et rebus gestis Imperatoris Justiniani libri V ex interpretatione et cum notis Bonav. Vulcanii, accesserunt ejusdem Agathiae epigrammata cum versione latina Josephi Scaligeri et Jani Doucas à Noortwyck.*

²⁾ *Procopii Caesariensis historiarum sui temporis seu de bellis imper. Justiniani adversus Gothos, Vandalos et cat. libri VIII ex interpret. et cum notis Claudii Maltreti—Ejusdem de aedificiis Justiniani libri VI, eodem interprete.—Anecdota seu arcana Justiniani historia ex interpretatione et cum notis Nic. Alemanni.—Nioephorici caesaris Bryennii commentariorum de rebus Byzantinis libri IV ex interpretatione Petri Possini.*

чѣмъ до тѣхъ поръ себя не ознаменовавшій, іезуитъ Малтре (Maltrait), проживавшій въ Тулузѣ, впрочемъ называющій себя ученикомъ Пуссина и пользовавшійся покровительствомъ Лабба. Изданіе свое Малтре посвятилъ канцлеру Сегье, такъ какъ ему - де лучшая часть византійской исторіи обязана жизнью, которую онъ вдохнулъ въ громадное тѣло, и притомъ такъ, что она теперь обезпечена отъ гибели¹⁾; сверхъ того, дѣлаются намеки на участіе Сегье въ дѣлѣ Пор-Рояля, въ которомъ Сегье держалъ сторону іезуитовъ. Въ предисловіи къ читателю Малтре, и конечно, не безъ основанія, говоритъ о недостаткахъ прежняго изданія текста Исторій о войнахъ и о совершенной неудовлетворительности существовавшихъ латинскихъ переводовъ. Самъ онъ принялъ на себя трудную задачу только потому, что всѣ другіе, кому она была предлагаема, отказывались отъ нея. При исполненіи ея онъ слѣдовалъ совѣтамъ Лабба. Ему удалось восполнить многочисленныя пробѣлы (lacunae), которые обезображивали аугсбургское изданіе Исторій о войнахъ (изданіе Гешеля), служившее все-таки основаніемъ при новой рецензій; теперь такихъ пробѣловъ осталось два или три, и притомъ неважныхъ, тогда какъ въ прежнемъ изданіи они могли бы всѣ вмѣстѣ равняться почти половинѣ книги. Этими Малтре былъ обязанъ содѣйствію недавно умершаго (тобъ μαχαρίτου) Голстена; именно онъ дополнилъ по Ватиканскому кодексу существовавшіе пробѣлы²⁾; затѣмъ много помогъ дѣлу достойный учи-

¹⁾ Pars optima historiae Byzantinae (Tibi) animam debet, ingenti receptam corpore, et quidem ita, ut ab interitu jam plane segura est.

²⁾ Изъ переписки Голстена видно, что онъ самъ много занимался Прокопіемъ еще съ 1634 года, по просьбѣ Елзевиловъ слыхалъ печатное изданіе Исторій съ ватиканскими рукописями для предполагаемаго новаго (голландскаго) изданія, давалъ разныя указанія одному изъ Елзевиловъ объ отысканіи рукописей Тайной исторіи, между прочимъ онъ первый указалъ на манускрипты Амброзіанскій, Венеціанскій и третій принадлежавшій Моншалю (Montschal). Въ одномъ письмѣ Жака Дюпюа къ Голстену 1642 г. (*Pétissier*, I. c., pag. 96—98), говорится, что Дюпюа прислалъ экземпляръ Ачѣдота, сличенный рукою Голстена, въ распоряженіе Елзевиловъ въ Лейденѣ, при чемъ Дюпюа высказываетъ сомнѣніе, чтобъ эти послѣдніе, слишкомъ жадные къ барышамъ, серьезно думали объ изданіи книги, которая не будетъ, какъ другія, быстро расхотиться. Въ самомъ дѣлѣ, Елзевиры тинули дѣло, не смотря на то, что Голстенъ прислалъ имъ текстъ внимательно пересмотранный и восполненный въ пробѣлахъ печатнаго изданія; тогда Дюпюа сталъ приглашать Голстена обратиться къ королевской типографіи въ Луврѣ. Въ 1648 году Голстенъ посылаетъ Дюпюа фрагменты Тайной исторіи, а послѣдній обещаетъ заставить включить Тайную исторію въ рецензій Голстена

тель Малтре Пуссинъ, который во время своего пребыванія въ Римѣ сличилъ печатный текстъ аугсбургскаго изданія съ кодексомъ ватиканскимъ на томъ самомъ экземплярѣ, который служилъ Малтре при новомъ изданіи: отмѣченныя имъ разночтенія сообщены во второмъ томѣ. Тамъ же Малтре предполагалъ напечатать присланный Голстеномъ текстъ Павла Силенціарія, заимствованный изъ рукописей бібліотеки Палатинской: описаніе св. Софіи, дѣйствительно было бы прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненію Прокопія о постройкахъ Юстиніана, но на самомъ дѣлѣ оно здѣсь не появилось и издано было, какъ увидимъ, другимъ ученымъ при менѣе подходящемъ случаѣ. По отношенію къ самому сочиненію *De aedificiis* Малтре уже не могъ похвалиться такими заслугами, какъ относительно исторій о войнахъ. Основаніемъ для изданія служилъ печатный текстъ Гешела; сверхъ того, въ рукахъ Малтре была только одна рукопись, которую онъ называетъ тулузскою, которая была списана въ Тулузѣ съ манускрипта Сегье и послѣ (Бернардомъ Медоніемъ) подарена ему, Малтре, въ собственности. *Historia arcaea* была въ сущности перепечатана съ изданія Алеманна; приложенъ былъ латинскій переводъ, которымъ издатель занимался еще въ юности въ ввученію Пуссина; послѣ Пуссинъ самъ сличилъ греческій текстъ Алеманна съ манускриптомъ Сегье и предъ отправленіемъ своимъ въ Римъ отдалъ копію Малтре, и сверхъ того прислалъ оттуда сличеніе съ кодексомъ Амброзіанской бібліотеки въ Миланѣ. Разночтенія эти приложены были отдѣльно въ концѣ изданія.

Какъ уже сказано, Пуссинъ воспользовался изданіемъ Прокопія, подъ редакціей его ученика, для того чтобъ обнародовать при немъ открытое имъ и до тѣхъ поръ никому неизвѣстное сочиненіе мужа Анны Комнины, кесаря Никифора Врѣннія, писавшаго по порученію своихъ царственныхъ родственниковъ, тестя и тещи, съ цѣлью доказать законность перехода императорской власти къ фамиліи Комниновъ, а впрочемъ не докончившаго своего труда, вѣроятно—по случаю смерти. Врѣнній явился во второмъ томѣ со своимъ отдѣльнымъ заглавіемъ ¹⁾ и особымъ посвященіемъ, знаменитой дочери

въ Луврскую коллекцію. Какъ видимъ, и здѣсь дѣло почему-то замедлилось. Малтре советъ не говорить о томъ, чтобъ онъ пользовался копіями Голстена при изданіи *Historiae arcaeae*.

¹⁾ *Nicephori Bryennii Commentarii de rebus Byzantinis. Prodeunt nunc primum opera et studio Petri Possini, e Societ. Jesu.*

Густава Адольфа, королевѣ Христинѣ, которая уже измѣнила протестантству, приняла католичество и жила въ Римѣ ¹⁾). Посвященіе написано если не остроумно, то во всякомъ случаѣ довольно замысловато. Пуссинъ является во дворецъ Христины и въ ея королевскую бібліотеку не одинъ, а въ сопровожденіи спутника, принадлежавшаго тоже къ царской семьѣ, который и будетъ его заступникомъ; въ свою очередь Христина разберетъ тяжбу Никифора съ супругою, то-есть, Анною Комниною, которая упрекала мужа, отказавшагося отъ притязаній на престолъ, въ малодушіи и слабости, и конечно, Христина, сама отрекшись отъ шведскаго трона, произнесетъ рѣшеніе въ пользу совѣстливаго мужнины противъ честолюбивой женщины. Въ предисловіи (praefatio) разказана исторія рукописи, въ которой оказался текстъ сочиненія Никифора Вриеннія. При этомъ намъ нужно прежде всего припомнить о неудачныхъ поискахъ Пуссина за манускриптомъ Алексіады, принадлежавшимъ нѣкогда Куацію (см. выше). Когда уже Пуссинъ окончилъ свой латинскій переводъ сочиненія Анны, то одинъ тулузскій юристъ и профессоръ (Antonius Datinus Altasegga, regius professor juris), часто слышавшій жалобы Пуссина на безслѣдное исчезновеніе важнаго кодекса, вдругъ принесъ къ нему старинный греческій манускриптъ, содержавшій Алексіаду и впереди ея какое-то другое произведеніе; ученому, который хорошо былъ знакомъ съ произведеніемъ цесаревны, не трудно было узнать въ послѣднемъ сочиненіе ея мужа, такъ какъ Анна сообщаетъ характеристику этого литературнаго труда Вриеннія и говоритъ объ его содержаніи и направленіи. Манускриптъ съ начала данъ былъ Пуссину на короткое время и какъ бы по секрету, безъ вѣдома настоящаго владѣльца; однако при помощи своего ученика Мальтре, смѣняя другъ друга, когда одинъ уставалъ, онъ списалъ весь не изданный текстъ, не особенно, впрочемъ, обширный. Послѣ сдѣлался извѣстенъ и настоящій владѣлецъ манускрипта, Пуже, совѣтникъ Тулузскаго парламента (Pugetius, senatus Tolosani iumen); онъ не только не думалъ негодовать на то, что его рукопись сдѣлалась извѣстною Пуссину, но даже — если вѣрить Пуссину — отдалъ ее въ полное распоряженіе, въ полную собственность ученаго іезуита; тогда-то Пуссинъ имѣлъ возможность отмѣтить на своемъ экземплярѣ всѣ разночтенія Алексіады по этому кодексу. Однако, кодексъ на

¹⁾ Serenissimae Dominae Christinae Alexandrae Suecorum Gotthorum et Wandalorum reginae.

время былъ взятъ или выпрошенъ у Пуссина для чего-то прежнимъ владѣльцемъ и по случаю его смерти остался у наслѣдниковъ, которыхъ Пуссинъ въ предисловіи къ изданію приглашаетъ воротить его собственность, даръ ихъ родственника (вѣроятно, безъ успѣха). Манускриптъ Тулузскій потомъ опять исчезъ безслѣдно; тѣмъ, слѣдовательно, драгоцѣннѣе сдѣланное Пуссиномъ изданіе сочиненія Никифора, нигдѣ и ни въ какомъ другомъ спискѣ не отысканнаго. Оно, конечно, требовало разъясненій и комментариевъ, гораздо болѣе полныхъ и отчетливыхъ, чѣмъ какіе въ состояніи былъ дать Пуссинъ; эта задача послѣ была исполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ при изданіи Киннама Дюканжемъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дѣятельности этого только что названнаго корифея французской учености XVII вѣка, сдѣлавшаго для изученія византійской исторіи болѣе, чѣмъ кто-либо прежде или послѣ него, мы сначала упомянемъ еще о двухъ изданіяхъ—объ изданіи Пахимера Пуссиномъ и объ изданіи такъ-называемыхъ Писателей послѣ Теофана или продолжателей Теофана, *Scriptores post Theophanem* ¹⁾, приготовленномъ Комбефизомъ, но выпущенномъ послѣ его смерти. Для втораго періода иконоборства, для времени Македонской династіи, то-есть, для всего девятаго и десятаго вѣковъ—писатели эти имѣютъ значеніе первичныхъ источниковъ—въ противоположность позднѣйшимъ компиляторамъ, Скилицію и Кедрину, которыми до тѣхъ поръ пробавлялись ученые. Этимъ самымъ мы уже сказали, что большая часть драгоцѣнныхъ текстовъ появились вновь и въ первый разъ въ рецензіи Комбефиза. Къ сожалѣнію, какъ для Гоара Теофанъ, такъ для его друга и преемника продолжатели Теофана были предметомъ послѣдняго труда, за которымъ застала его смерть. Разница заключалась, однако, въ томъ, что Комбефизъ не оставилъ послѣ себя такого благоговѣйнаго и знающаго сотрудника, каковымъ онъ былъ для Гоара, который докончилъ бы не доковченное. Комбефизъ умеръ, успѣвъ только напечатать греческій текстъ своихъ авторовъ съ латинскимъ переводомъ, но не снабдивъ ихъ ни обычными объяснительными примѣчаніями, ни

¹⁾ *Historiae Byzantinae Scriptores post Theophanem* (partim nunc primum editi, partim recensiti et nova versione adornati, quorum catalogum proxima pagina indicabit). Cura et studio rei publicae Francisci Combesis ordinis Praedicatorum congregationis S. Ludovici, Parisiis, in Typographia regia. Excudebat Sebastianus Marbe Cramoisy, Regis typographus et Regiae typographiae director. MDCLXXXV (1685).

даже введеніемъ. Выставленнымъ на поляхъ тома цифры указываютъ, что къ известнымъ мѣстамъ предполагался комментарий, но, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ, послѣ кончины Комбефиза не могли ничего отыскать. Такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ томовъ коллекціи явился безъ всякаго ученаго аппарата. Кромѣ директора королевской типографіи, Крамуази, никто болѣе не приложилъ къ нему рукъ. Отъ имени сего послѣдняго сдѣлано и неважное посвященіе самому Людовику XIV: *Ludovico Magno Regum aut arbitro aut victori*. вмѣсто общаго *Præfatio* есть только отдѣльныя замѣтки при отдѣльныхъ пьесахъ, всегда недостаточныя, а въ одномъ случаѣ замѣтка изложена столь темно и сбивчиво, что послужила отчасти поводомъ къ недоразумѣніямъ, господствующимъ до сего времени. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о хроникѣ Симеона Метафраста. Въ частности содержаніе тома было слѣдующее:

1) Остовъ составляютъ три пьесы, хотя написанныя и не всѣ однимъ авторомъ, но составляющія нѣчто цѣлое, одно продолженіе Теофана отъ Льва Армянина до смерти Константина Вагрянороднаго. Въ prospectѣ Лабба (при Protgeritson) это самое произведеніе, принимаемое за одно цѣлое, приписывалось какому-то Леонтію, впрочемъ — съ оговоркою, что не всѣ такъ называютъ автора, по большей части считаемаго анонимнымъ ¹⁾. Списокъ Леонтія или, лучше сказать, анонимнаго продолжателя Теофана былъ уже тогда сообщенъ изъ Рима Лукою Голстеномъ по приказанію кардинала Варберини. Именно этотъ самый авторъ разумѣется подъ именемъ Льва Армянина (*Leon Armenus*) въ перепискѣ Дюжюи. Изъ писемъ Голстена къ Пейреску далѣе известно, что не только этотъ, но и другой продолжатель Теофана списаны были Дормалиемъ для Варберинской бібліотеки съ ватиканскихъ подлинниковъ еще около 1628 года. Ихъ-то именно Голстенъ думалъ издать въ Римѣ вмѣстѣ съ Синкелломъ ²⁾. При началѣ греческаго текста въ парижскомъ изданіи на

¹⁾ *Leontius Byzantinus (sic enim a quibusdam vocitatum asserimus) aut quis alius Anonymus, quocumque sensetur nomine, continuator Theophrasti.* Въ настоящее время греческій ученый Сакеллонъ (въ журналѣ *Δελτιον* IV, 389—390) высказываетъ догадку, что авторомъ анонимнаго продолженія былъ Теодоръ Дамопатъ, известный писатель времени Константина Вагрянороднаго, и Г. С. Дестунисъ находитъ соображенія Сакеллона вѣроятными (*Журналъ Минист. Нар. Просв.* июль, 1887 г., стр. 153).

²⁾ *Vellem — id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam a suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophrasti.* См. *Périsselet*, l. e., pag. 101.

полѣ сдѣлана замѣтка, не оставляющая никакого сомнѣнія въ томъ, что эта новѣйшая копія, невѣдомо какого достоинства и достовѣрности, послужила единственнымъ основаніемъ для Комбефиза при установленіи печатнаго до нынѣ оставшагося неизмѣннымъ текста ¹⁾. Въ подробномъ оглавленіи на второмъ заглавномъ листѣ эта часть тома обозначена слѣдующимъ образомъ:

Chronici jussu Constantini Porphyrogenneti conscripti, a Leone Armenio usque ad Michaelem Theophilii f. libri IV. Ex MS. Cod.

Idem Constantinus Porphyrogennetus de Basilii imp. avi vita et rebus gestis. Cum nova versione. p. 132.

Anonymus continuator Theophanis a Leone Sapiente usque ad Romanum Constantini Porphyrogenneti F. Ex MSS. Cod. p. 217.

Сверхъ того, въ томъ же томѣ помѣщены слѣдующія статьи и сочиненія:

2) *Orthodoxorum invectiva adversus iconomachos. Ex MS. Cod. p. 303.* По гречески эта статья называется *Δόγος ἀντιεἰκονομαχῶν* и содержитъ въ себѣ обличеніе иконоборческой ереси, составленное еще въ періодъ ея преобладанія; она въ боннскомъ изданіи не была перепечатана, равно какъ и нижеслѣдующая:

3) *Joannis Jerosolymitani Narratio de iconomachis. Ex MS. Cod. p. 312.* Разказъ о происхожденіи иконоборства, сообщенный засѣданію отцовъ седьмаго вселенскаго собора (787 г.).

4) *Ioannes Cameniata et Demetrius Cydonius, de excidio Thessalonicae Cum nova versione pag. 317.* При первой піесѣ есть небольшое предисловіе, гдѣ сказано, что она была издана Аллациемъ, а теперь сдѣланъ новый переводъ и присоединены примѣчанія, которыхъ, впрочемъ, при ясности повѣствованія не потребовалось много; а вслѣдъ затѣмъ впереди основнаго текста напечатанъ отрывокъ изъ сказанія о чудесахъ Дмитрія Солунскаго, которое Комбефизъ намѣревался въ будущемъ издать сполна.

5) *Symeonis Magistri ac Logothetae Annales à Leone Armenio usque ad Nicerphorum Phocam. Ex MS. Cod. pag. 401—499.*

При этомъ авторѣ находится именно то важное предувѣдомленіе, о которомъ мы выше говорили. Смыслъ его тотъ, что хроника Си-

¹⁾ При первомъ отдѣлѣ замѣчено: *Ex emin. Cardin. Francisci Barberini Vaticano Arographo.* При второмъ отдѣлѣ (біографія Василія Македонянина, приписываемая Константину Багрянородному): *Græca aucta et emendata post Allatianam editionem Ex Vaticano Emin. card. Barberini codice ex quo Superiora.*

меона магистра, другаго продолжателя Теофана, была отыскана въ двухъ кодексахъ королевской Парижской библіотеки. Въ томъ кодексѣ, по которому она была отпечатана, и который названъ здѣсь меньшимъ, она начинается именно съ царствованія Льва Армянина; но въ другомъ кодексѣ, оставленномъ, очевидно, въ сторонѣ, та же самая хроника начиналась отъ сотворенія міра—въ той части, которая только и интересовала издателя продолженій къ Теофану, будучи вполне тождественною съ первою рецензіей. Этотъ второй кодексъ названъ большимъ (major); изданіе его можетъ-де быть задачей другаго труда, и еслибы таковой былъ предпринятъ, то онъ послужилъ бы къ объясненію другихъ уже изданныхъ хронографовъ — помимо Льва Грамматика и Анонима, для иллюстраціи которыхъ достаточно и текста меньшаго кодекса, гдѣ другимъ авторомъ и другимъ стилемъ излагается то же самое, что у нихъ. Большій кодексъ, пожертвованъ королевской библіотекѣ Трише дю-Френемъ (Raphaël Trichet Dufresne), а меньшій имѣетъ сдѣланное новою рукою надписаніе, указывающее, что авторомъ его былъ Метафрастъ: *Hic est Metaphrastes* ¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ это предисловіе, принадлежащее Комбеену, не было перепечатано въ боннскомъ изданіи, то бесполезно привести его въ подлинникъ.

Scriptis et ab orbe condito extantque altero, ac majore Regio Codicis. Opus est ex diversis congestum historicis et annalium scriptoribus; ipsum tamen haud satis plenum. Hic nobis verus Annalista, alterque Continuator erit, ipso pene Theophanis digestus schemate, quantum codex alter, ipse Regius minor representavit: hoc unum a majore discrepans, quod superiora illa a Logotheta remotiora, ac in quibus levius opera perfunctus videatur, omisit: quo et nobis consilio praevit: ac quod una haec in praesentem rem nostram faciant, eadem alio auctore ac stylo sub una libri serie repetita, lucis plurimum sibi mutuo afferant; ut et Leoni Grammatico, qui inter reliquos magis ipse egenus ac cribratissimus est. Superioris illius Regii Codicis alia molitio dederit, et qua jam editi auctores chronographi—haud leviter illustrari possint. Adscriptum majori illi Codici alia manu pauloque recentiori: Hic est Metaphrastes; cujus tanti Annales et chronica Hippolyto Thebano ut et omnibus anteponat. Debemus, ex quo exscripsi, Codicem Raphaëli Trichet Dufresne, ex cujus libris, ipso defuncto, in gazam Regiam illatus (ac in eis Maximi plenissimus Codex atque optimus), me illi potissimum auctore, extrema sua in Italiam profectio, ditanda Graecis Gallia nostra, eaque christianum orbem, Parisios allata.

Ф. Гиршъ, авторъ прекраснаго исследования о византійскихъ хроникахъ Македонскаго періода (*Byzantinische Studien*, Leipzig, 1876), понялъ дело такъ, что Комбеенъ нашелъ въ Парижской библіотекѣ два рукописныя хроника Симеона: одна изъ нихъ содержала въ себя хронику въ объемѣ, въ законѣ онъ ее издалъ, а въ другой исторія отъ Льва V до Романа II составляла только послѣднюю

6. Наконецъ, здѣсь же въ первый разъ появился въ печати Георгій Амартолъ; хроника его обыкновенно начинается тоже съ сотворенія міра, но Комбефизомъ была издана только часть, начинающаяся царствованіемъ Льва Армянина: *Georgii Monachi vitae recentiorum imperatorum*, а *Leone Armenio usque ad Constantinum Porphyrogenetum*.

Что касается сочиненія Георгія Пахимера, то оно относится ко временамъ Палеологовъ, описываетъ царствованіе Михаила Палеолога и первые двадцать шесть лѣтъ (1282—1308 гг.) правленія Андроника II Старшаго, занимая средину и наполняя промежутокъ между Георгіемъ Акрополитомъ и Кантакузиномъ, и совпадая съ Никифоромъ Григоръ. Сочиненіе Пахимера было извѣстно Иерониму Вольфу и Петавію; первый въ латинскомъ переводѣ, второй въ подлинникѣ напечатали изъ него нѣкоторые незначительные отрывки. Изданіе этого обширнаго творенія выдается изъ среды всѣхъ другихъ византійскихъ тѣмъ, что оно было напечатано собственно не въ Парижѣ, а въ Римѣ, въ типографіи Барберинской, хотя все-таки считается принадлежащимъ къ парижской коллекціи, составляя два ея тома первый, посвященный Михаилу Палеологу, а второй—его преемнику Андронику II Старшему¹⁾. Оно составляетъ наилучшую заслугу Пуссина, который работалъ надъ нимъ нѣсколько лѣтъ (первый томъ вышелъ въ 1666, второй въ 1669 году). Основою для изданія текста послужилъ списокъ, принадлежавшій нѣкогда папѣ Урбану VIII, который, прочитавъ въ подлинникѣ произведеніе византіяца, находилъ его достойнымъ латинскаго перевода и печати; порученіе въ этомъ смыслѣ дано было папою своему племяннику кардиналу Барберини, который однако цѣлые двадцать лѣтъ не находилъ охотника приняться за

часть большого творенія, начинающагося отъ сотворенія міра, и что Комбефизъ принялъ за основаніе именно *последнюю рукопись, упустилъ перья ея части* и т. д. Въ этомъ и заключается первое изъ недоразумѣній, которыхъ у Гирша въ этой главѣ вообще не мало.

¹⁾ Общее заглавіе при первомъ томѣ: *Georgii Pachymeris historia*. Частное для перваго тома: *Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Μιχαὴλ Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Michael Palaeologus, sive historia rerum a Michaele gestarum, nunc primum edita ex bibliotheca Barberina interprete P. Possinio e soc. Jesu. Accesserunt ejusdem observationum libri tres. — et appendix: specimen sapientiae Indorum veterum. Romae, Typis Barberinis. 1666.* Заглавіе втораго тома: *Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Ἀνδρόνικος Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Andronicus Palaeologus, sive historia rerum ab Andronico seniore gestarum ad annum ejus aetatis undequingagesimum. Ex bibliotheca et cet. Romae, Typis barberinis. 1669.*

довольно тяжелый трудъ, пока не взялся за него французскій іезуитъ. По мнѣнію Пуссина, Барберинскій кодексъ, наилучшій изъ всѣхъ и несравненно превосходящій тотъ Аугсбургскій, которымъ пользовался Вольфъ, былъ современенъ автору, то-есть, былъ писанъ въ XIV вѣкѣ. Кромѣ того, у Пуссина было еще два списка: ватиканскій и алліаціевъ, при помощи которыхъ онъ восполнилъ пробѣлы своего главнаго. Изданіе посвящено было памяти папы Урбана и притомъ написано отъ имени Пахимера, который благодаритъ Римскаго первосвященника за то, что онъ спасъ его твореніе отъ забвенія чрезъ посредство своего племянника. Въ предисловіи къ читателю объясняется, что сочиненіе Пахимера, разказывающее о разныхъ попыткахъ униіи Греческой церкви съ Римскою, хотя и написано въ духѣ схизматическомъ, но именно вслѣдствіе того особенно поучительно, такъ какъ отсюда ясно обнаруживается, что всѣ бѣдствія Византійской имперіи со времени Андроника Старшаго были послѣдствіемъ измѣны Римскому престолу или же униіи, разъ было признанной при Михаилѣ Палеологѣ. Переводъ на латинскій языкъ сочиненія, писаннаго крайне тяжелымъ и темнымъ слоюзомъ, требовалъ, конечно, большаго труда; можетъ быть, его и нельзя признать удовлетворительнымъ, но вѣрно то, что Пуссинъ болѣе старался о передачѣ смысла въ удобопонятной формѣ, чѣмъ о сохраненіи буквальной близости къ подлиннику. На сей разъ Пуссинъ успѣлъ присоединить къ своему изданію весьма обширный комментарий, заслуживающій вниманія и благодарности. Комментарій, сопровождающій каждый томъ отдѣльно, одинаково въ первомъ и второмъ, распадается на три отдѣла: 1) словарь, *Glossarium*, 2) собственно примѣчанія, *Notae*, и 3) хронологическая повѣрка, *chronologicus*. Къ первому тому прибавлены въ видѣ приложенія (*appendix*) упомянутыя у Пахимера „Притчи Ихнилата“, тобъ Ἰχνηλάτου παραβολικά), при чемъ однако Пуссинъ не сохранилъ подлиннаго заглавія знаменитой повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, переведенной съ арабскаго на греческій Симеономъ Снеомъ въ концѣ XI столѣтія и ведущей свое начало изъ Индіи, но далъ своему латинскому переводу названіе „Образецъ мудрости древнихъ индійцевъ“. Греческаго текста, на который указывалъ Пахимеръ, и который по первому запросу сообщенъ былъ изъ Рима изъ бібліотеки Алліація, Пуссинъ не счелъ пужнымъ напечатать ¹⁾. Теперь мы должны говорить о Джанжѣ.

¹⁾ Въ первый разъ греческій текстъ напечатанъ былъ по рукописи Голстема Штарпомъ въ 1697 году. Вся нужная свѣдѣнія о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, пер-

Среди людей, анимавшихся византійскою исторіей въ XVII вѣкѣ, первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно Шарлю Дюканжу. Да едва ли не ему принадлежитъ первое мѣсто не только въ тотъ вѣкъ, но и въ послѣдующія времена. Въ 1849 г. онъ удостоился рѣдкой для ученаго чести: въ его родномъ городѣ Аміенѣ ему воздвигнуть былъ памятникъ, и по случаю этого торжества было написано нѣсколько біографій этого знаменитаго ученаго, изъ которыхъ лучшая принадлежитъ Леону Фѣжеру (Feugère). На основаніи этой біографіи и составленъ нижеслѣдующій очеркъ жизни и трудовъ Дюканжа ¹⁾.

18-го декабря 1610 года родился у Лун Дю-Френи сынъ, котораго называли Шарлемъ Дюканжемъ. Канжемъ назывался одинъ изъ старинныхъ леновъ Дю-Френи, а въ то время въ дворянскихъ семействахъ было въ обычаѣ давать каждому сыну имя какого-нибудь помѣстья. Отецъ Дюканжа былъ чиновникомъ, какъ и всѣ его предки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ высокообразованный и много занимался науками. Можно сказать, что умъ и талантъ были наследственны въ этомъ семействѣ, имя котораго никогда не забудется. Мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ жизни Дюканжа и можемъ только сказать, что онъ поступилъ очень рано въ Аміенскую гимназію, которая тогда процвѣтала подъ руководствомъ іезуитовъ. 13-ти лѣтъ онъ уже хорошо зналъ греческій языкъ, а 18-ти лѣтъ окончилъ курсъ. По мнѣнію учителей молодаго Дюканжа, которые были очарованы его живымъ умомъ и настойчивымъ прилежаніемъ, онъ былъ достаточно способенъ сдѣлаться чѣмъ угодно, но особенно хорошимъ чиновникомъ. Поэтому отецъ Дюканжа послалъ его изучать право въ Орлеанъ, издавна славившійся своимъ юридическимъ факультетомъ. Но чиновничья карьера не пришлась ему по вкусу; онъ былъ уже въ Парижѣ зачисленъ въ адвокаты, когда рѣшился

сиденія и арабскихъ переводахъ этого произведешя, объ изданіяхъ греческой передѣлки можно найдти въ Очеркѣ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ *А. Н. Пыпина*, стр. 148—158, а также въ предисловіи къ славяно-русскому переводу Стеванита и Икхилата, изданному Обществомъ древней письменности (XVI и XXVII выпуски).

¹⁾ Ср. письмо Валюва въ Ренодо, содержащее въ себѣ некрологъ Дюканжа, при Пасхальной хроникѣ II, 67 боннек. изд. Тамъ же списокъ его сочиненій стр. 41. Мы пользовались также перепискою Монескона и Мабильона, въ которой часто идетъ рѣчь о Дюканжѣ: *Correspondance inédite de Mabillon et Monfaucon avec l'Italie. Publ. par M. Valery. Paris. 1847.* Можно еще читать о Дюканжѣ: *Hardoin. Essai sur la vie et sur les ouvrages de Ducange. Paris. 1849,* и статью *Pardeuse* въ *Journal des savants*, Janvier et Février 1847.

оставить столицу и вернуться въ свой родной городъ, гдѣ думалъ заняться наукою. Его призывало сюда еще чувство долга: онъ считалъ себя обязаннымъ ухаживать за старикомъ отцомъ. Дюфрень, любившій науку, постоянно поощрялъ сына къ серьезнымъ занятіямъ; онъ былъ лучшимъ его учителемъ, и Дюканжъ, потерявшій мать слишкомъ рано, вдвойнѣ привязался къ своему достойному отцу. Съ этихъ поръ Дюканжъ окончательно посвятилъ себя исторіи; онъ занимался не только изученіемъ фактовъ, но и вспомогательными науками, необходимыми для пониманія исторіи, лингвистикой, филологіей, правомъ, философіей и богословіемъ. Такъ долго трудился онъ, ничего не печатая и находя наслажденіе въ самомъ процессѣ труда; *mihi saepe et musis*, часто повторялъ онъ.

Въ 1638 г. Дюканжъ потерялъ отца, и чтобы заставить его нѣсколько забыть его горе, друзья уговорили его жениться. Говорятъ, что въ самый день свадьбы онъ работалъ 6 или 7 часовъ. Такъ велика была у него привычка къ труду! Отъ этого брака Дюканжъ имѣлъ 10 дѣтей. Въ нѣсколько странномъ припадкѣ удивленія одинъ позднѣйшій ученый XVIII вѣка (Дюваль) воскликнулъ: „Какъ это возможно, чтобы человекъ, который столько думалъ, столько прочелъ, столько написалъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ женатъ 50 лѣтъ и имѣлъ такое многочисленное семейство?“ „Многіе полагаютъ“, замѣчаетъ знаменитый Балюзъ въ своемъ некрологѣ Дюканжа— „что брачныя связи мѣшаютъ ученымъ занятіямъ и что свойство этихъ занятій таково, что имъ могутъ предаваться только люди, ведущіе холостую жизнь, *qui libero lectulo utuntur*, какъ говоритъ Цицеронъ. Однако занятія Дюканжа не потеряли никакого ущерба или замедленія отъ его брака“. Замѣтимъ, что Дюканжъ самъ и весьма старательно воспитывалъ своихъ дѣтей и никогда не забывалъ обязанностей отца семейства. Для того, чтобы его семейство ни въ чемъ не нуждалось, онъ занялъ даже мѣсто въ финансовой администраціи Амьена и весьма аккуратно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Дюканжъ продолжалъ заниматься исторіей, но никто объ этомъ не зналъ; ему было уже 45 лѣтъ, а онъ еще ничего не печаталъ. Въ 1657 г. появился его первый трудъ „Исторіи Константинополя при Французскихъ императорахъ“¹⁾. Въ этомъ трудѣ Дю-

¹⁾ Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français, divisée en deux parties, dont la première contient la conquête de Constantinople par les François et les Vénitiens, écrite par Geoffroy de Ville-Hardouin; avec la suite de

канжъ является въ одно и то же время издателемъ средневѣковыхъ текстовъ и самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Здѣсь одинаково пролилось его знаніе исторіи Франціи и Византіи. Въ видѣ основнаго текста авторъ издалъ Виллгардуина (Villehardouin), историка четвертаго крестоваго похода, который былъ напечатанъ еще раньше, въ XVI вѣкѣ, но въ очень несправномъ видѣ; онъ исправилъ старо-французскій текстъ, приложилъ латинскій переводъ и комментарий ¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ извлеченная на свѣтъ Божій хроника епископа города Турне во Фландріи Филиппа Муска, написанная рифмованными стихами и составляющая естественное продолженіе къ Исторіи завоеванія, такъ какъ она излагаетъ исторію Латинской имперіи при императорахъ Фландрскаго дома: теперь эта хроника вполне напечатана Рейффенбергомъ въ *Collection des chroniques Belges* (t. II. Bruxelles. 1838). Вторая часть представляетъ комментарий къ первой. Изслѣдованіе Дюканжа обнимаетъ, все XIII столѣтіе и первую половину XIV. Оно начинается съ того момента, когда составилъ четвертый крестовый походъ, и крестоносцы завладѣли Константинополемъ, и простирается до того времени, когда исчезаютъ въ Византійской имперіи, и въ особенности въ Моревѣ послѣдніе слѣды Латинской имперіи. Авторъ, согласно методу, которому онъ постоянно слѣдовалъ, не говоритъ ничего безъ доказательствъ; онъ приводитъ массу цитатъ и въ концѣ книги прилагаетъ новыя тексты, извлеченныя имъ изъ хроникъ и другихъ современныхъ документовъ. Но понятно, что при такой системѣ разказа не можетъ быть живъ и легокъ для чтенія.

Первый трудъ Дюканжа былъ оцѣненъ по достоинству и обратилъ на него всеобщее вниманіе. Тѣмъ не менѣе онъ не торопился опубликовать другія свои изслѣдованія и только по прошествіи 8 лѣтъ издалъ „Историческій трактатъ о главѣ Іоанна Крестителя“ ²⁾, въ которомъ доказываетъ, что глава Іоанна Крестителя дѣйствительно должна находиться въ Амьенѣ, и что его родной городъ не напрасно гордится этою святыней. Трудъ этотъ имѣетъ значеніе не

cette histoire jusq'en 1240, tirée du manuscrit de Philippe Mouskes; la seconde contient une histoire générale de ce que les François et les Latins ont fait de plus memorable dans l'empire de Constantinople etc.

¹⁾ Histoire de la Conquête de Constantinople composée par Geoffroy Villehardouin, avec la suite composée par Philippe Mouskes. A Paris de l'imprimerie royale 1657 fol.

²⁾ Traité Historique du Chef de Saint Jean Baptiste. A Paris chez S. Cra-moisy 1665.

только для агіографіи, но и для исторіи; авторъ издалъ нѣсколько греческихъ трактатовъ, дотолѣ не издававшихся и древность которыхъ неоспорима. Два изъ нихъ относятся къ VI вѣку; остальные, между которыми есть и трактатъ Θεодора Студитскаго—къ IX. Черезъ три года Дю-Канжъ напечаталъ, исторію Людовика Святаго¹⁾. Въ этомъ изслѣдованіи издалъ имъ Жуанвиль (Joinville), историкъ отлично знакомащій насъ съ Людовикомъ св., обществомъ и правами XIII вѣка; сочиненіе его существовало уже въ двухъ, но очень плохихъ издаваніяхъ. Дюканжу не удалось отыскать новаго кодекса Жуанвиля, и для исправленія текста ему приходилось руководствоваться единственно критическимъ тактомъ; повидѣвшія отертія показали, что поправки были сдѣланы имъ весьма искусно, и многія мѣста восстановлены такъ, какъ ихъ потомъ прочли въ оригиналѣ.

Въ своемъ трудѣ Дюканжъ издалъ еще много не изданныхъ или плохо изданныхъ источниковъ для времени Людовика Святаго, напримеръ, исторію этого короля, написанную въ стихахъ въ началѣ XIV вѣка Гильомомъ Гларомъ (Guillaume Guizard); трактатъ о смерти современника его Роберта де-Сенсеріо (de Sainseriaux); жизнеописаніе сестры короли Изабеллы, составленное Агнесою де-Гаркуръ (de Harcourt); завѣщаніе брата короли Петра, графа Алансонскаго; наконецъ Постановленія (Etablissements) св. Людовика, то-есть, приписанный ему—не совсѣмъ, какъ теперь доказано, основательно—сводъ общаго права, дѣйствовавшего въ нѣкоторыхъ областяхъ средней Франціи. Кромѣ того, въ громадномъ количествѣ приложеній авторомъ разобрана масса вопросовъ, относящихся къ управленію и времени Людовика Святаго. Видное мѣсто среди этихъ приложеній занимаетъ трактатъ о частныхъ войнахъ, старинной привилегіи дворянъ, отнятой у нихъ только въ царствованіе Людовика Святаго. Весьма важны также диссертациі о Шампань, гдѣ авторъ доказываетъ, что эта провинція всегда признавала верховенство Французскихъ королей, и о графахъ палатинахъ, которые по выводу автора существовали во Франціи съ самаго учрежденія монархіи. Съ громадною эрудиціей авторъ трактуетъ и о разныхъ другихъ специальныхъ вопросахъ, объ оружіи, о гербахъ, о дворѣ и придворныхъ празднествахъ и т. д. Къ сожалѣнію, форма, въ которой изложены всѣ эти въ высшей степени поучительныя и содержательныя изслѣдованія, весьма мало привлекаетъ

¹⁾ Histoire de Saint Louis IX du nom roy de France, écrite par Jean Sire de Joinville avec des observations et dissertations historiques. 1688.

читателя. Изложеніе сухое и мало обработанное; у великаго ученаго совсѣмъ не было воображенія, которое оживотворяетъ въ нѣкоторомъ родѣ историческіе документы.

Въ тотъ же годъ, когда Дюканжъ надалъ свою исторію Людовика Святаго, посвященную Людовику XIV случилось обстоятельство не мало повліявшее на ходъ его занятій. Эпидемія, распространившаяся въ Амьенѣ, заставила его удалиться со всѣмъ семействомъ изъ роднаго города; онъ поѣхалъ въ Парижъ и поселился тутъ навсегда. Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ еще ближе сошелся со всѣми столичными учеными и, отдѣлвшись навсегда отъ чиновничьей карьеры, получилъ возможность пользоваться всѣми книгами, и особенно византійскими и другими рукописями, которыми такъ богата была королевская бібліотека въ Парижѣ. О впечатлѣніи, какое должно было произвесть появленіе Дюканжа среди тогдашнихъ ученыхъ, можно судить по письму одного бенедиктинца (Voppelond) къ его собрату по ордену и конгрегаціи св. Мавра, издателю извѣстнаго сборника разнообразнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ документовъ и вообще источниковъ для средневѣковой исторіи, появившагося въ 13-ти томахъ (1655—1677) подъ именемъ Спидилегія, къ dom Luc d'Achezy (отъ 26-го іюля 1666 года). Извѣщая о прибытіи въ Парижъ Дюканжа, корреспондентъ д'Ашери пишетъ: „Вы увидите въ немъ одного изъ самыхъ хорошихъ людей, съ какими вы когда-либо имѣли дѣло, и весьма ученаго, особенно въ исторіи. Онъ можетъ оказать вамъ много услугъ, указывая вамъ рѣдкія статьи (піесы), подходящія къ дѣлу вашего Спидилегія, тѣмъ больше, что чрезъ его руки прошло громадное количество весьма цѣнныхъ рукописей, которыя ему прислали его друзья. Нужно сознаться, что въ продолженіе визита, который я ему сдѣлалъ, я получилъ столько удовольствія и назиданія, что я не могу этого выразить; и онъ предлагалъ мнѣ свои услуги съ такою сердечностью, что я этимъ былъ смущенъ. Я не сомнѣваюсь, тому много содѣйствовало то обстоятельство, что я явился къ нему отъ вашего имени, не говоря объ его характерѣ, крайне мягкомъ и обязательномъ. Хотя при этомъ первомъ разговорѣ и не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только представить ваши рекомендаціи, тѣмъ не менѣе по поводу вашего Спидилегія, который онъ очень хвалитъ, мнѣ пришлось немного войти въ самый предметъ (*un peu entrer en matière*) и потолковать объ исторіи. Я старался справиться съ задачею какъ возможно менѣе худо; по участіе, которое онъ обнаруживалъ, и удовольствіе, которое вы-

сказывалъ, были причиною того, что наша бесѣда протлилась болѣе часу. Онъ затѣмъ показалъ мнѣ свою библіотеку, очень хорошо составленную изъ книгъ, подобранныхъ разумно, и притомъ хорошо расположенную; она обогащена многими статуями новой, но хорошей работы, которыя разставлены на равныхъ разстояніяхъ по книжнымъ полкамъ и въ пустыхъ пространствахъ между книгами; она украшена также многими греческими надписями... Онъ работаетъ въ этой довольно пріятной обстановкѣ... Онъ пишетъ не на листахъ, а на летучихъ полулистахъ, и очень мнѣ хвалилъ этотъ способъ¹⁾.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Дюканжъ издалъ въ 1670 году Книнама, византійскаго историка XII вѣка, описавшаго кратко царствованіе Іоанна II Комнина (1118—1143) и очень подробно царствованіе Мануила (1143—1180) до 1176 года, какъ это мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Въ единственномъ сдѣланномъ извѣстномъ ватиканскомъ спискѣ, писанномъ, по видимому, во время самой осады Царяграда турками (въ 1458 году) и не доконченномъ вслѣдствіе наступившей катастрофы, Исторія Книнама обрывается въ шестой книгѣ на срединѣ фразы; Алляцій, по его словамъ, читалъ и начало седьмой, но точность его показанія сомнительна. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что авторъ имѣлъ намѣреніе описать все царствованіе Мануила, своего излюбленнаго героя, котораго онъ пережилъ на много лѣтъ. Не задолго до появленія Книнама въ парижскомъ собраніи, онъ былъ изданъ въ Голландіи (въ 1652 году) ученымъ Толліемъ (Tollius) по копіи съ ватиканскаго списка, сдѣланной извѣстнымъ тогда филологомъ, Исаакомъ Фоссомъ (Vossius), тоже голландскаго происхожденія, но долго проживавшимъ въ Швеціи и принадлежавшимъ къ ученому кругу королевы Христіны. Объ изданіи Толлія нельзя сказать много хорошаго; текстъ не отличался полною исправностью, латинскій переводъ не былъ удовлетворителенъ, примѣчанія были крайне скудны и совсѣмъ не показывали достаточной исторической подготовки у комментатора. Изъ ученой переписки между Парижемъ и Римомъ по поводу изданія византійской коллекціи мы узнаемъ, что Книнама или, какъ сначала именовали писателя, Синнама (Sinnamus) былъ въ виду у французовъ уже съ 1647 года. Голстенъ извѣщалъ Дюпюи объ отправленіи въ Римъ пакета съ Алексіадою Анны Комнина и Синнамомъ; Дюпюи, выражая надлежащую благодарность, заявлялъ,

¹⁾ Письмо приведено у Деламы: Cabinet des manuscrits I, 425.

что при изданіи книги не преминуть упомянуть о лицѣ, чрезъ посредство котораго открыто интересное произведеніе ¹⁾). Однако, въ предисловіи Дюканжа ничего не сказано объ участіи и заслугахъ Голстена, хотя и есть признаки того, что, кромѣ печатнаго изданія Толлія, Дюканжъ имѣлъ собственныя данныя, по крайней мѣрѣ о внѣшнихъ характеристическихъ признакахъ подлинной рукописи (о раздѣленіи на шесть книгъ), то-есть, располагалъ присланною задолго передъ тѣмъ копіею съ нея. Въ проспектѣ, приложенномъ къ воззванію Лабба (Protgerfison), изданіе Синнама предназначалось Пуссину, который долженъ былъ приготовить переводъ и примѣчанія; значить, уже тогда манускриптъ подлинника былъ на лицо, но, по видимому, Пуссинъ совсѣмъ не принимался за эту работу, по крайней мѣрѣ Дюканжъ я на этотъ счетъ хранитъ молчаніе. При новомъ изданіи ²⁾ по отношенію къ тексту Дюканжъ ограничился немногими и несущественными исправленіями; но не въ томъ онъ и полагалъ свою задачу. Посвящая свой трудъ Кольберу, прославляя при этомъ его заботы о королевской библіотекѣ и собраніи медалей, Дюканжъ указывалъ на важность содержанія издаваемого произведенія, на то, что у Киннама идетъ между прочимъ рѣчь и о Французскомъ королѣ Людовикѣ VII и объ его участіи во второмъ крестовомъ походѣ, указывалъ вообще тѣсную связь византійской исторіи въ періодъ Комниновъ съ западно-европейскою и на ближайшее ея отношеніе къ исторіи Франціи и къ исторіи крестовыхъ походовъ, въ которыхъ французы играли главную роль. Такимъ образомъ Дюканжъ относился къ дѣлу не столько съ филологической, сколько съ исторической точки зрѣнія, цѣнилъ въ подлежащемъ сочиненіи прежде всего новый историческій матеріалъ, и притомъ не только по отношенію къ отдѣльнымъ какимъ-либо фактамъ, а по отношенію къ цѣлому ихъ ряду, объединяемому одною общою идеею взаимодѣйствія между востокомъ и западомъ и служенія французовъ христіанскому или въ частности католическому интересу освобожденія Святой Земли и Сиріи отъ власти мусуль-

¹⁾ *Pélessier. Les amis d'Holstenius: Mélanges d. archéologie et est. Mars. 1887, pag. 112: Mais vous ne trouverez pas mauvais que l'on dit que c'est par votre moyen qu'on a recouvert ce livre aussi bien que le Synnatus.*

²⁾ *Ioannis Cinnami de rebus gestis à Ioanne et Manuele Comnenis libri VI cum notis historicis et philologicis Carol. du Fresne du Cange in Nicephori Bryennii et Annae Comnenae historiam necnon in eundem Cinnamum; accedit Pauli Silentiarum descriptio Sanctae Sophiae cura ejusdem du Cange, cum ejus uberiore commentario. 1670.*

манской съ подчиненіемъ ихъ западу: однимъ словомъ, исследователю по прежнему предосылалась мысль о латинскомъ востокѣ. Этимъ самымъ Дюканжъ приведенъ былъ къ сознанию необходимости изучать варазъ цѣлую эпоху, весь періодъ Комниновъ, на сколько онъ отразился въ сочиненіяхъ Вріеннія, Анны Комнины и Киннама, кстати находившихся въ тѣсной связи одно съ другимъ, такъ какъ эти авторы прямо продолжали другъ друга, заявляя о томъ въ началѣ своихъ произведеній. Въ виду полной неудовлетворительности того, что до сихъ поръ было сдѣлано для разъясненія и для облегченія пониманія исторіи Комниновъ, Дюканжъ взялъ на себя обязанность комментировать не только вновь издаваемого Киннама, но и его предшественниковъ, изданныхъ Пуссиномъ—Анну Компину и кесаря Вріеннія: комментарий къ послѣднимъ составляютъ какъ бы приложение въ вышедшемъ томѣ, будучи помѣщены въ концѣ его. Сверхъ того, впереди комментарія къ Киннаму помѣщены родословныя таблицы не только дома Компиновъ, но и фамилій норманнскихъ южно-италианскихъ владѣтелей изъ потомства Роберта Гвискарда, то-есть, герцоговъ Апуліи и королей Сициліи, а также родословная таблица Турецкихъ султановъ племени Сельджукидовъ. Сверхъ того, прибавлено описаніе Константинополя Вондельмонти, составленное за нѣсколько лѣтъ до взятія города турками, и описаніе Святой Софіи Павла Силвенціарія, писателя VI вѣка, то-есть, современника Юстиніанова, которое собирался было напечатать Малтре (см. выше): послѣднія двѣ пьесы находились развѣ только въ отдаленной связи съ основнымъ текстомъ изданія и присоединены главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ никѣмъ еще не напечатаны и недавно попали въ руки Дюканжа; не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что сами по себѣ онѣ имѣли высокую важность. Обширный комментарий Дюканжа къ тремъ писателямъ вѣка Компиновъ—къ Киннаму, Аннѣ и Вріеннію—имѣютъ вполне однородный и цѣльный характеръ. Главная цѣль, преслѣдуемая толкователемъ, заключается въ разъясненія того, что у этихъ писателей есть темнаго въ разказахъ о внѣшнихъ событіяхъ, иногда даже загадочнаго—вслѣдствіе условной ложно-классической терминологіи, продолжавшей толковать о персахъ и скивахъ, когда на сценѣ находились турки и половцы, въ повѣркѣ самой достовѣрности разказовъ зята о тестѣ (Вріеннія объ Алексѣѣ Комнинѣ), дочери объ отцѣ, подданнаго о своемъ недавно умершемъ государѣ, гдѣ, слѣдовательно, трудно было ожидать полного безпристрастія. Средства для разъясненія и повѣрки, для достиженія большей

точности представленія и болѣе справедливой оцѣнки фактовъ заключались прежде въ современныхъ хроникахъ французскихъ, южно-итальянскихъ, германскихъ, венгерскихъ, венеціанскихъ, славянскихъ, турецкихъ въ отдѣльныхъ специальныхъ повѣствованіяхъ о крестовыхъ походахъ. Въ періодъ крестовыхъ походовъ Византія была центральнымъ пунктомъ тогдашней всемірной политики, вела борьбу съ азіатскими турецкими мусульманами то сама по себѣ, то въ союзѣ съ западными народами и государями, а еще чаще соперничала съ ними въ общемъ стремленіи утвердить или возстановить свое господство въ Малой Азійи и Сиріи; въ Италіи она боролась съ норманнами за послѣдніе остатки своихъ владѣній въ Апуліи и Калабріи и дружила съ венеціанцами, которые сначала служили ея союзниками противъ норманновъ, а потомъ стали ея торговыми и политическими соперниками; съ Венгріей шла борьба за обладаніе сербскими и хорватскими землями, прерывавшаяся иногда перемиріемъ и родственными союзами, приводившими за то къ прямому вмѣшательству Византіи въ вопросы угорскаго престолонаслѣдія; чрезъ Византію проходили крестоносныя ополченія Готфрида и Боемунда, Конрада Германскаго и Людовика VII Французскаго и т. д. Обо всемъ этомъ въ гораздо болѣе простой и непосредственной, иногда въ со-всѣмъ грубой формѣ разказываютъ хроники, повѣсти и анналы со-отвѣтствующихъ народовъ, раннія и позднія, первоначальныя и произ-водныя. Нужна была громадная начитанность и небывалая эрудиція Дю-канжа для того, чтобъ исполнить задачу общаго сличенія и повѣрки византійскихъ трехъ историковъ означеннаго періода соотвѣтствующими западными и восточными свидѣтельствами. Легкость, съ кото-рою Дюканжъ припоминаетъ все тогда напечатанное и многое не-напечатанное — то хронику Монтекассинскаго монастыря въ южной Италіи, то мадыарскую лѣтопись Туроча, то анналы Дубровницкіе Лукарича (Lussari), то Вильгельма Тирскаго, то разные нѣмецкіе анналы, по истинѣ изумительна. Кажется, что онъ зналъ все, кромѣ русскихъ лѣтописей, которыхъ тогда и нельзя было знать. Примѣ-чанія его перепечатаны въ боннскомъ изданіи и ими пользуются до сихъ поръ.

Дюканжъ, какъ сказано, посвятилъ свой трудъ Кольтеру, который заботился о развитіи искусствъ и наукъ столько же, сколько о раз-витіи торговли и промышленности. Онъ основалъ малую акаде-мію (*petite académie*), которая впоследствии была переименована въ *Académie des inscriptions et belles lettres*, и которою гордится

Франція. По предложенію Кольбера, въ 1676 г. было созвано собраніе ученыхъ для составленія сборника, содержащаго въ себѣ источники для исторіи Франціи. На Дюканжа было возложено порученіе составить проектъ, какъ издать этотъ сборникъ; планъ его однако не былъ принятъ—вѣроятно, потому, что онъ требовалъ слишкомъ мелочной и слишкомъ утомительной и неблагодарной работы; онъ желалъ, чтобы всѣ трудились такъ, какъ трудился онъ самъ, то-есть, чтобы не ограничивались одними примѣчаніями къ источникамъ, а писали бы цѣлыя трактаты по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Неудачу эту, какъ она ни была неприятна, Дюканжъ перенесъ съ большою покорностью; послѣ 46-лѣтней работы онъ все еще продолжалъ трудиться съ тою же усидчивостью, какъ и въ молодые годы. Въ 1678 г. появился его колоссальный трудъ: *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. 3 vol. in folio. Тутъ выступаютъ наружу въ алфавитномъ порядкѣ матеріалы, собранные авторомъ въ теченіе 50 лѣтъ. Подъ отдѣльными словами, какъ напримѣръ, *advocatus*, *comes*, *senescallus*, *magiscallus*, Дюканжемъ написаны цѣлыя диссертаціи, которыя онъ готовилъ для предполагавшейся имъ исторіи французскихъ нравовъ и обычаевъ. Такимъ образомъ въ этомъ безпримѣрномъ трудѣ заключается исторія нѣсколькихъ вѣковъ, преимущественно феодальной эпохи, и форма словаря служитъ только для облегченія справокъ. До тѣхъ поръ нигдѣ не было собрано такой массы изданныхъ и не изданныхъ текстовъ греческихъ, латинскихъ, италіанскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ и т. д. Въ долгій періодъ паденія имперіи латинскія слова, утративъ свое первоначальное значеніе, походили все больше и больше на потеряныя монеты, цѣнность которыхъ трудно опредѣлить. Авторы этихъ вѣковъ объясняли на основаніи однихъ только предположеній. Дюканжъ замѣнилъ правилами случайное объясненіе. Подъ скромнымъ заглавіемъ Глоссарія Дюканжъ воздвигъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ учености того вѣка. Онъ далъ цѣлый рядъ отличныхъ трактатовъ почти по всѣмъ наукамъ. Скалигеръ желалъ, чтобы существовала такая книга; Меурзіи обѣщали ее; Spelman и Vossius ¹⁾ предприняли подобныя изданія, но одинъ Дюканжъ былъ способенъ довести до конца подобный трудъ, котораго одного достаточно на цѣлую жизнь, и который одинъ, самъ по себѣ, могъ бы на вѣки прославить человѣка.

¹⁾ Первымъ изданъ *Glossarium archaeologicum* въ 1626 г.; вторымъ — *De vitis sermonis et Glossematis latino-barbaris* въ 1645.

Обширная диссертация о причинахъ порчи латинскаго языка составляетъ введенеіе къ Глоссарію. Главную причину порчи авторъ видитъ въ нашествіи варваровъ, которые внесли въ латинскій языкъ много своихъ словъ. Содѣйствовало этому и невѣжество туземцевъ, и небрежность копистовъ, которые къ чистому латинскому языку прижѣшивали вульгарныя выраженія и часто исправляли по-своему то, чего не понимали. Конечно, это разсужденіе, не смотря на поучительность многихъ частныхъ замѣчаній, представляетъ нѣкоторые пробѣлы. Во времена Дюканжа еще не понимали съ достаточною ясностію, что нужно отличать судьбы латинскаго литературнаго языка отъ судьбы народнаго латинскаго говора, что порча латинскаго языка въ извѣстномъ отношеніи вовсе не была порчей, а органическимъ развитіемъ языка; не знали, что романскія нарѣчія развились не изъ литературнаго языка, а изъ разговорнаго или простонароднаго, изъ такъ-называемой крестьянской рѣчи (*sermo rusticus*). Впрочемъ, если мы будемъ помнить, что Дюканжъ имѣетъ въ виду только литературную латынь, языкъ официальныхъ актовъ, грамотъ и хроникъ, то фактъ крайняго его упадка въ варварскій періодъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ совершенно осязательный, да и причины его приблизительно были тѣ, которыя здѣсь указаны.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ каталогъ приблизительно пяти тысячъ средневѣковыхъ латинскихъ писателей, гдѣ отмѣчены ихъ отечество, эпоха, въ которую они жили, существенныя біографическія черты, время изданія ихъ трудовъ. Затѣмъ объяснено не менѣе 14,000 словъ, при чемъ авторъ часто распространяется объ учрежденіяхъ и обычаяхъ среднихъ вѣковъ. Иногда его объясненія принимаютъ размѣры диссертаций, напримѣръ, когда онъ говоритъ о судѣ Вожіемъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ по своему размѣру и научному значенію трактатъ о византійскихъ монетахъ и медаляхъ отъ временъ Константина Великаго до взятія Константинополя турками, трактатъ, который могъ бы быть изданъ какъ отдѣльное специальное изслѣдованіе ¹⁾). Къ тексту прибавлены и снимки съ тѣхъ монетъ, которыя были въ рукахъ у Дюканжа.

Понятно, что такой колоссальный трудъ не можетъ представлять совершенства, и что поэтому его нѣсколько разъ дополняли, исправляли и вновь издавали. Во Франкфуртѣ появились два изданія въ

¹⁾ Дѣйствительно, этотъ трактатъ былъ изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ: *Dissertatio de imperatorum Constantinop. numismatibus. Romae. 1755.*

1681 и 1710 г., но въ томъ же видѣ какъ первое изданіе; въ 1733 г. стало печататься, а въ 1736 году появилось новое изданіе Глоссарія съ дополненіями и поправками бенедиктинцевъ конгрегациі св. Мавра (Saint-Maur), которые могли воспользоваться послѣдовавшими въ промежуткѣ изданіями лѣтописей и грамотъ Мартеня, Мабильона, Валуа, Муратори и т. д. Въ 1766 г. явилось дополненіе въ четырехъ томахъ бенедиктинца Карпантье (dom Carpentier); въ 1840 г. извѣстнымъ парижскимъ издателемъ Дидо Глоссарій переизданъ съ изданія 1733 г. съ прибавленіями и исправленіями Карпантье, Аделунга, подъ редакціей Геншеля, при чемъ статьи дополненія (supplément) Карпантье вставлены были въ надлежащіа мѣста по алфавитному порядку. Изданіе Дидо, говорить, быстро разошлось и уже не существуетъ въ продажѣ. Въ новѣйшее время право переизданія этого драгоценнаго пособія приобрѣтено было у Дидо книгопродавцемъ Фавромъ, который потомъ обращался ко всѣмъ ученымъ медіевистамъ съ приглашеніемъ содѣйствовать исправленіями, дополненіями, вообще сообщеніями и общалъ много прибавленій и улучшеній, болѣе, чѣмъ, по видимому, оказывается ихъ на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, это новое изданіе, выходящее съ 1883 года, далеко не кончено ¹⁾.

Какъ работалъ Дюканжъ надъ своимъ словаремъ, видно изъ слѣдующаго разсказа. Желая издать Глоссарій, Дюканжъ позвалъ однажды къ себѣ въ кабинетъ книгопродавцевъ и, указывая на старій сундукъ, стоявшій въ углу, сказалъ имъ, что они могутъ найти тутъ матеріалъ на цѣлую книгу, и что, если они хотятъ взяться за ея изданіе, онъ согласенъ вступить съ ними въ переговоры. Они съ радостью приняли предложеніе, но вмѣсто рукописи, которую они думали найти, отыскиали только кучу лоскутковъ бумаги, по большей части оборванныхъ и, по видимому, ни на что не годныхъ. Дюканжъ снова увѣрилъ ихъ, что манускриптъ находится въ сундукѣ. Тогда одинъ изъ болѣе догадливыхъ книгопродавцевъ разсмотрѣлъ еще разъ эти лоскутки и нашелъ, что на каждомъ изъ нихъ написано особое слово и ученыя къ нему примѣчанія. Послѣ этого открытія книгопродавецъ согласился на изданіе Глоссарія. Это была

¹⁾ *Glossarium mediae et infimae latinitatis. Couditum a Carolo Du Fresne Domino du Cange auctum à monachis ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D. P. Carpentarii Adelingii aliorum auctoris digessit Henschel* Sequuntur *Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre, membre de la société de l'histoire de France. Tomus primus. Niort L. Favre, imprimeur-éditeur. 1883.*

та система карточекъ, которая часто рекомендуется опытными учеными.

Не смотря на то, что изученіе средневѣковыхъ древностей, особенно въ XIX вѣкѣ, много подвинулось впередъ, и Глоссарій Дюканжа уже не стоитъ на высотѣ современной науки, съ нимъ все-таки полезно справляться; отъ того, что наши изслѣдователи не всегда, когда нужно, обращаются къ нему, они впадаютъ въ ошибки, которыхъ иначе легко было бы избѣжать.

Но смотря на славу, которую доставилъ Дюканжу его Глоссарій, онъ продолжалъ трудиться надъ византійскою исторіей. Про него говорили, что онъ единственный человѣкъ, который прочелъ въ оригиналѣ всѣхъ византійцевъ, и теперь можно прибавить, что еще не нашлось втораго такого ученаго. Въ 1680 г. онъ издалъ обширный трудъ, посвященный Кольберу и состоящій изъ двухъ частей: *De familiis Byzantinis et Constantinopolis Christiana*; на второмъ заглавномъ листѣ онъ обозначены однимъ общимъ заглавіемъ: *Historia Byzantina duplici commentario illustrata* ¹⁾. Во введеніи къ этому труду, гдѣ идетъ рѣчь о значеніи генеалогіи и пользѣ ея изученія, авторъ дѣлитъ исторію на четыре отдѣла: прагматіку, или разказъ фактовъ, хронологію, генеалогію и топографію. Новое изслѣдованіе Дюканжа относится къ двумъ послѣднимъ отдѣламъ исторіи. *Familiae Byzantinae* представляютъ списокъ Византійскихъ императоровъ по династіямъ, начиная съ Константина Великаго и вплоть до Палеологовъ и Кантакузиновъ. Но такъ какъ императоры вступали часто въ браки съ владѣтельными домами западной Европы, здѣсь можно найти генеалогію и знаменитыхъ европейскихъ домовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ. Авторъ не ограничился родословными царствовавшихъ династій, но трактуетъ и о другихъ выдающихся византійскихъ фамиліяхъ. Кромѣ того, онъ представилъ списки далматинскихъ фамилій и государей сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, а также султановъ турецкихъ, современныхъ Византій-

¹⁾ *Historia byzantina duplici commentario illustrata. Prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum numismatibus et aliquot iconibus; praetera familias Dalmaticas et Turcicas complectitur: Alter descriptionem urbis constantinopolitanae qualis extitit sub imperatoribus christianis. Auctore Carolo du Fresne Domino du Cange, Regi à consiliis et Franciae apud Ambianos quaestore. Lutetiae Parisiorum. Apud Ludw. Billaine, Bibliopolium Parisiensem 1680.*

скимъ императорамъ. Послѣ его смерти эти списки были изданы подъ особымъ заглавіемъ „*Illyricum vetus et novum*“.

Constantinopolis Christiana представляетъ весьма точное и подробное описаніе Цареграда до покоренія ея Турками. Въ этой области Дюкапжъ имѣлъ весьма достойнаго предшественника, который отчасти былъ его руководителемъ; мы разумѣемъ Жила, упомянутаго у насъ въ началѣ собирателя греческихъ рукописей на востокѣ для короля Франциска I. Жиль написалъ два сочиненія топографическаго содержанія; одно изъ нихъ посвящено подробному описанію Константинопольскаго пролива съ окрестностями, съ указаніемъ городовъ и селеній, которыхъ остатки тогда еще сохранялись, или о которыхъ жила память въ народѣ, либо существовало преданіе въ литературѣ¹⁾; второе прямо трактуетъ о топографіи Цареграда²⁾. Это была первая попытка западнаго ученаго основать физическую и историческую топографію Константинополя на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и провѣрить этими наблюденіями данныя греческихъ и латинскихъ писателей. Не смотря на всѣ препятствія, не смотря на существовавшее тогда запрещеніе измѣрять султанскую столицу, не смотря на угрозы и нападки обитателей, Жиль своими шагами измѣрилъ всѣ семь холмовъ Константинополя по ихъ длинѣ, ширинѣ и окружности. Величайшую заслугу составляетъ его стараніе приурочить 14 древнихъ регионовъ столицы, какъ они представлены въ изданной самимъ же Жилемъ въ концѣ книги Описи временъ Юстиніана (*Descriptio veterum regionum Constantinopoleos*), къ вершинамъ и склонамъ холмовъ и къ долинамъ, отдѣляющимъ одинъ холмъ отъ другаго по настоящее время. Первые пять главъ первой книги посвящены были общимъ вопросамъ — объ объемѣ древняго Цареграда, а отъ шестой до восемнадцатой идетъ подробное физическое описаніе каждаго изъ семи холмовъ и каждой долины особо, съ краткимъ обозначеніемъ главныхъ древнихъ и новыхъ зданій, на нихъ помѣщавшихся; въ прочихъ главахъ первой книги въ общихъ чертахъ говорится о стѣ-

¹⁾ *Petri Gyllii de Bosporo Thracio libri III.* Помѣщено, между прочимъ, въ *Imperium Orientale Бандури* и въ *Geographi Graeci minores*, t. II, 1861, въ послѣднемъ собраніи подъ заглавіемъ: *Dionysii Byzantii per Bosporum navigatio*, такъ какъ главный интересъ представляли многочисленные отрывки изъ этого отрывка Жилемъ, а послѣ опять утраченнаго сочиненія.

²⁾ *Petri Gyllii de Constantinopoleos Topographia libri IV.* Lugduni Batavorum: Ex officina Elzeviriana, 1632.

нахъ и воротахъ города. Въ остальныхъ трехъ книгахъ авторъ разсматриваетъ по возможности обстоятельно сооруженія (обители, церкви, дворцы, судилища, стѣны, площади, порты, цистерны, водопроводы и т. п.), съ приуроченіемъ каждаго къ холму, долигѣ и къ регіонамъ города; такимъ образомъ у Жили были даны два обзорнія города, общее и частное, что, конечно, вело къ повтореніямъ, но при невозможности имѣть сколько-нибудь удовлетворительный планъ города иначе и нельзя было поступить.

Описаніе Дюканжа также распадается на четыре книги или отдѣла. Первая содержитъ въ себѣ общую часть: происхожденіе древней Византіи, основаніе христіанской столицы и ея судьбы въ среднихъ вѣкахъ, общія данныя о семи холмахъ, о городскихъ стѣнахъ, башняхъ, акрополяхъ, воротахъ, частяхъ города, площадяхъ и улицахъ, водопроходахъ, баняхъ, водоемахъ и т. д. Со второй книги систематически и спеціально описываются сооруженія, при чемъ они распределены по разрядамъ, такъ что каждый разрядъ содержитъ въ себѣ въ совокупности всѣ однородныя сооруженія. Именно во второй книгѣ описаны ипподромъ, театры, портки, дворцы, судилища, патриархія, зданія іудеевъ и сарацинъ. Третья книга почти цѣликомъ посвящена описанію св. Софіи, а четвертая—обозрѣнію всѣхъ обителей и церквей въ слѣдующемъ порядкѣ: церкви, посвященныя Богу, Богоматери, св. безплотнымъ пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и исповѣдникамъ, мученицамъ и святымъ дѣвамъ; церкви; названныя по имени строителей и урочищъ или иначе; страннопріимныя дома; наконецъ, здѣсь же описаніе пригороднаго Константинополя, загородныхъ дворцовъ, мостовъ и обителей. Обладая полнымъ знаніемъ греческой средневѣковой письменности, а также и латинской, могшей служить ему источникомъ, но самъ лично не знакомый съ предметами, какъ очевидецъ, Дюканжъ своимъ пониманіемъ общаго размѣщенія сооруженій и урочищъ больше всего обязанъ Жили, на котораго и ссылается весьма часто; въ самыхъ источникахъ, обыкновенно предполагающихъ положеніе упоминаемыхъ ими мѣстъ извѣстнымъ читателю, было бы не возможно, при всей учюности и проницательности, извлечь сколько-нибудь отчетливое представленіе о топографическомъ размѣщеніи предметовъ. Тщательно пользуясь всѣми выличными источниками и пособиями, Дюканжъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ трудъ вполне самостоятельный. Въ немъ мы находимъ отчасти исторію памятниковъ, отчасти ихъ описаніе, хотя, по свойству самихъ источниковъ, больше всего встрѣчаемъ упоминанія

о событіяхъ, имѣвшихъ связь съ памятниками. При каждомъ названіи какого-либо сооруженія сведены всѣ относящіяся къ нему свѣдѣнія, большею частью въ видѣ выписки изъ текстовъ, иногда же въ сокращеніи. Греческія извѣстія такъ полны, что даже и до сихъ поръ ученые почти ими одними пробавляются. Чтобы сколько-нибудь ориентировать читателей нагляднымъ изображеніемъ, Дюканжъ приложилъ планы: карту Восточнаго Босфора Фракійскаго съ планомъ Константинополя, раздѣленнаго на 14 частей,—составленнымъ на основаніи древней описи (Descriptio) и сочиненія Жила, и другой планъ столицы съ птичьего полета, заимствованный изъ сочиненія Бондильмонте объ островахъ Архипелага (оно явилось въ 1422 году). Система автора состоитъ въ совокупленіи однородныхъ предметовъ; способъ изложенія, основанный на такой системѣ, очень затрудняетъ обзоръ памятниковъ въ ихъ взаимной топографической связи и зависимости, но за то онъ даетъ возможность составить полнѣйшую и до сихъ поръ незамѣняемую справочную книгу, безъ изученія которой ознакомленіе съ историческою топографіей Константинополя не возможно. Такого мнѣніе знатоковъ дѣла, выраженное собственными ихъ словами ¹⁾). Нѣкоторымъ дополненіемъ къ Христіанскому Константинополю можетъ служить комментарий Бандури къ изданному имъ греческому анониму „De antiquitatibus Constantinopolitanis“ (въ *Imperium orientale*; см. ниже объ этомъ изданіи); здѣсь можно найти и нѣсколько полезныхъ поправокъ къ допущеннымъ у Дюканжа неизбѣжнымъ ошибкамъ. Дальнѣйшіе успѣхи въ данной области относятся къ XIX столѣтію. Заслуживаетъ вниманія сочиненіе французскаго инженера Андреосси: „Путешествіе къ устью Чернаго моря“ ²⁾), подробно изучившаго систему водоснабженія и объяснившаго направленіе древняго Валентова водопровода. Трудъ Гаммера „Константинополь и Босфоръ“ ³⁾ представляетъ по отношенію къ древней топографіи мало самостоятельныхъ разысканій;

¹⁾ Характеристику трудовъ Жила и Дюканжа о Константинополѣ мы заимствуемъ почти буквально у Г. С. Дестуниса, помѣстившаго въ *Журналъ Мин. Народн. Просв.* рядъ статей, содержащихъ обзоръ сочиненій по исторической топографіи Константинополя съ середины XVI вѣка подъ общимъ заглавіемъ: „Топографія средневѣковаго Константинополя“. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* январь 1882 г.

²⁾ *Andréossi, Voyage à l'embouchure de la mer Noire...* Paris, 1818.

³⁾ *Constantinopel und der Bosphorus örtlich und geschichtlich beschrieben von Jos. von Hammer.* 2 Bd. Pesth, 1822.

онъ иногда неудачно старается поправлять Дюканжа, по заслугу его составляетъ приведеніе новыхъ турецкихъ названій въ приуроченіи къ древнимъ наименованіямъ. Гораздо важнѣе два греческіе труда: „Константипіада древняя и новая или описаніе Константинополя отъ основанія его до настоящаго времени“—архіепископа Синайскаго, а впоследствии Константинопольскаго патріарха Константіа, и „Константинополь“—Скарлата Византія ¹⁾), наиболѣе полное и отчетливое общее сочиненіе по топографіи Царегграда. О новѣйшихъ частныхъ изслѣдованіяхъ, между которыми особенно выдаются труды грека Паспати и нашего ученаго, профессора Н. П. Кондакова, рѣчь должна быть ниже.

За годъ до изданія своего двойнаго комментарія Дюканжъ напечаталъ глоссаріи нѣкоторыхъ древнихъ писателей, собранныя ранѣе Карломъ Лаббомъ, и отчасти вновь отысканныя, снабдивъ ихъ примѣчаніями и сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ общедоступными: *Cyrelli, Philoxeni aliorumque veterum glossaria graeco-latina et latina-graeca Paris 1679* ²⁾).

Кромѣ того имъ изданы были въ 1687 г. *Анналы Зонары*, съ примѣчаніями, извлеченными по большей части изъ неизданныхъ византійскихъ писателей ³⁾).

Изданіе Зонары обѣщано было еще въ проспектѣ, сопровождавшемъ воззваніе Лабба (1647 г.); тогда предполагалось взять за основаніе текстъ, напечатанный сто лѣтъ тому назадъ Иеронимомъ Вольфомъ, съ его же латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; впрочемъ предполагались и улучшения: Гоаръ долженъ былъ сличить аугсбургскій текстъ съ рукописями королевской Парижской и Мазариніевой библиотекъ, а также пересмотрѣть переводъ и примѣчанія; самъ Лаббъ бралъ

¹⁾ *Κωνσταντινία: παλαιά τε καὶ νεώτερα ἤτοι περιγραφὴ Κωνσταντινουπόλεως ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τοῦ νῦν.... συνταχθεῖσα παρὰ ἀνδρὸς φιλολόγου καὶ φιλαρχαιολόγου Ἐν Βενετίῳ. 1824.* Была и другія изданія, о которыхъ см. у Г. С. Дестуниса.

²⁾ *Cyrelli, Philoxeni, Aliorumque veterum Glossaria Latino-graeca, et Graeco-latina, à Carolo Labbaeo collecta, et in duplicem Alfabeticum redacta. Cum variis Emendationibus ex MSS. Codd. petitis, Virorumque Doctorum Castigationibus ac Conjectaneis: Glossae aliquot aliae Latino-Graecae ex iisdem Codd. MSS. quae nunc primum prodeunt: praeterea Veteres Glossae verborum iuris, Quae passim in Basilicis reperiuntur et т. д. Notis illustratae ab eodem Carolo Labbaeo. Lutetiae Parisiorum, 1679.* На оборотѣ вѣстаетъ Лаббе.

³⁾ *Ioannis Zonarae annales, ab exordio mundi ad mortem Alexii Comneni, interprete Hieronymo Wolfio, ex recensione et cum notis Caroli du Fresne du Cange. 1686—1687. 2 vol.*

на себя задачу коллации третьей, собственно византійской, части съ кодексомъ Клермонтскимъ, въ которомъ находились еще и письма Зонары въ количествѣ 46. Все это осталось въ области однихъ предначертаній. Инициативу дѣйствительно послѣдовавшаго поваго изданія Дюканжъ приписываетъ маркизу Лувуа, извѣстному военному министру Людовика XIV, послѣ смерти Кольбера (1683) получившему въ свое завѣдываніе королевскіе дворцы и зданія, искусства и типографію; упомянуть также Летелле, архіепископъ Реймскій, его братъ. Въ обширномъ предисловіи содержится изслѣдованіе прежде всего объ авторѣ хроники, извѣстномъ своею учепостью и многими другими сочиненіями; онъ занималъ высшія правительственныя должности при императорѣ Мануилѣ, затѣмъ оставилъ міръ и сдѣлался монахомъ, жилъ, какъ самъ сообщаетъ, въ уединеніи, на необитаемомъ островѣ; но какой именно это былъ островъ, Дюканжъ не считаетъ возможнымъ угадать, замѣчая только, что уже изъ этого указанія на островъ можно заключить о недостоверности показанія одной космографіи XVI вѣка (Андрея Тевет, Thevet: *Cosmographie du Levant*, Lyon, 1554), будто бы на Аеонѣ находился надгробный памятникъ Зонары. Что же касается самаго сочиненія, то характеръ его отчасти зависѣлъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было составлено: Зонара взялся за составленіе хроники послѣ удаленія своего от дѣлъ и изъ столицы, вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій со стороны друзей, и такъ какъ онъ долженъ былъ начинать свое повѣствованіе отъ сотворенія міра, то ему предстояло въ сокращенномъ видѣ излагать то, чтѣ было уже разказано другими, и слѣдовательно, требовалось не мало пособій, а между тѣмъ на своемъ островѣ онъ терпѣлъ большой недостатокъ въ книгахъ, на который и жалуется въ началѣ своего труда. Тѣмъ не менѣе, по сужденію Дюканжа, Зонара въ своемъ сводѣ или сокращеніи достигъ такого совершенства, что вмѣстѣ сочеталъ два, по видимому, противоположныя качества, краткость и ясность. Дюканжъ вообще высоко ставитъ достоинства издаваемого имъ творенія и защищаетъ его противъ упрековъ другихъ ученыхъ; въ отдѣлѣ римской исторіи до Константина Зонара вовсе не былъ столь небрежнымъ и пустымъ компиляторомъ, какъ о немъ нѣкоторые утверждали, но напротивъ пользовался здѣсь Діономъ, тогда еще не пострадавшимъ въ своей цѣлостности, а также и другими, теперь потерянными, сочиненіями, и потому сообщаетъ много такого, чего нѣтъ у другихъ; относительно упомянутой у насъ въ своемъ мѣстѣ приписки Вольфа, въ которой какъ бы отдается предпочтеніе Кедрину,

Дюканжъ замѣчаетъ, что слова Вольфа о большей подробности Кедрина могутъ относиться развѣ къ какимъ другимъ отдѣламъ, а никакъ не къ отдѣлу римскому до Константина; здѣсь у Зонары все разказано гораздо отчетливѣе и подробнѣе, чѣмъ у Кедрина; наконецъ, Дюканжъ вообще настаиваетъ на томъ, что по самой задачѣ своей Зонара долженъ былъ стремиться къ краткости и потому въ византійской собственно части не могъ быть столь подробенъ, какъ Теофанъ или даже Смилицій. Полнаго изслѣдованія объ источникахъ Зонары мы у Дюканжа не находимъ, да его нѣтъ и до сихъ поръ: являются только частныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ книгахъ и періодахъ¹⁾. Далѣе идетъ рѣчь о заглавіи сочиненія (*χρονικὸν σύνταγμα, ἑπιτομὴ ἱστορίῳν*) и объ его раздѣленіи; замѣчается, что въ самомъ подлинникѣ вся хроника дѣлится только на двѣ части: въ первой содержится священная и еврейская исторія на основаніи Священнаго Писанія и Иосифа Флавія, а также греческая и римская исторія до установленія имперіи; съ имперіи или, точнѣе, со втораго триумvirата начинается вторая часть, причемъ, конечно, византійская исторія разсматривается какъ непосредственное продолженіе римской. Относительно прежняго изданія Зонары Иеронимомъ Вольфомъ сообщаются любопытныя подробности, которыми мы отчасти воспользовались въ надлежащемъ мѣстѣ. Что же касается новаго Парижскаго изданія, то изъ словъ Дюканжа видно, что основаніемъ служилъ все тотъ же печатный текстъ Вольфа; впрочемъ издатель имѣлъ въ своихъ рукахъ четыре манускрипта королевской бібліотеки и одинъ—Кольбертинской; изъ нихъ два (1714: саес. XIII; 1716: саес. XV) содержали въ себѣ всю лѣтопись Зонары, а остальные—только ту или другую часть. Къ рукописямъ Дюканжъ обращался преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя возбуждали какое-нибудь сомнѣніе²⁾; нѣкныя изъ новыхъ чтеній внесены въ текстъ, другія указаны только въ примѣчаніяхъ. Къ сожалѣнію, Дюканжъ не имѣлъ еще возможности пользоваться наилучшимъ спи-

¹⁾ Кромѣ дивинишяго (1839 г.) изслѣдованія Ад. Шмидта: „Ueber die Quellen des Zonaras“, касающагося только первыхъ 12 книгъ (до Константина) и перепечатаннаго при новѣйшемъ изданіи хроникъ, можно указать: *Sauerbröl, De Fontibus Zonarae* (XIV и XV книгъ) *quaestiones selectae* въ *Commentationes philologicae Jenenses*, I (1881).

²⁾ *Græca contulimus, maxime in locis, qui dubietatem quandam præferrebant, cum quatuor codicibus regis et uno Colborteo. Varias ex hisce codicibus excerptas lectiones in Notas subinde rotulimus, nonnullis quæ extra controversiam videbantur in contextum ipsum immisis.*

скомъ для хроники Зонары (конца XIII вѣка № 1715), который поступилъ въ королевскую бібліотеку только впоследствии. Латинскій переводъ Вольфа пересмотрѣнъ и исправленъ, что впрочемъ оказалось необходимымъ лишь въ немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ. Сдѣлавъ замѣчаніе о приложенной въ концѣ издачія безымянной и краткой хронографіи, доведенной до Алексѣя Комнина и содержащей въ себѣ простыя списки царей и правителей, сохранившейся въ многоразличныхъ спискахъ и уже разъ изданной Петавіемъ (при первоначальномъ изданіи Вревиарія патріарха Никифора), Доканжъ переходитъ къ перечисленію другихъ сочиненій Зонары помимо хроники изданныхъ—разъ къ коимъ принадлежатъ толкованія на апостольскіе и соборные каноны¹⁾, и нѣсколько писемъ каноническаго содержанія и неизданныхъ, но упоминаемыхъ у Алліція и у Ламбеція въ описаніи Вѣнской придворной бібліотеки; особенно подробно онъ останавливается на сборникѣ писемъ, большею частью догматическаго и каноническаго содержанія, которыя въ рукописныхъ кодексахъ и въ каталогахъ приписываются то Зонарѣ, то—большею частью—Михаилу Гликѣ; такъ и въ Московскомъ синодальномъ (типографскомъ) списокѣ, одномъ изъ наиболѣе полныхъ, конечно, неизвѣстномъ Доканжу. Вопросы о дѣйствительномъ авторѣ Доканжъ окончательно не рѣшаетъ; онъ настаиваетъ только на томъ, что письма писаны въ XII вѣкѣ, такъ какъ въ одномъ содержится отвѣтъ на мнѣніе въ пользу астрологіи самого царя Мануила Комнина, изложенное въ посланіи къ монаху Алипію, вѣроятно, знакомому Гликѣ, и такъ какъ есть письма, адресованныя къ Іоанну Дукѣ, Алексѣю Контостефану и другимъ лицамъ, въ которыхъ легко признать сановниковъ, современныхъ Мануилу и его ближайшимъ преемникамъ²⁾. Мы уже видѣли, что Лаббъ, издатель хроники Михаила Глика, не исполнилъ своего обѣщанія и не представилъ изслѣдованія о жизни своего автора; вотъ теперь и Доканжъ не рѣшается сказать, что Михаилъ Глика жилъ именно въ XII вѣкѣ и, слѣдовательно, могъ быть авторомъ писемъ, ему приписываемыхъ въ большей части сборниковъ; изъ того-де обстоятельства, что Глика пользовался лѣтописью Зонары, не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ

¹⁾ Разумѣется изданіе Beveregii 1621 г. *Beveregii*, Pandect. Canonum.

²⁾ Іоаннъ Дукъ етеріархъ часто упоминается у Никиты Хоніата, стр. 125, 312, 318, 447, 450, 562. Андроникъ Палеологъ, къ которому тоже адресуются письма—*ibid.* pag. 412. Алексѣй Контостефанъ: *ibid.* pag. 600, 601. Контостефанъ прямо названъ у Глика родственникомъ царя Алексѣя (ἀνεψιός); тутъ можно разумѣть Алексѣя Ангела.

писалъ вскорѣ послѣ него. Вопросъ объ авторѣ во многихъ отноше-
ніяхъ любопытныхъ писемъ и о времени, когда онъ жилъ, и послѣ
Дюканжа былъ предметомъ разсужденій и ученыхъ споровъ. Италия-
нецъ Лами ¹⁾, издавшій въ *Deliciae eruditorum* наиболѣе значительное
количество писемъ, и Удинъ ²⁾ относили ихъ къ XV вѣку, слѣдо-
вательно, совершенно не допускали мысли о принадлежности ихъ Зо-
нарѣ и утверждали принадлежность Гликѣ; они основывались глав-
нымъ образомъ на двухъ посланіяхъ, адресованныхъ Константину
Палеологу, въ которомъ видѣли послѣдняго Византійскаго импера-
тора; главный аргументъ Дюканжа они опровергали тѣмъ соображе-
ніемъ, что посланіе Мануила объ астрологіи могло быть приведено
въ видѣ ссылки корреспондентомъ Глики, хотя бы оно было написано
нѣсколькими вѣками ранѣе, и такимъ образомъ могло вызвать опровер-
женіе Глики. Разсужденія эти совершенно не основательны и даже
странно было бы, еслибы двумъ названнымъ второстепеннымъ изслѣдо-
вателямъ и знатокамъ удалось замѣтить то, чего не замѣтилъ или даже
не понялъ Дюканжъ. Письма, адресованныя къ Константину Палеологу,
конечно, зналъ и онъ, но уже никакъ не подумалъ бы относить ихъ къ по-
слѣднему императору, такъ какъ ему хорошо были извѣстны приемы
византійской титулатуры, совершенно не допускающіе возможности
обращаться къ царю съ такими эпитетами, какія приданы въ надпи-
саніи нашего посланія Палеологу ³⁾. Кто прочтетъ смиренное, сопро-
вождаемое множествомъ оговорокъ, оправданій и лживыхъ извиненій
письмо объ астрологіи, тотъ сейчасъ убѣдится, что такъ не обра-
щаются къ умершему за триста лѣтъ государю, и потому сочтетъ
пустымъ хитросплетеніемъ и другое соображеніе названныхъ выше
ученыхъ, направленное къ опроверженію указанія Дюканжа на совре-
менность писемъ Мануилу Комнину ⁴⁾. Осторожнѣе былъ Гарлессъ,
который возвращался къ мнѣнію Дюканжа, что письма были писаны

¹⁾ *Ioannis Lamii de Michaelis Glicae ejusque scriptis dissertatio: вѣ Deliciae eruditorum tom. 1. Florentiae 1736.* Это разсужденіе перепечатано въ *Patrologia Graeca* т. 158. О Гликѣ Лами снова разсуждаетъ въ Praefatio къ VI тому *Deliciarum* (Florentiae, 1739), въ которомъ было издано нѣсколько новыхъ писемъ его.

²⁾ *Oudin, Dissertatio de aetate et scriptis Glycae: De scriptoribus ecclesiarum tom. III, 2521.*

³⁾ Τῶ παλαιῶτάτῳ βασιλεῖ τῷ κωνσταντίνῳ τῷ παλαιολόγῳ: №№ 40, 61, 65 сборника Московскаго (*Matthaei* pag. 277, 280) Ср. слѣдующее примѣчаніе.

⁴⁾ Заглавіе письма Matthaei pag. 283, № 88: ἀνταπολογητικὸν ἕκ μέρους πρὸς τὴν ἐγχειρισθεῖσαν αὐτῷ γραφὴν κραταίου καὶ ἀγίου βασιλέως Μανουὴλ Κομνηνοῦ.

въ XII вѣкѣ, но неизвѣстно кѣмъ—Гликомъ или Зонарою. Новѣйшіе изслѣдователи съ полною рѣшительностью считаютъ авторомъ писемъ Глику, полагая что онъ также, какъ и Зонара, жилъ въ XII вѣкѣ. Гиршъ (Hirsch, Byzantinische Studien pag. 396) дѣлаетъ замѣчаніе, что если Глика пользовался хроникою Зонары, на которую и ссылается, то съ другой стороны, его произведеніемъ уже пользовался Манасси, несомнѣнно писавшій во второй половинѣ XII вѣка; однако доказательства послѣднѣго положенія не вполне убѣдительно: замѣченное сходство могло бы произойти и отъ обратнаго отношенія отъ пользованія Манассіемъ со стороны Глики. Важнѣе и убѣдительнѣе была бы сдѣланная вслѣдъ за Муральтомъ ссылка на Петербургскую рукопись, писанную въ 1176 году и уже содержащую въ себѣ Глику, еслибы и она не требовала повѣрки¹⁾. Съ своей стороны, мы можемъ указать на письма (№ 33 и 66 въ Московскомъ типографскомъ сборникѣ Matthaei, Accurata Notitia pag. 277 и 280) по поводу спора, слѣдуетъ ли поститься или нѣтъ, когда господскіе праздники приходятся на среду и пятницу: изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что этотъ вопросъ волновалъ умы именно въ XII вѣкѣ и едва ли не былъ возбужденъ впервые однимъ русскимъ епископомъ²⁾.

Вслѣдъ за текстомъ сочиненія Зонары, во второй части изданія, напечатаны Дюканжемъ вышеупомянутая краткая хронографія (Eritome aplogist), которую предварительное греческое замѣчаніе связываетъ съ именемъ Евсевія Памфила, и такъ-называемый Синописисъ Зонары, то-есть, подробное оглавленіе его хроники (Σύνοψις seu argumenta). Примѣчанія Дюканжа къ Зонарѣ, также обширныя и поучительныя, какъ его комментаріи къ Аниѣ и Киннаму, имѣютъ свою особую пагинацію и по преимуществу реальный характеръ, то-есть, больше касаются содержания, чѣмъ выраженія. Онъ указываетъ на то, что общій комментарій къ издаваемой хроникѣ, равно какъ и къ другимъ византійскимъ писа-

¹⁾ *Муральтъ* (Essai de chronographie byzantine 1) въ перечисленіи источниковъ для перваго тома при имени Глики сдѣлалъ такую отмѣтку: avant 1176—date du manuserit de S. Pétersbourg.

²⁾ См. въ Лаврентьевской лѣтописи разказъ о возникновеніи *ереси Леонтианской* (подъ 1164 г.): Леонъ епископъ не по правдѣ поставился Суждалию... почи Суждали учати не ѣсти мяса въ господеныя праздники в среды и в пятки, ни на рождество господис, ни на крещенье и быеть тѣмъ про то велика предъ благоуверенныи княземъ Андрѣемъ предо всеми людьми, и упрѣ его владыка Феодоръ. Отъ же иде на исправленіе Цесарю городу, а тамо упрѣлъ ѥ Андрейаъ епископъ Волгарскыи предъ цесаремъ Мануиломъ и т. д.—съ любопытными дальнѣйшими подробностями.

телямъ, находится уже въ изданныхъ имъ трудахъ: кромѣ *Constantinopolitana historia*, есть уже ссылка на греческій Глоссарій, который, однако, не былъ обнаруженъ, хотя и былъ отпечатанъ. Особенно важное значеніе имѣютъ обширныя выписки параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ хроникъ, изъ хроники Амартола и особенно изъ хроники Симеона Логоета, подъ которою разумѣется тогда отпечатанная, но не вышедшая еще въ свѣтъ хроника Симеона магистра (=Метафраста), а также—изъ житій святыхъ, болѣею частью рукописныхъ—(житіе Артемія для IV вѣка, житіа Стефана Нового, Іоанніа, Николая Студита для иконоборческаго періода, патриарха Игнатія для времени Фотія и т. д.). Нѣкоторыя примѣчанія принимаютъ видъ настоящихъ большихъ диссертаций: Зонара только слегка касается завоеванія Африки Вандалами; Дюканжъ восполнилъ упущенное, представилъ полный списокъ королей вандалскихъ и византійскихъ правителей Африки до завоеванія ея въ 692 году Арабами. Въ видѣ приложения помѣщены: изслѣдованіе о мѣстоположеніи дворца Константинопольскаго, Гебдомона¹⁾, а также и другія добавленія къ Христіанскому Константинополю²⁾; и все заканчивается тщательно составленными указателями (*indices*).

Наконецъ, въ 1688 г. когда Дюканжу было уже 77 лѣтъ, появился его *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, въ двухъ томахъ *in folio*. По словамъ автора; онъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ словарѣ объясненіе неологизмовъ и рѣдкихъ или иностранныхъ реченій, употреблявшихся въ Византіи, а также техническихъ терминовъ придворныхъ, церковныхъ, юридическихъ, медицинскихъ, военныхъ и т. д., отыскать происхожденіе этихъ терминовъ и тѣмъ самымъ разъяснить учрежденія, нравы, обычаи, однимъ словомъ политическій, религіозный и соціальный бытъ Восточной имперіи. Авторъ дѣйствительно выполнилъ эту обширную задачу. Воспользовавшись всѣми источниками изданными и рукописными и изслѣдованіями своихъ предшественниковъ, онъ совершилъ трудъ безпримѣрный, надъ которымъ, казалось, должно было бы работать цѣлое многочисленное общество ученыхъ.

Планъ Греческаго глоссарія нисколько не разнится отъ латинскаго словаря. Обширное предисловіе представляетъ трактатъ о видоизмѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ греческій языкъ. Одною изъ глав-

¹⁾ De hebdomo Constantinopolitano disquisitio topographica.

²⁾ Additamenta ad Constantinopolim christianam.

ныхъ причинъ порчи языка онъ считаетъ колоніи въ Египтѣ, Сириі, Сициліи, Италіи, Галліи, гдѣ языкъ подвергался сильному воздѣйствію туземныхъ нарѣчій. Къ этому присоединилось еще преобладаніе Рима; побѣдители внесли много своихъ терминовъ въ языкъ побѣжденныхъ. Окончательно языкъ испортился съ перенесеніемъ столицы въ Византію. Здѣсь въ одно и то же время ко взаимному ущербу существовали два языка; при дворѣ и въ высшихъ кругахъ говорили по латыни, а въ народѣ господствующимъ языкомъ былъ греческій.

Въ началѣ Глоссаріи перепечатана грамматика Симона Порціи (изд. въ 1638 г.), объясняющая отличіи древнегреческаго языка отъ новаго и народнаго. Примѣчанія Дюканжа къ объясняемымъ словамъ принимаютъ и здѣсь иногда размѣры цѣлыхъ диссертаций. Для того, чтобы вполне оцѣнить этотъ трудъ достаточно сказать, что тутъ приводятся цитаты больше чѣмъ изъ 600 печатныхъ книгъ и болѣе чѣмъ изъ 400 рукописныхъ сборниковъ. Нельзя не повторить вмѣстѣ съ однимъ изъ современниковъ Дюканжа: „Приходишь въ ужасъ отъ бездны знанія и труда, проявляющихся въ изслѣдованіяхъ Дюканжа“.

Глоссарій Дюканжа, конечно, не представляетъ собою совершенства, но тѣмъ не менѣе онъ до настоящаго времени остается лучшимъ словаремъ, къ которому постоянно приходится обращаться всѣмъ занимающимся не только исторіей Византіи, но и средними вѣками вообще. „Между тѣмъ потребность въ новомъ, улучшенномъ и полнѣйшемъ изданіи не могла оставаться нечувствительною“, писалъ академикъ Буникъ около тридцати лѣтъ тому назадъ; ее живо сознавалъ между прочимъ Нибуръ, когда онъ вознигѣлъ въ двадцатыхъ годахъ мысль оживить изученіе среднихъ вѣковъ исправлѣннѣею перепечаткою полнаго парижскаго собранія византійцевъ. Во французскомъ объявленіи объ этомъ изданіи говорится, что предпринимаемое изданіе будетъ обогащено новымъ значительно пополненнымъ словаремъ Дюканжа. Объявленіе это однако исполнено не было, и Берлинская академія наукъ, въ завѣдываніе которой перешло боннское изданіе, оставила безъ вниманія мысль о новомъ изданіи Дюканжева словаря; но въ 1837 г. ей опять привелось вспомнить ее. Въ то время, когда вниманіе ученаго свѣта было обращено Нибуромъ на обильную содержаніемъ византійскую литературу, въ Берлинѣ созрѣвалъ молодой ученый, Муллахъ, который, не раздѣляя традиционныхъ, исключительныхъ взглядовъ прежнихъ филологовъ, нѣсколько шире понималъ задачу классической филологіи. Муллахъ рано дошелъ до убѣжденія, что для глубокаго и живаго пониманія классическаго

часть солп, отд. 2.

языка грековъ, эллинизмъ отнюдь не долженъ пренебрегать живымъ народнымъ греческимъ языкомъ, а напротивъ того долженъ усвоить его себѣ практически, если хочетъ извлечь изъ него настоящую пользу. Съ этою цѣлью онъ съ давнихъ поръ упражнялся въ разговорѣ и сочиненіи на новогреческомъ языкѣ, такъ что уже въ 1830 году, бывъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ, могъ вести разговоръ на новогреческомъ языкѣ. Для него дѣло было не въ томъ только, чтобы найти въ новогреческомъ объясненіе тому или другому явленію древне-греческаго: главную мысль его занятій составляло стремленіе раскрыть происхожденіе и развитіе языка, называемаго новогреческимъ или ἡ κοινὴ διάλεκτος, lingua vulgaris. Съ этою цѣлью онъ подвергъ изслѣдованію не только новогреческій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи и въ литературныхъ памятникахъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, со временъ Комниновъ, но отыскивалъ слѣды его и у византійскихъ писателей, въ юридическихъ книгахъ Византійскихъ императоровъ, у церковныхъ писателей, въ надписяхъ, у схолиастовъ и глоссографовъ и даже у классиковъ предъ Александромъ Великимъ. Еще въ 1837 г. онъ испрашивалъ у Берлинской академіи наукъ порученіе приготовить новое, полнѣйшее изданіе словаря Дюканжа, но безъ успѣха. Въ пролегоменахъ къ изданію Дмитрія Зина онъ сдѣлалъ слѣдующій—отчасти можетъ быть слишкомъ односторонній и рѣзкій—отзывъ объ этомъ словарѣ: „Трудолюбивѣйшій мужъ, хотя и приобрѣлъ своимъ великимъ твореніемъ безсмертіе своему имени въ потомствѣ, однако, мало зная народный греческій языкъ, погрѣшалъ такъ часто, что знатокъ этого языка много найдетъ исправить на каждой страницѣ. Онъ не только не понималъ многихъ словъ и въ объясненіи удалялся отъ истиннаго ихъ значенія, но даже не умѣлъ какъ слѣдовало изобразить многихъ словъ буквами. При всемъ томъ я не только не пренебрегаю этимъ словаремъ, но признаю въ немъ обильный запасъ добрыхъ плодовъ во всемъ, что авторъ почерпнулъ изъ неизданныхъ словарей парижской бібліотеки, изъ схолиастовъ и изъ другихъ памятниковъ. Если же онъ, покушаясь объяснить необъясненное другими, впадалъ въ смѣшныя ошибки, то будемъ снисходительны къ почтенному мужу, который сдѣлалъ, что могъ, предоставляя свѣдущимъ читателямъ исправить вкравшіяся въ этотъ огромный трудъ ошибки. Послѣ Дюканжа въ этомъ родѣ литературы почти ничего не издано въ свѣтъ замѣчательнаго, кромѣ матеріаловъ, собранныхъ изъ разныхъ писателей и лексикографовъ Адамантіемъ Коран, во 2-мъ, 4-мъ и 5-мъ

томахъ его τὸν Ἀτάκτων; эти матеріалы пригодятся будущимъ составителямъ словарей. Чтобы коротко сказать, что надобно сдѣлать, я думаю, вновь издать словарь Дюканжа и именно слѣдующимъ образомъ: изслѣдовавъ снова тѣ парижскія рукописи, которыми пользовался авторъ, уничтожить въ его словарь всѣ неправильности и прибавить слова и особенныя выраженія, находящіяся нынѣ въ общемъ употребленіи у грековъ, также не найденныя Дюканжемъ у писателей, чтобы такимъ образомъ составился *Thesaurus mediae et recentis graecitatis*, годный для ученыхъ^а.

Но Муллаху не удалось осуществить свое предпріятіе; переговоры съ Дидо не дали никакихъ результатовъ, Вѣнская академія отказала ему въ помощи, точно также, какъ Берлинская. Хотя онъ и приведенъ былъ въ умніе неудачами, однако не покинулъ вовсе своего намѣренія и не упустилъ случая еще разъ попытаться приобрести ему доброжелателей въ обширномъ кругу филологовъ посредствомъ живаго слова. Въ собраніи нѣмецкихъ филологовъ 2-го октября 1850 г. въ Берлинѣ онъ произнесъ рѣчь о переработкѣ Глоссарія Дюканжа, въ которой говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Glossarium Дюканжа, при всѣхъ своихъ недостаткахъ необходимъ для всякаго, кто въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ дѣло съ византійскими историками, греческими писателями о римскомъ правѣ, съ церковными греческими писателями среднихъ вѣковъ, съ древнѣйшими произведеніями новогреческой поэзіи, равно и съ писателями о музыкѣ, ботаникѣ, математикѣ, астрономіи, химіи и т. д., которые были подъ рукою у сочинителя словаря, а отчасти еще донныѣ скрываются въ бібліотекахъ. Главныя недостатки словаря Дюканжа, требующіе исправленія, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Новогреческія слова и формы перѣдко переводятся неправильно (слѣдуютъ примѣры). 2) Правописаніе словъ не всегда вѣрно. 3) Иногда приводятся слова, какихъ никогда не бывало. Кромѣ того, Дюканжъ пользовался своими источниками неравномѣрно и часто весьма небрежно, далѣе, не воспользовался всѣмъ, что находилось въ парижской бібліотекѣ“. По произнесеніи этой рѣчи, профессоръ Муллахъ вызывалъ собраніе на объясненія, но никто изъ присутствовавшихъ не пожелалъ войти въ разсужденіе объ этомъ предложеніи, точно также, какъ и послѣ другихъ рѣчей, читанныхъ въ засѣданіяхъ этого собранія, что, впрочемъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ отчасти можно объяснить и тѣмъ, что никто изъ присутствовавшихъ филологовъ и лингвистовъ не былъ готовъ, наравнѣ съ Муллахомъ, оцѣнить предложенный вопросъ во всемъ его объемѣ.

Въ 1854 г. Муллахъ такъ далеко ушелъ въ своей обработкѣ новаго полнѣйшаго изданія Дюканжа, что могъ бы тотчасъ приступить къ печати и въ нѣсколько лѣтъ окончить изданіе. Но горькіе опыты заставили его вовсе отказаться отъ надежды напечатать это изданіе въ Германіи или во Франціи.

Въ засѣданіи нашей Академіи Наукъ 1-го іюня 1855 г. академикъ Куникъ читалъ донесеніе „о трудахъ византиниста Муллаха“, въ которомъ говорить въ заключеніе: „Кто близко знакомъ съ нынѣшнимъ состояніемъ византійскихъ занятій и кто понимаетъ важность ихъ для славянскаго языковѣдѣнія, литературы и исторіи, тотъ долженъ согласиться, что успѣхи въ этой области существенно зависятъ отъ новаго изданія словаря Дюканжа. Едва ли скоро явится эллинистъ, который имѣлъ бы столько любви къ предмету, столько личнаго самоотверженія и столько познаній въ разныхъ областяхъ среднегреческаго языка, какъ профессоръ Муллахъ“¹⁾. Русская Академія, которая, казалось бы, должна была принять къ сердцу предпріятіе Муллаха, столь важное для славянской филологіи и разработки русской исторіи, отнеслась къ нему также несочувственно, какъ ученныя учрежденія западной Европы. Теперь, чрезъ 200 лѣтъ послѣ изданія знаменитаго Глоссарія, все еще приходится пользоваться стариннымъ и рѣдкимъ его изданіемъ и питать надежду, что, можетъ быть, когда-нибудь дойдутъ до сознанія въ необходимости новаго словаря.

Въ то время, какъ печатался греческій словарь, Дюканжъ уже былъ занятъ другими работами: онъ составлялъ пригнѣчанія къ готовившемуся, но потомъ на долго отложенному изданію Никифора Григоры, и трудился надъ текстомъ Пасхальной хроники и ея объясненіемъ²⁾. Мы уже знаемъ, что Пасхальною или, какъ ее иначе называли, Александрійскою хроникою, еще иначе Сицилійскими фастами (Fasti Siculi),—занимались и ранѣе. Иосифъ Скалигеръ получилъ значительныя выписки изъ нея отъ Казобона и придавалъ имъ такую цѣнность, что обнародовалъ сообщенную ему часть въ видѣ приложенія къ своей, тогда уже почти совершенно отпечатанной, велича-

¹⁾ Донесеніе академика Куника, изъ котораго извлечены нами всѣ свѣдѣнія о Муллахѣ, напечатано въ *Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отд.*, т. III, 1855 г., стр. 413—428.

²⁾ Paschalion (Πασχαλίον), seu chronicon paschale a mundo condito ad imperatorem Heraclium, hactenus Fastorum Siculorum nomine laudatum, et chronici Alexandrini lemmate vulgatum, ex interpretatione et cum notis chronicis ac historicis Caroli de Fresne du Cange. 1688.

вой Сокровищницѣ временъ (Thesaurus temporum). Затѣмъ иезуитъ Радеръ въ 1615 году издалъ текстъ хроники in extenso, что и считается первичнымъ ея изданіемъ. Удовлетворительнымъ оно не могло быть уже потому, что сдѣлано было не по оригинальной древней рукописи, а по списку съ плохой копіи, не говоря уже о пропускахъ и пробѣлахъ, имъ самимъ добровольно допущенныхъ. Лаббъ въ приложеніи къ своему воззванію заявлялъ, что изданіе Радера требуетъ дополненія, такъ какъ-де онъ, занятый другими дѣлами, не успѣлъ докончить своихъ примѣчаній; затѣмъ говорилось, что если кто можетъ оказать содѣйствіе Луврскому изданію, то пусть поспѣшитъ увѣдомленіемъ, дабы труды его не пропали напрасно; въ случаѣ необходимости все дѣло хотѣлъ взять на себя самъ авторъ воззванія. Уже послѣ того, какъ Protergericon былъ обнародованъ въ первоначальномъ отдѣльномъ своемъ видѣ, Лаббъ узналъ, что въ Мадридѣ у аббата Лафарина (Lafarina), сицилійца родомъ, состоявшаго при капеллѣ (oratorium) короля Испанскаго, находится древнѣйшій и самый исправный экземпляръ Александрійской хроники: при второмъ изданіи воззванія и сопровождавшаго оное проспекта (при одномъ изъ томовъ коллекціи) прибавлено было довольно глухое обращеніе къ владѣльцу манускрипта, что если онъ его пришлетъ или сообщитъ варианты, то заслужитъ величайшую благодарность отъ всѣхъ ученыхъ. Когда взялся за дѣло Дюканжъ, то уже о Лафаринѣ не столько заботились; Дюканжъ располагалъ, кромѣ прежняго печатнаго текста, пособиями, которыя сообщали друзья; что было можно, онъ исправлялъ и улучшалъ—большею частью весьма удачно—собственными конъектурами, а когда было необходимо, то-есть, при встрѣчѣ съ мѣстами, казавшимися ему подозрительными, обращался опять черезъ друзей къ справкамъ съ Ватиканскимъ кодексомъ, древнѣе котораго и желать было трудно, такъ какъ его относили къ X вѣку. Дюканжъ зналъ или по крайней мѣрѣ догадывался, что Ватиканскій кодексъ есть именно тотъ знаменитый экземпляръ, который нѣкогда былъ купленъ въ Мессинѣ Зуритою (Zurita), авторомъ извѣстной Арагонской исторіи, во время пребыванія его въ Сициліи въ 1551 году, и сдѣлался тогда извѣстнымъ нѣкоторымъ ученымъ (Sigonio и Panvinio пользовались имъ въ своихъ комментаріяхъ къ Фастанъ), но онъ не зналъ, какъ и всѣ до новѣйшаго времени не знали, дальнѣйшей промежуточной исторіи этого кодекса, не зналъ того, что увезенный счастливымъ покупщикомъ въ Испанію и пробывъ тамъ около ста лѣтъ, онъ перешелъ въ Ватиканскую би-

бліотеку именно чрезъ посредство аббата Лафарини. Похищенный воровскимъ образомъ изъ бібліотеки одного испанскаго магната, этотъ экземпляръ былъ проданъ за ничтожную цѣну (восемь или десять франковъ)—либо прямо, либо черезъ вторыя руки—поименованному аббату, который, очевидно, долженъ былъ скрывать происхождение своего сокровища, поступившаго въ папскую бібліотеку; вслѣдствіе того Дюканжъ думалъ, что Ватиканскій списокъ и рукопись Лафарини суть двѣ вещи различныя ¹⁾. Нужно замѣтить, что отъ этого архетипа вели свое начало и тѣ копіи, которыя тоже страннымъ образомъ гуляли по свѣту. Одна изъ нихъ съ Дармаріемъ, упомянутымъ у насъ переписчикомъ греческихъ рукописей, переписчикомъ, нужно припомнить, неисправнымъ и недобросовѣстнымъ, но посѣтившимъ также и Испанію въ 1573 году, совершила путешествіе изъ Лериды въ Баварію, на дорогѣ попала въ руки Казобона, побывала въ Аугсбургѣ, гдѣ Гешель снялъ съ нея новую копію, послужившую для изданія Радера, а теперь находится въ Мюнхенѣ ²⁾. Что касается Дюканжа, то мы уже указали на содѣйствіе друзей, чрезъ которыхъ онъ могъ пользоваться Ватиканскимъ спискомъ. Къ числу этихъ друзей принадлежитъ прежде всего Е. Виго, съ горячимъ участіемъ

¹⁾ Исторія Ватиканскаго кодекса № 1941, содержащаго въ себѣ Пасхальную хронику, впервые подробно и отчетливо разъяснена Гро (*Gro*) въ его *Essai sur les origines du fond grec de l'Escurial*, pag. 346 и сл. Рукопись Зуртти послѣ неудавшихся переговоровъ съ королемъ Филиппомъ II Испанскимъ, была нѣтъ заведена монастырю картезіанцевъ въ Сарагоссѣ (*Aula Dei*), отсюда въ 1626 году почти насильно взята Оливаресомъ, всемогущимъ министромъ Филиппа IV, который, возмывъ мысль устроить свою бібліотеку, ограбилъ многія книгохранилища въ Испаніи, лишивъ ихъ лучшаго достоянія. Но хуже всего то, что эта его бібліотека подверглась безстыдному разхищенію, при чемъ владѣлецъ и не подозрѣвалъ ничего. Пасхальная хроника, похищенная у монаховъ, была теперь выкрадена невѣрными слугами новаго владѣльца, и т. д. Въ изложеніи дальнейшей исторіи рукописи Гро не замѣтилъ или по крайней мѣрѣ не обозначилъ отчетливо того обстоятельства, что Дюканжъ отличалъ Ватиканскій списокъ отъ списка Лафарини и только о послѣднемъ думалъ, что онъ привезенъ былъ въ Римъ изъ Константинополя, а о первомъ и онъ говоритъ, какъ о купленномъ въ Мессинѣ Зурттою. Это все становится яснымъ, какъ скоро прочтешь со вниманіемъ *praefatio*.

²⁾ Гро (pag. 348) говоритъ, что эта же самая копія была послѣ приобретена Голстеномъ, но въ виду дальнѣйшаго мы считаемъ это сомнительнымъ и потому пропускаемъ. Еще двѣ копіи были сдѣланы тогда же Дармаріемъ: для короля Филиппа II и для испанскаго гуманиста Антонія Августина; одна изъ нихъ теперь въ Стокгольмѣ, другая въ Упсалѣ.

встрѣтившій первое извѣстіе о новомъ предпріятіи престарѣлаго ученаго. Въ настоящее время изъ обнаруженной Делиемъ переписки Биго мы узнаемъ, что послѣдній еще ранѣе Дюканжа очень интересовался Паскальною хроникой. Во время своего путешествія въ Германію, на досугѣ въ гостиницахъ онъ занимался тѣмъ, что исправлялъ латинскій переводъ Радера въ своемъ печатномъ экземплярѣ, который онъ велѣлъ нарочно для этого переплестъ. Когда Биго явился въ Римъ и встрѣтился съ Голстеномъ, то узналъ, что и этотъ послѣдній началъ пересматривать переводъ и слышать (collationner) греческій текстъ по оригинальному манускрипту, который былъ ему сообщенъ Лафариною. Голстенъ разказалъ французскому ученому о своихъ занятіяхъ и возложилъ на него обязанность докончить сличеніе, доставивъ ему возможность пользоваться на дому подлинникомъ, съ тѣмъ чтобы все это послужило на пользу Луврскаго изданія ¹⁾. Предъ смертью Голстена (въ 1661 году) Биго возвратилъ ему оригиналъ, который, по замѣчанію Биго, долженъ былъ поступить въ Ватиканскую бібліотеку, а съ собою въ Парижъ взялъ оба свои (печатные) экземпляра—тотъ, надъ которымъ онъ работалъ въ Германіи, и тотъ, на которомъ сдѣлана была копія въ Римѣ. То и другое вручено было одному аббату (Thoinard), который долженъ былъ издать хронику, но потомъ ни къ дѣлу не приступилъ, ни врученныхъ ему пособій не возвращалъ, не смотря на требованія Биго. Такъ прошло около двадцати лѣтъ; Биго почти забылъ о всемъ этомъ вопросѣ и о своихъ трудахъ, и вспомнилъ о нихъ только тогда, когда представилась возможность помочь ученому другу. По видимому, Биго удалось теперь выручить изъ невѣрныхъ и крѣпкихъ рукъ аббата Туанара свое достояніе. По крайней мѣрѣ изъ предисловія Дюканжа къ изданію хроники видно, что онъ пользовался сличеніемъ и конъектурами Голстена и, приводи варианты сего послѣдняго, знаетъ, что они взяты изъ кодекса, принадлежавшаго Лафаринѣ; но не догадываясь о значеніи этого кодекса, онъ предпочиталъ списокъ Ватиканскій, съ нимъ тождественный, и благодарить за сообщеніе отсюда вариантовъ не Голстена и Биго, а Мабильона, Сень-Жермена и Этьенно. Мабильонъ и его ученые спутники по путешествію въ Италію исполняли порученія Дюканжа, касавшіяся изданія Паскальной хроники. „Скажите Дюканжу“, пишетъ одинъ

¹⁾ Объ участіи Биго въ дѣлѣ изданія хроники узнаемъ изъ документовъ, обнаруженныхъ у Делла—*Delisle*, Cabinet des manuscrits 1, 325 и сл.

изъ нихъ, — „что при первомъ хорошемъ и свободномъ дѣѣ мы отправимся въ Ватиканскую бібліотеку и посмотримъ, существуетъ ли въ подлинной рукописи пробѣлъ, замѣченный имъ въ печатномъ изданіи“ ¹⁾). За то послѣ возвращенія своего въ Парижъ самъ Мабиллонъ, относившійся съ глубочайшимъ уваженіемъ къ трудамъ Дюканжа и съ такою же симпатіей къ его личности, могъ (въ 1688 году) писать въ Римъ, что новое изданіе Александрійской хроники подвигается къ концу, и что въ немъ будутъ значительныя добавленія противъ прежняго текста ²⁾). Дѣйствительно, заслуга Дюканжа по отношенію къ тексту Пасхальной хроники громадна. Его изданіе въ сущности есть ея первое полное изданіе. Такъ, въ изданіи Радера упущены были тѣ многочисленныя извлеченія изъ древнихъ отцевъ церкви и писателей, которыя находятся въ подлинной рукописи и касаются празднованія Пасхи, указывая на главное назначеніе дѣлага произведенія; о пробѣлахъ (lacunae) въ срединѣ уже было упомянуто. Новѣйшіе ученые, даже нѣмецкіе филологи, трудившіеся для Боннскаго изданія византійцевъ и обыкновенно столь неблагоприятны къ своимъ французскимъ предшественникамъ XVII столѣтія, на сей разъ признаютъ по крайней мѣрѣ безконечное превосходство Дюканжа предъ Радеромъ. Затѣмъ, кромѣ установленія текста, остается еще его разъясненіе и толкованіе. Въ этомъ отношеніи заслуги Дюканжа еще выше, ослзательнѣе и уже никѣмъ не могутъ быть принижаемы. Латинскій переводъ хроники, сдѣланный имъ заново, признается незамѣнимымъ и повторяется безъ перемѣнъ въ новыхъ изданіяхъ. Комментаріи отличаются обычнымъ обиліемъ и обычною громадною эрудиціей Дюканжа. Они заключаются, во первыхъ, въ обширномъ предисловіи, которое заключаетъ свѣдѣнія о спискахъ и прежнихъ изданіяхъ хроники (Скалигера, Радера), о различныхъ ея наименованіяхъ, о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ она была написана, о другихъ сродныхъ произведеніяхъ, ей предшествовавшихъ—о хроникѣ Ипполита, о пасхаліяхъ и пасхальныхъ циклахъ, а также вообще о системахъ лѣтосчисления и т. д. Сверхъ того, присоединены были хотя и не столь обширныя и важныя, но не лишеныя цѣны замѣчанія Готена, переводчика Теофана, сообщенныя его внукомъ и названныя хронологическимъ анализомъ хроники. Во второй части,

¹⁾ *Valery, Correspondance de Mabillon II, 125.* Письмо Estiennot отъ 2-го декабря 1687 года.

²⁾ *Ibid. p. 157.*

вслѣдъ за текстомъ, сначала идетъ выборка изъ разнаго рода изданныхъ, а болѣею частью неизданныхъ дотолѣ сочиненій, могущихъ служить къ объясненію хроники: *Selecta ad illustrationem Chronici Paschalis*, а затѣмъ уже собственныя примѣчанія Дюканжа. Въ выборкѣ между прочимъ заслуживаютъ вниманія древніе списки царей, списки апостоловъ (Епифанія, Дорофея), большія извлеченія изъ *Liber generationum*, между прочимъ о раздѣлѣ земли между потомками Ноя и т. д. Въ собственныхъ примѣчаніяхъ оправдываются и объясняются конъектуры, внесенныя въ текстъ самимъ Дюканжемъ. Сообщаются варианты, принадлежащіе Голстену (и Вигю), приводятся соответствующія частныя параллельныя мѣста у другихъ писателей. Все это перепечатано въ Вонскомъ изданіи какъ было.

23-го октября 1688 года Дюканжъ скончался на 79 году жизни.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLIX.

1888.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екаторининскаго кан., № 70.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Программы испытанія въ комиссіи историко-филологической	1
Н. И. Карѣевъ. „Паденіе Польши* въ исторической литературѣ (продолженіе).	1
Н. П. Некрасовъ. Въ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка	70
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по вивантийской исторіи (продолженіе)	98

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О. О. Миллеръ. Капитальный трудъ по древне-русской литературѣ.	174
К. Н. Вестужковъ-Рюминъ. Графъ Федоръ Петровичъ Литке. <i>В. Ве-</i> <i>образова.</i> С.-Пб. 1888	201
О. Г. Мищенко. Склескія древности. <i>А. Давно-Давилевскаю.</i> С.-Пб. 1887	211
Н. А. Липищико. <i>Г. Семювъ.</i> Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о русской исторіи В. Н. Та- тщева. М. 1887	221
— Книжныя новости	225
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Общество исторіи древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1887 году	1
— Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1887 году	10

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. А. Фетъ. Элегія Окота Пропорція. Вн. IV.	163
Н. П. Холодникъ. Къ надписи Оципіона Варбата	221

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Вибіографическій словарь русскихъ пи- сателей (продолженіе)	33
--	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го сентября).

ОВОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Изданіе источниковъ ¹⁾).

III.

Восемнадцатое столѣтіе.

Ученый кружокъ Сен-Жерменскаго аббатства.—Мабильонъ и Монфоконъ.—Буавенъ, Бандури и Лекъенъ.—Изданіе Григоры.—*Imperium Orientale* Бандури.—*Oriens christianus*.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Маламы.—Изданіе Генесія въ Венеціи.—Изданіе *De segetonibus* Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Французъ Алтера.

Въ началѣ оглянемся нѣсколько назадъ. Когда говорятъ: „вѣкъ Людовика XIV“, то разумѣютъ при этомъ имена Расина и Мольера, Боссюэта и Фенелона, но часто забываютъ, что помимо блестящей плюяды литературныхъ дѣятелей, прославившихъ этотъ періодъ французской исторіи, въ то же время существовало другое общество или другой кругъ писателей, собственно такъ называемыхъ ученыхъ, общество, очень отличное отъ того, которое по общему признанію считается выраженіемъ замѣчательнаго вѣка, менѣе бросающееся въ глаза, но столь же производительное и одушевленное, оставившее и въ свою очередь прочные слѣды въ ходѣ умственнаго развитія великой націи. Дѣятельность и отчасти біографія Дюканжа, на сколько мы съ нею познакомились, открыла намъ просвѣтъ на эту среду. Мы уже отчасти видѣли, что Дюканжъ работалъ не одинъ, что онъ находилъ себѣ сочувствіе и поддержку въ такихъ лицахъ, какъ Мабильонъ, какъ Балюзъ, бібліотекаръ Кольбера, положившій начало документальному изученію французской исторіи цѣлымъ рядомъ из-

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г.

даній актовъ разлнчнаго рода. О-бокъ съ избранными представителями литературнаго движенія, во второй половинѣ XVII вѣка существовало многочисленное общество трудолюбивыхъ и даровитыхъ ученыхъ, связанныхъ однимъ союзомъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, равсѣянныхъ отъ одного конца Франціи до другаго, поддерживавшихъ между собою корреспонденцію, слѣдящихъ за открытіями и работами другъ друга. Центромъ этого общества во Франціи въ данный періодъ времени былъ, конечно, извѣстный монастырь въ предмѣстьи столицы, который очень охотно и часто посѣщала Дюканжъ въ концѣ своей жизни, знаменитое Сен-Жерменское аббатство (Saint-Germain des Prés),—въ которомъ жили и трудились такъ называемые мавриньяне, члены конгрегаціи св. Мавра, то-есть, особой ассоціаціи монастырей и монаховъ въ нѣдрахъ бенедиктинскаго ордена, возникшей въ началѣ XVII вѣка ради оживленія и поднятія строгой религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія, и названной такъ по имени св. Мавра, одного изъ учениковъ основателя ордена, св. Бенедикта. Но къ этому центру примыкали и другія постороннія лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія; нѣкоторые изъ нихъ намъ уже извѣстны, какъ А. Валуа, Биго. Все-таки это былъ отдѣльный міръ, мало извѣстный для придворнаго и городского общества; члены этого кружка не особенно старались выйдти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ, и будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагоприятною, если-бы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собраніе старинныхъ хартій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ библіотекахъ, однимъ словомъ изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни,—это была ихъ страсть. Они собрали сокровища эрудиціи, которыми пытались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться. До нихъ едва достигало отдаленное эхо военной славы царствованія, или даже блестящихъ триумфовъ литературныхъ и художественныхъ; не многое напоминаетъ, что это современники Тюренна и Конде, Норвея и Мольера. Новѣйшій бытописатель, посвятившій этому обществу ученыхъ обширное сочиненіе, поражается отчужденностью, незначительностью связей, существующихъ между литераторами и

учеными означенной эпохи. Въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ этого періода, замѣчаетъ онъ, почти не встрѣчается никакого упоминанія именъ ученыхъ, и точно также на оборотъ. Мадамъ де Севинье, такъ близко знакомая съ литературнымъ движеніемъ своего времени, не называетъ ни разу въ своей корреспонденціи имени Мабиллона, и почти столь же трудно въ перепискѣ знаменитаго бенедиктинца встрѣтить упоминаніе о Расинѣ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы они были совершенно равнодушны къ тому, что происходило; посвящая томы Византійской коллекціи королю, они намекали въ предисловіяхъ на его побѣды, величали его миротворцемъ Европы (послѣ Рискивскаго мира), съ нѣкоторымъ ослѣпленіемъ — въ немъ повиненъ былъ нашъ Дюканжъ — восхваляли даже отміну Нантскаго эдикта и насильственное обращеніе протестантовъ; но торжественныхъ одъ и льстивыхъ похвальныхъ рѣчей, они почти совсѣмъ не удосуживались писать, какъ это еще позднѣе дѣлалъ Вольтеръ. Нельзя сказать также, чтобы общество держало ихъ въ превратномъ отдаленіи; напротивъ, всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ самыми вліятельными лицами даннаго времени; король ихъ знаетъ и покровительствуетъ ихъ занятіямъ. Но они не ищутъ почестей и вѣшной славы. Самые ученые между ними въ то же время суть наиболѣе скромные. Таковъ былъ Мабиллонъ (1632—1707), котораго вмѣстѣ съ Дюканжемъ, справедливо называютъ основателемъ и столпомъ новой французской учености, а чрезъ нее отчасти и вообще европейской, котораго критическая проницательность въ изученіи памятниковъ прошлаго доходила, можно сказать, до гениальности: самый возвышенный, благородный и симпатичный характеръ не только въ конгрегаціи Св. Мавра, которой онъ составлялъ украшеніе, но и вообще среди христіанскаго монашества²⁾.

¹⁾ *E. de Broglie, Mabillon et la société de l'abbaye de Saint-Germain des Prés. Paris. 1888, t. 1, 73.*

²⁾ О Мабиллонѣ и его трудахъ, кромѣ біографіи, написанной его ученикомъ и сотрудникомъ, Рюинаромъ, см. *Dom Tassin, Histoire littéraire de la congrégation de Saint-Maur, t. II, 200—270. Chavin de Malan, Les Gloires de la France, Histoire de D. Mabillon. Paris. 1843. II. Jadart, Dom Jean Mabillon. Reims. 1879:* трудъ компилятивный и довольно слабый; сверхъ того, вышеприведенное двухтомное сочиненіе Брולי, въ которомъ, впрочемъ, вниманіе обращено преимущественно на характеристику кружка и принадлежавшихъ къ нему отдѣльныхъ личностей, но очень мало дано мѣста изображенію собственно ученаго движенія, отсюда исходившаго, и оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ, составившихъ славу кружка; авторъ желалъ написать главу изъ культурной исторіи общества, а не изъ исторіи науки.

Онъ уже прославилъ себя двумя капитальнѣйшими трудами, когда его вздумали представить королю, Людовику XIV. Скажемъ сначала два слова объ этихъ трудахъ, хотя и не касающихся прямо византійской литературы, но косвенно вліявшихъ на все ученое движеніе въ области историческаго изученія, а потомъ припомнимъ характеристичную сцену, при которой была засвидѣтельствована крайняя скромность великаго учонаго. Наиболѣе важными трудами Мабилльона среди множества другихъ были „Дѣянія святыхъ ордена св. Бенедикта“ (*Acta sanctorum ordinis S. Benedicti*), рядъ томовъ, начавшихъ появляться съ 1668 года ¹⁾. Тутъ имѣетъ громадное значеніе не одна только масса вновь изданнаго матеріала, заключающагося въ жизнеописаніяхъ принадлежавшихъ къ ордену церковныхъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей западной церкви, начиная со времени св. Бенедикта въ продолженіи дальнѣйшихъ шести вѣковъ, но и цѣлый непрерывный рядъ ученѣйшихъ изслѣдованій Мабилльона о всѣхъ сторонахъ церковнаго и монашескаго средневѣковаго быта, о самыхъ равнообразныхъ вопросахъ исторической критики, хронологіи и генеалогіи—послѣдней потому, что Мабилльону приходилось останавливаться на темномъ родословіи Меровингскихъ и другихъ королей, такъ или иначе относившихся къ дѣятельности бенедиктинцевъ. Такія изслѣдованія заключаются отчасти въ предисловіяхъ Мабилльона къ издаваемымъ актамъ, отчасти въ примѣчаніяхъ. Другимъ бессмертнымъ трудомъ Мабилльона была его Дипломатика ²⁾, появившаяся въ первый разъ въ 1681 году. Въмѣстѣ съ появленіемъ этой книги получила свое бытіе, лучше сказать, зародилась въ зрѣлой полнотѣ и вооружилась совсѣмъ новья наука.

¹⁾ Продолженіемъ и дополненіемъ къ *Acta* служатъ *Annales Ordinis sancti Benedicti VI vol. 1703—1739*. Здѣсь имѣются въ виду не только святые, но всѣ вообще монахи, которые содѣйствовали просвѣщенію и образованію западнаго христіанства отъ V по XII столѣтіе.

²⁾ *De re diplomatica libri VI, in quibus quidquid ad veterum iustrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis Regum Francorum Palatiis: Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa, Nova ducentorum et amplius monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannis Mabillon, presbyteri ac Monachi ordinis sancti Benedicti, e congregatione S. Mauri. Lutetiae Parisiorum, sumptibus viduae Ludovici Billain, 1681.* Дополненіе появилось въ 1704 г. *Librorum de re diplomatica supplementum*,—новое изданіе въ 1709 году.

Подъ дипломатикою разумѣется систематическое ученіе (*disciplina*) о документахъ и актахъ (*instrumentum, Urkunde*), о внѣшнихъ и внутреннихъ признакахъ, по которымъ можно опредѣлять подлинность и достоинство всякаго рода письменныхъ, въ опредѣленную форму облеченныхъ свидѣтельствъ о совершившихся дѣйствіяхъ праваго характера,—государственныхъ общественныхъ или частныхъ,— все одно. Въ книгѣ Мабилльона идетъ рѣчь о документахъ вообще, объ ихъ характерѣ, различныхъ ихъ родахъ и видахъ, объ ихъ древности, подлинности, поддѣлкахъ и причинахъ поддѣлокъ, о письменныхъ материалахъ и различныхъ видахъ письма (1 кн.); затѣмъ слѣдуетъ ученіе о стилѣ документовъ или грамотъ, о канцелярскихъ обычаяхъ при совершеніи актовъ, именно—о подписяхъ, монограммахъ, печатяхъ и т. п. съ историческимъ приложеніемъ о составѣ канцелярій во франкское время и позднѣе (кн. 2); подвергаются критикѣ правила для распознаванія подлинности и достовѣрности документовъ, выставленныя не за долго предъ тѣмъ Папebroхомъ, однимъ изъ редакторовъ Дѣяній Святыхъ (*Acta Sanctorum*), издаваемыхъ иезуитами въ Антверпенѣ,—съ разсужденіемъ о собраніяхъ хартій (*chartularia*) и копій съ нихъ (кн. 3); особая (4-я) книга посвящена историческому обзорѣнію палатъ (дворцовъ, *palatium, Pfalz*) франкскихъ королей, въ которыхъ они жили или останавливались въ разныя эпохи, и откуда датировались документы, что имѣетъ, очевидно, важное значеніе для дипломатики; предпоследняя книга представляетъ образцы письма и объясненія къ нимъ съ 58 гравирированными таблицами, и послѣдняя—сборникъ дипломовъ (документовъ) числомъ болѣе 200 отъ 471 года до конца XII вѣка, какъ наглядное доказательство и разъясненіе выставленныхъ въ сочиненіи правилъ. Когда книга вышла, она была встрѣчена единодушнымъ признаніемъ; оказалось, что она далеко оставляетъ повади появлявшіяся до сихъ поръ слабыя попытки къ формулированію основныхъ правилъ дисциплины, давно ставившейся необходимою даже въ практической жизни; иезуитъ Папebroхъ благоразумно призналъ себя побѣжденнымъ, далеко превзойденнымъ. Новые ученые, болѣе авторитетные въ данной области, также горячи и единодушны въ своихъ похвалахъ; ихъ отзывы звучатъ восторженнымъ удивленіемъ. Школа хартій въ Парижѣ, *Ecole des Chartes*, основана въ настоящемъ столѣтіи (окончательная организація относится къ 1846 году) именно съ цѣлью поддержанія и увѣковѣченія „того рода эрудиціи, который съ XVII в. составлялъ одинъ изъ наиболѣе прекрасныхъ цвѣтковъ въ литературной исторіи

Франціи, и который едва не угасъ вслѣдствіе прерыва въ его традиціяхъ, произведенныхъ революціою". Одинъ изъ руководителей этой школы высказалъ желаніе, чтобы главную залу школы украшали бюсты Мабилльона вмѣстѣ съ Дюканжемъ. Помимо всѣхъ другихъ правъ послѣдняго, нужно припомнить, что онъ не чуждъ былъ и появленію Дипломатики. Мабилльонъ въ своемъ къ ней предисловіи прямо говоритъ объ его поощреніяхъ и совѣтахъ, придавая имъ величайшее значеніе ¹⁾). Когда послѣ изданія Дипломатики, посвященной Кольберу, предполагалось отправить Мабилльона въ ученую миссію для обследованія библиотекъ италіанскихъ, то и король Людовикъ XIV пожелалъ его видѣть. Летеллье, архіепископъ Реймскій, прелатъ, известный своимъ высокомѣріемъ, и Боссюэтъ, другой архіепископъ, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и ученостію, должны были его представить—въ Версали. Летеллье и Боссюэтъ были проникнуты взаимнымъ нерасположеніемъ, и вотъ, когда Летеллье, подводя Мабилльона къ королю, сказалъ: „Государь, я имѣю честь представить вашему величеству самаго ученаго человека въ вашемъ королевствѣ“, то Боссюэтъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ затаенное остріе укола, направленного противъ его самолюбія, съ своей стороны отозвался: „О государь, архіепископъ Реймскій долженъ былъ бы прибавить: и самаго смиреннаго“. Онъ былъ правъ; но есть другой любопытный разказъ, изъ котораго видно, что и въ отношеніи этого качества Мабилльонъ и Дюканжъ соперничали между собою. Когда провинціальный ученый обращался къ Дюканжу съ просьбою о совѣтѣ въ ученомъ дѣлѣ, тотъ отсылалъ собесѣдника къ Мабилльону, какъ болѣе компетентному судѣ. Когда посѣтитель, согласно указанію, находилъ себѣ дорогу въ бенедиктинскую колы, то его прерывали на первыхъ же словахъ и отсылали къ Дюканжу: „Повидаетесь съ Дюканжемъ, говорилъ Мабилльонъ, онъ дастъ отвѣтъ на вашу записку; онъ мой учитель, я самъ знаю только то, чему у него научился“.—„Но именно онъ отправилъ меня къ вамъ“, возражалъ пришедшій, и этимъ замѣчаніемъ иногда побуждалъ скромность автора Дипломатики.

Къ тому же ученому кружку, группировавшемуся вокругъ Мабилльона въ С.-Жерменскомъ аббатствѣ, принадлежали: дом-Бернардъ-

¹⁾ Tene vero illaudatum praetermittam, eruditissime Cangl, qui hancce lucubrationem nostram, non secus ac tuam monitis et adhortationibus promovere—satagebas.

де-Монфоконъ (Montfaucon), Буавенъ, Бандури и Лекъенъ, трудившіеся въ области византійской литературы.

Монфоконъ (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741), одно изъ лучшихъ украшеній конгрегаціи св. Мавра, принадлежалъ къ нѣскольکو младшему поколѣнію, чѣмъ Мабилльонъ и отличался отъ него многими чертами характера. Происходя изъ старинной и знатной фамиліи въ Гаскони, онъ началъ свое жизненное поприще въ военной службѣ и совершилъ два похода подъ начальствомъ Тюрення; вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній, которыя ему пришлось при этомъ, испытать (собственная болѣзнь, смерть дяди, пораженнаго смертельною раню), и семейныхъ утратъ, онъ очень рано перемѣнилъ кирасу гренадера на монашескую сутану, но какъ будто сохранилъ вмѣстѣ съ южною живостью и нѣкоторый отпечатокъ своего первоначальнаго призванія. Онъ не былъ терпѣливъ и уступчивъ, способенъ былъ на острое слово и рѣвкую выходку, что иногда смущало его сотоварищей и заставляло Мабилльона въ шутку называть его господиномъ Рокталядомъ (Roquetaillade) по имени одной изъ земель его фамиліи.—Хотя Монфоконъ любилъ читать Плутарха еще въ дѣтствѣ и даже подъ вліяніемъ именно этого чтенія мечталъ о военной славѣ и подвигахъ, но греческій языкъ онъ сталъ изучать только послѣ вступленія въ бенедиктинскій орденъ. Быстрые успѣхи какъ въ этомъ предметѣ, такъ и въ другихъ наукахъ, которыя онъ слушалъ въ своемъ аббатствѣ, обратили на него вниманіе одного изъ мавриніанъ Сен-Жерменскаго монастыря. Равкаиваятъ, что ближайшимъ поводомъ къ тому были работы молодого монаха, состоявшія въ провѣркѣ латинскаго перевода греческихъ духовныхъ писателей и переданныя имъ на разсмотрѣніе дом-Мартена (dom Claude Martin). Вызванный въ Парижъ (1687), Монфоконъ вступилъ въ ученую среду С. Жерменскаго аббатства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсную дружбу съ Биго и Дюканжемъ, сдѣлался любимцемъ Мабилльона. Съ самаго начала предполагалось, что на Монфокона вмѣстѣ съ другими двумя сотрудниками будетъ возложено изданіе греческихъ отцовъ церкви, Аванасія и Іоанна Златоуста, между тѣмъ какъ Мабилльонъ занимался въ этомъ родѣ исключительно изданіемъ латинскихъ церковныхъ учителей, Августина, св. Бернарда. Важное и великое предпріятіе, поставленное на очередь неутомимыми мавриніанами, требовало не только большаго знанія и тщательной подготовки, но и опытности отъ будущихъ участниковъ въ дѣлѣ. Дюканжъ и Биго посовѣтовали Монфокону предварительно заняться какими-

нѣбудь греческими произведеніями не столь обширнаго размѣра и указали нѣсколько манускриптовъ, заслуживающихъ того, чтобы быть обнародованными. Такъ появились „Греческіе аналекты“¹⁾, въ которыхъ въ первый разъ были напечатаны 1) Типикъ (уставъ), данный императрицею Иринею, женою Алексѣя Комнина (1081—1118) женскому монастырю, ею основанному, съ подробнымъ перечисленіемъ доходовъ для содержанія обители и монахинь и 2) счетныя инструкціи самого императора Алексѣя (*rationarium antiquum*, пошп) для руководства сборщикамъ податей, документъ, чрезвычайно важный для изученія византійской податной и монетной системъ и кромѣ того 3) сочиненіе Герона о мѣрахъ. Эти три цѣсы, составляющія половину тома, были переведены на латинскій языкъ и приготовлены къ печати Монфокономъ. Здѣсь же напечатано было житіе св. Евимія Великаго, основателя знаменитой обители въ пустынѣ св. града (Іерусалима), написанное Кирилломъ Скиеопольскимъ, и въ греческомъ подлинникѣ до тѣхъ поръ извѣстное только въ другой редакціи и притомъ въ латинскомъ переводѣ житіе св. Стефана Новаго, первостепенный источникъ для истории иконоборства за первый его періодъ.—Черезъ десять лѣтъ послѣдовало появленіе твореній Аванасія Александрійскаго въ трехъ томахъ²⁾; трудъ принадлежалъ исключительно Монфокону, который вмѣстѣ съ ними выросъ до полной и удивительной ученой зрѣлости, успѣвъ познакомиться, сколько было нужно, съ языками еврейскимъ, сирійскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. Предисловіе, исполненное учености, въ которомъ показана недостаточность всѣхъ прежнихъ изданій, слѣдующія за тѣмъ приложенія съ живнеописаніями св. Аванасія (одно арабское переведено было Ренодѣ, Renaudot), текстъ, установленный по спискамъ парижскимъ и ватиканскимъ,—все это сообщало чрезвычайную цѣну труду Монфокона; изданіе тогда же было названо несравненнымъ и остается доселѣ несравненнымъ.—Ради Іоанна Златоуста привино было необходимымъ ближайшее

¹⁾ *Analecta graeca, sive varia opuscula graeca inedita*. Parisiis, typis G. Martini, 1688, in 4. Указываемыя въ текстѣ статьи были потомъ перепечатаваемы: Типикъ Иринеи въ греческой патрологіи Мина (t. 127); въ Acta graeca Миклошича, (t. a.); счетное руководство въ *Zachariae Ius graecorum*, t. III.

²⁾ Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου — τὰ εὐρισχόμενα πάντα. Sancti Patris nostri Athenasii opera omnia quae supersunt. Opera et studio Monachorum Ordinis S. Benedicti, e Congreg. S. Mauri, Parisiis, sumptibus Anisson, 1698.

овнакомленіе съ рукописями и библіотеками Италіи; отправившись туда въ 1698 году, Монфоконъ провель три года въ Венеціи, Миланѣ, Флоренціи, Монтекассино и такъ далѣе, всего долѣе, конечно, въ Римѣ. Вездѣ его встрѣчали какъ великую знаменитость; герцогъ Тосканскій вручилъ ему во Флоренціи ключи отъ Лаврентіанской библіотеки, чтобы онъ могъ заниматься въ ней когда угодно; самъ папа оказалъ свое вниманіе и благосклонность, такъ что эти знаки всеобщаго уваженія къ иностранцу возбуждали нѣкоторое чувство ревности, если не зависти въ мѣстныхъ ученыхъ, не исключая Цаканьи (Zaccagni), префекта Ватиканской библіотеки. Сюда относятся разказъ объ испытаніи, или лучше сказать ловушкѣ, устроенной противъ Монфокона этимъ Цаканьи съ друзьями. Ему предлагали старинную греческую рукопись и съ лестными комплиментами просили научить и наставить—опредѣливъ прежде всего вѣкъ, къ которому манускриптъ долженъ быть относимъ. Когда Монфоконъ указалъ на послѣднюю четверть десятаго вѣка (за семьсотъ лѣтъ), то ему сухо замѣтили, что онъ ошибается, такъ какъ имя императора Василія, упомянутое въ припискѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности рукописи еще предыдущему столѣтію: Василій Македонянинъ царствовалъ отъ 867 по 886 г. Однако Монфоконъ пожелалъ ближе всмотрѣться въ приписку, и когда оказалось, что при имени Василія прибавлено слово „ἐκ τῆς πορφύρας“ (отъ порфиры), то въ самомъ дѣлѣ получалъ возможность преподавать хорошій урокъ своимъ совопросникамъ, научивъ ихъ, что эта прибавка указываетъ на Василія Порфиророднаго, рожденнаго въ пурпурѣ, а такимъ былъ только Василій II Болгаробойца (976—1025). Возможность такого анекдота, разказаннаго въ похвальной рѣчи Монфокону де-Возомъ (de Voze), доказывается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что знаменитый Ватиканскій Мелогій, драгоценнѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей по своимъ миниатюрамъ, вслѣдствіе посвященія императору Василію долго считалась принадлежностью девятаго вѣка, и Бароній прямо разумѣлъ тутъ Василія I Македонянина; только Алліцій впервые обратилъ вниманіе на прибавку такихъ выраженій, какъ „солице порфиры“, „питомецъ багрянницы“, и воспользовался ими для надлежащаго указанія времени, когда былъ составленъ знаменитый мелогій Василія, изданный нѣсколько повдѣе (1727 г.) кардиналомъ Альбани.—Были сдѣланы и еще другія попытки, долженствовавшія поставить въ недоумѣніе Монфокона, но всѣ онѣ повели къ одному результату, къ новому проявленію

нью его глубокаго знанія. Конечно, гораздо болѣе неприятностей могли доставить другіе противники, съ которыми Монфоконъ имѣлъ столкновения по званію прокурора конгрегациі, какое было на него теперь возложено; это были іезуиты. Въ столкновениі съ ними Монфоконъ обнаружилъ живость и неуступчивость своего характера; не безъ раздраженія онъ оставилъ Римъ ранѣе предполагавшагося срока, не смотря на отговоры друзей и почитателей, въ числѣ коихъ былъ и новый папа, Климентъ XI. По собственному объясненію Монфокона, онъ не могъ долѣе оставаться въ Италіи главнымъ образомъ вслѣдствіе легкости, съ которою тамъ извѣстные люди привыкли лгать ¹⁾. Французскій кардиналъ d'Estre (d'Estrées), встрѣтившій Монфокона въ Венеціи, совѣтовалъ ему и какъ настоятель С. Жерменскаго аббатства разрѣшалъ совершить экскурсію на востокъ для отысканія еще новыхъ греческихъ рукописей; но Монфоконъ не послѣдовалъ этому совѣту и впоследствии очень сожалѣлъ о томъ. Вся дальнѣйшая біографія Монфокона послѣ возвращенія въ Парижъ заключается въ исторіи его ученыхъ трудовъ, выходившихъ непрерывно одинъ за другимъ. Достигнувъ самаго преклоннаго возраста, онъ все таки удѣлялъ занятіямъ не менѣе восьми часовъ въ день. Пользуясь отъ природы крѣпкимъ организмомъ и благодаря правильному образу жизни, онъ послѣ пятидесяти лѣтъ никогда не былъ боленъ; самая смерть застала его среди обычныхъ занятій.— Изъ длиннаго списка его трудовъ за этотъ періодъ отмѣтимъ тѣ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ Византіи ²⁾. 1) Новый сборникъ отцовъ и писателей греческихъ ³⁾—въ двухъ томахъ; въ первомъ томѣ содержатся нѣкоторыя сочиненія Евсевія Кесарійскаго, а во второмъ, посвященномъ аббату Вильбону,—вновь отысканныя малкія сочиненія Аванасія Александрійскаго, а также знаменитое произведеніе египетскаго купца, совершившаго въ началѣ VI-го вѣка нѣсколько поѣздокъ въ порты Индіи, Козьмы Индо-

¹⁾ *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 111. Письмо къ Гаттола: lei si stupirebbe dell' ardire et della facilità di mentire di questi uomini (Gesuiti)... e questa è una delle principali ragioni, che mi hanno fatto risolvere di andar via da Roma.

²⁾ Перечисленіе трудовъ Монфокона съ краткими ихъ характеристиками—см. *Tassin*, Histoire littéraire de la congrégation de St.-Maur, 591—616.

³⁾ *Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum Eusebii Caesariensis, Athanasii et Cosmae Aegyptii*. Haec nunc primum ex Mss. codicibus Graecis, Italicis, Gallicanisquo eruit, latine(vertit, notis et praefationibus illustravit *D. B. Montfaucon*. Parisiis, 1706.

плавателя или Индикоплова, важное не только по любопытнымъ свѣдѣніямъ объ Индіи (съ упоминаніемъ о Цейлонѣ) и о царствѣ Аксумъ въ Египтѣ (Абиссиніи), но и по новымъ космографическимъ воззрѣніямъ, которыя здѣсь развиты вопреки Птолею, но въ ближайшемъ приуроченіи къ разнымъ мѣстамъ священнаго писанія: однимъ словомъ рѣчь идетъ о Христіанской топографіи¹⁾, которая потому долго опредѣляла міросовершенство средневѣковаго человѣчества и между прочимъ составляла любимое чтеніе православныхъ русскихъ людей. 2) Греческая палеографія—это капитальное произведеніе цѣнится также высоко, какъ и Дипломатика Мабилльона, съ которою отчасти совпадаетъ по содержанію. Главная задача Палеографіи состоитъ въ изученіи признаковъ, по которымъ узнается принадлежность письменныхъ памятниковъ тому или другому вѣку; она имѣетъ дѣло не съ одними документами и актами, но вообще съ рукописями какого бы то ни было происхожденія и содержанія, притомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на видоизмѣненіяхъ въ характерѣ и начертаніи буквъ, а не на техническихъ признакахъ, указывающихъ на канцелярскую скрѣпку и вообще на отношеніе къ официальнойности. Ознакомивъ читателя съ орудіями и матеріаломъ письма у грековъ, а также съ лицами, которыя занимались ремесломъ переписыванія книгъ, Монфоконъ переходитъ къ исторіи происхожденія греческаго алфавита и его развитія до IV вѣка по Р. Х., представляетъ образцы унциальнаго или уставнаго письма, господствовавшаго до девятаго вѣка, а въ церковномъ обиходѣ и богослужебныхъ книгахъ державшагося до XII, затѣмъ обращается къ курсивному письму, которое онъ производитъ отъ скорописи и не отличаетъ отъ иллино-скульнаго (строчнаго); слѣдуютъ таблицы, посредствомъ нагляднаго сопоставленія изображающія постепенныя видоизмѣненія въ начертаніяхъ буквъ въ продолженіи означенныхъ выше періодовъ, указываются разные роды сокращеній (аббревіатуръ) и вязи (лигатуръ), а также специальныхъ знаковъ, употребляемыхъ медиками и художниками. Шестая книга прямо касается греческой дипломатики; здѣсь идетъ рѣчь о золотыхъ печатяхъ на царскихъ грамотахъ (хрисовулахъ), о серебряныхъ и восковыхъ печатяхъ, предлагаются образцы грамотъ. Седьмая и послѣдняя книга содержитъ два трактата, не принадлежащихъ самому

¹⁾ Cosmas Indicopleustae Christianorum opinio de mundo, sive Topographia christiana. О славянскихъ переводахъ см. *Срезневскаго, Свиданія о малознаменити. памяти.* XI (С.-Пб. 1867). Обществомъ Древней Письменности теперь издавъ и весь переводъ по одному изъ старинныхъ списковъ.

Монфокону: описаніе монастырей горы Аѳонской, составленное Іоанномъ Комниномъ, врачомъ молдаво-вадашскимъ, переведенное Монфокономъ на латинскій языкъ, и диссертацию одного французскаго ученаго (Voûhier) о первоначальномъ алфавитѣ у грековъ и римлянъ ¹⁾ О дальнѣйшихъ трудахъ въ области греческой палеографіи намъ еще придется упомянуть; теперь замѣтимъ только, что для всѣхъ безъ исключенія, точкою отправленія остается безсмертное произведеніе Монфокона. На какомъ солидномъ фундаментѣ оно было построено видно изъ находящагося въ началѣ перечисленія греческихъ извѣстныхъ Монфокону рукописей, въ различныхъ библіотекахъ Европы: количество ихъ простирается до 11,630. 3) Мы не будемъ теперь говорить о тѣхъ сочиненіяхъ Монфокона, которыя посвящены ученымъ замѣткамъ объ италіанскихъ библіотекахъ и музеяхъ (*Diarium Italicum*, 1702 г.), а также о прочихъ книгохранилищахъ, богатыхъ рукописями (*Bibliotheca Bibliothecarum Manucriptorum nova*, 1739), но должны два слова прибавить къ сдѣланному уже ранѣе упоминанію о подробной описи Коаленовой библіотеки. Это изданіе содержитъ въ себѣ не только точное обозначеніе содержанія каждой изъ четырехсотъ рукописей бывшей библіотеки канцлера Сегья, доставшейся его правнуку, герцогу Коалену, но описаніе сопровождается множествомъ палеографическихъ снимковъ, извлеченіями изъ не изданныхъ прежде сочиненій, наконецъ сообщеніемъ цѣльныхъ трактатовъ небольшого размѣра, но важныхъ по содержанію въ количествѣ сорока двухъ нумеровъ, переведенныхъ при этомъ на латинскій языкъ ²⁾. Монументальное изданіе твореній Іоанна Златоустаго, которое собственно и опредѣлило жизненное призваніе Монфокона, послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ, стало появляться съ 1718 года и заключилось въ 1738 году тринадцатымъ томомъ. Слѣдуетъ ли говорить о достоинствахъ этого изданія? Достаточно повторить краткій отзывъ Фабриція: *nova, luculenta, castigatissima et locupletissima sancti Chrysostomi editio graeco-latina!* Въ числѣ 7440 напечатанныхъ сочиненій Златоуста 22 слова,

¹⁾ *Palaeographia graeca, sive de ortu et progressu Litterarum graecarum, et de variis omnium saeculorum scriptiois graecae generibus: itemque de abbreviationibus et de notis variarum artium ac disciplinarum. Additis figuris et schematicis ad fidem manuscriptorum codicum. Opera et studio D. Bernardi de Montfaucon Sacerdotis et monachi Benedictini e. cet. Parisiis. 1708.*

²⁾ *Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, sive manuscriptorum Graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio—et cet. Parisiis. 1705.*

а всего до 50 сочиненій, здѣсь явились въ первый разъ. При установленіи текста, Монфоконъ и его сотрудники пользовались всѣми рукописями, какія могли быть отысканы въ Италіи и Франціи, а также безчисленнымъ множествомъ переводовъ твореній Златоуста на разныхъ языкахъ. Ученыя предисловія къ отдѣльнымъ томамъ, объяснительныя введенія къ каждому отдѣльному сочиненію—составляютъ драгоценное пособіе для уразумѣнія предмета и обстоятельствъ, къ которымъ относится то или другое произведеніе Златоуста. Хорошій и ясный латинскій переводъ замѣнилъ не совсѣмъ иногда точныя перифразы прежнихъ переводчиковъ и т. д.

Буавенъ (Jean Boivin de Villeneuve, 1663—1726), рано потерявъ отца, былъ взятъ въ Парижъ своимъ братомъ, извѣстнымъ послѣ академикомъ, который хотя и держался своеобразной и странной методы обученія, но далъ все-таки своему брату отличное образованіе. Живя Буавенъ отлично выдержалъ диспутъ въ коллегіи Duplessis, при чемъ защищалъ свои тезисы по латыни и по гречески, и это надѣлало тогда много шума. Онъ рано прославился какъ знатокъ древнихъ классиковъ, и его приглашали въ самые избранные дома, чтобы читать ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Аббатъ Лувуа, который съ 1692 года вступилъ лично въ управленіе королевскою бібліотекою (см. выше), далъ ему сейчасъ же мѣсто въ этомъ учрежденіи. Въ слѣдующемъ году появилось его изданіе древнихъ математиковъ, приготовленное и не оконченное ученымъ Тевенô (Thévenot)—съ примѣчаніями къ одному сочиненію Юлія Африкана (Καστοί). Служеніе свое въ королевской бібліотекѣ, которая тогда сдѣлалась публичною, то есть, доступною для занятій приходящихъ посѣтителей, Буавенъ ознаменовалъ составленіемъ каталоговъ латинскихъ и греческихъ рукописей; ими мы пользуемся и до сихъ поръ. При самомъ вступленіи ему удалось сдѣлать открытіе, возбуждившее большое вниманіе ученаго міра. Библіотека съ давнихъ поръ обладала греческимъ сборникомъ сочиненій св. Ефрема XIV вѣка, который, по наружности, не представлялъ ничего замѣчательнаго, но подъ этимъ текстомъ, собственно подъ его строками, Буавенъ замѣтилъ слѣды другого выглаженного уставнаго письма. Палимпсесты въ то время были чрезвычайною новостью и рѣдкостью, а находка Буавена оказалась тѣмъ болѣе замѣчательною, что выглаженный и теперь восстановленный текстъ носилъ признаки глубочайшей древности, восходящей къ V вѣку, и заключалъ въ себѣ книги Священнаго писанія Новаго и отчасти Ветхаго заветъ. На ряду съ Ватиканскимъ

и позднѣе открытымъ Синайскимъ спискомъ,—этотъ кодексъ, *Codex Bezae Cantabrigiae*, считается поимѣ однимъ изъ главныхъ основаній для критики Св. Писанія. По отношенію къ византійской коллекціи большую заслугу Буавона составляетъ изданіе Ромейской исторіи Никифора Григоры, писателя XIV вѣка, о которомъ сейчасъ будетъ сказано ниже.

Бандури (*dom Anselme Maria Banduri*, 1670—1743) происходилъ изъ славянскаго Дубровника (Рагузы) и въ очень молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Бенедиктинскій монастырь по сосѣдству на островѣ Млетѣ (Мелитѣ); онъ жилъ затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ конгрегация, которой онъ сталъ членомъ, имѣла свой домъ, а потомъ ему разрѣшено было отправиться во Флоренцію, гдѣ представлялось больше средствъ для занятій наукою, къ которымъ у него пробудилась наклонность. Невѣдомо, чѣмъ онъ привлекъ на себя вниманіе великаго герцога Тосканскаго, Козьмы III, послѣдняго Медичи, сохранившаго до конца традиціи своихъ предшественниковъ временъ Возрожденія, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ Бандури пользовался особеннымъ его расположеніемъ и покровительствомъ. Впрочемъ, своимъ талантамъ и своимъ успѣхамъ Бандури обязанъ былъ также сближеніемъ съ Монфокономъ, который узналъ его во время своего италіанскаго путешествія и, говорятъ, указалъ на него герцогу для замѣщенія каведры церковной исторіи въ Пизанскомъ университетѣ, вновь тогда учрежденной. Въ 1700 году, какъ мы видимъ изъ переписки С. Жерменскихъ бенедиктинцевъ, Монфокопъ рекомендуетъ Бандури начальнику Медичейской Лаврентіанской бібліотеки, Мальябекки (*Magliabecchi*), какъ своего близкаго человѣка и проситъ оказать ему содѣйствіе совѣтами, наставленіями, книгами ¹⁾. Послѣ мы находимъ Бандури уже въ Парижѣ въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ, куда онъ явился съ письмами своего покровителя я къ Мабилльону и Монфокопу. Изъ уваженія въ великому герцогу оба обѣщали съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами славянина-монаха въ наукахъ и добрыхъ нравахъ ²⁾. Подъ руководствомъ Монфокона Бандури изучалъ въ аббатствѣ греческій языкъ, и въ томъ же (1702) году Монфокопъ писалъ гер-

¹⁾ *Valery*, *Correspondance de Mabillon et de Moutfaucon* III, 88. *Istum D. Anselmum, mihi perfamiliarem, ut forens consilio, doctrina, ac bibliotheca tua etiam atque etiam rogo.*

²⁾ *Ibid.*, pag. 123 (письмо Мабилльона къ великому герцогу Тосканскому), pag. 125 (письмо Монфокона отъ 24-го февраля 1702 года), pag. 128 (письмо Мабилльона), pag. 189 (письмо Монфокона).

погу, что Ансельмъ Марія дѣлаетъ чудеса, что его прогрессъ въ греческомъ языкѣ столь великъ, что онъ скоро будетъ въ состояніи работать для публики, что онъ скоро начнетъ заниматься языкомъ еврейскимъ и церковными древностями, такъ какъ обладаетъ всѣми нужными для того талантами; что вообще герцогъ не могъ лучше помѣстить своихъ милостей и покровительства, какъ обративъ ихъ на лицо, подающее столь большія надежды ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1703 году тотъ же Монфоконъ сообщалъ Мальабекки, что домъ Ансельмъ изъ Рагузы открылъ въ Парижѣ 140 не изданныхъ писемъ Петрарки, доставившихъ большую радость литераторамъ (*aux gens de lettres*), и что онъ серьезно занятъ изученіемъ нѣкоторыхъ греческихъ отцовъ, намѣреваясь ихъ обнародовать съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями ²⁾. Вѣроятно, рѣчь идетъ о сочиненіяхъ патріарха (Константинопольскаго VIII вѣка) Никифора; проспектъ ихъ изданія появился въ 1706 году. Однако, Бандури отложилъ эти свои начинанія для другихъ еще болѣе обширныхъ трудовъ; въ королевской библиотекѣ онъ открылъ нѣсколько манускриптовъ, относящихся къ исторіи города Константинополя, изъ коихъ нѣкоторые были до сихъ поръ никому неизвѣстны, и рѣшился посвятить себя занятіямъ византійскою археологіею. Изданіе обширнаго сборника, посвященнаго этому предмету, такъ упрочило его репутацію, что не смотря на свое иностранное происхожденіе, онъ избранъ былъ въ члены академіи надписей (1715 г.). Нападки, которымъ трудъ Бандури тотчасъ послѣ своего выхода подвергся со стороны К. Удена (*Casimir Oudin*), автора библиографическаго сочиненія о древнихъ церковныхъ писателяхъ (*Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis a 1722*), были вызваны простымъ недоброжелательствомъ; огорченный указаніемъ его собственныхъ, прежде сдѣланныхъ промаховъ, Уденъ не далъ себѣ даже труда надлежащимъ образомъ ознакомиться съ критикуемымъ изданіемъ. Послѣ Бандури обратился къ нумизматикѣ; извѣстенъ его трудъ, содержащій въ себѣ описаніе римскихъ монетъ отъ Траяна до Константина Палеолога: *Numismata imperatorum Romanorum* (2 vol.). Мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на то изданіе, которое посвящено византійскимъ древностямъ и носитъ заглавіе „*Imperium orientale*“.

Упомянемъ еще о доминиканцѣ Лекъенѣ (1661 — 1733), какъ лицѣ, участвовавшемъ въ трудахъ по византійскимъ изданіямъ. Всту-

¹⁾ *Valery*, *Correspondance de Mabillon et de Montfaucon*, III, 133, 140.

²⁾ *Ibid.*, pag. 149.

пять двадцати лѣтъ въ орденѣ, онъ сталъ изучать еврейскій языкъ, который потомъ усвоилъ въ совершенствѣ; къ этому присоединилось знаніе греческаго и арабскаго. Когда онъ сблизился съ Мабилльономъ и его кружкомъ, то взялъ на себя изданіе твореній Іоанна Дамаскина (*S. Joannis Damasceni opera omnia gr. lat. Paris. 1712. 2 vol.*); два тома вышли, слабженныя многочисленными комментаріями въ видѣ диссертацій; третій, долженствовавшій содержать сочиненія ложно приписываемыя Дамаскину, не былъ изданъ. Только по смерти Лекьона, появился въ свѣтъ и другой громадный его трудъ, посвященный христіанскому Востоку (*Oriens christianus*), составляющій подражаніе бенедиктинскому образцу „*Gallia christiana*“. Лекьону было также поручено разсмотрѣніе и приготовленіе къ печати не доконченнаго труда Комбофиза; по ожиданію, возбужденныя первыми извѣстіями о драгоценныхъ матеріалахъ, имѣющихъ выйдти въ свѣтъ, но были оправданы¹⁾. — Переходимъ къ ближайшему обзорѣнью самыхъ изданій, наиболѣе для насъ важныхъ.

Буавенъ началъ свои занятія Григоріемъ по указанію и подъ руководствомъ Дюканжа; къ его увѣщаніямъ присоединилась воля аббата Лувуа (Камилла Летеллье), начальника королевской бібліотеки. Буавенъ долженъ былъ перевести на латинскій языкъ шесть книгъ исторіи Григорія, вновь отысканныхъ въ Парижской бібліотекѣ и составляющихъ продолженіе того, что было рѣше издано Вольфомъ: предполагалось, что можно будетъ оставить безъ перемѣнъ одиннадцать книгъ, обнаруженныхъ Вольфомъ, прибавить то, что нашлось въ рукописи королевской бібліотеки, и все вмѣстѣ выпустить въ свѣтъ безъ замедленія. Но вскорѣ послѣ того, какъ Буавенъ взялся за свою работу, погасъ, по его выраженію, „свѣтильникъ византійской исторіи“, то-есть, умеръ Дюканжъ, едва успѣвъ просмотрѣть одну изъ шести вновь приготовляемыхъ къ изданію книгъ. Лишившись руководителя, но восполняя недостающее усердіемъ и трудомъ, Буавенъ все-таки исполнилъ первоначальную свою

¹⁾ Монсекопъ писалъ въ 1703 году во Флоренцію (*Valery III, 150*), что Лекьонъ уже печатаетъ посмертныя труды Комбофиза. Весьма любопытны свидѣнія о предполагавшемся содержаніи изданія. Тутъ между прочимъ должны были помѣститься два рѣчи Пселла на патріарха Михаила Керуларія; въ одной онъ говоритъ о немъ съ похвалою, а въ другой осмыкаетъ его бранью, обвиняя въ суевѣрїи, идолопоклонствѣ, челоуѣкоубійствѣ и т. д. Первая теперь издана, о второй точнѣйшихъ свидѣній мы должны ожидать отъ молодаго русскаго ученаго, занимающагося Пселломъ, П. В. Безобразова.

задачу, перевелъ шесть не переведенныхъ доселѣ книгъ Григоря. Война за испанское наслѣдство, столь тяжелая и разорительная для Франціи, послѣдовавшая затѣмъ смерть маркиза Летеллье, были причиною того, что всякія заботы о продолженіи византійской коллекціи, въ частности объ изданіи Григоря, на время были отложены; тѣмъ не менѣе Буавонъ не порекавалъ заниматься заинтересовавшимъ его предметомъ; и вотъ, пересматривая каталоги различныхъ библиотекъ, онъ увидѣлъ, что исторія, написанная въ XIV вѣкѣ Григорю, была гораздо обширнѣе, чѣмъ даже рукописный ему указанный экземпляръ королевской библиотекы, не говоря о печатномъ. У Лабба онъ нашелъ свѣдѣніе объ эскуріальскомъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ 29 книгъ; вскорѣ затѣмъ въ самой Парижской королевской библиотекѣ отыскался кодексъ, имѣвшій 28-ю и 29-ю книгу историческаго и дальнѣйшаго богословскаго содержанія; затѣмъ Мабильонъ сообщилъ о ватиканскомъ спискѣ Ромейской исторіи, въ которомъ послѣдняя книга обовначалась цифрою 38. Итакъ, не шесть книгъ предстояло прибавить къ старому изданію, а почти втрое болѣе.

Послѣ заключенія мира вспомнили о прерванныхъ ученыхъ работахъ. Буавонъ приписываетъ возбужденіе прежняго участія къ изданію византійцевъ канцлеру Пошнартрону и его родственнику королевскому библиотекарю, аббату Виньону (Vignon). Виньонъ съ горестью смотрѣлъ на то, что знаменитые луврскіе греческіе шрифты, по извѣстеству не имѣвшіе себѣ ничего равнаго, остаются праздными. Связанный издавна дружескими отношеніями съ Буавономъ, онъ тотчасъ послѣ заключенія мира предложилъ приступить къ печатанію Григоря. Первый томъ, долженствовавшій содержать въ себѣ одиннадцать книгъ, уже изданныхъ прежде Вольфомъ, совсѣмъ былъ готовъ и тотчасъ же могъ быть отправленъ въ типографію. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Буавонъ не приложилъ къ нему своего труда; напротивъ — при помощи бывшихъ у него подъ рукою списковъ, которые тоже заключали въ себѣ эту часть Ромейской исторіи, онъ восполнилъ не малое количество пропусковъ, сдѣлалъ многое для исправленія и улучшенія текста. Латинскій переводъ Вольфа оказался не вполне удовлетворительнымъ, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ слишкомъ вольнымъ; Буавонъ постарался сдѣлать его болѣе близкимъ къ подлиннику, такъ чтобы передавался не только смыслъ, но и слова писателя, хотя бы это было въ ущербъ легкости и доступности изложенія. Онъ не устранился всѣхъ тѣхъ крайностей многорѣчивой, запутанной и

темной риторки, предъ которыми отступилъ Вольфъ, не пожалавшій бороться съ затрудненіями. Сверхъ того, прибавлены были разныя облегченія для читателя: раздѣленіе книгъ на главы, указали ихъ содержанія, хронологическія отмѣтки на поляхъ; а внизу страницъ помѣщены краткія примѣчанія съ указаніемъ равночтеній; болѣе обширныя—были отнесены къ концу втораго тома. Часть примѣчаній, приготовленная еще Дюканжемъ, передана была въ распоряженіе издателей его сыномъ.

Больше труда потребовалъ второй томъ, заключающій въ себѣ тринадцать дальнѣйшихъ книгъ Ромейской исторіи, въ которыхъ разказъ начинается 1341 годомъ и доводится до 1351. Первая половина его, впрочемъ, уже давно была готова, такъ какъ состояла изъ тѣхъ шести книгъ, которыя, первоначально были поручены Буавону для перевода. Текстъ ихъ приходилось издавать по рукописи королевской бібліотеки; это была копія съ другаго экземпляра, приготовленная нѣмцемъ Ауеромъ (Христофоромъ) для французскаго епископа города Роде (Rhodez) Жоржа д'Арманьяка (d'Armagnac), нѣкогда правившаго посольство отъ короля Франциска I къ папѣ Павлу III. Для другой, большей половины (семи книгъ) оказалось необходимымъ обращаться въ Римъ, къ услугамъ Ватиканской бібліотеки, потому что въ Парижѣ не нашлось списковъ, которые содержали бы въ себѣ эту серединную часть дѣлаго произведенія Григоры, то-есть, 18-ю—24-ю книги. При содѣйствіи бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра, Етьенно (Estiennot), который по своему званію представителя или прокурора ордена предъ папскою куріей проживалъ въ Римѣ, заказаны были на счетъ аббата Лулуа (маркиза Летелле) нужныя копіи съ ватиканскаго кодекса. Переписаны были не только семь книгъ, вошедшихъ послѣ во второй томъ, но и еще двѣ, всего девять (отъ 18-й по 27-ю). Къ несчастію, переписчики оказались несвѣдущими и неопытными,—иныхъ нельзя было найти въ Римѣ; копія представляла столь много явныхъ неисправностей, что требовалось новое ея сличеніе съ подлинникомъ, что и было исполнено чрезъ посредство ученыхъ аббатовъ А. Цаканьи (Zacagni) и Делмиро (Delmigo), завѣдывавшихъ Ватиканскою 'бібліотекою. Буавонъ все-таки очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности самъ пользоваться ватиканскимъ подлинникомъ: онъ не находилъ въ себѣ на столько увѣренности, чтобы ручаться за полное устраненіе всѣхъ промаховъ и ошибокъ, допущенныхъ въ плохой копіи. По его убѣжденію, второй томъ Григоры явился бы на свѣтъ въ гораздо

болѣе совершенномъ видѣ, еслибы ватиканскій списокъ былъ доступенъ лично ему самому. Происходящая изъ ватиканскаго кодекса часть втораго тома появилась безъ вариантовъ, потому что исправленія, указанныя учеными пособниками на основаніи сличенія копій съ подлинникомъ, естественно пришлось внести прямо въ текстъ; только тѣ, которыя сообщены были повдѣе Тарномъ, помѣщены отдѣльно въ концѣ тома. Латинскій переводъ принадлежитъ Буавену, и отчасти Капероннѣ (Capreonnier).

Такимъ образомъ въ 1702 году явились два тома Григоры, содержащія въ себѣ двадцать четыре книги, и при этомъ было заявлено объ имѣющемъ выйдти продолженіи также въ двухъ томахъ. Третій томъ долженъ былъ содержать въ себѣ остальные книги Ромейской исторіи — восемь чисто историческаго содержанія и шесть догматическаго. Четвертій томъ предназначался для различнаго рода дополненій, могущихъ служить къ разъясненію содержанія Ромейской исторіи; указывался цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ не изданныхъ текстовъ, среди которыхъ особое вниманіе обращаетъ большая греко-варварская поэма о крестовомъ походѣ (*de bello sacro*), то-есть, Морейская хроника. Нѣтъ сомнѣнія, что Буавенъ имѣлъ намѣреніе исполнить свое обѣщаніе; всякія матеріальныя къ тому препятствія были устранены тѣмъ, что въ 1699 году датскій ученый Ростгаардъ (*Rostgaard*) принесъ въ даръ аббату Лувуа, начальнику королевской бібліотеки, копию всѣхъ дальнѣйшихъ историческихъ книгъ Ромейской исторіи по ватиканскому списку, при помощи которой можно было восполнить недостающее въ парижскихъ экземплярахъ. Но по той или другой причинѣ произошла остановка: третьяго тома совсѣмъ не появлялось до настоящаго столѣтія, а значительная часть піесъ, предназначенныхъ для четвертаго, была передана самимъ Буавеномъ для напечатанія его современнику Вандури. Біографъ Буавена, Бозъ (*de Boze*), утверждаетъ, что столь трезвому и здравомыслящему человѣку, каковымъ былъ Буавенъ, въ концѣ концовъ опротивѣли литературныя приемы византійскаго писателя, его холодная и скучная декламация, частыя повторенія и всѣ его дурно подобранныя фигуры, а съ другой стороны—онъ сообразилъ, что остающаяся часть произведенія Григоры выгодно возмѣщается сочиненіемъ Кантакузина, описывающимъ то же самое время. Такое объясненіе можетъ имѣть силу развѣ только въ отношеніи къ чисто богословскимъ и полемическимъ книгамъ, въ которыхъ Григора излагаетъ свои споры и состязанія съ паламитами, но въ отношеніи къ историческимъ отдѣламъ представляется

крайне сомнительнымъ въ виду очень любовнаго отношенія Буавена къ своему предмету. Объ этомъ любовномъ отношеніи свидѣлствуютъ тѣ вводныя статьи, которыми сопровождалось изданіе первыхъ томовъ. Кромѣ обычнаго предисловія (Praefatio), мы находимъ здѣсь біографію Григоря, списокъ его сочиненій и отзывы о немъ (elogia) современниковъ и позднѣйшихъ писателей. Біографія составлена съ большимъ тщаніемъ и не есть простое механическое сопоставленіе разныхъ выписокъ, а представляетъ связанное изложеніе, основанное на глубокомъ изученіи не только произведеній Григоря, но и всей доступной современной ему литературы, при чемъ для подтвержденія высказываемаго въ текстѣ употребляются простыя обычныя теперь ссылки. Какъ въ текстѣ, такъ и въ цитатахъ, перѣдко указываются не изданные матеріалы, преимущественно сообщенные Монфокономъ. Списокъ сочиненій Григоря составляетъ также при дѣятельномъ содѣйствіи Монфокона, сообщившаго данныя, имъ собранныя въ Ватиканской бібліотекѣ. Извѣстно, что Григоря былъ одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и разностороннихъ писателей XIV вѣка. Философія, богословіе, литература, естественныя науки, астрономія, все привлекало его вниманіе; нѣтъ ни одной вѣтви человѣческаго знанія, которой не касалась бы его мысль, его быстрое и ловкое перо. Длинный каталогъ Буавена, вѣроятно, все-таки не полонъ, но просматривая его, приходишь къ мысли, что тутъ есть весьма много интереснаго и важнаго особенно въ перепискѣ, только неизвѣстно, когда все это будетъ обнародовано. Въ Elogia помѣщено 27 статей, содержащихъ въ себѣ отзывы о характерѣ и мнѣніяхъ Григоря со стороны друзей и враговъ его при жизни и по смерти; кромѣ отзывовъ Кантакузіяна, они извлечены большею частью изъ рукописей ватиканскихъ и сообщены Монфокономъ; между прочимъ тутъ есть полезныя свѣдѣнія для исторіи споровъ о Фаворскомъ свѣтѣ. Не смотря на свою незаконченность, изданіе Ромейской исторіи Григоря принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе дѣльнымъ и достойнымъ частямъ Луврской коллекціи византійцевъ, какъ это признано позднѣйшими исследователями, и даже нѣмецкимъ редакторомъ Бонискаго изданія ¹⁾. Сочиненіе Григоря, относящееся, какъ извѣстно, ко времени Палеологовъ и Кантакузіяна, къ періоду первыхъ турецкихъ завоеваній, къ

¹⁾ См. статью *Harzo* (V. Parisot. Notice sur le livre XXXVII de Nicephore Gregoras avec une traduction française et des notes.—въ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale de France, tom. XVII. 1851).

эпохѣ критической для судебъ Балканскаго полуострова, имѣеть чрезвычайную важность и для славянской, въ частности для сербской исторіи, такъ какъ касается времени Стефана Душана. Ромейская исторія послужила главнымъ источникомъ для извѣстнаго большого и капитальнаго русскаго труда, посвященнаго этому предмету проф. Флоринскимъ; тамъ можно найти многія указанія и на цѣнность показаній Григоры сравнительно съ автобіографическими и самооправдательными сообщеніями императора Іоанна Кантакузина ¹⁾). Драгоценный отрывокъ, относящійся къ русской исторіи, касающійся избранія въ митрополиты Алексѣя, съ упоминаніемъ объ Ольгердѣ Литовскомъ, еще не заключался въ изданіи Буавена.

Выдающееся и особенное положеніе въ Парижской коллекціи занимаетъ большой трудъ Бандури. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ какимъ-либо историческимъ произведеніемъ, посвященнымъ обзорѣнію событій извѣстной эпохи или опредѣленнаго періода, а съ цѣлымъ рядомъ болшею частью мелкихъ статей и различныхъ компиляцій на греческомъ языкѣ, объединяемыхъ только тѣмъ общимъ представленіемъ, что всѣ они касаются устройства и управленія, быта, церковныхъ и гражданскихъ порядковъ въ имперіи, и особенно служатъ къ ознакомленію съ сохранившимися, а равно и исчезнувшими памятниками столицы византійской, другими словами съ древностями Константинополя и цѣлой имперіи за весь ея христіанскій періодъ. Стоящее во главѣ сборника заглавіе хорошо указываетъ на его содержаніе, отчасти историко-географическаго или историко-топографическаго характера, отчасти археологическаго ²⁾).

Изданіе посвящается Козимо III, великому герцогу Тосканскому,

¹⁾ Д. Т. Флоринскаго Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. С.-Петербургъ. 1882; см. особенно I, 124. Раньше пользовался Григорю И. Е. Троицкій въ своемъ трудѣ: Арсеній, патріархъ Никейскій и Арсениы. С.-Пб. 1873.—Биографическія данныя о Григорѣ въ статьѣ г. Качановскаго „Византійскіе летописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г.) заимствованныя у Буавена, но изложены неудовлетворительно.

²⁾ Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim ineditis adornatae, Commentariis, et Geographicis, Topographicis, aliisque quam plurimis monumentorum ac nomismatum tabellis illustrantur, et ad intelligendum cum sacrae tum profanae historiae apprime conducunt. Opera et studio Domini Anselmi Banduri Ragusini. Presbyteri ac monachi Benedictini e congregatione Melitensi-Parisiis, MDCXXI.

покровительствомъ котораго составитель постоянно пользовался съ самаго начала своихъ ученыхъ занятій и которому обязанъ всѣми своими усиліями; притомъ потомку тѣхъ государей, у которыхъ находили себѣ убѣжище въ бѣдственное время Восточной имперіи Палеологи, Ласкарисы, Хризолоры, Газы, Трапезунтин, Марулли и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (именно при второмъ томѣ) воздается благодарность кардиналу d'Estrées, аббату Сенъ-Жерменскому, любителю наукъ, относившемуся благосклонно къ трудамъ Бандури, затѣмъ послаемъ герцога Тосканскаго во Франціи, Сальвати и Барди, и Бернарду Монфокоу, совѣтъ и примѣръ котораго служили наилучшимъ поощреніемъ во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ автора. Въ предисловіи (Praefatio) къ первому тому объясняется поводъ, по которому Бандури обратился къ древностямъ Константинополю. Довѣтъ лѣтъ тому назадъ, занимаясь въ Парижской королевской библиотекѣ, онъ попалъ на одинъ греческій кодексъ (№ 3058, теноръ 1783), содержавшій въ себѣ *Patria* или *Origines Constantinopolitanae*, и скоро замѣтилъ, что это сочиненіе писано около 350 лѣтъ ранѣе Кодина, притомъ по совершенно другой системѣ. Освѣдомившись у хранителей (*custodes*) библиотеки, онъ узналъ, что кодексъ этотъ поступилъ въ нее нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Дюканжа и оттого остался ему неизвѣстнымъ. По совѣту знакомыхъ ученыхъ онъ рѣшился взять на себя изданіе любопытнаго творенія, къ переводу котораго приступилъ тотчасъ послѣ ознакомленія съ нимъ; ради того онъ отложилъ занятія сочиненіями патріарха Никифора, хотя уже и былъ обнаружено проспектъ ихъ изданія. Нашлись и другія пѣсы родственнаго содержанія съ вновь найденною; Бандури сначала думалъ напечатать все въ одномъ томѣ; но количество матеріала постоянно увеличивалось, и *Coignard*, королевскій типографчикъ и парижскій книгопродавецъ, взявшій на себя надержки печатанія, сталъ просить, чтобы изданіе было раздѣлено на два тома. Имѣлось въ виду помѣстить въ немъ сочиненія Константина Багрянороднаго о *Θεμαξ* и *De administrando imperio*, сочиненія Василія Македонянина и еще нѣкоторыя другія: то, что было изъ нихъ ранѣе обнаружено, было вновь сличено по рукописямъ и уже ранѣе предположено было къ новому изданію, но только въ другое время и въ иномъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ королевскомъ кабинетѣ и въ собраніи извѣстнаго Фуке Бандури изучалъ византійскую нумизматику и, сверхъ ожиданія, убѣдился, что большая часть находящихся здѣсь монетъ осталось неизвѣстною для Дюканжа, такъ что онъ зналъ едва деся-

тую часть ихъ. Впрочемъ Бандури не считъ необходимымъ теперь же издавать описаніе этихъ монетъ, потому что они не составляли первостепеннаго источника для византійской исторіи, при томъ рядъ ихъ начинался ранѣе основанія Константинополя.

Первый томъ подраздѣляется на три части и содержитъ въ себѣ слѣдующія, отчасти не изданныя, отчасти прежде изданныя сочиненія.

1) Первая часть начинается сочиненіемъ Константина Багрянороднаго: „О Ѳемахъ восточныхъ и западныхъ“. Бандури имѣлъ подъ рукою прежнія изданія Бонавентуры Вулканія и Федерика Мореля, но сличилъ изданный текстъ съ кодексомъ королевской бібліотеки, писаннымъ, по его замѣчанію, на бомбицинѣ, за 500 лѣтъ, то-есть, около 1200 года (разумѣется № 243, теперь 854); онъ сдѣлалъ новый латинскій переводъ сочиненія и прибавилъ комментарий, отчасти историческаго, но преимущественно географическаго содержанія, въ сущности довольно скудный, потому что въ то время еще не было яснаго сознанія о важности, задачахъ и трудностяхъ средневѣковой топографіи сравнительно съ древнею. Первый примѣръ болѣе тщательнаго изученія въ этой области принадлежитъ Тафелю ¹⁾.

За темами слѣдуетъ Синекдемъ или Путеводитель (comes peregrinatoris) Герокла, гдѣ перечисляются провинціи и города, подвластныя Восточному императору: первыхъ 64, вторыхъ 935 ²⁾.

Это сочиненіе, относящееся ко времени Юстиніана, списалъ съ рукописи Ватиканской бібліотеки еще Лука Голстенъ; онъ же сличилъ копію съ тремя другими манускриптами (двумя Фарнозскими и Altempsianus), и обѣщалъ издать съ присоединеніемъ латинскаго перевода вмѣстѣ съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго De administrando imperio, какъ о томъ заявлено было Ф. Лаббомъ въ его известномъ Arragatus. Однако обѣщаніе осталось не исполненнымъ, и по смерти Голстена приготовленный къ изданію трудъ со всѣми бумагами знаменитаго ученаго поступилъ въ Барберинскую бібліотеку, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не взялся за дѣло Эмман. Шельстратенъ (Schelstrate), ученый фламандецъ, переселившійся въ Римъ и достигшій здѣсь званія префекта Ватиканской бібліотеки,

¹⁾ Constantin. Porphyrog. de Provinciis regni Byzant. Ed. Tafel. Tubingae. 1847.

²⁾ Ἱεροκλέους γραμματικῆ καὶ Συνέκδημος: затѣмъ въ заглавіи прибавлено указаніе на число епархій и городовъ; нужно при этомъ замѣтить, что итогъ послѣднихъ не вѣренъ: ихъ всего перечислено до 912.

однимъ изъ усердныхъ корреспондентовъ Мабилльона; онъ напечаталъ въ 1697 году изготовленный Голстеномъ текстъ и переводъ во второмъ томѣ своихъ древностей (*Antiquitatis ecclesiae t. II, appendix ad opus geographicum*); при этомъ Шельстратенъ высказалъ въ предисловіи невѣрные предположенія относительно неполноты и неподлинности дошедшей до насъ редакціи Синекдема, будто бы имѣвшей во время Константина Вагрянороднаго другой видъ. Бандури показалъ, что Шельстратенъ неправильно понялъ ссылку Константина („въ темахъ“). Ошибка заключалась въ томъ, что Шельстратенъ считалъ выписку изъ Герокла у Константина гораздо болѣе длинною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе этого онъ приписалъ Героклу то, что принадлежитъ уже самому Константину, и чего, попятно, не могло быть въ издаваемомъ имъ текстѣ. Еще ранѣе того, хотя и не вполне, сочиненіе Герокла издаваемо было при Священной географіи (*Geographia sacra*) Карломъ и S. Paulo. Послѣ Бандури Синекдемомъ Герокла занимались Весселингъ, Тафель и Партей; послѣднему принадлежитъ наилучшее изданіе ¹⁾.

2) Вторая часть заключаетъ въ себѣ прежде всего другое болѣе обширное сочиненіе Константина Вагрянороднаго *De administrando imperio*, которое одинъ разъ уже было издано, но, какъ мы знаемъ, несовсѣмъ исправно Меурсіемъ. Для новаго изданія Бандури сдѣлалъ слѣдующее: онъ, во первыхъ, сличилъ напечатанный текстъ съ пергаментнымъ спискомъ королевской бібліотеки, о которомъ утверждаетъ, что онъ былъ писанъ около пятисотъ лѣтъ назадъ и отличается высокимъ достоинствомъ (*optimae notae*); на основаніи этого сличенія онъ исправилъ множество невѣрныхъ чтеній, *innumerales mendas*, которыми изобиловало изданіе Меурсія, возстановилъ испорченныя и неполныя мѣста, которыхъ тоже было тамъ не мало, а главы 23-ю и 24-ю объ Иберіи или Испаніи, оставленныя Меурсіемъ безъ перевода, какъ крайне испорченныя и непонятныя, исправилъ такъ, что полученъ былъ удовлетворительный смыслъ и сдѣлался возможнымъ переводъ: да и вообще переводъ былъ пересмотрѣнъ и, гдѣ нужно, исправленъ. Наконецъ, Бандури прибавилъ объяснительныя примѣчанія, которыя, впрочемъ, помѣщены во второмъ томѣ. Объ установленномъ у Бандури текстѣ столь важнаго для славянской и

¹⁾ Hiercolis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Ex recognitione G. Partey. Berolini. 1866. Редація Весселинга и его обширные комментаріи перепечатаны при Боннскомъ изданіи сочиненій Константина Вагрянороднаго.

русской исторіи источника, какимъ служитъ сочиненіе Константина De administrando imperio, мы можемъ сказать только то, что дѣйствительно парижская рукопись, по которой оно было во второй разъ издано (№ 2661, теперь 2009), принадлежа XII столѣтію (такъ и по новѣйшему опредѣленію Кобета), несравненно превосходитъ древностью и авторитетностью Палатинскій списокъ Антонія Эпарха, которымъ пользовался Моурсей (Vatic. Palat. № 126), и что редакція, уступленная Бандуриемъ, остается неизмѣнною до нашего времени. Знаю, однако, условія, при которыхъ трудился Бандури, то-есть, отсутствіе строгихъ и научныхъ занятій палеографіей, и все-таки подчиненное отношеніе къ прежнему изданію, которое было положено въ основу не смотря на его признанные недостатки, мы никакъ не можемъ быть увѣрены, что всѣ собственныя имена, которыя здѣсь встрѣчаются, начиная съ названія Кіева (Sambatas) и кончая печенѣжскими племенами, прочитаны были совершенно правильно. По крайней мѣрѣ одинъ извѣстный намъ случай побольшой провѣрки, сдѣланной знаменитымъ голландскимъ филологомъ Кобетомъ и касавшейся того мѣста, гдѣ говорится о двѣпровскихъ порогахъ, привелъ къ такому результату, который дѣлаетъ желательнымъ новый и полный пересмотръ текста по рукописи парижской ¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ діакона Агапята „Увѣщательныя главы къ императору Юстиніану“ ²⁾, сочиненіе, много разъ издававшееся (прежня изданія перечислены у Бандури: первое было сдѣлано Іоахимомъ Камераріемъ, послѣднее Бернардомъ Дамке изъ Гамбурга въ 1633 г.), и очонь цѣнимо самимъ Бандури: онъ находитъ, что какъ сочиненіе Агапята, такъ и нижеслѣдующій трудъ Василія Македоняннина, чрезвычайно важны по содержанию и даже по изложенію; стиль перваго произведенія аттическій, какъ у Исократы и Григорія Назіанвина, которымъ и Агапять и Василій всего болѣе подражали. Похвалы, конечно, весьма преувеличенныя; равнымъ образомъ пре-

¹⁾ См. *Метопуле*, Bibliotheca philologica batava, Nova series IV, p. 378—382. Въмсто Στρούβου — названіе седьмого порога — Кобеть прочитагь Στρούβου; этимъ различіемъ воспользовался Томсенъ въ сочиненіи „The relation between Ancient Russia and Scandinavia“ (Oxford, 1877). Д. И. Иловайскій, полагаю, что новое чтеніе только напрасно колеблетъ придуманное имъ русское объясненіе имени седьмого порога, относится въ своихъ „Размысленіяхъ“ къ поправкѣ Кобета съ неудовольствіемъ и насмѣшкою, но совершенно напрасно.

²⁾ Ἐκθεσις κεραιαίων παρανετιχῶν σχεδιασθεῖσα παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας и т. д.

бусть повѣрки и другое мнѣніе Бандури, будто третьимъ источникомъ для Агапита и Василія послужило извѣстное сказаніе о Варламѣ и Іоасафѣ: еслибы оно оказалось вѣрнымъ, то дало бы корышій ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса о времени появленія греческой редакціи этого первоначально буддійскаго произведенія. Бандури настаиваетъ на томъ, что даже употребленіе акростиха и другихъ подобныхъ приемовъ, отличающихъ издаваемыя имъ поучительныя главы, не есть что-либо новое, но что оно встрѣчается уже у древнихъ (приводятся примѣры). Текстъ Агапита былъ вновь сличенъ по двумъ рукописямъ королевской бібліотеки; сверхъ готоваго латинскаго перевода, прибавлены краткія примѣчанія.

Василія императора Греческаго увѣщательныя главы къ его сыну Льву ¹⁾). И эта небольшая піеса была уже издаваема Федерикомъ Моралемъ и Бернардомъ Дамке. Бандури сдѣлалъ поправки въ текстъ на основаніи сличенія двухъ кодексовъ, а также улучшилъ латинскій переводъ.

Θεοφιλάκτα Болгарскаго „Царское воспитаніе“, *Institutio regia* ²⁾): издано было разъ по медичейскому списку Поссиномъ, но въ луврской коллекціи; текстъ и латинскій переводъ оставлены безъ перемѣнъ, прибавлены только небольшія примѣчанія.

3) Третья часть перваго тома посвящена собственно древностямъ Константинополя и въ свою очередь раздѣляется на восемь книгъ, въ коихъ каждая имѣетъ комментарий во второмъ томѣ.

При занятіяхъ относящимися сюда памятниками Бандури имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ П. Жюля, Меурсія (его комментарий къ сочиненію Кодина о зданіяхъ), Ламбека и особенно Дюканжа, котораго онъ называетъ отцомъ византійской исторіи. Не соперничать съ послѣднимъ думалъ Бандури, хотя все-таки допускалъ и у него возможность ошибокъ, такъ какъ никакое человѣческое дѣло не можетъ быть совершеннымъ, но избралъ себѣ другой путь и другой методъ изученія. Дюканжъ составлялъ систематическое обозрѣніе на основаніи наличныхъ источниковъ, преимущественно изданныхъ, Бандури поставилъ себѣ задачею собраніе матеріаловъ и новое ихъ изданіе въ цѣльпомъ видѣ, имѣя въ виду преимущественно не изданное доселѣ. Первые четыре книги

¹⁾ Βασιλείου τοῦ Ρωμαίων βασιλέως κεφάλαια παρανετικά ἕς (66) πρὸς τὸν αὐτοῦ υἱὸν Λέοντα.

²⁾ Τὸ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφιλάκτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας παιδεία βασιλική πρὸς κορυφογέννητον Κωνσταντῖνον.

отдѣла константинопольской древности всѣ заимствованы изъ сборника королевской библіотеки, поступившей въ нее, какъ сказано выше, по смерти Дюканжа. Онъ содержитъ въ себѣ *Patria seu Origines Constantinopolitanae*, съ небольшимъ ямбическимъ стихотвореніемъ впереди, обращеннымъ къ императору Алексѣю Комнину, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ, затѣмъ каталогъ римскихъ императоровъ отъ Юлія Кесаря до Михаила Палеолога, перечисленіе императорскихъ гробницъ въ храмѣ Апостоловъ и въ различныхъ столичныхъ монастыряхъ, сокращеніе (*compendium*) ветхозавѣтной исторіи—безъ конца, списокъ чиновъ Константинопольскаго двора, писанный новою рукою, списокъ патріарховъ въ стихахъ той же руки—съ изображеніемъ патріарха Іосифа, современника Флорентійскому собору, что даетъ основаніе и составленіе его относить къ первой половинѣ XIV вѣка; приложены и другія изображенія, очень грубо исполненныя (Мануила и Іоанна Палеологовъ, Константина и Елены, Іоанна Крестителя: послѣдній на переплетѣ); всѣ они воспроизведены на одной таблицѣ при второмъ томѣ изданія. Имя автора древностей (*Patria*) не извѣстно, но изъ посвясительнаго стихотворенія видно, что онъ жилъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, при Алексѣѣ Комнинѣ, и по своему званію былъ монахъ, такъ какъ съ особеннымъ усердіемъ выставляетъ на видъ щедрость императора къ иноческому чину. Итакъ, онъ жилъ на 350 лѣтъ ранѣе Кюдина; этотъ послѣдній у него много заимствовалъ. Порядокъ у него другой, чѣмъ у Кюдина; Кюдинъ перечисляетъ зданія Константинополя, не наблюдая никакой системы; напротивъ, Анонимъ раздѣлилъ городъ на три стороны или части: первая—начиная отъ дворца Халки и отъ Милія до Золотыхъ воротъ, вторая—отъ Ттиканистерія, церкви Одигитріи и Манганъ до Влахерны, третья—отъ храма Сергія и Вакха, дворца Софіановъ до западныхъ стѣнъ Большихъ воротъ (въ подлинникѣ здѣсь нѣкоторая неясность, разъясняемая Г. С. Деступисомъ въ ниже названной статьѣ); каждая часть описывается въ отдѣльной книгѣ, или главѣ; въ третьей, кромѣ того, говорится о дворцахъ и монастыряхъ подгородныхъ и по ту сторону Золотаго рога (въ Перѣ); въ четвертой особой книгѣ, Анонимъ сообщаетъ о построеніи Софійскаго храма. Къ изданію этого вновь открытаго памятника, составляющаго наиболѣе цѣнную часть всего отдѣла, Вандурнъ относится съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ привлекъ къ сравненію и въ пособіе для установленія его текста еще нѣмцы, до сихъ поръ мало изученные, сборники, подробно описанные во вто-

ромъ томѣ, впрочемъ, отмѣченные и Буавеномъ въ составленномъ имъ каталогѣ; это были Colbertinus, № 3607 (теперь 1788) и другой королевскій Regius № 3058^a (теперь 1782), содержащіе въ себѣ Пάτρια въ особыхъ редакціяхъ.

О той редакціи, которая заключается въ послѣднемъ, Буавенъ полагалъ, что она принадлежитъ автору, жившему въ началѣ XI вѣка, такъ какъ построеніе храма св. Софїи здѣсь полагается за 458 лѣтъ назадъ. Но Бандури (II, 454) не соглашается съ этимъ опредѣленіемъ; по его мнѣнію, только данное мѣсто съ упоминаніемъ о св. Софїи, какъ это часто бываетъ у компиляторовъ, выписано буквально изъ другаго автора, дѣйствительно принадлежавшаго началу XI столѣтія; въ прочихъ мѣстахъ текстъ представляетъ явное тожество съ обычнымъ текстомъ Кодина, хотя вообще полнаго сходства нѣтъ ни съ Кодиномъ, ни съ вновь найденнымъ Анонимомъ. Переписанъ этотъ сборникъ рукою нѣкоего Пасхасїа около 1320 года. Кольбертинскій кодексъ содержитъ въ себѣ описаніе Константинополя и св. Софїи, но не въ полномъ видѣ, такъ какъ многихъ листовъ недостаетъ, другіе перемѣшаны переплетчикомъ, перепутавшимъ порядокъ. Дюканжъ, который пользовался сборникомъ въ своемъ Христіанскомъ Константинополѣ, этого безпорядка не замѣтилъ, потому часто не различаетъ двухъ отдѣловъ или даже двухъ особыхъ сочиненій. Онъ далѣе догадывался, что сочинитель жилъ при Константинѣ Дукѣ (во второй половинѣ XI столѣтія), но онъ ошибался, ибо, по замѣчанію Бандури, не читалъ подъ рядъ всего сочиненія; иначе онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то мѣсто, гдѣ говорится о расширеніи и реставраціи Софїйскаго храма при Андроникѣ Комнинѣ Палеологѣ; да и рукопись, носящая признаки авторскаго автографа, принадлежитъ XIII вѣку. То мѣсто, въ которомъ упомянуто о Константинѣ Дукѣ, представляетъ заимствованіе изъ Анонима, открытаго Бандуриемъ. Вообще разобратъ въ различныхъ редакціяхъ подобнаго рода компиляцій, имѣющихъ обыкновенно большое распространеніе, бываетъ весьма трудно. Самъ Анонимъ Бандури представляетъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, Гесикїа Милетскаго, Христофора, сына Паниска, который упоминается у Свиды, хроникъ Александрійской или Пасхальной, Теофана, Кедрина и т. д. Бандури чрезвычайно много сдѣлалъ для разъясненія критическихъ вопросовъ, касающихся даннаго рода произведеній, но еще и до сихъ поръ тутъ не все ясно; открываются вновь очень важныя и древнія редакціи, остающіяся пока не издан-

ними ¹⁾. О значеніи комментарія, который присоединенъ Бандуриемъ къ его Анониму во второмъ томѣ изданія, для изученія топографіи Константинополя—рѣчь будетъ ниже.

Какъ сказано, четыре книги Анонима считаются у Бандури за четыре книги его третьей части (pag. 1—80). Пятую книгу составляетъ другая безымянная компиляція такого же содержанія, заключающая въ себѣ извлеченія изъ Евсевія, Сократа, Марцелла Анагноста, Папія, Теодора Анагноста и другихъ, и обозначаемая въ заглавіи такъ: *Παρατάξις συντομοί χρονικάι, De antiquitatibus Costantinopolitanis enarrationes chronographicae incerti auctoris*. Это произведеніе уже не новое; оно было издано Ламбеціемъ при Кюдинѣ и повторено Комбефизомъ иъ Manriulus. Бандури приготовилъ новый переводъ, такъ какъ переводъ Комбефиза оказывался неудовлетворительнымъ, и присоединилъ свои примѣчанія.

Шестая книга содержитъ въ себѣ нѣсколько піесъ: а) Приписываемая Никитѣ Хоніату повѣсть о статуяхъ константинопольскихъ, разрушенныхъ латинами послѣ взятія Цареграда въ 1204 году ²⁾. Эта любопытная для исторіи искусства статья отыскана была въ сборникѣ Бодлеевой бібліотеки въ Оксфордѣ, содержащемъ въ себѣ другія несомнѣнныя произведенія Никиты, *Thesaurus orthodoxae fidei* и двѣ книги исторіи; извѣстный въ свое время еллинистъ Грабе, начавшій свою ученую карьеру въ Германіи, но переселившійся въ Англію и сдѣлавшійся профессоромъ въ Оксфордѣ, прислалъ копію повѣсти Буавелу, который и намѣревался напечатать ее при четвертомъ томѣ Григоры, но теперь уступилъ честь изданія Бандури. Послѣдній замѣчаетъ, что, по указанію Ламбеція (онъ издалъ ранѣе небольшой отрывокъ изъ статьи въ своихъ примѣчаніяхъ къ Кюдину), піеса находится также въ одномъ изъ сборниковъ Ватиканской бібліотеки. Послѣ она была издаваема нѣсколько разъ, считаясь все-таки произведеніемъ историка Никиты, но, какъ разъяснено русскими учеными, безъ надлежащаго вниманія къ нѣкоторымъ возбуждающимъ сомнѣніе признакамъ позднѣйшаго происхожденія ³⁾. б) Описаніе дворца Авгу-

¹⁾ Проф. В. К. Эрштедтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ сдѣланныя имъ самимъ извлеченія изъ ватиканской рукописи, гдѣ отрывки о древностяхъ вставлены въ житіе св. Константина Равноапостольнаго.

²⁾ *Narratio Nicetae Choniatae de statuis Constantinianis, quas latine capta urbe conflatas in monetam conflaverunt.*

³⁾ *Θ. Η. Успенскому*, Византійскій писатель Никита Хоніатъ изъ Хонъ (С.-Иб. 1874), стр. 140 и сл. Впрочемъ сомнѣнія высказаны были еще ранѣе

стеона Георгія Пахимера (Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Ἐκφρασις τοῦ Ἀδύου-
στεῖνος), небольшое сочиненіе (въ три страницы) было уже напечатано
Буавеномъ въ примѣчаніяхъ къ Григорію, но только по гречески;
Бандури присоединилъ латинскій переводъ и примѣчанія. с) Патріарха
Фотія Описание церкви св. Богородицы новой, построенной царемъ
Василіемъ Македоняниномъ¹⁾. Это есть рѣчь, произнесенная патріар-
хомъ Фотіемъ при освященіи новой церкви, что, по замѣчанію Бандури,
произошло въ четырнадцатый годъ правленія Василія, прежде чѣмъ
сынъ его Левъ подвергся обвиненію въ злоумышленномъ стремленіи
въ низложенію отца, а не послѣ того, какъ онъ былъ оправданъ и
освобожденъ; Комбефизъ, издавшій піесу въ *Manriulus*, думая такъ,
ошибался. d) Каталогъ и описаніе императорскихъ гробницъ въ церкви
св. Апостоловъ (περὶ τῶν τάφων τῶν βασιλέων, *De sepulcris Impera-*
torum) содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыхъ
не встрѣчается въ другихъ источникахъ; наиримѣрь, отсюда мы узнаемъ,
что дочь императора Льва Мудраго отъ Теофана, первой супруги,
называлась Евдокією. e) Замѣтки о древностяхъ Константинополя
(*Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*), то-есть, о статуяхъ,
изображеніяхъ, а также о различныхъ церквахъ, извлеченныя изъ
одной рукописи королевской бібліотеки, съ присоединеніемъ статей
однороднаго содержанія, изданныхъ Ламбеціемъ при Кюднѣ. Этимъ
кончается шестая книга третьей части.

Седьмая книга содержитъ въ себѣ различныя эпиграммы и стихот-
воренія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ поэтовъ (*Epigrammata*
veterum roetarum, roemata, inscriptiones) на важнѣйшіе памятники (*mo-*
numenta) города, а также и относящіяся къ самому городу въ его
совокупности, прежде всего изъ *Антологіи*, съ переводомъ ихъ на
латинскій языкъ; переводъ принадлежитъ большей частью прежнимъ
ученымъ, двѣ піесы переведены самимъ Бандури; новѣйшія эпиграммы
до сихъ поръ издавались только на греческомъ языкѣ и были раз-
сѣяны въ разныхъ мѣстахъ, а теперь собраны и переведены.

Восьмая книга содержитъ въ себѣ разнаго рода каталоги—издан-
ныя и доселѣ не издачныя—Константинопольскихъ патріарховъ, списки
подчиненныхъ имъ епископій, а также каталоги Восточныхъ импера-

русскія переводчикомъ исторія Никиты (часть II, стр. 426), какъ это и замѣ-
чено въ диссертациі О. И. Успенскаго; въ томъ и другомъ случаѣ—слишкомъ
рѣшительно.

¹⁾ Φωτίου πατριάρχου Κ—κλέωσις ἔκφρασις τοῦ ἐν τοῖς βασιλείοις νέας ἐκκλησίας.

торовъ, *Catalogi patriarcharum, catalogi episcopatum* и т. д. Бандуриемъ напечатаны слѣдующіе каталоги: 1) Каталогъ Никифора Каллиста, здѣсь впервые появившійся, заимствованъ изъ греческаго сборника очень обветшалого и труднаго для чтенія (оглавленіе статей, въ немъ находящихся, помѣщено во второмъ томѣ, въ примѣчаніяхъ); списокъ патриарховъ здѣсь кончается Іоанномъ, иначе Козьмою, поставленнымъ въ 1294 и низведеннымъ въ 1304 году; продолженіе списка до Георгія (Геннадія), перваго патриарха послѣ вятія Константинополя, и затѣмъ далѣе находится уже во второмъ томѣ въ соответствующемъ мѣстѣ примѣчаній. 2) Каталогъ Леунклавія, изданный въ *Ius graecogotianum*. 3) Каталогъ патриарховъ Матвія Цигалы, заимствованный изъ рѣдкаго греческаго изданія (*Nova variarum historiarum Synopsis*), отличный во многомъ отъ другихъ и болѣе подробный со времени вятія Константинополя турками, что было при патриархѣ Исaihъ, тогда убитомъ, и затѣмъ отъ Георгія Схоларія до Кирилла Лукариса и до Неофита, поставленнаго на его мѣсто въ 1636 году. 4) Каталогъ Филиппа Кипрскаго, протонотарія, составленный на основаніи различныхъ хроникъ, отличающійся тѣмъ, что становится болѣе подробнымъ послѣ вятія Константинополя и сообщаетъ при наименованіи патриарховъ турецкаго періода краткую характеристику cadaго съ указаніемъ данныхъ относительно ихъ судьбы, ихъ заслугъ и ихъ трудовъ; онъ кончается Парениемъ, вступившимъ мѣсто Кирилла Лукариса въ 1639 году. Лукарисъ нѣсколько разъ былъ низводимъ и снова возводимъ на патриаршій престолъ. 5) Списокъ епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, приписываемый императору Андронику Палеологу, уже изданный прежде Гоаромъ. 6) Списокъ митрополій и подчиненныхъ каждой епископскихъ кафедръ съ указаніемъ, какія существуютъ до нынѣ и какія исчезли, принадлежащій вышеназванному Филиппу Кипрскому. 7) Два каталога императоровъ—первый изъ Леунклавія, второй Матвія Цигалы, доведенный до султана Ахмета или до 1634 года. Наиболѣе важное значеніе въ этомъ отдѣлѣ имѣютъ списки патриарховъ, такъ какъ при опредѣленіи ихъ времени, часто необходимомъ для пониманія событій, весьма нерѣдко исследователь церковной или даже гражданской исторіи встрѣчаетъ непреодолимые затрудненія. Особенно велики затрудненія становятся съ наступленіемъ турецкаго времени, когда, между тѣмъ, народная жизнь главнѣйшимъ образомъ связывается съ церковными интересами, и когда патриархи остаются признанными представителями и вождями православнаго населенія.

Множество ошибокъ происходитъ отъ того, что различные новыя писатели и даже составители каталоговъ часто смѣшиваютъ порядокъ, принимая нѣсколько одновременныхъ іерарховъ, занимавшихъ престолъ на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, за одно лицо, и на оборотъ — дѣлая изъ одного многихъ, когда патриархъ низведенный разъ съ престола снова былъ возвращаемъ, а это въ турецкое время съ однимъ и тѣмъ же лицомъ случалось иногда по нѣскольکو разъ (съ Кирилломъ Лукарисомъ — пять разъ). Все это Вандури по возможности старался разъяснить и исправить, на основаніи собранныхъ и напечатанныхъ имъ матеріаловъ, въ примѣчаніяхъ во второмъ томѣ. Тамъ, между прочимъ, показано, въ какой степени бывають часто ошибочны, именно въ послѣдней своей части, каталоги Цигали и Филиппа Кипрскаго. Тамъ же порепечатанъ каталогъ, заимствованный у Лабба (въ *Apparatus*), и продолженъ съ Іосифа до Георгія Схоларія на основаніи болѣе точныхъ показаній Георгія Франдзи, историка тогда еще, не изданнаго въ подлинникѣ. Особую цѣну самъ Вандури придавалъ документу, полученному имъ въ самый послѣдній моментъ, когда онъ уже печаталъ послѣдніе листы комментарія къ своимъ каталогамъ; это былъ каталогъ или лучше Синописисъ, обзоръ (*Σύνοψις*) патриарховъ, служащій продолженіемъ къ другимъ напечатаннымъ и отчасти исправляющій ихъ въ концѣ. Синописисъ выписанъ былъ изъ кодекса патриаршей церкви въ Константинополѣ и доставленъ былъ Вандурию знаменитымъ и ученымъ аббатомъ Евсеіемъ Ренодо (*Renaudotius*); онъ заключаетъ въ себѣ рядъ патриарховъ съ 1594 по 1702 годъ (см. t. II, pag. 1000—1003), то-есть шель, далѣе, чѣмъ подобныя списки у Крузія въ *Thesograecia* и у Доросея Мономвасійскаго въ его хронографіи. Стихотворный каталогъ Евфремія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, остался для Вандури извѣстнымъ только по выпискамъ Аляція. Въ новѣйшее время изученіемъ такого рода документовъ занимались греческій ученый Маеа, нѣмецкій изслѣдователь Фишеръ и извѣстный константинопольскій собиратель, издатель и многосторонній изслѣдователь, г. Гедеонъ, получившій между прочимъ и изъ Россіи, отъ профессора И. Е. Тронцкаго, два рукописныхъ не изданныхъ каталога ¹⁾. Что ка-

¹⁾ Μαθῆς, 'Ιστορικ. κατάλ. *Fischer*, De patriarcharum Constantinopolitanorum catalogis et de chronologia octo primorum patriarcharum. Accedunt ejusmodi catalogi duo adhuc non editi. Leipzig, 1881. Продолженіе въ *Commentationes Philologicae Ienenses*, t. III. Μ. Γεδών, Πατριάρχῃοι Πίναξ: 'Εν Κωνσταντινουπόλει. 1886—1887.

сается списокъ эпархій, то наиболѣе полное и критическое изданіе ихъ теперь мы имѣемъ въ книгѣ Партея, вмѣстѣ съ Синекдемомъ Герокла (см. выше).

Наконецъ, въ видѣ особаго приложенія въ концѣ перепечатаны сочиненія П. Жбія о Босфорѣ Эракійскомъ и топографіи Константинополя съ нѣкоторыми улучшеніями текста и, сверхъ того, краткое описаніе города Константинополя (*Urbis Constantinopolitanae descriptio*), какимъ онъ былъ во время Аркадія и Гонорія: эта статья уже была напечатана Панциролемъ при *Notitia utriusque imperii* и обыкновенно издается при этомъ памятникъ ¹⁾). Примѣчанія Панцироля, не имѣющія большой важности, помѣщены тутъ же въ концѣ перваго тома.

Нужно воздать надлежаную похвалу и уваженію, которымъ заключается томъ, потому что онъ составленъ съ такою тщательностію и полнотою, какихъ не было видно въ предыдущихъ изданіяхъ византійцевъ.

Второй томъ, предназначенный для объяснительныхъ примѣчаній къ изданнымъ въ первомъ томѣ источникамъ, не уступаетъ первому своимъ объемомъ, даже превосходитъ его и, кромѣ обыкновенныхъ разъясненій къ тексту заключаетъ въ себя множество новыхъ оригинальныхъ статей, отчасти имѣющихъ документальное значеніе. Важное значеніе имѣютъ также равнаго рода иллюстраціи, состоящія въ планахъ и рисункахъ.

Томъ открывается географическими картами и планами, которые занимаютъ семь листовъ: первый листъ представляетъ планъ Константинополя, раздѣленнаго на четырнадцать регионовъ (при Константиѣ Великомъ), какъ его начерталъ Дюканжъ на основаніи древняго источника, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, такъ какъ Бандури представилъ видъ города съ окрестностями эракійской стороны по картѣ географа de Combes, хранившейся въ архивѣ мор-

¹⁾ Изданіе Seck'a было у насъ выше указано. Что касается до сочиненія Жбія, то прибавимъ здѣсь слѣдующее: сочиненіе Діонисія Византійскаго, изъ котораго онъ приводитъ извлеченія и которое долго считалось потеряннымъ, наконецъ было отыскано хотя не въ полномъ видѣ между рукописями, приобретенными Парижской національной бібліотекою отъ грека Митроды Мины, и было издано Вешеромъ въ 1874 году. *Dionysii Byzantii, de Bospori navigatione quae superavit—ed. Carolus Wescher.* Paris. 1874. Ср. *Miller, Journal des Savants* 1874, pag. 200 etc. *Müller, Zum 'Ανάκλου; Βοσπόρου* des Dionysios von Byzanz. *Philologus*, V. XXVII (1877), 65—88.

скаго управленія. Вторая карта изображаетъ самый городъ — по Анониму (Бандуриа), то-есть, раздѣленный на три части, при чемъ въ отдѣльныхъ регионахъ размѣщены названія мѣстъ и зданій, встрѣчающихся въ означенномъ источникѣ. О недостаткахъ этого плана рѣчь будетъ ниже. Третья карта представляетъ Анаплъ (то-есть, ближайшія къ столицѣ части) Босфора Фракійскаго, начертанный Сансономъ по Жилію, который слѣдовалъ Діонисію Византійскому. Но такъ какъ этотъ планъ, по свидѣтельству знающихъ и ученыхъ людей, бывавшихъ въ Константинополѣ (между прочимъ Галланда), оказывался не вполне точнымъ, то Бандури приложилъ еще другой планъ той же самой мѣстности, составленной Комбомъ, и это будетъ — четвертый. Пятая карта заключаетъ въ себѣ опять планъ самаго Константинополя, заимствованный изъ сочиненія Бондэльмонти (*Liber de insulis Archipelagi*), написаннаго въ 1422 году и уже издавнаго Дюканжомъ. Хотя этотъ планъ начертанъ, очевидно, грубымъ образомъ и не точно, все-таки онъ сообщаетъ полезныя топографическія указанія за время немногимъ предшествующее турецкому завоеванію, и потому Бандури считалъ полезнымъ вторичное его изданіе. Шестой планъ представляетъ городъ въ современномъ видѣ, то-есть, для эпохи Людовика XIV, и принадлежитъ Grelot. Седьмая таблица содержитъ видъ Геллеспонта и Пропонтиды.

Сейчасъ указанная иллюстрація имѣютъ прямое отношеніе, очевидно, не къ первой, а къ третьей части перваго тома, и главнымъ образомъ къ Анониму, изданіе котораго Бандури справедливо считалъ своимъ главнымъ вкладомъ по части топографіи Константинополя. Поэтому и комментарии къ этому памятнику занимаютъ первое мѣсто во второмъ томѣ. Здѣсь главной своею задачею Бандури считалъ подтвержденіе и разъясненіе показаній Анонима юдходящими мѣстами другихъ византійскихъ писателей, изданныхъ и не изданныхъ, а затѣмъ исправленіе ошибочныхъ представленій Ламбедія и самого Дюканжа, произшедшихъ отъ незнакомства съ вновь открытымъ памятникомъ. Нужно при этомъ сказать, что Бандури оказалъ дѣлу большія услуги хорошею критикою текстовъ, указаніемъ взаимнаго отношенія между Анонимомъ и Кодиномъ, а равно и другими сродными компиляторами, что онъ обнаружилъ при этомъ широкое знакомство съ византійскими и латинскими средневѣковыми текстами. Но все-таки, удачно указывая ошибки Дюканжа (напримѣръ, относительно Зевгн), Бандури и самъ не избѣжалъ довольно важныхъ промаховъ. И онъ въ свою очередь не могъ располагать чрезвычайно

важнымъ и для многихъ вопросовъ первостепеннымъ источникомъ, именно сочиненіемъ Константина Вагрянороднаго о придворномъ чинѣ (De ceremoniis), которое было обнаружено гораздо позже по единственной рукописи, находившейся въ Италіи и въ Франціи. Впослѣдствіи Рейске, издатель означеннаго сочиненія Константина, съ такою же легкостью могъ указать заблужденія Бандури, какъ онъ самъ поправлялъ Дюканжа. Если, кромѣ того, Бандури слишкомъ преувеличивалъ значеніе своего Анонима и слишкомъ держался буквального пониманія его словъ, то и это дѣло естественное и обычное. Такъ или иначе, довольно пристально взглянуть на планъ Константинополя согласно съ Анонимомъ и сравнить его съ настоящимъ положеніемъ вещей или съ новыми планами, чтобы замѣтить большія несообразности; напримѣръ, Золотыя ворота помѣщены здѣсь въ пять разъ дальше отъ Мраморнаго моря (къ сѣверу), чѣмъ какъ они могли быть въ дѣйствительности, а соответственно съ этимъ и Студійскій монастырь откинутъ слишкомъ далеко отъ моря ¹⁾. Все это основано на буквальномъ пониманіи словъ Анонима, что у Золотыхъ воротъ оканчивается средняя полоса города. Выѣстъ съ Г. С. Доступисомъ пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ мѣстныхъ археологовъ вновь подвергнулъ научному и систематическому разбору сочиненіе Анонима Бандуриева, чего до сихъ поръ не было сдѣлано.

Филологическія объясненія и по срединѣ часто дополняются наглядными иллюстраціями археологическаго содержанія. Отмѣчаемъ болѣе важныя: по поводу сказаній объ основаніи Константинополя приложены семь таблицъ со снимками монетъ города Византіи, какъ изъ періода ой самостоятельнаго существованія, такъ и временъ Римской имперіи.

Нѣсколько ниже (pag. 459) встрѣчаемъ изображеніе мѣдныхъ монетъ Константина Великаго, выбитыхъ въ годъ обновленія (ἀναίτια) Константинополя. По поводу упоминанія о патриціяхъ предлагается изображеніе Компьенскаго диптиха, пожертвованнаго Карломъ Лысымъ, и еще другаго подобнаго изъ церкви близъ Лиможа: важны они потому, что находящіяся въ нихъ фигуры дадутъ наглядное представленіе присвоенныхъ означенному сану облаченій. Чрезвычайно интересны и важны рисунки барельефовъ Аркадіевой колонны въ Константинополѣ (къ стр. 502), отъ которой въ настоящее время остается только обезображенный огнемъ пьедесталъ—близъ Авреть-базара—вы-

¹⁾ Г. С. Доступиса, Топографія древняго Константинополя: Журн. Мин. Нар. Просв. 1882 г., январь, стр. 26.

состою около трехъ сажень, съ камерой и началомъ лѣстницы внутри. Нѣкогда это была великолѣпная колонна въ 147 футовъ вышины, по которой снизу и до верху шли барельефы спиралью, представлявшіе триумфальную процессію императора. Еслибы памятникъ сохранился вполне, то онъ имѣлъ бы громаднѣйшій историческій интересъ. Теперь мы должны знакомиться съ нимъ только по рисункамъ, помѣщеннымъ у Бандури. О происхожденіи этихъ восемнадцати гравюръ, занимающихъ столько же листовъ, Бандури сообщаетъ въ предисловіи къ первой части (pag. XIII) слѣдующее: Въ Константинополѣ были двѣ такого рода колонны съ барельефными изображеніями, обыкновенно называемыя *historiatae*. Мы должны вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что дошедшіе до насъ снимки относятся къ той, которая была воадвигнута Аркадіемъ, ибо другая, Θεοδοσία (Θεοδοσία II), по свидѣтельству Гиллія (Жилия), была разрушена Вавзетомъ, такъ какъ находилась вблизи устриваемыхъ имъ новыхъ бань, — Аркадіева же была описана Жилемъ, который даже измѣрялъ ее. Итакъ не Θεοδοσία, какъ другіе думаютъ, а Аркадіева колонна изображается на приложенныхъ къ комментарію гравюрахъ. Гравюры эти сдѣланы съ рисунковъ венеціанскаго живописца Джентиле Беллини (Gentile Bellini), который, какъ извѣстно, приглашенъ былъ въ Константинополь Магометомъ Вторымъ, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и, пользуясь расположеніемъ страшнаго завоевателя, могъ безопасно дѣлать всякіе снимки. Однако, сдѣланные Беллини на 18 листахъ рисунки представляли не всю колонну, потому что отъ ветхости, отъ землетрясеній, отъ пожаровъ она все-таки сильно пострадала, и есть въ ней мѣста, гдѣ барельефы пропали. Восемнадцать лѣтъ ранѣе изданія *Imperium orientale* ученный іезуитъ Менестрие (Claudius Franciscus Menestrier) выдалъ рисунки Беллини въ гравюрахъ съ своими объясненіями. Такъ какъ—заключаетъ Бандури—колонна Аркадія занимаетъ первое мѣсто среди памятниковъ Константинополя, то мы и рѣшились воспроизвести самымъ точнымъ образомъ ея изображенія, по самому подлиннику Беллини (*exemplar a G. Bellino delineatum*), который хранится въ академіи живописи, приложивъ къ каждой гравюрѣ краткія объясненія фигуръ. Объясненія эти, какъ показываетъ проф. Н. П. Кондаковъ, могутъ быть, несомнѣнъ удачны и правильны, и это извинительно, потому что Бандури еще не располагалъ текстами Константина Вагрянороднаго о церемоніальныхъ шествіяхъ и встрѣчахъ императоровъ, которые съ такимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ привлекаетъ.

въ видѣ точки отправленія нашъ ученый археологъ. Все-таки въ общемъ Бандури вѣрно понималъ дѣло и видѣлъ въ барельефахъ изображеніе триумфа съ его различными моментами: процессія войска, триумфальный въѣздъ императора, процессія плѣнныхъ. За подробностями мы отсылаемъ къ книгѣ проф. Кондакова, который излагаетъ съ своей точки зрѣнія содержаніе барельефовъ, не касаясь, къ сожалѣнію, наиболее интересной ихъ стороны, то-есть, изображенія варваровъ, ихъ костюмовъ, идоловъ и т. д., чего не требовала задача его сочиненія ¹⁾.

Не лишены интереса рисунки (къ стр. 631—632), заимствованные изъ Парижской рукописи IX вѣка, изображающіе поставленію св. Григорія Назіанзова въ епископскіи Константинополя, побѣду Константина надъ Максентіемъ и обрѣтенію св. креста Еленою; далѣе (стр. 664) планъ ипподрома раніе вятія города турками изъ древней топографіи, уже изданный прежде Панвиніемъ и несо-всѣмъ согласный съ описаніемъ Жюля; изображеніе обелиска Θεοδο-сіева (къ стр. 666) съ барельефами, которые и воспроизводятся, треножника Аполлонова, то-есть, знаменитой Змѣиной колонны, значеніе которой оцѣнили только въ настоящемъ столѣтіи, мраморной колонны императора Маркіана и такъ называемой Порфирной колонны.

Помимо живописныхъ иллюстрацій, комментарий къ Анониму изобилуетъ не изданными важными текстами, прилагаемыми къ стати по случаю упоминанія извѣстныхъ памятниковъ, лицъ или событій. По поводу упоминанія объ еврейской синагогѣ въ Цареградѣ (стр. 614)

¹⁾ См. *Н. П. Кондакова*, Византійскія церкви и памятники Константинополя (въ Трудяхъ VI Археологическаго съѣзда). Одесса. 1886, стр. 147—155. Замѣтилъ еще, что сомнѣнія о происхожденіи рисунковъ Бандури отъ извѣстныхъ очерковъ „будто бы“ Джентиле Беллини, вскользь выражаемыхъ въ прикѣчаніи на стр. 148, и теперь нельзя считать окончательно устраненными. Бандури говоритъ, что онъ не повторилъ Менетріе, а обратился къ подлиннику, который находился въ академіи художествъ; но изъ любознательной книги: *L. Tizianne, Gentile Bellini et sultan Mahommed II. Paris. 1888*, мы видимъ (pag. 42), что оригинальныхъ рисунковъ тамъ нѣтъ, а есть только копія, по своему происхожденію относящаяся къ концу XVI или началу XVII вѣка; другая такая копія, тоже XVI вѣка, находится въ Луврѣ. Однако, Тизанъ считаетъ вѣроятнымъ, что помимо знаменитыхъ портретовъ Магомета II, которые у него вновь воспроизводятся, Беллини действительно могъ заниматься приготовленіемъ рисунковъ съ древнихъ памятниковъ Константинополя, и притомъ именно для Лаврентія Великолѣннаго. О пребываніи Беллини въ Константинополѣ по вызову страшнаго завоевателя книга сообщаетъ новыя свѣдѣнія.

приведены три посланія патріарха Аванасія, который требовалъ отъ императора Андроника II Старшаго ея закрытія и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнанія жидовъ изъ города. Далѣе находимъ (стр. 646) исторію перенесенія мощей первомученика Стефана въ Константинополь при царѣ Константинѣ съ описаніемъ кодекса Свѣтъ-Жерменскаго монастыря, гдѣ она читается (отсюда видно, что въ кодексѣ, представляющемъ мишею за Августъ, находится и сказаніе объ освобожденіи Константинополя отъ нашествія аваръ и персовъ при царѣ Иракліѣ, гораздо послѣ напечатанное кардиналомъ Анджело Ман по Ватиканскому списку); не изданный трактатъ объ ипподромѣ (стр. 662); не изданное житіе св. Далматія (стр. 694) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, а также посланія къ этому святому отъ отцовъ Ефесскаго вселенскаго собора и отъ Кирилла Александрійскаго, посланіе Далматія къ собору, слова Кирилла и Мемпона: все это по поводу упоминанія о монастырѣ Далматія въ Константинополѣ.

Комментарій къ четвертой послѣдней книгѣ Анонима требовалъ приложенія пяти плановъ, представляющихъ внѣшній видъ и внутренность храма св. Софій: рисунки принадлежатъ художнику Грело.

Комментаріи къ дальнѣйшимъ отдѣламъ третьей части могли быть не столь подробными, потому что при сходствѣ содержанія, во всей части достаточно было отсылать читателя къ комментаріямъ на Анонима. Съ своей стороны мы должны здѣсь отмѣтить свѣдѣнія объ *Iōnna*, сочиненіи, приписываемомъ Византійской императрицѣ XI вѣка, Евдокии, въ то время еще не изданномъ: Бандури (стр. 819—829) сообщаетъ его оглавленіе. Послѣднія страницы (871—872) комментарія къ седьмой книгѣ содержатъ въ себѣ объясненія къ пророчеству о послѣднихъ судьбахъ Константинополя, о *ἔσθθον γένος*; здѣсь упоминается о не изданномъ трудѣ Льва Аляція (*Varia antiqua*). Комментаріи къ восьмой книгѣ, заключающей въ себѣ каталоги, также весьма богаты содержаніемъ и не изданными матеріалами. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить подробное оглавленіе парижскаго сборника, изъ котораго заимствованъ каталогъ Никифора Каллиста (pag. 875—886), затѣмъ довольно обширное изслѣдованіе объ именахъ первыхъ Константинопольскихъ епископовъ, которыя Бандури считаетъ подложными вплоть до Митрофана, современника Константина Великаго. По поводу патріарха Козьмы Аттика Бандури приводитъ актъ соборнаго при немъ дѣянія (pag. 916), заимствуя оное у Аляція (*De regrest. consens.*); отсюда же заимствованъ отрывокъ изъ Ефре-

мія, представляющій рядъ патріарховъ, жившихъ въ Никоѣ послѣ вятія Цареграда латинами (pag. 928). На стр. 936 находимъ изображение засѣданія втораго вселенскаго собора изъ рукописи IX вѣка. Въ примѣчаніи, касающемся патріарха Іоанна Векка, приведено направленное противъ этого, склонявшася къ униі, іерарха наложеніе вѣры Григорія Кипрскаго (ἐκθεσις τοῦ τόμου τῆς κίστεως κατὰ τοῦ Βέκκου) а также и другія его произведенія, сюда относящіяся (что занимаетъ страницы 942—961: безъ латинскаго перевода). Въ примѣчаніи, посвященномъ слѣдующему патріарху, Аванасію, находимъ прежде всего полный списокъ его сочиненій и писемъ, которыя Бандури предполагалъ издать и для этой цѣли перевелъ было на латинскій языкъ (pag. 961). Мы уже отмѣтили три посланія патріарха Аванасія относительно еврейской синагоги, напечатанныя выше; теперь нужно обратить вниманіе на три письма, относящіяся къ двукратному отреченію Аванасія отъ престола, на его обличительное слово противъ нѣкоего Іоанна Дрима и т. д. (pag. 962—987). По поводу патріарха Нифонта напечатаны два новыхъ дальнѣйшихъ посланія Аванасія, гдѣ о немъ идетъ рѣчь, но уже безъ латинскаго перевода; по поводу Іосифа, присутствовавшего на Флорентійскомъ соборѣ, приложенъ его портретъ, заимствованный изъ рукописи королевской бібліотеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія изображенія, въ ней находящіяся: Константина и Елены, Іоанна и Мануила Палеологовъ, Іоанна Крестителя, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ документовъ изъ Аллациа (pag. 984—990). О снопсисѣ Ренодо мы уже упомянули выше.

Далѣе (pag. 1007—1017) слѣдуетъ особая статья, относящаяся къ топографіи Константинополя: *De celebrioribus urbis C P. monumentis, quae — hodie supersunt*. Она посвящена важнѣйшимъ памятникамъ, воздвигнутымъ уже султанами и находящимся на лицо: мечетямъ, банямъ, которыхъ Бандури насчитываетъ до пятидесяти, страннопріимнымъ домамъ; тутъ воспроизводятся рисунки Грело съ его же объяснительнымъ французскимъ текстомъ (виды мечетей Сулеймана и султанши Валиде, серая).

Слѣдуютъ наконецъ примѣчанія къ сочиненіямъ Константина Багрянороднаго *О оемахъ* и *De administrando imperio*. Предпослана первому сочиненію географическая карта, представляющая восточную имперію съ раздѣленіемъ на темы послѣ Ираклія, и второму—карта Восточной имперіи и странъ сопредѣльныхъ во время Константина Багрянороднаго. Онѣ составлены были де-Лилемъ (*Guilhelmus de L'Isle*),

членомъ королевской академіи наукъ. Замѣчанія на оныя довольно краткія; приведены между прочимъ латинскія надписи, относящіяся къ *legio fulminatrix*, и греческій списокъ городовъ, измѣнившихъ свое названіе. Въ комментаріяхъ на сочиненіе „Объ управленіи имперіей“ особенное вниманіе обращается на Далмацію, родину Бандури; нѣкоторыя спеціальныя, относящіяся къ ней, статьи представлялись наипрелепнѣею роскошью послѣдующимъ издателямъ и въ боннской коллекціи опущены; таковы выписки изъ Мавро Урбина о Млѣтѣ (*Meleta*), островѣ, принадлежавшемъ республикѣ Дубровницкой (*Ragusa*), изъ Спона—(*Spon*), о Сплѣтѣ и Задрѣ, такова реляція (на итальянскомъ языкѣ) патриція дубровницкаго Гондолы о состояніи религіи въ странахъ подвластныхъ турецкому владычеству: этотъ любопытный документъ Бандури нашелъ въ Римѣ въ библиотекѣ коллегіи *de propaganda fide* и самъ списалъ (въ документѣ упоминается осада Каменца Подольскаго турками); таковы выписки изъ Туберона и Мавроурбина о происхожденіи Дубровника и списокъ рагузинскихъ кораблей, высланныхъ республикою на помощь королю Испанскому съ 1584 по 1654 г. (pag. 71 — 76). По отношенію къ русской исторіи значительный интересъ представляетъ извѣстное греческое сказаніе объ обращеніи русскихъ въ христіанство и о крещеніи Владиміра, найденное въ кодексѣ Кольбертинскомъ, гдѣ оно не имѣетъ начала. Замѣтимъ, что одинъ молодой русскій ученый г. Регель отыскалъ другой полный списокъ сказанія въ библиотекѣ острова Патмоса и намѣренъ издать его въ скоромъ времени. Такъ какъ въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи славянскаго письма, то Бандури приложилъ въ своемъ изданіи таблицы различныхъ славянскихъ алфавитовъ—кирилловскаго и глаголическаго, изъ коихъ послѣдній онъ называетъ іеронимовымъ.

Къ изданію Бандури въ извѣстномъ отношеніи примыкаетъ трудъ, вышедшій отдѣльно и собственно не принадлежащій къ парижской византійской коллекціи доминиканца Лекьена (*Le Quien, Michel*), болѣе подробнымъ образомъ развѣивающій отдѣлъ историко-статистическихъ свѣдѣній объ епархіяхъ и о высшей церковной іерархіи, впрочемъ уже не одной только Константинопольской патриархіи, а и остальныхъ православныхъ. Мы разумѣемъ „Православный Востокъ“ содержащій въ себѣ описаніе четырехъ патриархатовъ: Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго¹⁾. Не имѣя въ

¹⁾ *Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus*. Paris. 1740. 3 vol. съ картами Давиля (*D'Anville*).

виду сообщенія новыхъ источниковъ и вообще изданія матеріаловъ, а скорѣе желая дать справочное пособіе при ихъ изученіи, составитель подробно говоритъ о каждомъ изъ патриархатовъ отдѣльно: сообщаетъ о возникновеніи и каноническомъ учрежденіи патриархата, о границахъ его въ различныя времена, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ патриарховъ даннаго патриархата отъ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія, затѣмъ переходитъ къ епархіямъ, подчиненнымъ тому или другому патриарху, сообщаетъ географическія свѣдѣнія о каждой епархіи и городѣ, въ которомъ находилась епископская кафедра, и приводитъ списокъ всѣхъ іерарховъ означенной епархіи въ хронологическомъ порядкѣ съ краткими о нихъ свѣдѣніями, насколько имена ихъ и данныя ихъ біографіи могли быть отысканы въ наличныхъ тогда источникахъ всякаго рода. О Константинопольскомъ патриархатѣ говорится въ первомъ томѣ и отчасти во второмъ (Восточный Иллирикъ), который главнымъ образомъ посвященъ Александрійскому и Антиохійскому патриархату и церквамъ халдейской и яковитской; объ Іерусалимскомъ патриархатѣ рѣчь идетъ въ третьемъ томѣ, и тамъ же о маронитахъ и униатской іерархіи ¹⁾. До сихъ поръ трудъ Лекьена служитъ необходимымъ справочнымъ пособіемъ при занятіяхъ византійскою исторіей или византійскою литературою, но уже давно сообщаемые въ немъ списки епископовъ и митрополитовъ перестали быть въ такой степени полными, въ какой они могутъ быть по состоянію нашихъ источниковъ, ибо абсолютно полными они никогда не могутъ быть. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ источники автора съ самаго начала были довольно скудны, и никто изъ русскихъ ученыхъ теперь не станетъ къ нему обращаться для свѣдѣній о западно-русскихъ униатскихъ митрополитахъ, хотя еще при изданіи Актовъ Западной Россіи Лекьенъ считался авторитетомъ, къ которому можно было отсылать въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Для славянскихъ церквей болгарской и сербской, а также для румынской, повѣрка и

¹⁾ Tom. I. Tres magnas compectens Dioeceses Ponti, Asiae et Thraciae Patriarchatus Constantinopolitano subiectas.

Tom. II. In quo Illyricum orientale ad patriarchatum Constantinopolitanum pertinens Patriarchatus Alexandrinus et Antiochenus, magnaeque Chaldaeorum et Jacobitarum dioeceses exponuntur.

Tom. III. Ecclesiam Maronitarum, patriarchatum Hierosolymitanum et quot fuerunt ritus latini tam patriarchae quam inferiores praesules in quatuor patriarchatibus et in Oriente universo compectens.

многія дополненія находятся въ извѣстномъ трудѣ проф. Е. Е. Голубинскаго „Краткій очеркъ православныхъ церквей болгарской, сербской и молдо-влахійской (Москва. 1871) ¹⁾“. Но и для всѣхъ другихъ отдѣловъ, не исключая собственно византійскаго, въ изданныхъ послѣ довольно многочисленныхъ документахъ — соборныхъ дѣяніяхъ, синодальныхъ опредѣленіяхъ, перепискѣ духовныхъ лицъ—заключается цѣлая масса новыхъ именъ и новыхъ свѣдѣній, не вошедшихъ въ собраніе Лекьона ²⁾“. Нечего говорить о томъ, какъ иногда важно для изслѣдователя имѣть подъ рукою точные и полные по возможности списки въ родѣ Лекьеновыхъ; припомнимъ, что, напримѣръ, въ кирилло-мееодіевскомъ вопросѣ знаменитая Солунская легенда никогда не получила бы такого значенія и не была бы такимъ соблазномъ для русскихъ изслѣдователей, еслибы съ самаго начала было ясно, что даже въ паимонованіи современнаго Солунскаго митрополита въ ней допущена ошибка.

Двумя томами Восточной имперіи Ансельма Бандури собственно была закончена Луврская или Парижская коллекція византійскихъ историковъ. Многое оставалось не изданнымъ даже изъ того, что уже было приведено въ извѣстность, что даже было приготовляемо для печати. Цѣлое, только что начавшееся, столѣтіе пройдетъ, прежде чѣмъ во Франціи вновь обратятся къ прерванному и не доконченному дѣлу, прежде чѣмъ найдутся ученые, способные и готовые возобновить почтенную традицію Дюканжа, Комбефиза и Буавена. Причина тому прежде всего заключалась, конечно, въ томъ, что только что начавшееся столѣтіе было восемнадцатое столѣтіе. Если прежде успѣхи французской эрудиціи оставались въ тѣни вслѣдствіе того, что на первомъ планѣ стояло блистательное развитіе изящной литературы, то теперь появились еще болѣе могучіе и всепоглощающіе умственные интересы. Гордый и самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и рационализма вообще не чувствовалъ большой нужды въ изученіи темнаго и презираемаго прошедшаго, а все византійское казалось такимъ вдвойнѣ. Правда, бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра, труженники болѣе симпатичные, чѣмъ іезуиты, которымъ они въ области ученыхъ византійскихъ занятій наслѣдовали гораздо раньше закрытія

¹⁾ Въ свою очередь тоже теперь нуждающемся въ дополненіяхъ.

²⁾ Можно указать на списокъ Аенскихъ епископовъ и митрополитовъ, для котораго нашлись важныя данныя въ древнихъ христіанскихъ надгробныхъ надписяхъ Пареевона, обращеннаго въ храмъ Богородицы: см. архимандр. Аммониса О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аенвахъ (С.-Пб. 1874).

іезуитскаго ордена, продолжали трудиться вплоть до начала революціи, оставаясь вѣрными своимъ завѣтамъ и памяти д'Ашері и Мабилльона, но почти все вниманіе ихъ поглощено было такими громадными предпріятіями, какъ изданіе источниковъ для національной французской исторіи, то-есть, исполненіе плана, которымъ нѣкогда былъ занятъ умъ Кольбера, и о которомъ подавалъ свое мнѣніе Дюканжъ, осуществленіе котораго самъ Мабилльонъ считалъ превосходящимъ его силы. Въ 1738 году появился первый томъ извѣстнаго собранія „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“, подъ редакціей Дом-Буке (Dom Bouquet), а въ 1786 — двѣнадцатый и тринадцатый, относящіеся къ временамъ Людовиковъ VI и VII и обнародованные двумя преосвященными Буке, мавриньянами Дом-Клеманомъ и Брилемъ. Два бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра (dom Valsette и De Vic) взяли на свои плечи тоже не легкій трудъ составленія документальной исторіи Лангедока (Histoire générale de Languedoc: первый томъ вышелъ въ 1730 году, пятый — въ 1745 году). Нужно дальѣ упомянуть такія изданія, какъ Gallia christiana, начатое Дом-Сент-Мартомъ (de Sainte Marthe), L'art de verifier les dates (новое изданіе 1770 года), Nouveau traité de diplomatique (Dom Toustain и D. Tassin), долженствовавшій служить дополненіемъ и замѣною на латинскомъ языкѣ написанному знаменитому произведенію Мабилльона. Итакъ, пріостановка византійской коллекціи довольно понятна и естественна. Обращаясь къ тому, что было сдѣлано, мы должны повторить, что французскіе ученые юристы (Фабро, Валуа и Дюканжъ), доминиканцы и бенедиктинцы, при помощи королевскихъ грековъ, какъ назывались луврскіе шрифты, своею „Византінною“ воздвигли прочный памятникъ французской науки, что они заложили вѣковой фундаментъ, на которомъ и до сихъ поръ основываются всѣ работы въ данной области. Именно то, что зданіе долго оставалось въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было возведено въ XVII вѣдѣ, доказываетъ и его прочность, и громадную трудность подобнаго рода предпріятій. Коллекція была, конечно, не безъ недостатковъ, и мы уже отмѣчали, что не всѣ отдѣльные ея томы отличались одинаковымъ достоинствомъ даже и въ своемъ родѣ. Общій и главный недостатокъ происходилъ, отчасти, отъ несовершенства пріемовъ тогдашней филологической критики, а еще болѣе отъ непреодолимыхъ затрудненій, иногда полной невозможности имѣть подъ рукою всѣ необходимыя или даже просто лучшіе списки того или другаго произведенія. Не смотря на ученныя сношенія и связи съ Римомъ и Вати-

ванскою бібліотекою (преимущественно при посредствѣ Голстона), все-таки часто приходилось довольствоваться тѣмъ, что представляла Парижская королевская бібліотека. Путешествія были затруднительны, подлинныя рукописи ни въ какомъ случаѣ не высылались, уже одинъ доступъ къ нимъ считался знакомъ великой милости и благодѣяніемъ, такъ что издателямъ естественно приходилось полагаться на коллеціи, сдѣланныя другими, иногда не вполне надежными лицами. Гораздо легче и удобнѣе сличать напечатанное, чѣмъ можно имѣть въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ, съ различными рукописными редакціями и кодексами, чѣмъ одну рукопись съ другою, если даже онѣ находятся въ одномъ книгохранилищѣ. Именно наиболѣе опытные сотрудники парижской Византины прилагали варианты только въ концѣ своего изданія, не воспользовавшись ими надлежащимъ образомъ для установленія болѣе совершеннаго или просто болѣе исправнаго текста, даже въ томъ случаѣ, когда превосходство извѣстныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ варианты почерпались, было очевидно, заранѣе извѣстно; а въ большей части случаевъ текстъ издавался по одному какому-либо случайному, болѣе сподручному списку, а уже затѣмъ производилось сравненіе съ другими манускриптами, и тогда только обнаруживалось взаимное между ними отношеніе. Издатели не столько были филологи, сколько богословы и юристы, наконецъ историки, и потому интересовались не столько языкомъ, сколько предметомъ сочиненій. Согласно съ этимъ достоинства коллекцій заключаются не столько въ удовлетвореніи критическимъ требованіямъ, сколько экзегетическимъ. Издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемаго автора; первостепенное значеніе придавалось латинскому переводу, а затѣмъ объяснительнымъ примѣчаніямъ; исправленіе текста отступало на задній планъ. Даже Комбефизъ и Буавенъ, которыхъ нужно считать наиболѣе дѣльными и способными издателями, ограничивали свою задачу устраненіемъ однихъ вопіющихъ недостатковъ, болѣе полное и систематическое установленіе текста, по видимому, представляя будущему времени. Однако, отъ нихъ все-таки многому могли бы поучиться и подвижнѣе работники въ данной области, потому что они ставили исправленіе текста, сколько это считали нужнымъ, въ зависимость не отъ однихъ только рукописей оригинала, но привлекали къ дѣлу и тѣхъ вторичныхъ подвижнѣе компиляторовъ, которые выписывали буквально текстъ своихъ предшественниковъ.

Въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія французскіе издатели оказали заслуги громадныя, можно сказать, безирмѣрныя; никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментарія къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ не замѣнимыми остаются и общія вспомогательныя пособія, составленные Дюканжомъ. Легко представить себѣ, сколько трудностей и всякаго рода препонъ мы встрѣчали бы при чтеніи любого византійца XI или XII вѣка, еслибы путь не былъ расчищенъ французами; мы осуждены были бы ощупью и не вдругъ добираться до самаго первоначальнаго пониманія географической и племенной номенклатуры писателя, чтобы узнать, кого онъ разумѣетъ подъ скинами и персами, сарматами и саракинами, кельтами и тавроскинами, не говоря уже о явно искаженныхъ новогреческихъ формахъ въ передачѣ собственныхъ именъ отдѣльныхъ историческихъ личностей изъ рода франковъ. Если насъ теперь не особенно останавливаютъ и не повергаютъ въ окончательное уніиѣ названія многочисленныхъ византійскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, равнаго рода логоетовъ и доместиковъ, предъ которыми знакомство съ аттической прозой оставляетъ насъ совершенно безпомощными, то опять-таки потому, что при любомъ изданіи мы найдемъ небольшой объяснительный словарь, удовлетворяющій первому простѣйшему запросу. Можно было бы долго продолжать перечисленіе такихъ устранимыхъ камней преткновенія. Замѣтимъ только, что въ виду такихъ заслугъ легко можно простить встрѣчающіеся по мѣстамъ недочеты и промахи. Пользя биваетъ требовать полнаго и всесторонняго знанія тамъ, гдѣ дѣло изученія только начинается и гдѣ въ первый разъ раскрываются источники знанія. Не по своей винѣ самъ Дюканжъ не успѣлъ ознакомиться съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго о придворномъ чинѣ, которое во многомъ дополнило бы и отчасти исправило его представленія какъ о топографіи Константинополя, такъ и о многихъ другихъ спеціальныхъ явленіяхъ византійскаго быта. Отчасти вслѣдствіе незнакомства съ Морейскою хроникою, а еще болѣе вслѣдствіе совершенно темныхъ и недостаточныхъ представленій о славянствѣ, о его роли въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и объ его современномъ положеніи, переводчики не узнавали славянъ тамъ, гдѣ они прямо выводятся на сцену. „Славянскихъ Древностей“ Шафарика вѣдь еще не появлялось, о теоріи Фальмерайера не было и слуху. Благодаря тому и возможенъ былъ такой переводъ, что вмѣсто обращенія Пелопоннеса въ славянскую

страну говорилось въ латинскомъ текстѣ о порабощеніи полуострова; вмѣсто неприятнаго греку славянскаго лица являлось какое-то другое, сморщенное. Слова Константина Багрянороднаго (въ еемахъ): ἐσθλαβῶθη πᾶσα ἡ χώρα въ латинскомъ переводѣ будто бы значать: *ceterum in servitutem redacta fuit universa regio*, и γαρσσοειδής ὄψις ἐσθλαβωμένη, насмѣшливое и бранное прозваніе, данное природнымъ греческимъ остроумцемъ уроженцу Пелопоннеса, будто бы значило *victa facies in servitutem redacta*⁴. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и болгарскіе болін, боляре, βολιάδες, могли быть приняты за военныя метательныя машины, потому что для уразумѣнія слова служило пока только его видимое этимологическое сродство съ греческимъ глаголомъ βάλω. Подобныя вещи въ свое время были простительны, онѣ перестали быть такими только въ настоящемъ столѣтіи. Но развѣ ихъ больше не встрѣчается?

Вскорѣ послѣ того, какъ заключилась серія парижской коллекціи византійцевъ, почувствовалась потребность новаго ихъ изданія. Этой потребности должна была удовлетворить предпринятая въ 1722 году книгопродавцемъ Яварною въ Венеціи перепечатка парижскаго собранія, все-таки съ посвященіемъ королю Испанскому Филиппу V, внуку Людовика XIV¹⁾. Почти ничего хорошаго о венеціанскомъ изданіи не приходится сказать, кромѣ развѣ того, что здѣсь въ первый разъ появилось сочиненіе Генесія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, и что здѣсь подверглось пересмотру и нѣкоторому дополненію совершенно второстепенное добавленіе парижской коллекціи, извѣстное подъ именемъ Восточной хроники Петра Рахоби, составленное Авраамомъ Екхелепскимъ (см. выше). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи къ изяществу внѣшности, красотѣ и четкости шрифта это будетъ шагъ назадъ. Самое худшее то, что текстъ вслѣдствіе плохой корректуры страдаетъ большими неисправностями, иногда совсѣмъ почти не годенъ, какъ въ изданіи Малала. Венеціанскимъ изданіемъ можно пользоваться только по необходимости, когда нельзя имѣть подъ руками лучшаго, то-есть, ни парижскаго, ни боннскаго. Кто имъ пользуется все-таки долженъ оговариваться и, кромѣ того, означать число страницъ парижскаго изданія, которое повторяется на поляхъ какъ въ венеціанскомъ, такъ и въ боннскомъ.

¹⁾ *Byzantinae historiae scriptores in unum corpus redacti et cet. gr. et lat.* 23 (иногда 27 или 37) tomi—Venetiis. Iavarina. 1722—1733.

Переходимъ къ обобрѣнію отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ независимо отъ луврской коллекціи и въѣ Франціи, въ Англій и Германіи. Здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и начать съ хроники, которая появилась нѣсколько ранѣе означеннаго въ заглавіи періода, именно въ концѣ XVII столѣтія. Разумѣемъ хронографію Іоанна Малалы (Joannis Malalae chronographia).

Собраніе греческихъ рукописей Оксфордскаго университета (Bodleiana), прибрѣтенныхъ въ Италіи изъ бібліотеки Бароччи, содержитъ въ себѣ единственную извѣстную рукопись хроники Іоанна Малалы. Ученые изслѣдователи XVII столѣтія при своихъ ревностныхъ занятіяхъ древнею хронологіею не могли оставить безъ вниманія этого мало привлекательнаго писателя; въ правленіе Карла I имъ занимались одинъ въ слѣдъ за другимъ двое изъ оксфордскихъ ученыхъ,— Грегори (John Gregory † 1646) опредѣлилъ имя автора хроники; хотя рукопись не имѣла ни заглавія, ни начала, ни конца, но онъ убѣдился и показалъ, что именно изъ этой хроники приводятся цитаты въ другихъ византійскихъ произведеніяхъ, называющихъ цитуемаго автора Іоанномъ Малалю. Е. Чайлмидъ (Edm. Chilmead), знатокъ музыки и ученый математикъ, перевелъ хронику на латинскій языкъ и присоединилъ свои примѣчанія, но онъ не успѣлъ издать ея, такъ какъ при виватаціи, назначенной парламентомъ въ 1648 году, онъ за свои роялистическія убѣжденія былъ удаленъ изъ коллегіи Христовой церкви (Christ Church College) и умеръ въ 1653 году, прежде чѣмъ представилась возможность вновь обратиться къ прежнимъ занятіямъ. По прошествіи почти сорока лѣтъ кураторы издательскаго университетскаго фонда, завѣщаннаго архіепископомъ Кентерберійскимъ Шольдономъ (при Карлѣ II), рѣшили издать текстъ хроники, обработанный Чайлмидомъ. Оставаясь еще въ рукописи, хроника сдѣлалась довольно извѣстною по ссылкамъ на нее англійскихъ ученыхъ Сельдена, Ушера, Пирсона, Ллойда, Гѣмфри Годи (Humphrey Hody), тьюторъ въ одной изъ университетскихъ коллегій (Wadham college), извѣстный своими близкими отношеніями и дружбою со знаменитымъ филологомъ Бентли, вмѣстѣ съ коимъ онъ былъ тогда назначенъ капелланомъ при епископѣ Ворчестерскомъ, принялъ на себя обязанность написать введеніе. Онъ былъ хорошій ученый и справился со своею задачею удовлетворительнымъ образомъ; по крайней мѣрѣ тогда и долго послѣ казалось, что онъ прекрасно разрѣшилъ всѣ вопросы объ авторѣ хроники и о времени ея написанія. Высшій надзоръ за изданіемъ порученъ былъ Джону

Миллю (Mill), ректору St.-Edmund Hall'a, который оставил прочный памятник своей учености своимъ позднѣйшимъ изданіемъ Нового Завѣта. Однажды, во время прогулки вмѣстѣ съ Бентли, у нихъ зашла рѣчь о хроникѣ Малала, и Бентли, тогда еще не успѣвшій прославиться—его разсужденіе о письмахъ Фалариды, столь извѣстное въ исторіи филологин, еще не появлялось въ свѣтъ,—но обладавшій уже, не смотря на свою молодость (ему было 22 года), глубокою филологическою ученостью, выразилъ желаніе познакомиться съ книгою прежде ея обнародованія. Милль согласился, съ условіемъ, что Бентли сообщитъ письменно замѣчанія, какія ему представляются при чтеніи. Бентли получалъ корректурные листы текста хроники, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ оставить Лондонъ и отправиться къ своему епископу, то замедлилъ исполненіемъ обѣщанія, и только вслѣдствіе напоминаній и настоятельныхъ требованій Милля сообщилъ наконецъ свои замѣчанія къ Малалѣ въ формѣ письма Миллю. Въ іюнѣ 1691 года явилась хроника съ введеніемъ (Prolegomena) Годія, съ переводомъ Чайлмида на латинскій языкъ, съ примѣчаніями ихъ обоихъ и съ письмомъ Бентли въ видѣ приложения. Хотя въ исторіи просвѣщенія и науки гораздо болѣе общій и высочайшій интересъ имѣетъ то, что принадлежитъ перу гениальнаго критика-филолога, однако для нашей византійской точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ должно стоять не письмо Бентли, а Prolegomena Годія и примѣчанія Чайлмида. О послѣднихъ нужно сказать, что они отличаются довольно большую начитанность въ греческой литературѣ, не исключая тѣхъ византійскихъ авторовъ, которые уже были изданы во Франціи (Проклій, Кедринъ), но они не представляютъ особеннаго значенія, состоятъ болышюю частью въ указаніи параллельныхъ мѣстъ; дополненія, которыя понадобились, сдѣланы Годіемъ; онъ же вновь пересмотрѣлъ кодексъ и сдѣлалъ много поправокъ въ чтеніяхъ Чайлмида. Чтобы имѣть начало, недостающее въ оригиналѣ, заимствовано нѣсколько страницъ изъ другой византійской хроники, которую издатель считалъ хроникою Амартола. Всего важнѣе Prolegomena, которыя надолго опредѣлили взглядъ на значеніе хроники Малала, и такъ какъ если не своимъ историческимъ содержаніемъ, то по крайней мѣрѣ своими отношеніями къ славянской литературѣ, эта хроника имѣетъ для русскихъ ученыхъ большую цѣнность, то мы и должны остановиться на мнѣніяхъ о ней перваго издателя.

Своимъ Prolegomena Годий предпослалъ еще краткое предувѣдомленіе, гдѣ разсуждаетъ объ имени автора хроники, которое ока-

зывается сирийскимъ словомъ, означающимъ ретора или софиста, и по гречески передается *Μαλάλας* или *Μαλαλάς*; но, по мнѣнію Годія, лучше удерживать сирийскую форму *Μαλαλά*, признавая это слово несклоняемымъ. Бентли противъ такого словоупотребленія, однако, возставалъ. Первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ предисловіи, состоялъ, конечно, въ томъ, кто былъ и когда писалъ Іоаннъ Малала, называемый иногда по мѣсту своего происхожденія Антиохійскимъ. Съ начала доказывается общирно и подробно, что Іоанна Малалу не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Іоанномъ, постоянно именуемымъ Антиохійскимъ, такъ какъ и писатели ихъ отличаютъ; хотя и первый родомъ былъ также изъ Антиохіи, какъ видно изъ содержанія его хроники, а также изъ свидѣтельства Іоанна Дамаскина, однако ему обыкновенно не придается такое прозваніе, а у Константина Багрянороднаго въ его Извлеченіяхъ поставлены рядомъ, какъ два различные писателя Іоаннъ Малала и Іоаннъ Антиохійскій. Не нужно смѣшивать Малалу и съ тѣмъ хронографомъ Іоанномъ, который упомянутъ въ церковной исторіи Евагрія и былъ его современникомъ, слѣдовательно, жилъ во время Юстиніана. Фоссъ и Ф. Лаббъ называли этого послѣдняго писателя Антиохійскимъ ошибочно, потому что упоминаемый Евагріемъ историкъ происходилъ не изъ Антиохіи, а былъ Іоаннъ Епифанійскій, какъ вѣрно указалъ Валозій въ примѣчаніяхъ къ Евагрію. Далѣе исправляется ошибочное мнѣніе тѣхъ, которые считали Малалу епископомъ Антиохійскимъ—на основаніи ссылки въ третьемъ словѣ противъ иконоборцевъ, принадлежащемъ (будто бы) Іоанну Дамаскину: *Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλα*. Такая формула не всегда указываетъ на епископство въ данномъ городѣ, но нерѣдко употребляется просто для обозначенія принадлежности къ гражданамъ или жителямъ названнаго города. Притомъ въ спискахъ Антиохійскихъ патріарховъ въ промежутокъ времени между Анастасіемъ Синаитомъ, который писалъ въ концѣ VI вѣка, и XI столѣтіемъ не встрѣчается никакихъ Іоанновъ; при этомъ цитуются каталоги патріарха Никифора и Евтихія Александрійскаго. Устраняются, сверхъ того, явно неудачныя предположенія Комбефиза, который готовъ былъ отождествлять Малалу съ Іоанномъ Діакрипоменомъ и другимъ Іоанномъ-Пресвитеромъ, между тѣмъ какъ оба они писали ранѣе Анастасія, предшественника Юстиніана, о царствованіи котораго уже повѣствуется въ хроникѣ Малалы. Переходя къ вопросу, кто же былъ и когда жилъ нашъ Іоаннъ Малала, Годі указываетъ на мнѣніе Чайлмида и Ллойда о современности Малалы съ царствованіемъ

Юстиніана, но сейчас же оговаривается, что никакъ нельзя съ увѣренностью утверждать, будто онъ кончилъ писать въ 38-мъ или 37-мъ году правленія этого государя; если хроника и кончается въ самомъ дѣлѣ этими годами, то нужно знать, что единственный дошедшій до насъ экземпляръ (Baroccianus) Воддеовой бібліотеки—неполный, съ утраченными въ концѣ листами. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Малала писалъ раѣе 900 года, ибо его сочиненіе приводится въ Извлеченіяхъ Константина Багрянороднаго. Но едва ли онъ былъ современникомъ Юстиніану и сомнительно, чтобы онъ трудился вскорѣ послѣ его смерти. Противъ этого говоритъ, напримѣръ, то, что по поводу событія, относящагося къ началу царствованія Юстиніана, къ 528 году, Малала ссылается на документы городского антиохійскаго архива, а не на какія-либо сообщенія очевидцевъ и современниковъ. Рѣчь идетъ о переименованіи Антиохіи въ Θεοῦπολις, и вотъ съ какимъ замѣчаніемъ: въ хартияхъ, сохранившихся въ себѣ акты города, было найдено, что жители сочувственно приняли переименованіе и заявили о своей радости громкими восклицаніями. Болѣе позднее время автора доказывается и тѣмъ, что въ изложеніи царствованія Юстиніана, хотя и довольно подробно, часто допускаются ошибки, а иногда обнаруживается несомнѣнная путаница. Годы приводитъ много тому примѣровъ, обличая промахи на основаніи Прокопія, на основаніи новеллъ и надписанія приводимыхъ въ Кодексѣ узаконеній. Далѣе, и это будетъ уже третій пунктъ, Малала иногда проходитъ молчаніемъ важныя и близко касающіяся его родины событія, относящіяся ко времени Юстиніана, напримѣръ, взятіе Антиохіи Сассанидскимъ царемъ Хозроемъ Нуширваномъ (въ 542 году). Правда, что въ латинскомъ переводѣ хроника Малалы, сдѣланномъ Чайлмидомъ, встрѣчаются мѣста, какъ бы указывающія на современность автора событіямъ времени Юстиніана, но Годы доказываетъ, что эти мѣста внушаютъ такое представленіе только по неточности или неправильности перевода.

Аргументы, приводимые ученымъ XVII столѣтія въ доказательство того положенія, что Малала писалъ позднѣе Юстиніана, не лишены, конечно, смысла, даже и теперь сохраняютъ нѣкоторый вѣсъ, но, кромѣ перваго, они ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что, какъ теперь яснѣе раскрылось, трудъ Малалы въ Оксфордскомъ спискѣ сохранился не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, что помимо пропавшихъ листовъ въ концѣ, въ немъ есть пропуски и по срединѣ. Отчасти приводило къ догадкѣ о пропускахъ и сравненіе греческаго

подлинника со славянскимъ переводомъ, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ—впрочемъ первоначально только русскимъ ученымъ; но болѣе важныя открытія, какъ видно будетъ ниже, относятся къ самому новому времени. Пропуски и ошибки могутъ принадлежать не первоначальному оригиналу, а переработкѣ или сокращенію.

Совсѣмъ неудачны были дальнѣйшія разсужденія Годія. Онъ старается доказать, что Малала, мало того, что не былъ современникомъ Юстиніана, но и принадлежалъ къ гораздо позднѣйшей эпохѣ, что онъ жилъ не ранѣе VIII вѣка, скорѣе даже въ IX вѣкѣ, такъ какъ-де ссылается на хронографа Климента, а этотъ Климентъ будто бы жилъ не ранѣе императора Константина Погопата († 685). На чемъ основано послѣднее предположеніе? Въ хронологическихъ замѣткахъ о Константинопольскихъ древностяхъ (*Enagtiōnes chrono-logicae*), тогда извѣстныхъ по изданію Ламбеція, сказано, что извѣстнаго рода статуи Климентъ считалъ произведеніемъ Констанція, сына Константина (см. *Banduri, Imperium orientale I, 102*). Обыкновенно разумѣютъ здѣсь Константина Великаго и его сына императора Констанція, и конечно, справедливо. На основаніи нѣкоторыхъ ухищренныхъ соображеній, Годіи полагаетъ, что подъ Константиномъ слѣдуетъ разумѣть Константина Погопата. Рядомъ съ Климентомъ у Малалы приводится нѣсколько разъ имя Теофила: сего Теофила Годіи вздумалъ отождествлять съ какимъ-то маронитомъ этого имени, уроженцемъ Едессы, упомянутымъ у Абульфараджа, и написавшимъ какое-то сочиненіе на сирійскомъ языкѣ около 785 года. Годію, вѣроятно, было не извѣстно существованіе другаго Теофила, составителя Пасхальнаго цикла около 380 года, находимаго въ рукописяхъ вслѣдъ за *Fasti Idatiāni* ¹⁾; по характеру цитатъ нужно предполагать именно такое произведеніе, но, конечно, оно будетъ гораздо болѣе раннимъ. Тимоеей, именуемый у Малалы въ товариществѣ съ Климентомъ и Теофиломъ, упомянутъ въ Фастахъ Идація подлѣ 390 годовъ ²⁾. На этихъ самыхъ Климента, Теофила и Тимоеея ссылается Гезихій въ отрывкѣ, который сохраненъ для насъ Анастасіемъ Синаитомъ и представляетъ большое сходство съ текстомъ Малалы. Если Гезихій цитовалъ Анастасій Синаитъ, то значить, Гезихій жилъ и писалъ не позже Маврикія, при которомъ жилъ

¹⁾ *Holder-Egger, Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts, Neues Archiv II, 70, 71, 84.*

²⁾ *Ibid., II, 70. Cp. Soerat. eccles. histor. IV, 27; V, 12.*

последній. Простекающее отсюда возраженіе противъ его соображеній о времени Теофила и Климента Годи старается устранить тѣмъ замѣчаніемъ, что имѣющійся въ виду фрагментъ Гезихія находится не въ самомъ текстѣ Анастасія, а въ приложеніи, гдѣ будто бы есть вставки; онъ готовъ доказывать, что Гезихій тоже былъ писатель гораздо болѣе поздній, чѣмъ думаютъ. IX приблизительно вѣка, такъ что тотъ отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Теофилѣ и Климентѣ, онъ могъ заимствовать у Малахи, своего современника. Все это весьма произвольно ¹⁾.

Самый характеръ сочиненія, по мнѣнію Годія, свидѣтельствуетъ о принадлежности его къ очень позднему вѣку, къ чисто византійскому періоду. Нашъ авторъ до такой степени лишенъ прямого смысла и чуждъ здраваго человѣческаго сужденія, до такой степени пустъ и мелоченъ, такъ дорожитъ всякимъ вздоромъ, что къ нему вопли идутъ слова Скалигера, сказанными о другомъ хронистѣ Бедрипѣ: *quisquiliatum stabulum*, куча сору. Такъ не могъ писать современникъ Юстиніана, современникъ Прокопія и Агаѳія, писателей, еще сохранявшихъ лучшія преданія классическаго искусства; такой писатель достоинъ развѣ только IX вѣка, одного изъ наиболѣе темныхъ и печальныхъ въ исторіи. Самый слогъ и языкъ носятъ печать варварства, чужды всякаго изящества, еще не утраченнаго въ вѣкѣ Юстиніана. Эти замѣчанія Годія не лишены основательности, хотя противъ нихъ высказался уже Рейске, филологъ XVIII вѣка (издатель *De sermone* Константина Багрянороднаго, см. ниже): Годию не слѣдовало забывать, что онъ имѣетъ дѣло не съ урожденнымъ грекомъ, а жалкимъ сирійцемъ, *homo Syrus*; а съ другой стороны, развѣ въ IX вѣкѣ въ Сиріи преобладалъ не арабскій языкъ, а сирійскій, и развѣ тогда могли еще даваться прозванія на сирійскомъ языкѣ? Годию слѣдовало бы сравнить по языку своего Малаху съ Іоанномъ Антиохійскимъ, по онъ этого не сдѣлалъ; новѣйшій исследователь вопроса пришелъ такимъ путемъ къ весьма важнымъ выводамъ, отчасти въ такомъ же направленіи, какъ въ *Prolegomena* Годія ²⁾.

¹⁾ Къ удивленію нашему, и Гельцеръ въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи объ Африканѣ склоняется къ мнѣнію, что Гезихій, по его представленію жившій ранѣе Юстиніана и Маврикія, заимствовалъ данное мѣсто у Малахи. *Gelszer, Sextus Iulius Africanus* (Leipzig, 1880) II, 132.

²⁾ Не ясно, къ какому времени Годи относитъ Іоанна Антиохійскаго. Онъ приводитъ одно мѣсто изъ *Chiliad*. II, v. 30—31, гдѣ упоминаютъ

Затѣмъ Годи старается отклонить возможные и предусматриваемыя имъ возраженія противъ своего тезиса о принадлежности Малалы IX вѣку. Противъ этого можетъ говорить: 1) подробность и хронологическая обстоятельность въ повѣствованіи о времени Юстиніана и приуроченій отдѣльныхъ событій не только къ годамъ, но къ мѣсяцамъ и днямъ; 2) то обстоятельство, что Малала не называетъ Юстиніана Старшимъ или Великимъ (что именно первоначально и означало только старшинство предъ повѣдѣйшимъ соименникомъ), какъ обязанъ былъ бы сдѣлать, еслибы имѣлъ въ виду еще позднѣйшее правленіе Юстиніана Ринотмета (VII вѣка); 3) то, что на Малалу ссылается Іоаннъ Дамаскинъ въ третьей книгѣ своего сочиненія о поклоненіи иконамъ, а извѣстно, что Дамаскинъ принадлежитъ къ VIII вѣку, никакъ не къ девятому, и наконецъ, 4) то, что въ Пасхальной хроникѣ, составленной въ VII столѣтіи, во время Ираклія, уже встрѣчаются явныя заимствованія изъ Малалы. Противъ этого Годи замѣчаетъ: 1) подробность и обстоятельность Малалы въ описаніи царствованія Юстиніана объясняется не тѣмъ, что онъ былъ современникомъ сего государя, а только тѣмъ, что пользовался современными и хорошими источниками; 2) если онъ не называетъ Юстиніана I Старшимъ или Великимъ, то это чисто случайное явленіе, не имѣющее значенія—въ виду того, что и Юстина I, предшественника Юстиніанова, онъ не называетъ Старшимъ или Великимъ, хотя, конечно, дожилъ до времени втораго Юстина, непосредственнаго преемника Юстиніанова; 3) принадлежность третьей книги объ иконахъ Іоанну Дамаскину сомнительна, ибо есть много другихъ произведеній, ложно подписываемыхъ именемъ Дамаскина.

Если первые два отвѣта на предполагаемыя возраженія можно признать правильными, то третій, сейчасъ приведенный, не состоятеленъ. Третья книга Дамаскина совсѣмъ не отличается по содержанию отъ предыдущей второй; но еслибы даже она и не принадлежала Іоанну Дамаскину, то отъ этого никакой пользы Годию нельзя было,

Іоаннъ изъ Антиохіи послѣ Діодора и хронографа Георгія, и готовъ приписать въ очень точномъ смыслѣ выраженія византийскаго стилогета (ὀστρόγος), изъ котораго выходитъ, что Іоаннъ Антиохійскій жилъ послѣ Георгія — Симеона, думаетъ Годи, то-есть, опять въ IX вѣкѣ; но на этомъ соображеніи не останавливается, такъ какъ оно важно только для тѣхъ, кто полагаетъ, что у Теццеса подъ Іоанномъ изъ Антиохіи разумѣется Малала, а самъ Годи этого не думаетъ и потому ограничивается только тѣмъ, что рекомендуетъ аргументъ на всякій случай своимъ читателямъ, во всякомъ случаѣ не вслѣдствіе несогласія съ нимъ.

по настоящему, извлечь для своихъ цѣлей, потому что, какъ послѣ указала Леккѣнъ (1, 306, а за нимъ Диндорфъ), обѣ книги—вторая и третья—написаны во всякомъ случаѣ при Львѣ Исаврѣ, послѣ низложенія патриарха Германна, но прежде чѣмъ противъ царя провознесено было на востокъ рѣшительное осужденіе. 4) О Паскальной хроникѣ Годій разсуждаетъ такъ, что вѣдь и въ ней замѣчаются различныя составныя части, и есть въ ней позднѣйшія большія вставки, слѣдовательно, и то, что есть въ ней общаго съ Малалою, могло быть вставлено позднѣе; притомъ нужно припомнить, что и самъ Малала списывалъ у другихъ, какъ это видно изъ несообразностей въ изложеніи, хотя и подробномъ, царствованія Юстиніана; Паскальная хроника могла случайно напасть на тѣ же источники, которыми пользовался и Малала, если ей еще рано было заимствоваться прямо у Малалы. Нѣкоторую благовидность такому явно неправдоподобному предположенію придаетъ то наблюденіе, сдѣланное Годіемъ и доказывающее его проникательность и внимательность изученія, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ общаго съ Малалою содержанія Паскальная хроника отличается, при буквальной сходствѣ выраженій, все-таки большею полнотою разказа и большею его послѣдовательностью. Но и это наблюденіе не послужитъ въ пользу тезиса, защищаемого Годіемъ, какъ скоро мы допустимъ, что авторъ Паскальной имѣлъ въ своихъ рукахъ лучшую, болѣе полную и болѣе первоначальную редакцію Малалы, чѣмъ та, которую намъ сохранилъ списокъ Бодлеевой библіотеки.

Вопросъ о Малалѣ вступилъ въ новую стадію послѣ появленія (въ 1872 г.) статьи Моммсена „Объ отрывкахъ Іоанна Антиохійскаго и Іоанна Малалы“¹⁾, въ которой сообщены были въ болѣе полномъ видѣ отчасти уже приведенные въ извѣстность (Müller, Fragm. Historie. graec. t. V) фрагменты обонхъ, вновь найденные въ Мадридскомъ кодексѣ. Мадридскій кодексъ содержитъ въ себѣ очень рѣдкій въ рукописяхъ отдѣлъ (титулъ) Извлеченій Константина Багрянороднаго изъ предшествовавшихъ писателей, именно отдѣлъ о заговорахъ (καὶ ἐπιβουλαῖν), и вотъ—нѣкоторые случаи, могущіе подойти подъ категорію заговоровъ и относящіеся ко времени Юстиніана, заимствованы здѣсь изъ Малалы. Непосредственно выше читаются отрывки изъ Іоанна Антиохійскаго—безъ особаго указанія, гдѣ кон-

¹⁾ Th. Mommsen, Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas: *Herms VI* (1872), 323—383.

чуются одни и начинаются другіе, ибо въ рукописи въ промежуткѣ оставлено только пустое мѣсто, а предполагаемаго заглавія, для слѣдующаго за Іоанномъ Антиохійскимъ писателя нѣтъ. Есть только заглавіе въ началѣ отрывковъ Іоанна Антиохійскаго, указывающее имя этого писателя, и есть замѣчаніе въ концѣ отрывковъ изъ другаго писателя, указывающее, что здѣсь конецъ исторіи Іоанна по прованію Малалы о заговорѣ (τέλος — — περί ἐπιβουλῆς). Другими словами: нѣтъ замѣтки о томъ, что въ данномъ пунктѣ кончилась исторія Іоанна Антиохійскаго, и нѣтъ другой замѣтки тутъ же, что начались выписки изъ Малалы; тѣмъ не менѣе, кромѣ остальнаго чистаго мѣста въ промежуткѣ, о раздѣльности частей свидѣтельствуеъ и хронологическій поворотъ назадъ въ статьяхъ, слѣдующихъ за пробѣломъ и оканчивающихся означенною замѣткою объ окончаніи исторіи Малалы. Это обстоятельство не лишено значенія, и потому мы его отмѣтили. Но главнымъ образомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее: фрагменты Іоанна Антиохійскаго, давно известнаго и отличнаго отъ Малалы хронографа, къ сожалѣнію, совсѣмъ не дошедшаго до насъ въ самостоятельномъ, отдѣльномъ видѣ, простираются въ Мадритскомъ кодексѣ далѣе времени Юстиніана и Юстина II; тутъ оказываются три статьи, относящіяся къ императору Маврикію и двѣ къ императору Фокѣ. Отчего же извлеченія изъ Малалы, первоначально параллельныя, не идутъ столь далеко? Очевидно, потому, что Малала не разказывалъ о томъ, о чемъ разказывалъ Іоаннъ Антиохійскій. Вѣдь компиляторы, работавшіе для Константина Багрянороднаго, не стѣснялись повторять одно и то же по содержанію, напротивъ съ особенною охотою сообщали различныя, даже совершенно близкія, версіи одного и того же разказа у различныхъ писателей; есть много событій изъ предыдущаго времени, о которыхъ намъ самыя Извлеченія даютъ возможность знать и по Іоанну Антиохійскому, и по Малалѣ. Поэтому, казалось, съ полнымъ правомъ Моммсенъ указывалъ на то, что мадритскіе отрывки независимо отъ оксфордской рукописи (не имѣющей, какъ мы знаемъ, конца) даютъ возможность отвѣчать на оба вопроса, и притомъ вполне достоверно: и чѣмъ кончилъ свою исторію Малала, и когда онъ жилъ. Хотя отрывки идутъ нѣсколько далѣе въ предѣлахъ царствованія Юстиніана, чѣмъ нашъ оксфордскій текстъ, но только на нѣсколько лѣтъ, и очень вѣроятно, что пробѣлъ въ концѣ кодекса восполняется ими почти вполне. А что авторъ ихъ жилъ вскорѣ послѣ Юстиніана, всего скорѣе при Юстинѣ II, это стано-

вится еще болѣе, чѣмъ прежде, очевиднымъ изъ самаго характера фрагментовъ. Именно: Моммсенъ указалъ на то еще болѣе важное обстоятельство, что Константиновы извлеченія изъ Малалы особенно въ концѣ, то-есть, въ восемнадцатой книгѣ его исторіи, представляютъ текстъ во многомъ отличный отъ оксфордскаго, и притомъ не то чтобы болѣе сжатый, а напротивъ болѣе полный и подробный, и несравненно болѣе исправный, чѣмъ текстъ прежде напечатанный Годіемъ. Въ этомъ видѣ извѣстія Малалы становятся несравненно болѣе цѣнными, носятъ на себѣ всѣ признаки современности и во всякомъ случаѣ являются самостоятельными, такъ какъ нигдѣ изъ нихъ ни у кого другаго изъ болѣе раннихъ писателей не встрѣчаются. Что же касается отношенія къ позднѣйшимъ хроникамъ, то при сравненіи мадритскихъ отрывковъ съ соотвѣствующими мѣстами Теофана, который несомнѣнно пользовался Малалой, на первый взглядъ представлялось, что отрывки содержатъ въ себѣ именно ту редакцію или тотъ текстъ, какой былъ подъ руками у Теофана, потому что сходство между вновь отысканными фрагментами и Теофаномъ несравненно больше, чѣмъ сходство между оксфордскимъ текстомъ Малалы и Теофаномъ. Послѣдовалъ рядъ статей, въ которыхъ указанія Моммсена получили дальнѣйшее развитіе. Одинъ изъ ученыхъ подвергъ точному изслѣдованію оксфордскій (Бароччянскій) кодексъ и убѣдился, что находящіяся въ немъ пробѣлы—такіе есть не только въ концѣ, но и въ среднѣхъ,—произошли просто отъ выпаденія листовъ въ разныхъ мѣстахъ, и что въ самомъ концѣ утрачено, судя по вѣнскимъ признакамъ, очень не многое, такъ что и по матеріальнымъ даннымъ разказъ не могъ выходить изъ предѣловъ времени Юстиніана ¹⁾. Другой ученый продолжалъ сравненіе Теофана съ Малалой по отрывкамъ и старался наглядно доказать ближайшее сходство именно между ними и текстомъ Теофана, откуда и заключалъ, что Теофанъ пользовался болѣе полною редакціей Малалы, чѣмъ изданная по оксфордскому списку, что послѣдній представлялъ уже переработку и сокращеніе первоначальной редакціи; сверхъ того, этотъ ученый считалъ возможнымъ прослѣдить, до какого именно пункта достигаетъ у Теофана пользованіе Малалой, чтобы этимъ путемъ въ то же время рѣшить вопросъ о пунктѣ, на которомъ оканчивалось сочиненіе Малалы, и результатъ оказывался совпадающимъ съ тѣмъ, что думали

¹⁾ К. Joh. Neumann, Der Umfang der Chronik des Malalas in der Oxforder Handschrift: *Hermes* XV, 851.

прежде и что вновь высказалъ Моммсенъ ¹⁾. Третій нѣмецкій изслѣдователь наконецъ вывелъ на сцену давно извѣстный русскимъ ученымъ старославянскій переводъ Маламы, о которомъ прежде предполагалось; что онъ можетъ содѣйствовать къ восполненію недостающаго въ подлинникѣ пачала и къ исправленію недостатковъ Оксфордскаго изданія ²⁾. Болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ русской наукѣ и нѣкоторыя важныя указанія для дальнѣйшей разработки вопроса сообщены были по этому поводу И. В. Ягичемъ ³⁾. На основаніи этой

¹⁾ *L. Jeep. Die Lücken in der Chronik des Malalas; Rheinisches Museum für Philologie* XXXVI (1881), pag. 351—361.

²⁾ *Herrm. Haupt, Ueber die altslavische Uebersetzung des Joh. Malalas; Hermes* XV, 230—275.

³⁾ *Jagic, Zum altslavischen Malalas; ibid.*, 335—337. Цѣльнаго славянскаго перевода Маламы, который сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ при болгарскомъ князѣ Самеонѣ, до насъ не дошло, а сохранились только его отрывки болѣе или менѣе значительныя въ разныхъ сборникахъ. Первымъ, кто обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ у насъ извѣстными имя Маламы, былъ кн. Оболенскій. Въ своемъ введеніи къ изданному имъ лѣтописцу Переяслава Суздальскаго (*Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей IX, 1851 г.*) онъ описываетъ сборникъ XV вѣка (Московского главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), содержащій въ себѣ, кромѣ лѣтописи, и значительныя извлеченія изъ хроникъ Маламы, доходящія здѣсь до времени Веспасіана, то-есть, только до десятой книги подлинника. Въ статьѣ князя Оболенскаго приводятся многіе отрывки, сопоставленные съ греческимъ оксфордскимъ подлинникомъ. Тотъ же самый сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ описывается у *И. П. Срезневскаго* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ, LXXXIV (*Записки Императорской Академіи Наукъ 1819 г., томъ XXIV, приложение*). Въ сочиненіи *А. Н. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи (Москва. 1866) содержатся указанія на мѣста, вошедшія изъ Маламы въ первый *Ближній лѣтописецъ*, и тоже приведены нѣкоторыя статьи. Замѣтъ о Маламѣ говорится въ „Изслѣдованіяхъ и замѣткахъ“ князя М. А. Оболенскаго (С.-Петербургъ. 1875 г.), стр. 144, и здѣсь еще разъ приведены нѣкоторыя выписки стр. 302, 303, 328, 329. Последнія изъ нихъ относятся къ позднѣйшему времени, къ царствованію Юстиніана, и заимствованы изъ Ближняго лѣтописца (по синодальной рукописи). Князь Оболенскій замѣтилъ, что въ славянскомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя мелкія отличія отъ греческаго текста по Оксфордской рукописи, болѣе сближающія славянскій текстъ съ изложеніемъ Θεοφάνη (имена гунаскихъ князей, пропущенныя въ изданіи Годіа, находятся въ славянскомъ и у Θεοφάνη). Наконецъ, въ „Описаніи рукописей Виленьской публичной бібліотеки“ *Добрянскаго* (Вильна, 1882) описывается (стр. 246—254) хронографъ, принадлежавшій прежде Супрасльскому монастырю и очевидно родственный по содержанию съ первою частію сборника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то-есть, содержащій въ себѣ извлеченія

статьи можно пока сказать только то, что славянскій переводъ отстываетъ на второй планъ въ виду вновь открытыхъ подлинныхъ отрывковъ, и что, помимо начала онъ не представляетъ важныхъ данныхъ и совершенно ясныхъ указаній по поводу возбужденныхъ вопросовъ, то-есть, какъ по вопросу о первоначальномъ текстѣ, такъ и по вопросу объ объемѣ сочиненія Малалы. Кажется, что тѣ его части, которыя вошли въ составъ Еллинскаго хронографа, гораздо ближе къ оксфордскому тексту, чѣмъ къ тексту Извлеченій Вагрянороднаго, хотя есть легкія отличія и отъ перваго. Что же касается важнѣйшаго московскаго списка, представляющаго переводъ Малалы времени Волгарскаго царя Симеона, то къ сожалѣнію, онъ включаетъ въ себѣ только начальныя части хроники, гдѣ не представляется возможности сравненія съ текстомъ фрагментовъ. Впрочемъ, на указанныхъ изслѣдованіяхъ дѣло не остановилось. Мы еще должны отмѣтить замѣчательную статью ученаго грека (въ Одессѣ), г. Сотиріадиса объ Іоаннѣ Антиохійскомъ¹⁾. Для вопроса о Малалѣ всего болѣе имѣетъ значеніе критическое разсмотрѣніе тѣхъ отрывковъ мадритской рукописи, которые приписаны Іоанну Антиохійскому и простираются за предѣлы царствованія Юстиніана. Вопреки Момсену, Сотиріадисъ полагаетъ, что они никакъ не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, а напротивъ, должны быть отнесены на счетъ Малалы, такъ что вновь пріобрѣтенная, казалось, твердая почва опять колеблется. Малалѣ должны принадлежать и тѣ вышеупомянутые фрагменты о царяхъ Маврикіѣ и Фокѣ, что снова отбрасываетъ насъ если не въ IX столѣтіе, какъ хотѣлъ Годій, то по крайней мѣрѣ въ VII, въ эпоху Ираклія. На чемъ же основаны такія заключенія? Внимательно изучивъ отрывки Іоанна Антиохійскаго, несомнѣнно и безспорно ему принадлежанцію, Сотиріадисъ показываетъ убѣдительно и наглядно, что стиль и языкъ этихъ статей совершенно другой, чѣмъ въ статьяхъ о Юстинѣ II, о Маврикіѣ и Фокѣ. Іоаннъ Антиохійскій является писателемъ, не лишнимъ вкуса, не чуждымъ классическаго образованія; онъ всегда соблюдаетъ требованія чистоты и правильности языка, держится съ успѣхомъ традицій аттической прозы. Если сравнить несомнѣнно ему принадлежанцію статьи съ таковыми же статьями Малалы, особенно

въ Малалы. Отрывокъ о *Сотиріадисѣ*, составляющій славянскую дополнительную статью и здѣсь приведенный, былъ уже напечатанъ княземъ Оболенскимъ въ предисловіи къ Перевелавле-Суваляскому автописцу.

¹⁾ *Georgios Sotiriadis. Zur kritik des Johannes von Antiochia. Leipzig, 1887.*

однороднаго содержанія, то окажется весьма рѣзкая разни́ца въ изложеніи; въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что тутъ цѣлая пропасть: вмѣсто чистоты и благородства выраженія являются безпомощная грубость и варварство. Но именно такая же совершенно грубость и варварство отличаютъ и отрывки о Маврикіѣ и Фокѣ, найденныя въ мадритскомъ спискѣ и стоящіе въ немъ подъ рубрикою Іоанна Антиохійскаго. Однимъ словомъ, Сотиріадисъ полагаетъ, что тутъ произошла какая-нибудь путаница, какал-нибудь случайная перестановка, вслѣдствіе которой перемѣшаны статьи двухъ писателей, и часть того, что принадлежало Малагѣ, отнесена въ долю Іоанна Антиохійскаго. Съ своей стороны мы должны признаться, что выводы и соображенія ученаго одесскаго грека, не смотря на многія блестящія стороны исслѣдованія, не во всемъ кажутся намъ рѣшительными и вполне убѣдительными. Что отрывки о Юстинѣ, Маврикіѣ и Фокѣ, судя по литературнымъ признакамъ, не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, съ этимъ приходится согласиться, но что они принадлежатъ именно Малагѣ, это еще сомнительно. Могло быть и такъ, что Іоаннъ Антиохійскій имѣлъ своего особаго продолжателя, который уже не умѣлъ такъ хорошо писать, какъ онъ самъ, и который, конечно, жилъ позже. Очень обыкновенное дѣло, что продолженіе, особенно если это незначительная по относительному объему прибавка, при повдѣйшемъ пользованіи не отличается отъ основной части цѣлаго произведенія. Возможно даже и другое, обратное предположеніе, что именно Іоаннъ Антиохійскій былъ продолжателемъ, окончивавшимъ хроніку и сообщившимъ ей имя, и что лучше написанная часть сочиненія представляетъ плагіатъ у невѣстнаго намъ, болѣе ранняго и болѣе образованнаго автора. Еслибы какимъ-нибудь другимъ путемъ было доказано съ полною очевидностью, что Малака жилъ не ранѣе времени Ираклія, то конечно, не зачѣмъ было бы искать другаго Іоанна, тоже жившаго при Иракліѣ и писавшаго предполагаемое продолженіе. Но развѣ это сдѣлано? Г. Сотиріадисъ, правда, для подкрѣпленія своихъ соображеній, основанныхъ на изученіи языка и стиля, обращается къ старому аргументу Годія—о невозможности, чтобы уроженецъ Антиохіи и современникъ царствованія Юстиніана говорилъ о событіяхъ, касающихся этого города и этого времени, на основаніи архивныхъ данныхъ. Но сила этого аргумента ослаблена теперь тѣмъ, что самый текстъ Малаки по оксфордскому списку представляется сомнительнымъ относительно своей совершенной подлинности; можетъ быть, повдѣйшій редакторъ

нѣсколько переначилъ выраженія первоначальнаго автора. Что же касается догадки, что эпитоматоръ Малалы жилъ послѣ 687 года, послѣ распространенія болгаръ по Балканскому полуострову, послѣ занятія ими не только Мезіи, но и долинъ Аксія и Гебра (Вардара и Марицы), то эта догадка, сама по себѣ правдоподобная, основана въ диссертациі на весьма непрочномъ фундаментѣ ¹⁾. Окончательный выводъ изъ всего вышеизложеннаго тотъ, что оксфордское изданіе Малалы, повторенное безъ измѣненій и въ боннскомъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ критическихъ, а также для доставленія историкамъ возможности пользоваться этимъ источникомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ предполагалось,—прежде всего необходимо новое изданіе, въ которомъ были бы сведены всѣ существующіе въ рукописяхъ фрагменты, а также приняты въ расчетъ извлеченія или заимствованія повдѣйшихъ авторовъ, и равнымъ образомъ славянскій переводъ и славянскія компиляціи ²⁾.

Посланіе Бентли, которымъ сопровождалось изданіе Годія, не касалось собственно Малалы, какъ источника для византійской исторіи, но преимущественно оцѣнивало тѣ свѣдѣнія, какія имъ сообщаются относительно классической литературы: въ этомъ отношеніи нашъ писатель оказался весьма жалкимъ и неумѣлымъ компиляторомъ. Именно письмо Бентли утвердило за нимъ его печальную репутацію. Хотя эта сторона и не входитъ прямымъ образомъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, мы все-таки считаемъ не лишнимъ познакомиться съ со-

¹⁾ Въ настоящемъ текств Малалы (р. 122) встрѣчается сопоставленіе болгаръ съ мирмидонянами; г. Сотиріадисъ полагаетъ, что въ основѣ отождествленія лежатъ географическое тожество извѣстительства болгаръ и прежнихъ владѣній Ахиллеса, сына Пелеова—въ Фессаліи: но онъ ошибается; Левъ Діаконъ зналъ о пребываніи Ахиллеса съ его мирмидонянами гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря и ссылался при этомъ на авторитетъ Арріана—вѣроятно интерполированнаго. Атталіатъ (pag. 37) тоже зналъ мирмидонянъ гдѣ-то на сѣверѣ отъ Дуная.

²⁾ Кроме вышеупомянутыхъ статей, слѣдуетъ указать: *Gelzer*, S. Iulius Africanus (Leipzig. 1885), гдѣ во второй томъ посвящена глава ветхозавѣтной хронологіи Малалы (pag. 129—138) и статью Фрика въ юбилейномъ сборникѣ Курциуса: *Frick*, Zu Malalae. Historisch. und philolog. Aufsätze Ernst Curtius gewidmet (1884). Въ Страсбургскомъ юбилейномъ изданіи 1888 года: *Festschrift zur Feier des 350 jährigen Bestehens des protestantischen Gymnasiums (zu Strasburg)*, II Theil, появилась статья: *М. Erdmann*, Adversaria critica in Malalae chronographiam, но ны пока знаемъ о ней только по объявленіямъ въ извѣстныхъ журналахъ.

держаніемъ знаменитаго произведенія, положившаго основаніе ученой славы англійскаго филолога ¹⁾). Бентли замѣчаетъ, что вопросы о личности автора и времени, когда онъ жилъ, не входятъ въ его область, и онъ предоставляетъ ихъ Годію, а самъ прямо переходитъ къ тексту хроникки. Малала смотрѣлъ на греческую мнѳологию какъ на дѣйствительную исторію дѣйствительныхъ событій и включалъ ея указанія въ свой разказъ, сплетая ихъ съ другими литами аттическаго преданія. Перечисливъ рядъ баснословныхъ царей Аттики, Малала продолжаетъ: „вскорѣ затѣмъ былъ Гедеонъ судьей въ Израилѣ и жилъ знаменитый поэтъ Орфей изъ Фракіи“, а вслѣдъ затѣмъ цитуетъ изъ мистической теологіи Орфея, между прочимъ, одно предложеніе, которое, хотя и состоитъ изъ обихновенныхъ словъ, но совершенно непонятно. Бентли останавливается на этомъ предложеніи и показываетъ, что въ сильно испорченныхъ словахъ греческаго текста скрываются имена трехъ мистическихъ боговъ позднѣйшей орфической системы, символизирующихъ совѣтъ, свѣтъ и жизнь (Μῆτις, Φάνητα, Ἐριχελαιόν). Онъ доказываетъ эту сколько остроумную, столько же вѣрную эмендацію ссылкой на одно мѣсто Дамасція, послѣдняго замѣчательнаго новоплатоника (въ началѣ VI вѣка), который написалъ сочиненіе „Вопросы и отвѣты о первыхъ началахъ“, гдѣ онъ давалъ очеркъ мистическихъ ученій: такъ какъ изъ этого сочиненія еще ничего не было издано, то Бентли цитуетъ его по рукописи Оксфордскаго университета. Далѣе онъ разсматриваетъ рядъ подложныхъ (сивиллинскихъ) изреченій оракуловъ, которыя Малала передаетъ κοινῆ διαλέκτῃ—изъ общедоступной прозы, и показываетъ, что приведенныя сирійцемъ совершенно сходны съ найденными имъ, Бентли, въ Оксфордской библіотекѣ „Изреченіями и богоученіями еллинскихъ философовъ“ (χρηστοὶ καὶ θεολογίαι). Послѣ того Бентли обращается къ тѣмъ мѣстамъ хроникки, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія объ аттическихъ драматургахъ; онъ доказываетъ неподлинность одного фрагмента, приписываемаго Софоклу, въ которомъ говорится о единствѣ божества и неправильномъ его почитаніи у грековъ; перобираетъ всѣ случаи, гдѣ Малала упоминаетъ о Еврипидѣ, подтверждаетъ, либо поправляетъ, сообщаемыя византійцемъ заглавія многихъ потерянныхъ пьесъ Еврипида, исправляетъ по пути многія мѣста изъ поэта, которыя ему приходится приводить. Полнота обширнаго и глубина чрезвычайно много-

¹⁾ Ср. *Iebb*, Richard Bentley. London. 1882 (одинъ изъ томовъ сборника: English men of letters).

сторонняго знанія характеризуютъ какъ все письмо, такъ особенно этотъ отдѣлъ: слѣдующій примѣръ покажетъ это наглядно. Малала говоритъ: „Еврипидъ написалъ драму Пазифа“. Бенгли (pag. 685, Bonn.) замѣчаетъ: „я говорю не на вѣтеръ, когда утверждаю, что никто изъ древнихъ не упоминаетъ „Пазифа“ Еврипида“. Комикъ Алкей дѣйствительно сочинилъ пьесу съ этимъ наименованіемъ, и она была представлена въ одинъ день съ Плутосомъ Аристофана. Затѣмъ справедливо, прибавляетъ Бенгли,—что исторія Пазифа въ самомъ дѣлѣ была трактована въ одной изъ потерянныхъ трагедій Еврипида „Критяки“, что доказывается ссылкой на схолиаста къ Аристофановымъ „Лягушкамъ“. Однако и самъ схолиастъ требуетъ поправки, когда онъ говоритъ, будто Европа (Аегоре) встрѣчается въ Критянахъ Еврипида; онъ смѣшалъ Критяна съ другою потерянною трагедіей Еврипида „Критяки“; въ одной рѣчь шла объ исторіи Икара и Пазифа, въ другой—объ Атреѣ, Оіестѣ и Европѣ. Порфирій цитуетъ въ своей книгѣ О воздержаніи девять стиховъ изъ одной Еврипидовой трагедіи, обращенныхъ отъ лица хора къ Миносу; эти испорченные стихи исправлялъ и переводилъ Гуго Гроцій въ своихъ извлеченіяхъ (Excerpta) изъ греческихъ трагиковъ и комиковъ, считая ихъ заимствованными изъ „Критянокъ“: Бенгли (мимоходомъ поправляя одного грамматика) доказываетъ, что они могутъ вести свое происхожденіе только изъ „Критянокъ“, затѣмъ переходитъ къ латинскимъ стихамъ Гроція и размѣру ихъ и показываетъ, что все безъ исключенія филологъ, начиная Гроціемъ и не исключая самого Скалигера, не имѣли надлежащаго точнаго понятія о законахъ латинскаго анапеста, хотя и часто пользовались этимъ размѣромъ, при семъ случаѣ Бенгли впервые устанавливаетъ нѣкоторые законы латинскаго стихосложенія.. Еще разъ Бенгли возвращается къ фрагменту „Критянокъ“ у Порфирія, съ которымъ не умѣлъ справиться Гроцій, и въ свою очередь восстанавливаетъ надлежащее чтеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ несомнѣнною вѣрностью, въ другихъ слишкомъ поспѣшно. Но онъ еще не окончилъ со стихами: кинарисъ въ нихъ представляется какъ туземное на Критѣ растеніе, и это служитъ поводомъ къ тому, что Бенгли приводитъ изъ Плинія, Теофраста, Солина мѣста, сюда относящіяся и требующія объясненія. Малала упоминаетъ о потерянномъ Еврипидовомъ „Мелеагрѣ“; Бенгли, приведя другое мѣсто изъ этой пьесы, сохраненное Гезихіемъ, пользуется представившимся случаемъ, чтобы подробно указать причины порчи текста, многихъ искаженныхъ чтеній, встрѣчающихся въ лексиконѣ Гезихія, и это есть одна изъ болѣе

значительныхъ частей письма. Часто приходится Бентли исправлять собственные имена, испорченныя Малалою. Хронистъ называетъ, какъ первыхъ драматурговъ, Ѳемиса, Миноса, Авлея; Бентли показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду Ѳесписа, Іона Хіосскаго и Эскила и т. д. Письмо заканчивается нѣсколькими замѣчаніями о написаніи имени Малала или Малалаи.

Есть небольшое сочиненіе одного стариннаго автора, занимавшагося критико-библіографическими трудами по церковной исторіи, подъ такимъ заглавіемъ: „О несчастной долѣ византійскаго писателя Генесія относительно изданія его труда“ ¹⁾. Этотъ Генесій есть довольно важный источникъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ, и писалъ онъ по внушенію императора Константина Багрянороднаго. Сочиненіе его сохранилось въ единственной рукописи, которая издавна находится въ Лейпцигѣ; она писана на пергаментѣ и должна быть считаема очень древнею. Еще въ XVII вѣкѣ обратилъ вниманіе на хроникю Генесія Андрей Бове (1626—1674 гг.), профессоръ исторіи въ Іенскомъ университетѣ; выпуская въ свѣтъ свое разсужденіе о свидѣтельствѣ еврейскаго писателя Іосифа Флавія о Христѣ, онъ выдвинулъ намѣреніе издать эту хроникю ²⁾.

Изъ переписки Бове съ современною филологическою знаменитостію, Рейпеомъ, извѣстнымъ своими эпиграфическими трудами, мы видимъ, что Бове очень усердно и очень долго носился съ этимъ планомъ, и все оказывались какія-нибудь препятствія ³⁾. То онъ боялся, чтобы его не предупредили во Франціи и справлялся черезъ Ламбека извѣстенъ ли такой писатель издателямъ Луврской коллекціи; то являлись опасенія со стороны Бельгіи ⁴⁾. Но вотъ Бове увѣрился, что другаго экземпляра нигдѣ не оказывается; что даже въ Италіи не слыхали о Генесіѣ; напротивъ, изъ Парижа, отъ Ф. Лабба и Дю-Пюи, которые чрезвычайно заинтересовались хроникю по сооб-

¹⁾ *Ovidii*, De adversa Fortuna Iosepho Genesis, historiae Byzantinae scriptori, quoad operis editionem—въ *Commentar. de scriptorib. ecclesiastic.* II, 435. Повторено въ изданіи *Histoire critique de la Republique des lettres*, t. XV, № 5.

²⁾ *Diatriba de testimonio Flavii Iosephi*. Бове больше извѣстенъ своими трудами по государственнымъ наукамъ: см. о немъ *Wegele*, *Geschichte Deutsch. Historiogr.*, p. 535. *Bursian*, *Gesch. der classisch. Philolog.*, p. 335.

³⁾ *Thomae Keinesii et I. Andr. Vesii virorum celeberrimorum epistolae mutuae. Luci dat Schmidius*. Ienae. 1700. (Есть въ Императорской Публичной Библиотекѣ).

⁴⁾ *Pag. 17. De Genesis non est quod metuam, no praeventar ab editore alio et cet.* Ср. *pag. 104*. Оба письма писаны въ 1653 году.

щепнымъ туда выдержкамъ, получено было предложеніе включить открытаго автора въ Парижское собраніе. Чего бы лучше? Но Бозе почему-то находилъ, что нельзя довѣрять французамъ, тѣмъ болѣе что свой нѣмецкій книгопродавецъ предлагалъ нужное содѣйствіе. Съ другой стороны, если книга выйдетъ въ Германіи, то это не понравится французамъ, и тогда издателю придется испытать ихъ недоброжелательство ¹⁾. Рейнезъ, съ которымъ Бозе совѣтовался въ столь затруднительномъ своемъ положеніи, не понималъ, чего онъ страшится со стороны галловъ. Если бояться всякаго малѣйшаго порицанія, то совсѣмъ не слѣдуетъ браться за какое-либо литературное дѣло и нужно отказаться отъ всякихъ стремленій къ славѣ. Если французы вздумаютъ перепечатать изданіе, то конечно, они не скроютъ имени перваго издателя; они навѣрное не откажутъ и въ своихъ похвалахъ, если трудъ будетъ того достоинъ, если Бозе хорошо справится съ дѣломъ... Рейнезъ говорилъ даже о заслугахъ предъ потомствомъ и совѣтовалъ не покидать дѣла, послѣ того какъ столько разъ даваемы были обѣщанія ²⁾. Послѣ нѣкотораго промежутка времени у Бозе опять возникли мучительныя сомнѣнія: какой-то пріятель сообщилъ ему, что въ Римѣ отыскался другой экземпляръ Генесія, что копія съ него снята Голстономъ и отправлена въ Парижъ. Если такъ, то слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ предпріятія; Бозе собрался писать Лаббу, чтобы получить точныя свѣдѣнія ³⁾. Когда, по истеченіи еще нѣкотораго срока, Рейнезъ, кажется не безъ ироніи, спрашивалъ, чтѣ дѣлается съ Генесіемъ, то Бозе отвѣчалъ, что его все продолжаетъ смущать молва о римской копіи, посланной въ Парижъ Голстономъ, и отъ того онъ не могъ заниматься съ надлежащимъ усердіемъ приготовленіемъ своего изданія ⁴⁾. Такъ на этомъ все и остановилось: какъ римская копія, такъ и проекты Бозе, оказались правдою мечтою.

По смерти Бозе (въ 1674 г.), его копія съ лейпцигскаго подлинника съ краткими примѣчаніями Рейнезія поступила, согласно завѣщанію бывшаго профессора, вмѣстѣ со всѣми его книгами въ бібліотеку Іенскаго университета. Преемникъ Бозе по кафедрѣ, Георгъ Шубартъ тоже собрался издавать Генесія, но не исполнилъ своего обѣ-

¹⁾ Pag. 164 (anno 1654).

²⁾ Pag. 167.

³⁾ Pag. 170.

⁴⁾ Pagg. 177, 179 (anno 1654).

щанія; то же самое повторилось съ Кюстеромъ, издателемъ Свиды и Аристофана, очень извѣстнымъ и знающимъ филологомъ, помощникомъ Фабриція въ изданіи его „Библиотеки“. Потомъ много хлопоталъ объ изданіи Генесія Готфридъ Вагнеръ, пасторъ въ Лейпцигѣ, по преждевременная смерть его помѣшала осуществленію возбужденныхъ ожиданій. Еще встрѣчается одно имя, съ которымъ были соединены тщетныя надежды: Готфр. Олеарій (Olearius, собств. Oehlschläger, 1672—1715 гг.): къ нему именно обращался Уденъ (Oudin) съ своими увѣщаніями, припоминая печальную судьбу, которая до сихъ поръ преслѣдовала Генесія. Наконецъ взялся за дѣло Стефанъ Берглеръ (Bergler), главный помощникъ Фабриція при составленіи *Bibliotheca graeca*, одинъ изъ лучшихъ въ свое время знатоковъ греческаго языка и литературы, но человѣкъ безпорядочнаго поведенія, склонный къ пьянству и отъ того постоянно находившійся въ стѣсненномъ положеніи: не смотря на свои таланты и познанія, онъ часто вынужденъ бывалъ зарабатывать себѣ средства къ жизни корректурною работою у книгопродавцевъ; переселялся изъ Лейпцига въ Амстердамъ, въ Гамбургъ къ Фабрицію и снова возвращался въ Лейпцигъ; его работы надъ Геродотомъ и Аристофаномъ, отличавшіяся большими достоинствами, не могли быть изданы имъ самимъ и попали въ другія руки. Нѣчто подобное произошло и съ Генесіемъ. Берглеръ отыскалъ подлинную лейпцигскую рукопись, приготовилъ переводъ греческаго текста на латинскій языкъ, присоединилъ небольшое количество примѣчаній, впрочемъ—довольно торопливыхъ и поверхностныхъ; изданіе не было имъ выпущено въ свѣтъ. Самъ Берглеръ переселился въ Бухарестъ, въ качествѣ секретаря и учителя при дѣтяхъ господара Валахія, Маврокордато, откуда еще присылалъ сообщенія о рукописяхъ библиотеки этого мецената, но послѣ его смерти (въ 1730 г.) удалился въ Константинополь, и тамъ совсѣмъ исчезъ: былъ слухъ, что онъ даже потурчился, то-есть, принялъ магометанство ¹⁾. Работа Берглера надъ Генесіемъ, однако, не пропала: его бумаги достались I. Бурхардту Менке (Joh. Burkhard Mencke, 1674—1732 гг.), профессору исторіи въ Лейпцигѣ, извѣстному издателю *Acta eruditiorum* ²⁾. Менке отъ своего имени предложилъ готовый трудъ Берглера издателемъ венеціанской коллекціи византійцевъ, въ числѣ коихъ находился книгопродавецъ Паскуале (Pasquale). Менке

¹⁾ О Берглерѣ см. *Bursian*, *Gesch. der Philologie*, p. 364.

²⁾ О Менке: *Wegele*, pag. 567. *Bursian*, p. 366—364.

обѣщали приложить обширное предисловіе, біографію Генесія, точное описаніе оригинальной рукописи; однако ничего этого не было сдѣлано. Хотя послѣ Вурхарда Менке въ бумагахъ остались готовыя замѣтки, по которымъ его сынъ составилъ какіе-то комментаріи, но вслѣдствіе своей беззаботности и невнимательности венеціанскіе издатели не приняли мѣръ для того, чтобы воспользоваться ими. Въ рукахъ Паскуале была только работа Берглера, то-есть, греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ и краткими примѣчаніями, и въ этомъ видѣ изданъ былъ Генесій, безъ всякаго упоминанія о Берглерѣ, притомъ изданъ весьма небрежно даже въ типографскомъ отношеніи такъ что текстъ изобилуетъ опечатками. Къ изданію приложены были примѣчанія Воге и Рейневія. Такимъ образомъ безъ малѣйшей выгоды для дѣла, а напротивъ съ большимъ для него ущербомъ Генесій, котораго ждали издать еще Лаббъ съ товарищами, дождался вмѣсто парижской коллекціи венеціанской; происшедшій отсюда вредъ и до сихъ поръ остается не исправленнымъ.

Первостепенное по своему значенію для изученія самой характеристичной стороны византійскаго быта сочиненіе „О придворномъ чинѣ“ или какъ оно называется по латыни О церемоніяхъ (De cerimoniis), приписываемое императору Константину Багрянородному, дошло до насъ, подобно хроникѣ Генесія, въ единственномъ спискѣ, и этотъ списокъ скрывался отъ взоровъ ученыхъ людей до восемнадцатаго столѣтія: издатели французской коллекціи византійцевъ, а въ числѣ ихъ и самъ Дюканжъ, не имѣли никакого понятія о существованіи такого сочиненія. Какую богатую жатву могъ бы онъ иначе собрать здѣсь для своего греческаго Глоссарія и сколько средневѣковыхъ греческихъ выраженій и терминовъ нашли бы здѣсь себѣ болѣе отчетливое и полное объясненіе! Сколь драгоценны были бы для топографіи Константинополя многочисленныя указанія на положеніе и взаимное отношеніе различныхъ церквей и дворцовъ съ ихъ отдѣленіями, содержащіяся въ описаніяхъ многообразныхъ императорскихъ процессій и выходовъ! Въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія оказалось, что книгою, которая включаетъ въ себѣ столь великую драгоценность, владѣетъ нѣкто Конрадъ Уффенбахъ, членъ городского сената въ Франкфуртѣ на Майнѣ; онъ сообщилъ о кодексѣ свѣдѣнія Альберту Фабрицію, который и помѣстилъ таковыя въ первомъ изданіи его знаменитаго бібліографическаго труда „Bibliotheca graeca“ (vol. VI, 622—640, по изданію 1705—1714 гг.). Отсюда можно было узнать, что кодексъ писанъ на пергаментѣ хо-

рошимъ и древнимъ почеркомъ приблизительно XI-го столѣтія, что онъ отлично сохранился за исключеніемъ одной утраченной тетради (quaternio) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ потерянныхъ листковъ, что утрата послѣдовала раньше, чѣмъ кодексъ получилъ свой переплетъ. Но какъ достался кодексъ Уффенбаху, это осталось необъясненнымъ; самъ владѣлецъ не въ состояніи былъ что-нибудь сказать на этотъ счетъ... Судя по тому, что переплетъ украшенъ соединенными гербами Угорскаго и Чешскаго королевствъ, ученые впоследствии догадывались, что драгоцѣнный кодексъ нѣкогда входилъ въ составъ библіотеки короля Матвѣя Корвина. Такъ или иначе, вслѣдъ за первыми извѣстіями о существованіи неизвѣстнаго доселѣ творенія гессенскій профессоръ г. Май (Majus) заявилъ, что онъ съ согласія владѣльца рукописи намѣренъ издать его въ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, который онъ уже и окончилъ. Что случилось съ этимъ переводомъ, не извѣстно. Отъ Уффенбаха кодексъ поступилъ въ библіотеку города Лейпцига, гдѣ хранится и понынѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго нѣмецкаго историка и публициста, профессора естественнаго и международнаго права, Маскова (Mascow), который завѣдывалъ означенною библіотекою; онъ внушилъ одному молодому ученому Лейху, часто посѣщавшему библіотеку, мысль вѣзться за изданіе любознательнаго текста; такъ какъ переводъ Мая куда-то пропалъ, то Лейхъ прежде всего обязанъ былъ приняться за переложеніе греческаго текста на латинскій языкъ. Обладая хорошими способностями и надлежащею подготовкою, Лейхъ въ 1743 году принялся за трудъ, и уже въ этомъ году издалъ изъ второй части сочиненія сороковую главу въ видѣ приложенія при своемъ изслѣдованіи „О диптихахъ у древнихъ“¹⁾, такъ какъ глава эта имѣла отношеніе къ предмету диссертациі: патриціанское обличеніе, въ ней описываемое, тутъ же приравняется къ древнему консульскому, а это послѣднее часто встрѣчается на такъ называемыхъ консульскихъ диптихахъ, на тѣхъ особаго разряда украшенныхъ портретами складняхъ, которые консулы раздавали и дарили при вступленіи въ должность. За тѣмъ, черезъ два года въ видѣ предварительнаго образца Лейхъ издалъ листъ, содержащій начало сорокъ-второй главы той же второй книги подлинника—съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями: тутъ идетъ рѣчь

¹⁾ Diatriba de diptychis veterum et de dipticho eminentissimi Quirini (Leipzig. 1738. (См. *Bursian*, *Gesch. der Philolog.* p. 410.)

о гробахъ императорскихъ и погребальныхъ урнахъ. Между тѣмъ началось и шло впередъ печатаніе перваго тома изданія, но когда оно достигло до 217-й страницы, Лейхъ умеръ (въ маѣ 1750 г.). Впрочемъ нужно сказать, что Лейхъ велъ свое дѣло не особенно хорошо; онъ слишкомъ полагался на копію, сдѣланную другимъ лицомъ (Драудомъ), и печатая съ нея, почти совсѣмъ не справлялся съ подлинною рукописью; поэтому онъ падѣлалъ не мало ошибокъ. Для продолженія дѣла, по указанію Маскова, избранъ былъ Яковъ Рейске (Reiske, 1716—1774), и это былъ наиболѣе къ тому подходящий человекъ. По своему отличному знанію латинскаго языка и особенно греческаго онъ стоялъ на ряду съ первѣйшими еллинистами того времени, голландцами, Гемстерхузіемъ и Валькенперомъ; но, сверхъ того, онъ былъ также замѣчательнымъ оріенталистомъ. Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, мало посѣщая лекціи, но чрезвычайно ревностно, хотя безъ порядка и плана, предавался научнымъ занятіямъ, Рейске началъ на мысль объ изученіи арабскаго языка и литературы. Видя, что въ Лейпцигѣ онъ не можетъ достигнуть въ этомъ желаемыхъ успѣховъ, онъ отправился въ Голландію, не смотря на отсутствіе достаточныхъ средствъ къ жизни, чтобы пользоваться рукописями Лейденской бібліотеки и слушать лекціи знаменитаго оріенталиста Шультенса. На чужбинѣ Рейске снискивалъ себѣ пропитаніе корректурными трудами, уроками греческаго и латинскаго языковъ, работами для другихъ ученыхъ; онъ успѣлъ въ арабскомъ на столько, что скоро оставилъ позади себя Шультенса и нашелъ еще возможность заниматься медициною, какъ средствомъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни (Brodstudium); онъ получилъ степень доктора. Послѣ возвращенія въ Германію (1746 г.) Рейске дѣлалъ двѣнадцать лѣтъ бѣдствовалъ, жилъ въ крайней нуждѣ, работалъ на другихъ по заказу за самое скудное вознагражденіе, и даже когда сдѣлался профессоромъ арабскаго языка въ Лейпцигскомъ университетѣ, то получалъ не болѣе ста талеровъ въ годъ: только впоследствии онъ достигъ сноснаго положенія, какъ ректоръ Nikolaischule, но тогда онъ уже прославилъ свое имя дѣланнымъ рядомъ первостепенныхъ трудовъ въ области древней филологіи, значенія которыхъ, впрочемъ, долго не хотѣли приписывать цеховые присяжные филологи, соперники и завистники рѣзкаго на языкъ и самостоятельнаго икъ собрата ¹⁾). Именно въ періодъ крайней нужды

¹⁾ О жизни и трудахъ Рейске, котораго Моммсенъ называетъ *несравненнымъ*, можно почерпнуть свѣдѣнія изъ его собственной автобіографіи, изданной

(въ 1750 г.), Масковъ обратился къ Рейске съ предложеніемъ продолжать трудъ Лейха. Пересмотрѣвъ то, что было приготовлено, Рейске счелъ необходимымъ еще разъ сличить копію, сдѣланную для печати, съ подлинною рукописью и на основаніи этого сличенія исправилъ наиболѣе вопіющія ошибки предшественника; ему пришлось восстанавливать цѣлыя строки, цѣлыя періоды, обезображенные пропусками словъ и предложеній, одинаково окалчивающихся въ подлинномъ текстѣ (ὁμοιοτέλευτα); поправки такого рода, относящіяся уже къ отпечатаннымъ листамъ, указаны были точнымъ образомъ въ комментаріяхъ; дальнѣйшій текстъ, приготовленный къ печати самимъ Рейске, отличается несравненно большею исправностью, хотя онъ все-таки не уничтожилъ всѣхъ погрѣшностей, всѣхъ необычайныхъ и странныхъ чтеній, какими первоначальный списокъ былъ наполненъ. Если, по приговору Нибура, реченія Рейске не можетъ быть признана во всѣхъ отношеніяхъ совершенною, то безусловной похвалы заслуживаютъ его комментаріи, въ которыхъ онъ съ величайшимъ успѣхомъ разъясняетъ самыя темныя стороны чужого и совершенно своеобразнаго быта, удачно толкуетъ слова, совѣмъ недоступныя пониманію обыкновенныхъ филологовъ; знаніе арабскаго языка въ этомъ случаѣ весьма пригодило Рейске и сослужило тѣмъ большую службу, что въ самомъ вивантийскомъ придворномъ церемоніалѣ оказывались восточныя вліянія. Лессингъ, который былъ въ числѣ немногихъ современниковъ, умѣвшихъ оцѣнить высокіе таланты и большія заслуги Рейске, вопреки записнымъ специалистамъ классикамъ, провозгласилъ его трудъ „удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ своемъ родѣ“.

Изданіе явилось въ двухъ томахъ подъ такимъ заглавіемъ: *Constantini Porphyrogeniti, imperatoris Constantinopolitani, Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum graece cum latina interpretatione et commentariis. Curarunt Io. Henricus Leichius et I. Iacobus Reiskius.* Первый томъ, содержащій въ себѣ первую книгу или первую часть сочиненія, изданъ былъ въ 1751 г., а второй въ 1754 году.

Въ первомъ томѣ, кромѣ предисловія, написаннаго Рейске, находилась еще біографія Константина Багрянороднаго, составленная

послѣ его смерти его женою и сотрудницею въ изданіи классиковъ: S. Jacob Reiskens von ihm selbst aufgesetzte Lebensbeschreibung. Leipzig. 1783. Ср. *Byzian, Gesch. der class. Philolog.*, 407—416.

Лейхомъ и уже обнародованная въ отдѣльномъ видѣ за пять лѣтъ предъ тѣмъ (конечно, на латинскомъ языкѣ). Прежде чѣмъ перейдемъ къ предисловію Рейске, замѣтимъ, что въ самомъ текстѣ подлинника, благодаря особымъ видамъ Лейха, была сдѣлана перестановка противъ рукописи. Кодексъ начинается двумя особыми статьями съ отдѣльными заглавіями, въ которыхъ содержатся, во первыхъ, описаніе порядковъ, какіе соблюдались въ случаѣ личнаго участія императора въ военномъ походѣ еще во времена Константина Великаго, и во вторыхъ, наставленія императора Константина Вагрянороднаго относительно военнаго дѣла, обращенныя къ его сыну Роману и касающіяся опять того случая, когда самъ государь принимаетъ предводительство надъ войскомъ. Лейхъ объ эти начальныя статьи пропустилъ и началъ печатаніе съ 21-го листа рукописи; дѣло въ томъ, что онъ занимался военными греческими и византійскими авторами—тактиками и стратегиками, и собирался издать все въ одной коллекціи, въ которую должны были войти и эти главы Константина Вагрянороднаго. Понятно, что Рейске долженъ былъ включить опущенное въ первый же томъ; онъ такъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ концѣ его объ главы въ видѣ приложеній (appendix). Въ всякой пухди этотъ порядокъ сохраненъ и въ боннскомъ изданіи (t. I, pagg. 444—445 и 455—508).

Предисловіе Рейске заслуживаетъ полнаго вниманія. Прежде всего онъ старается въ краткихъ чертахъ обозначить содержаніе и высокій интересъ издаваемого сочиненія. Не только въ этомъ вѣкѣ, говоритъ Рейске,—но и вообще едва ли когда появлялось сочиненіе, столь много дающее для познанія римской и византійской исторіи. При этомъ, какъ филологъ, Рейске все-таки настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ отношеніе и къ классической древности. Византійскій дворъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ тѣнь или блѣдную копію императорскаго римскаго. Съ другой стороны, можно утверждать, что нѣтъ такой стороны государственнаго или церковнаго быта, которой бы сочиненіе не касалось. Если кто занимается церковною исторіей, то отсюда онъ можетъ узнать, каково было состояніе греческой церкви въ десятомъ вѣкѣ, какой существовалъ способъ избранія патріарховъ, какія формы соблюдались въ сношеніяхъ патріарховъ съ царями, какое было церковное устройство, и какіе церковныя обряды, какъ торжествовались праздники, и какія когда совершались процессіи и т. д. Если кого больше интересуетъ гражданская исторія, то онъ найдетъ для себя обильный запасъ поучи-

тельныхъ свѣдѣній. Избраніе императоровъ, брачныя пиры, обряды при крещеніи царскихъ дѣтей, при назначеніи подданныхъ на высшія государственныя должности, при возведеніи въ тотъ или другой санъ, царскіе выходы и приемы, выѣзды въ подгородныя дворцы, на сборъ винограда, на уборку хлѣба, все это здѣсь тщательно описано; здѣсь мы видимъ, какъ цари держатъ рѣчь къ подданнымъ въ сіяленціяхъ, какое участіе принимаютъ въ конскихъ ристалищахъ и въ играхъ цирка, какъ они выслушиваютъ привѣтствія и требованія партій, обозначаемыхъ разными цвѣтами, какъ раздаютъ награды побѣдителямъ, какъ слѣдятъ за плясками, смотрятъ на готскія игры, празднуютъ брумаліи, даютъ торжественныя пиры, какъ отправляются въ военный походъ, что дѣлаютъ въ лагерѣ, какъ возвращаются въ триумфѣ, раздаютъ жалованье военнымъ людямъ, какъ снаряжаютъ флотъ и морскія экспедиціи, принимаютъ иностранныхъ пословъ, отправляютъ своихъ, видимъ весь этотъ блескъ и пышность, сквозь которые иногда просвѣчиваетъ бѣдность и убожество, провожаемъ наконецъ императора въ погребальной церемоніи. Подъ руководствомъ этой книги мы можемъ обозрѣть самыя гробницы императоровъ, взглянуть на ихъ саркофаги съ подлинными на нихъ надписями и встрѣтимъ здѣсь такія имена, какихъ напрасно стали бы искать въ Византійскихъ фамиліяхъ Дюканжа. Съ нею мы можемъ проникнуть въ императорскую сокровищницу, гдѣ хранятся регалии, царскія украшенія и одежды, осмотрѣть самыя ящики (аркас) съ царскимъ гардеробомъ. Лучше чѣмъ изъ какого-либо другаго источника, отсюда можно увнать составъ и іерархію чиповъ придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ, познакомиться съ различнаго рода гвардейскими отрядами, держащими караулъ въ длинныхъ переходахъ и портикахъ дворца, составляющими охрану императора и т. д. Описаніе всего этого относится главнымъ образомъ къ десятому вѣку, къ періоду Македонской династіи, и если тогдашній придворный бытъ во многомъ удаленъ отъ обычаевъ времени Θεодосія и Константина, то все-таки онъ гораздо больше сохраняетъ слѣдовъ римской древности, чѣмъ послѣдующая эпоха Комниновъ и Палеологовъ, извѣстная намъ по описаніямъ Кюдина и въ свою очередь представляющая большія отличія отъ того, что находимъ въ сочиненіи, приписываемомъ Константину Багрянородному.

Особенную цѣну Рейске придавалъ тому обстоятельству, что, можетъ быть, въ издаваемомъ имъ произведеніи заключается еще новый остатокъ изъ драгоценныхъ, но утраченныхъ для насъ сборниковъ,

составленныхъ по приказанію Константина Багрянороднаго и содержащихъ въ себѣ извлеченія изъ древнихъ писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывокъ изъ упоминаемаго только Свидомъ творенія Петра Патриція, современника Юстиніану I. Рейске имѣетъ при этомъ въ виду рядъ статей въ первой книгѣ (отъ главы 91-й по 97-ю), гдѣ съ большою подробностью описывается провозглашеніе и восшествіе на престолъ императоровъ Льва I (456—475), Анастасія (491—518), Юстина I и Юстиніана. Онъ полагаетъ, что эти драгоценныя главы, проливающія новый свѣтъ на соотвѣтствующія давнія событія, входили въ составъ перваго потеряннаго для насъ отдѣла (titulus) въ коллекціи Константиновскихъ Извлеченій (Collectanea, Excerpta), именно отдѣла, носившаго заглавіе: о провозглашеніи императоровъ, περί βασιλέων ἀναγορεύσεως. Во всякомъ случаѣ Рейске не сомнѣвается, что эти подробныя и очевидно весьма точныя реляціи заимствованы изъ очень древняго и своевременнаго фактамъ источника, имя котораго стоитъ выше впереди 84-й главы: ἐκ τῶν μαγίστρον Πέτροο, изъ сочиненія магистра Петра, а объ этомъ Петрѣ есть свѣдѣнія у Прокпія Кесарійскаго и Кассиодора, а также у Свиды; послѣдній сообщаетъ намъ и заглавіе его большого труда: о гражданскомъ устройствѣ, περί πολιτικῆς καταστάσεως ¹⁾. Въ другомъ отдѣлѣ (титулѣ) извлеченій Багрянороднаго, именно въ отдѣлѣ о посольствахъ (de legationibus, περί πρεσβειῶν) тоже встрѣчаются разказы, заимствованные у Петра, но они доходятъ тамъ только до времени Юліана отступника. Такимъ образомъ Рейске думаетъ, что такъ или иначе—посредственно или непосредственно—все заключающееся въ означенныхъ главахъ сочиненія De serimoniis (87-я—96-я включительно), между прочимъ извѣстія о готско-испанскомъ посольствѣ къ Юстиніану, о присылкѣ Западнымъ императоромъ Анеиміемъ своего портрета Льву I, Восточному императору, все это заимствовано изъ Петра Патриція. Понятно, что такой значительный отрывокъ потеряннаго сочиненія времени Юстиніана кажется Рейске нѣкоторою жемчужиною, украшающею первый томъ изданія. Во второмъ томѣ, который здѣсь въ предисловіи обѣщается, подобное же, хотя не совсѣмъ по степени равное значеніе должно принадлежать книгѣ Филоея, императорскаго прото-спасаарія и атрикина, составляющей обширную 52-ю главу второй

¹⁾ Ср. теперь *Mai, Scripturum veter. Nova collectio, t. II. De fragmentis Petri ut videtur Magistri officiorum περί πολιτικῆς ἐπιστήμης. Wacschka, Ueber das von Reiske vermuthete Fragment der Excerpte Constantins περί ἀναγορεύσεως Progr. Dessau. 1878.*

книжки подлинника и втораго тома въ изданіи Рейске. Сочиненіе Философа посвящено преимущественно описанію церемоніала, соблюдаемаго при царскомъ столѣ въ опредѣленные дни пиршествъ. Оно драгоцѣнно также и тѣмъ, что сообщаетъ по этому поводу полный списокъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ и ранговъ, въ известной очереди и опредѣленномъ порядкѣ приглашаемыхъ къ столу. Оно писано, при императорѣ Львѣ Мудромъ, отцѣ Константина.

Затѣмъ Рейске указываетъ, что въ той и другой книгѣ, въ томъ и другомъ томѣ изданія находятся множество мѣстъ, на основаніи которыхъ могли бы быть восполнены пробѣлы въ византійскихъ историкахъ; сюда, конечно, слѣдуетъ отнести и 96-ю главу первой части, гдѣ говорится о восшествіи на престолъ Никифора Фоки, событіи, повдѣвшемъ въ отношеніи ко времени Константина Багрянороднаго (разказъ объ этомъ прибавленъ къ предполагаемымъ извлеченіямъ изъ Петра Патриція); сюда относятся данныя о сношеніяхъ византійскихъ съ сарацинами - мусульманами, особенно интересныя для ориенталистовъ, разказъ о приѣмѣ Ольги Русской и т. д., Рейске вспоминаетъ Дюканжа, говоритъ о дополненіяхъ, какія можно будетъ сдѣлать въ его Фамиліяхъ на основаніи издаваемаго сочиненія, указываетъ поправки, которыя дѣлаются очевидно необходимыми въ Христіанскомъ Константинополѣ относительно, напримѣръ, положенія двора Магнауры, указываетъ на противорѣчіе мнѣнія Бандури о положеніи Золотыхъ воротъ совершенно яснымъ указаніемъ новаго источника.

Разсуждая затѣмъ о заглавіи сочиненія, Рейске указываетъ, что данное при печатномъ изданіи заглавіе—*De cerimoniis aulae Byzantinae* — оставлено по примѣру Майя и Фабриція; на самомъ же рукописномъ экземплярѣ, на кожаной его обложкѣ, значится другое надписаніе — *De regalibus institutionibus*, а впереди самаго текста длинно и съ титулованіемъ наложенное сообщеніе, что это есть нѣкоторый сводъ (снптаγμα) христіолюбиваго царя Константина и трудъ по истинѣ достойный царскаго усердія, то-есть, помѣщается такое надписаніе, которое не могло быть никакъ сдѣлано самимъ авторомъ и которое совсѣмъ не указываетъ содержанія труда ¹⁾. Нужно при этомъ

¹⁾ Приводимъ заглавіе въ латинскомъ переводѣ какъ оно значится въ боннскомъ изданіи: [De cerimoniis aulae byzantinae] Constantini Christum amantis et in eodem Christo aeterno rege imperatoris filii Leonis sapientissimi et perpetua memoria celebrandi imperatoris *Syntagma* et imperatoria industria vere dignum opus.

прибавить, что теперешнее греческое заглавіе: ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως (описание царскаго чина), правда, заимствовано изъ введенія, написаннаго самимъ составителемъ книги, но вынесено на верхъ заглавія только редакторомъ позднѣйшаго боннскаго изданія, Нибуромъ ¹⁾. Кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія, составленнаго, какъ является въ предисловіи къ нему, на основаніи древнихъ источниковъ, устнаго преданія и собственныхъ наблюденій, то и этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ Рейске, такъ какъ уже онъ не считалъ возможнымъ остановиться на показаніи чьей-то позднѣйшей и посторонней надписи, что это есть сводъ царя Константина, сына Льва, оказывающійся достойнымъ царскаго прилежанія. Въ сводѣ находится не мало такихъ мѣстъ, которыя этому противорѣчатъ и указываютъ на болѣе позднее время. Такъ въ главѣ, посвященной перечисленію императорскихъ гробницъ (42-я второй книги) отмѣчена гробница самого Константина Багрянороднаго, а также и его внука Василія II Болгаробойцы, скончавшагося 65 годами позднѣе дѣда. Въ концѣ первой книги есть глава, уже помянутая, описывающая провозглашеніе императора Никифора Фоки, что случилось черезъ четыре года по смерти Константина, въ 963 году. На основаніи такихъ данныхъ возможно двоякое рѣшеніе возникающаго вопроса. Либо нужно считать авторомъ сочиненія другаго, младшаго Константина, сына Романа и внука Константина VII (сына Льва Мудраго), того, который по смерти своего брата Василія (Болгаробойцы) одинъ правилъ имперіей отъ 1025 по 1028 годъ; либо слѣдуетъ предположить существованіе интерполяцій въ произведеніи, первоначальнымъ авторомъ котораго былъ Константинъ VII, сынъ Льва. Рейске склоняется въ пользу втораго рѣшенія дилеммы. Новѣйшіе исследователи (см. Rambaud, L'empire grec au X-me siècle, Constantine Porphyrogénète. Paris. 1870, p. 131) указываютъ еще большее количество мѣстъ и главъ, не могущихъ принадлежать Константину VII, чѣмъ отмѣчено у Рейске, но въ концѣ концовъ все-

¹⁾ По русски это греческое заглавіе можно переводить такъ: „Изложеніе царскаго чина“. Другіе называютъ сочиненіе *Обрядникомъ Византійскаго двора*, придерживаясь общепринятаго латинскаго обозначенія. Такъ въ книгѣ: „Исследования и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ“ (С.-Петербургъ, 1875) приводятся: „Отрывки изъ *Обрядника Византійскаго двора Константина Порфирогенита*“. Отрывки эти слѣдующіе: 1) что должно наблюдать при коронаціи императора, 2) что должно соблюдать при коронаціи Августы, 3) что должно соблюдать при избраніи кесаря, 4) что должно наблюдать при производствѣ въ патриціи, стр. 436—450.

такъ признаютъ, что основа принадлежитъ Константину Багрянородному, сыну Льва Мудраго. Прежде всего ему принадлежитъ то, что теперь помѣщается въ концѣ первой книги сочиненія въ видѣ приложенія (appendix), затѣмъ первыя 83 главы первой книги; да и по второй части болѣе безпорядочной и, очевидно, редактированной въ концѣ X вѣка, есть фрагменты, переносящіе насъ въ царствованіе Константина VII. Вся компиляція въ совокупности есть дѣло того редактора, который занимался обработкою второй книги.

Въ предисловіи ко второму тому Рейске еще разъ обращается къ календарію (κλιτρολόγιον) Филоея, то-есть, къ изложенію послѣдовательности и порядка, въ какихъ различные сановники и чины вызываются къ представленію предъ императоромъ при обычныхъ раздачахъ царскаго жалованья и подарковъ въ извѣстные определенныя дни, и въ какихъ должны быть размѣщаемы за столомъ при царскихъ обѣдахъ; сочиненіе тѣмъ болѣе авторитетное, что оно составлено специалистомъ дѣла, архитриклиномъ или гофмаршаломъ при дворѣ царей Льва и Александра, содержитъ въ себѣ полное перечисленіе всѣхъ тогдашнихъ военныхъ и гражданскихъ должностей и ранговъ (оно составляетъ 52-ю главу второй части). Равнымъ образомъ отмѣчаются другія, болѣе интересныя статьи—изложеніе обрядовъ и обычаевъ при приемѣ пословъ съ указаніемъ формулъ обращенія къ иностраннымъ государямъ, соблюдаемымъ въ византійской дипломатикѣ, отчетъ о снаряженіи критской и лангобардской экспедицій и т. д.

О своемъ переводѣ Рейске говоритъ, что онъ усердно старался сколько возможно содѣйствовать устраненію темноты, которая, съ одной стороны, обусловливается содержаніемъ оригинала, а съ другой—самымъ стилемъ автора соответствующимъ вѣку, когда онъ жилъ; эпитеты, какими издатель, великій знатокъ и цѣнитель классической прозы, ея изящества и простоты, характеризуетъ писателя, которымъ онъ съ такою преданностью занимался, не заключаютъ въ себѣ ничего лестнаго или даже снисходительнаго: *dictione satis horrida utitur*. Примѣчаніями своего предшественника Рейске воспользовался, не измѣняя ихъ существенно, но размѣщая ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, и включая, гдѣ нужно, въ составъ собственнаго комментарія.

О высокомъ достоинствѣ комментаріевъ Рейске мы уже говорили. Для молодыхъ начинающихъ ученыхъ, желающихъ посвятить часть своихъ трудовъ серьезнымъ занятіямъ византійскою исторіей и запастись надлежащимъ пониманіемъ совершенно особенной терминологіи, служащей для обозначенія всевозможныхъ сторонъ византійскаго быта,

нельзя рекомендовать лучшей точки отправленія для этихъ запятій, какъ внимательное чтеніе набранныхъ отдѣловъ изъ книгъ О царскомъ чинѣ съ толкованіями Рейске. Кто пропустилъ къ тому случаю и время, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданные для себя промахи, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаетъ и справка съ Глоссаріемъ Дюканжа: величайшій, но совершенно извинительный недостатокъ Глоссарія именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Рейске и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія *De cerimoniis*. Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумѣваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюденій надъ другими, самыми почтенными и заслуженными специалистами, но здѣсь тому не мѣсто¹⁾. Въ заключеніе нужно прибавить для свѣдѣнія, что самъ Рейске успѣлъ издать только комментарий, относящійся къ первой книгѣ сочиненія или къ первому тому его изданія. Комментаріи ко второй книгѣ должны были появиться отдѣльно въ видѣ третьяго тома, но для этого тома уже не нашлось издателя; прежній отказался, ибо онъ не хотѣлъ подвергать себя дальнѣйшему имущественному разоренію, *rei familiaris jacturam augeri volebat*, по выраженію Нибура. Бумаги Рейске послѣ его смерти были куплены датскимъ историкомъ Сумомъ (Suhm), а отъ него поступили въ Копенгагенскую бібліотеку; послѣ они были оттуда доставлены въ Германію изъ уваженія къ ходатайству Нибура, когда этотъ знаменитый историкъ поднялъ вопросъ о новомъ изданіи сочиненія *De cerimoniis* со всѣми комментаріями незабвеннаго Рейске. Такое намѣреніе осуществилось въ 1829 году.

В. Васильевскій.

¹⁾ Кромѣ вышеуказаннаго общаго сочиненія о Константиѣ Багрянородномъ *Алфреда Рамбо*, а также русскаго нѣсколько устарѣлаго труда, сочиненія харьковскаго профессора Зеркина „Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго“ (Харьковъ, 1858; мы знаемъ только первый выпускъ, посвященный біографіи Константина; втораго, въ которомъ приходилось бы специально заниматься его сочиненіями, не появилось) и соответствующаго не столь обширнаго, какъ французское, нѣмецкаго изслѣдованіе Гиршо: *F. Hirsch, Kaiser Constantin VII Porphyrogenetos* (Berlin, 1873), для ознакомленія съ содержаніемъ книгъ о царскомъ чинѣ (*De cerimoniis*) можно указать: *Waeschke, Studien zu den Ceremonien des Konstantinos Porphyrogenetos* (Begründungsschrift zu d. 37 Philologen Versammlung). Zerbst, 1885. и небольшую статью венскаго профессора *Каллиа*, *καὶ τοῦ τυτικῆς τῆς βεαντινῆς ἀρχῆς* (О придворномъ византійскомъ уставѣ: *Καλλίω γα, Μελέται καὶ λόγος. Ἐν Ἀθήναις*, 1882). Извлеченія изъ „Церемоній“ встрѣчаются наковецъ въ сочиненіи Краузе о византійскомъ бытѣ (*Krause, Die Byzantiner*), о которомъ еще придется упомянуть во второй части нашего обозрѣнія.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXVI.

1889.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блаженна. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1889.

О книгѣ: „Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Составилъ К. Крафтъ. Изданіе 2-е“	23
О книгѣ: „Der neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch, von E. Mittelsteiner. Чч. I и II“	—
О книгѣ А. Воронцова: „Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ второй. Изданіе 2-е“	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

Объ изданіи придворной пѣвческой капелли: „Пѣніе на молебнахъ, извлеченное изъ Обихода потнаго церковнаго пѣнія“	14
О книгѣ Месра Зимера: „Мысли Кршловъ“	15
О книгѣ: „Пособіе къ изученію начальныхъ правилъ потнаго пѣнія. Составлено А. С. Фамельсомъ“	—
О книгѣ: „Пѣніе божественной литургіи, составленное по изданному св. синодомъ Обиходу А. Архангельскимъ. Изданіе 2-е“	24
О книгѣ: „Церковное пѣніе въ Валаамской обители. Д. Соловьева“	—
О книгѣ Н. Бунакова: „Въ школѣ и дома, чч. 1 и 2“	—
О брошюрѣ: „Съ нами Богъ! Чудесное спасеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и ихъ Августѣйшихъ Дѣтей 17-го октября 1888 года. Составилъ Шведовъ“	—
О представленнхъ А. Алмедитеномъ восьми выпускахъ (январь—августъ) издаваемого имъ въ С.-Петербургѣ ежемѣсячнаго журнала „Читальня народнои школы“, 1889 г.	—
О книгѣ: „Русская азбука. Составилъ Д. Прображенскій“	—
Открытіе училищъ	15 и 26
Офиціальныя извѣщенія	26
Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. И. Модестовъ. Мѣсто классической филологіи историко-филологическаго факультета и ея преподаваніе	1
Г. В. Форстенъ. Политика Швеціи въ смутное время (продолженіе)	17
П. О. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I (окончаніе).	66 и 305
Н. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе	135 и 280

В. Н. Александренко. Участіе англійскаго тайнаго совѣта въ дипломатическихъ сношеніяхъ Англій съ Россіей	265
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи (<i>продолженіе</i>).	380

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ө. Ф. Зѣлянскій. Лекціи по исторіи римской литературы. В. И. Модестова. С.-Пб. 1888.	188
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изданіе гр. Н. Толстаго и Н. Кондакова. Вып. 2. С.-Пб. 1889	249
А. О. К. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоедова. Подъ редакціей И. А. Шляпкина. Изданіе И. П. Варумина. С.-Пб. 1889	251
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Власть Московскихъ государей. М. Дьяконова. С.-Пб. 1889.	393
Е. Ф. Шмурло. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ первый (1688—1701). С.-Пб. 1887.	401
Н. И. Карѣевъ. <i>Федоръ Верховскій</i> . Двѣ кандидатуры на польскій престолъ — Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда (1574—1575). Варшава 1889)	525
Е. В. Балобанова. Кельтскія повѣсти	541
Ө. И. Успенскій. О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ	550
В. Г. Васильевскій. Отвѣтъ на статью Ө. И. Успенскаго.	555
Книжныя новости	256 и 558

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

С. И. Богдановъ. Сельско-хозяйственный институтъ при университетѣ въ Галле	1
Наша учебная литература.	35

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Академія Наукъ: Присужденіе Макаріевскихъ и Уваровскихъ премій.	1
Поднесеніе иконы св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ имени учащихъ въ сельскихъ школахъ	—
Наша учебныя заведенія: I. Дерптскій университетъ и Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1888 году	47

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

Изданіе источниковъ.

(Окончаніе третьей главы).

Изданія сочиненій Малалы, Генесія, Константина Багрянороднаго, хотя они вышли внѣ парижской коллекціи, паходятся по внутренней связи съ нею и должны быть разсматриваемы какъ ея естественное продолженіе. Такое же отношеніе существуетъ между луврскимъ собраніемъ и двумя повдѣйшими римскими изданіями, изъ коихъ одно прямо заявляетъ себя какъ Appendix, прибавленіе къ *Corpus historiae byzantinae*, притомъ новое, такъ какъ имѣлся въ виду образецъ, поданный изданіемъ Пахимера (Поссиномъ), которое тоже вышло въ Римѣ. Томъ *in folio*, который мы имѣемъ въ виду, появился въ 1777 году и содержитъ въ себѣ сочиненія Георгія Писидійскаго или, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, Писиды, Θεοδοσία Діакона и латинскія стихотворенія Кориппа, относящіяся по своему содержанию къ исторіи Восточной имперіи въ VI вѣкѣ ²⁾. Издателемъ былъ Фоджини (*Foggini*, *Fogginius*), ученый флорентіецъ (1713—1783), съ начала завѣдывавшій Лаврентіанскою бібліотекою и прославившій себя открытіемъ одного изъ наиболѣе важныхъ и древнихъ списковъ сочиненій Виргилія, ватѣмъ — членъ папской исторической академіи, учрежденной

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книгу *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1888 г.

²⁾ *Corporis Historiae byzantinae. Nova Appendix, Opera Georgii Pisidae, Theodosii Diaconi et Coruppi Africani Grammatici continens. Romae, apud Benedictum Francesium. 1777.* Съ посвященіемъ папѣ Пію VI отъ имени издателя: *Petrus Franciscus Fogginus.*

Бенедиктомъ XIV, книгохранитель (кустосъ) въ Ватиканской библиотекѣ, а по смерти Еводія Ассемани, знаменитаго ориенталиста,—ея префектъ. Въ ватиканскомъ собраніи рукописей онъ между прочимъ открылъ и впервые издалъ сочиненіе Епифанія Саламинскаго о драгоцѣнныхъ камняхъ. Что касается сочиненій Георгія Писидійскаго, то они уже давно интересовали ученыхъ. Отъ византійскаго лексикографа Свиды звали, что это былъ діаконь и сосудохранитель Константинопольской великой церкви (св. Софіи), что онъ написалъ большую поэму на мѣрозданіе, такъ-называемый Шестодневъ, а также нѣсколько стихотвореній, воспѣвающихъ подвиги императора Ираклія въ борьбѣ съ персами и аварами. Шестодневъ былъ уже разъ изданъ, хотя и въ неисправномъ видѣ, Фредерикомъ Морелемъ. Другія (стихотворныя) сочиненія Георгія были извѣстны по ватиканскимъ рукописямъ Гольстену, который даже переписалъ ихъ для извѣстнаго намъ сотрудника первыхъ парижскихъ византинистовъ Мальтре, но дѣло на этомъ и остановилось: Мальтре только заявилъ о фактѣ въ предисловіи къ изданію Прокопія, а изъ твореній Георгія ничего не обнаружилъ. Ученый Пажи (Pagi), разбирая Анналы Баронія и чувствуя крайнюю скудость свѣдѣній въ наличныхъ источникахъ о времени Ираклія, пытался отыскать манускриптъ Гольстена, предполагая, что подлежащія сочиненія Георгія содержатъ въ себѣ подробную хронику царствованія. Въ этомъ онъ ошибался; тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ дѣло остается въ такомъ положеніи, что для исторіи знаменитой борьбы Ираклія съ новоперсидскимъ царемъ Хозроемъ, для исторіи походовъ Ираклія въ прикавказскія и приевфратскія области, для исторіи страшнаго нашествія аваръ со славянами на Константинополь, въ 626 году, политическія по формѣ, преувеличенно панегирическія по содержанию произведенія Георгія составляютъ наше главное пособіе и источникъ. Въ обнаруженіи ихъ и заключается главная заслуга *Novae Appendicis*, хотя и все другое, что здѣсь сдѣлано было для болѣе исправнаго изданія, а также для объясненія (комментаріи) духовной поэзіи Георгія Писиды, достойно вниманія: указываемъ, напримѣръ, на обширное и важное изслѣдованіе о Шестодневахъ, то-есть, о другихъ болѣе древнихъ греческихъ произведеніяхъ, описывающихъ созданіе міра въ шесть дней съ прибавленіемъ естественно-историческихъ свѣдѣній о землѣ и ея тваряхъ (извѣстенъ Шестодневъ Василія Великаго). Но издателю и комментатору византійскаго творенія, конечно, были не извѣстны его древніе славянскіе переводы, которые можно было бы

не безъ пользы привлечь къ дѣлу при установленіи текста, дошедшаго до насъ въ довольно испорченномъ видѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что по отношенію къ Писидѣ Фоджини былъ только издателемъ; приготовилъ сочиненія Георгія къ печати и комментировалъ ихъ соотечественникъ Фоджини, ученый флорентіецъ Кверчи (Quercius), знакомый съ греческими рукописями не только своего роднаго города, но также Вѣны, въ которой онъ провелъ нѣсколько времени, и самой Ватиканской бібліотеки, гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ Фоджини. Въ посвященіи тома папѣ Пію VI Фоджини говорить, что Кверчи взялся за трудъ по его внушенію и совѣту (consilio suoque). Кверчи, во первыхъ, написалъ обширное изслѣдованіе о трудахъ Георгія Писидійскаго, помѣщенное въ началѣ тома и служащее общимъ введеніемъ къ первой его и болѣе обширной половинѣ. Хотя оно и страдаетъ, можетъ быть, нѣкоторыми излишними подробностями и длиннотами, но все-таки достигаетъ главной цѣли: окончательно устраняетъ множество неточныхъ представленій о жизни и трудахъ Георгія Писидійскаго, которыя были возможны вслѣдствіе неправильнаго толкованія относящейся къ нему статьи Свиды и по другимъ причинамъ,—были такіе ученые, которые даже смѣшивали нашего автора-поэта съ хронографомъ Георгіемъ Амартоломъ; далѣе общее введеніе сообщаетъ довольно полныя и отчетливыя свѣдѣнія о рукописяхъ, въ какихъ дошли до насъ сочиненія Георгія. Въ одной только Ватиканской бібліотекѣ Кверчи нашелъ пять кодексовъ, заключающихъ въ себѣ сочиненія Писиды; сверхъ того, онъ имѣлъ въ рукахъ сборники Флорентійской и Туринской бібліотекъ; онъ зналъ о существованіи многочисленныхъ списковъ въ Италіи (пяти въ Парижской, одного въ Вѣнской, Ескуріальской), но не имѣлъ возможности пользоваться ими послѣдними. Иные изъ нихъ, какъ Вѣнскій, по сообщеніямъ, которыя сдѣланы были съ мѣста, не представляли большой важности; за то одинъ изъ парижскихъ послѣ послужилъ къ исправленію многихъ испорченныхъ стиховъ въ историческихъ поэмахъ Георгія ¹⁾. Этимъ изданіемъ установлена была принадлежность Георгію Писидійскому слѣдующихъ произведеній:

1) Εἰς τὴν κατὰ Περσῶν ἑκστρατεῖαν Ἰρακλείου βασιλέως: На походъ противъ персовъ императора Ираклія. Писида, какъ очевидецъ, воспѣваетъ въ трехъ отдѣленіяхъ, называемыхъ ἀκροῶσεις, своимъ осо-

¹⁾ Изъ воспользовался *Шандеръ*, который сдѣлалъ сравненіе для Боннскаго изданія.

бымъ разиѣромъ (ямбическій триметръ) военныя доблести и первые успѣхи царя въ борьбѣ съ Хозроомъ. 2) Εἰς τὴν γενομένην ἔφοδον τῶν βαρβάρων καὶ εἰς τὴν αὐτῶν ἀστοχίαν ἤτοι ἔκθεσις τοῦ γενομένου πολέμου εἰς τὸ τεῖχος τῆς κωνσταντινουπόλεως μεταξύ Ἀβάρων καὶ τῶν πολιτῶν: На бывшее нашествіе варваровъ и ихъ неудачу, или описаніе бывшей войны подъ стѣнами Константинополя между аvaraми и жителями этого города. Короче сказать, эта поэма (541 стихъ, предыдущая 1098) называется Βellum Avaticum, πόλεμος ἀβαρικός. 3) Ἀκαθίστος ὕμνος: Акаонстъ, несѣдальная пѣснь — въ честь Богоматери, какъ главной защитницы христіанской столицы. Написанное по случаю побѣды надъ аvaraми, это произведеніе доселѣ остается въ церковномъ употребленіи; оно пѣлось, а теперь читается въ субботу пятой недѣли великаго поста. Принадлежность его Георгію, хотя и не опирается на прямомъ свидѣтельствѣ рукописей, съ большою правдоподобностью разъяснена комментаторомъ, который отмѣтилъ и встрѣчающіеся въ акаонствѣ намеки на аvarовъ и персовъ, а также присоединилъ находящійся въ греческой Трїюди синаксарь о троекратномъ нашествіи невѣрныхъ на христіанскую столицу и троекратномъ ея избавленіи заступленіемъ Богородицы (нашествіе персидское и два арабскихъ). 4) Εἰς τὴν ἀγίαν ἀνάστασιν τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν: на Воскресеніе Христоно. Небольшое стихотвореніе религіознаго содержанія съ намеками на современныя автору событія, на аvarовъ и персовъ. 5) Ἰρακλιάς ἤτοι εἰς τὴν τελείαν πτώσιν τοῦ Χοσρόου βασιλέως: Иракліада или на конечное паденіе царя Хозроя—въ двухъ частяхъ (ἀκροάσεις), заключающихъ 471 ямбъ. 6) Εἰς τὸν μάταιον βίον: На суету жизни, стихотвореніе нравственно-христіанскаго содержанія. 7) Ἑξαήμερον ἢ κοσμοοργία: Шестодневъ или Міроданіе—поэма въ 1910 стиховъ, посвященная патрїарху Сергію, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ „естественнаго богословія“, между прочимъ содержитъ иногда довольно счастливыя описанія свѣтилъ небесныхъ, земли, людей, животныхъ, растеній, но заключаетъ въ себѣ и полемическій элементъ, направленный прежде всего противъ александрійскаго философа (VI вѣка) Іоанна Филопона; этотъ ученикъ Аммонія въ своихъ комментаріяхъ на Моисея слишкомъ вдохновлялся явческою философїей Платона, Аристотеля и Порфирія; по этому поводу Георгій вооружается противъ ложныхъ понятій о мірѣ не только его самого, но и его авторитотовъ, не исключая Евклида, Галліона, Орфея, Прокла и т. д.; для примѣра можно указать попытку осмѣянія теоріи Аристотеля о происхожденіи града. Ясно, что сочиненіе имѣетъ большое значеніе для исторіи естество-

знанія или по крайней мѣрѣ для исторіи понятій о природѣ и для характеристике образованія въ данный періодъ. 8) *Katà bosovōō; Esoīroō 'Aupoχvās*: противъ нечестиваго Севера Антиохійскаго. Обличеніе (опять-таки въ стихахъ) еретическихъ монофизическихъ мнѣній давно уже осужденнаго церковью восточнаго епископа (жилъ въ шестомъ вѣкѣ), вызванное, вѣроятно, оживленіемъ надеждъ оставшихся его послѣдователей въ Арменіи и Персіи, съ которыми вступалъ въ принирительные переговоры царь Иракліи во время своихъ походовъ на востокъ 9) *'Eυχvμov εἰς τὸν ἅγιον 'Αναστάσιον μάρτυρα*: похвала св. мученику Анастасію, пострадавшему въ Персіи—единственное прованческое сочиненіе Георгія. Существованіе его давно было извѣстно по указанію Свиды, но ученые напрасно разыскивали самый текстъ, пока онъ не былъ найденъ Кверчи въ флорентійской библіотекѣ; болландистами была издана другая редакція. Житіе Анастасія представляетъ большой историческій интересъ, такъ какъ оно характеризуетъ внутреннее броженіе и религіозную борьбу въ Сассанидской монархіи во время войнъ съ Иракліемъ и на канунѣ ея окончательнаго паденія ¹⁾. Наконецъ 9) къ изданію сохранившихся сочиненій Писиды Кверчи присоединилъ различныя эпиграммы его, а также отрывочные стихи и выраженія, собранныя отчасти изъ древнихъ ватиканскихъ рукописей, частью изъ повдвѣншихъ византійскихъ писателей (Свиды и проч.); иное приписано здѣсь Георгію только по догадкѣ. Такимъ образомъ съ величайшимъ вниманіемъ собрано было все, что можно было найти изъ сочиненій Георгія Писидійскаго, и напечатано въ означенномъ порядкѣ въ сопровожденіи латинскаго перевода. Содержаніе и значеніе отдѣльныхъ произведеній ближе разъясняются въ особомъ введеніи (*monitum*) къ каждому; сверхъ того, каждое снабжено своимъ комментариемъ. Комментарии обнаруживаютъ громадную начитанность въ богослов-

¹⁾ Анастасій былъ смѣтъ персидскаго мага; ближайшимъ поводомъ къ его обращенію въ христіанство послужило то движеніе въ умѣ, которое было вызвано перемещеніемъ въ персидскіе предѣлы величайшей христіанской святини, Креста Господня, похищеннаго послѣ взятія Іерусалима Хозроемъ: Анастасій отправился въ Іерусалимъ, находившійся подъ властью Персовъ, принялъ тамъ крещеніе и воротился обратно съ цѣлью обличать огнепоклонниковъ; былъ взятъ и замученъ. Въ житіи нирочетъ, есть указанія вообще на широкое распространеніе христіанства въ Персіи. Изданныя болландистами акты мученичества св. Анастасія собѣственно старше Похвалы ему, сочиненной Георгіемъ, и послужила для послѣдняго источникомъ.

ской литературѣ греческой; но менѣе удовлетворительны по отношенію собственно къ историческимъ поэмамъ; для критической работы текста оставалось еще многое сдѣлать, такъ какъ Кверчи располагалъ не всѣми древними списками сочиненій Георгія, а съ другой стороны, въ его время еще не вникали въ законы и приемы позднѣйшаго греческаго стихосложенія, какъ это начинаютъ дѣлать теперь ¹⁾. Редакція остальныхъ частей тома „Новаго прибавленія“ принадлежитъ самому Фоджини, который, впрочемъ, былъ нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ Кверчи, ибо ему предстояло издавать не новое, а уже ранѣе извѣстное въ печати. Сюда принадлежатъ: 1) Θεοδοσίου διακόβου περί Κρήτης ἀλώσεως ἀχροάσεις κέντε: Диаконъ Θεодосία о завоеваніи Крита пять нѣсней. Поэма, которой предшествуетъ прованческое посланіе автора къ патрицію Никифору, воспѣваетъ морской походъ и борьбу съ Сарацинами за обладаніе островомъ въ 960 году, въ царствованіе Романа II, героемъ которой былъ будущій императоръ Никифоръ Фока; именно этотъ великій подвигъ на пользу христіанства, состоявшій въ возвращеніи подъ власть имперіи такой старинной греческой области послѣ вѣковаго порабоженія Сарацинами (съ 824 года), прославилъ Никифора и открылъ ему путь къ престолу. Произведеніе Θεодосія было уже разъ напечатано венеціанцемъ Флам. Корнели въ изданіи, посвященномъ древностямъ Крита: Cognelius, Creta sacra (Venet. 1755). Фоджини присоединилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, теперь важнаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ они основаны на указаніи па-

¹⁾ Мы уже указали, что историческія поэмы были переизданы въ Вонискомъ изданіи Э. Веккеромъ, который отчасти воспользовался коллицини *Πινδα* въ Парижскомъ собраніи рукописей, гдѣ нашелся одинъ очень хорошій экземпляръ трудовъ Пинды. Новое и лучшее изданіе Шестоднева принадлежитъ *Гергеру*: Claudii Aeliani varia historia ex recensit. *Hercherio* Accedunt — — Georgii Pisidae Hexaemeron. Lipsiae; 1866. Славянскій переводъ Шестоднева изданъ *И. А. Шляпкинымъ* въ *Памятникахъ древней письменности* (С.-Петербургъ. 1882), сборникъ, издаваемый Обществомъ любителей древней письменности. Чтò можетъ дать славянорусскій текстъ (къ рукописи 1385) для возстановленія испорченныхъ и темныхъ мѣстъ въ подлинникѣ, объ этомъ можно судить по интересной статьѣ проф. *И. В. Пинкитина*: „Замѣчанія къ тексту Шестоднева Георгія Пиндійскаго“ — *Журналъ Мин. Нар. Просв.* январь 1888 г. — О стихосложеніи Георгія см. еще статьи *Гильберга* (Hilberg), *Wiener Studien*, VI (1836), pag. 293 IX (1887) pag. 207. *Е. Миллера* (Miller) въ *Journal des Savants*, Fevrier 1875, pag. 120 etc.; также въ сочиненіи *Е. Bouvy*: Poètes et mélodes. Etudes sur les origines du rythme tonique dans l'hymnographie de l'église grecque. Nimes. 1886, p. 168.

параллельныхъ мѣсть только у продолжателей Теофана, у Кедрина и другихъ вторичныхъ компиляторовъ; исторію Льва Діакона знали тогда по однимъ извлеченіямъ Пажи (Pagi), а житіе Анастасія Ассонскаго и совсѣмъ было не извѣстно (объ этомъ рѣчь будетъ ниже).

2) Стихотворенія африканскаго поэта и ученаго Флавія Кресконія Кориппа, жившаго во второй половинѣ VI вѣка: а) *Flavii Cresconii Corippi Africani fragmentum carminis Panegyrici seu praefationis librorum de laudibus Justinii Augusti Minoris*; б) *Carmen panegyricum in laudem Anastasii Quaestoris et Magistri*; небольшое стихотвореніе, которое, подобно предыдущему, служитъ какъ бы введениемъ къ слѣдующему, болѣе обширному; и в) *De laudibus Justinii Augusti Minoris libri IV*. Кориппъ, еще болѣе извѣстный своимъ сочиненіемъ (тоже въ стихахъ) о войнахъ Ливійскихъ (*de bellis Libyis*), гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ имперіи съ Маврами послѣ разрушенія Вандальскаго царства Юстиніаномъ, подъ главнымъ начальствомъ магистра Іоанна (сочиненіе поэтому носитъ другое названіе „Іоаннида“), написалъ очень пространнѣе панегирикъ по случаю восшествія на престолъ Юстина II; главное содержаніе его заключается въ описаніи обрядовъ, церемоній и торжествъ, сопровождавшихъ это событіе, и при томъ сообщаются драгоценныя подробности о придворныхъ чинахъ, объ ихъ одеждахъ, о зданіяхъ константинопольскихъ; однимъ словомъ, здѣсь заключается матеріалъ, который слѣдуетъ принимать въ расчетъ при изученіи сочиненія *De sermionibus* Константина Багрянороднаго; упоминается здѣсь также о посольствѣ аварскомъ. Панегирикъ Юстину былъ изданъ въ первый разъ (въ 1581) испанцемъ Рюидемъ (Ruizius) по рукописи, мѣсто нахождения которой онъ не далъ собѣ труда указать; позднѣйшіе издатели и комментаторы (Dempsterus, Barthius, Ritterhusius и др.) вновь издавали и поправляли текстъ только при помощи конъектуръ; да и самъ Фоджини шелъ тѣмъ же самымъ путемъ: многія поправки, внесенныя имъ въ текстъ по догадкѣ, признаются теперь счастливыми и удачными, но иныя, не смотря на все остроуміе, произвольными и напрасными. Только новѣйшему издателю сочиненій Кориппа (Іоанниды и Похвалъ Юстину II) удалось вапастъ на слѣдъ и воспользоваться мадритскимъ кодексомъ, который нѣкогда послужилъ Рюиду. Впрочемъ, этотъ издатель, Парчъ (Parsch), сотрудникъ *Monumenta Germaniae*, отдастъ всю честь какъ критической проиципальности предшественника, такъ въ особенности историческимъ комментаріямъ, которыми Фоджини сопровождалъ пане-

чатанныя имъ поэмы поздняго латинскаго поэта ¹⁾. Въ видѣ приложенія къ тому напечатаны два письма италіанскихъ ориенталистовъ (de Rossi, Augustinus Antonius Georgius), заинтересовавшихся арабскимъ двустиниємъ въ сочиненіи діакона Θεοδοσία, которое онъ передалъ въ греческомъ написаніи.

Дополненіемъ Парижской коллекціи византійцевъ считается также Анонимная Хроника отъ сотворенія міра до царствованія Валентиніана 1-го и Валента, изданная въ 1779 году Біанконіи. Названный италіанскій аббатъ, уроженецъ Болоньи, ученикъ знаменитаго латиниста Фаччіолатти въ Падуѣ, профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ въ Флорентійской академіи (Мингарелли былъ его ученикомъ), во время своего пребыванія въ Миланѣ открылъ въ Амбровіанской бібліотекѣ не имѣющую начала греческую рукопись, которая показалась ему заслуживающею вниманія и была имъ напечатана съ присоединеніемъ латинскаго перевода. Впослѣдствіи оказалось, что рукопись такого же точно содержанія находится въ Мюнхенской бібліотекѣ, и въ ней отыскался и недостающій первый листъ книги. Здѣсь сочиненіе приписано Юлію Поллидеву (Поллуксу), и съ этимъ именемъ хроника была издана по Мюнхенской рукописи нѣсколько позднѣе Гардтомъ (Hardt); за нимъ и Біанконіи повторилъ свое изданіе, воспользовавшись дополненіями и лучшими чтеніями баварскаго кодекса ²⁾. Въ сущности эта компиляція, представ-

¹⁾ См. Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum. Tomi III. Pars posterior. (Berolini, 1878). Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt. Recensuit *Josephus Parisch*. Здѣсь перечислены и характеризованы всѣ предшествовавшія изданія Кориппа, которыми теперь утратили всякое значеніе относительно текста, но сохраняютъ цѣнность по комментаріямъ. Нужно упомянуть объ изданіи *Маццукелли* (Іованнида, 1820) и *Э. Беккера* въ Вонискомъ собраніи (вмѣстѣ съ Моробудомъ): въ послѣднемъ одинъ перепечатки. Въ объявленіяхъ *Тейбнера* встрѣчаемъ указаніе на имѣющееся скоро появиться изслѣдованіе *Гро* о времени Юстина II (*K. Groh*, Geschichte des oströmischen Kaisers Justin II nebst den Quellen), гдѣ должна заключаться и оцѣнка источниковъ, между прочимъ, Кориппа.

²⁾ Anonymi scriptoris historia sacra ab orbe condito ad Valentinianum et Valentem e vetere codice graeco descripta. *J. B. Bianconi* latine vertit, nonnulla adnotavit.—Bononiae, 1779. Julii Pollucis historia physica seu chronicon ab origine mundi usque ad Valentis tempora nunc primum graeco et latine editum ab *Ign. Hardt*. Monachii et Lipsiae, 1792.—Julii Pollucis historia physica et chronicon a *J. B. Bianconio* e codice Mediolanensi ἀρχαίως primum descripta nunc e codice Bavarico aucta et pluribus emendata. Bononiae, 1795. Ср. объ этой хроникѣ *Hirsch*, Byzantinische Studien p. 92 и сл.

люющая почти буквальное сходство съ другими однородными (первою частію Льва Грамматика), не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ и не доходитъ даже собственно до византійскаго періода. Но когда мы будемъ говорить о трудахъ Газе, то-естъ, въ частности объ его комментаріяхъ къ Льву Діакону, то мы увидимъ, что въ одномъ томѣ парижскихъ сборниковъ она имѣетъ продолженіе, чрезвычайно важное по содержанію и особенно въ литературно-критическомъ отношеніи.

Наконѣцъ, въ изданіи византійскихъ историковъ принялъ участіе одинъ изъ ученыхъ іезуитовъ, пережившій закрытіе своего ордена. Это былъ Альтеръ (Alter), уроженецъ Силезіи, учившійся въ Ольмюцѣ, вступившій еще юношею въ братство Іисуса, а послѣ его уничтоженія папою Климентомъ XIV занимавшійся преподаваніемъ въ Пражской гимназіи, потомъ въ Вѣнскомъ Therestanium (лицей); получилъ мѣсто бібліотекаря (custos) университетской бібліотеки, онъ тѣмъ самымъ приобрѣлъ право читать лекціи въ университетѣ и преподавалъ древніе языки. Отъ классическихъ занятій, о хорошемъ направленіи которыхъ свидѣтельствуетъ извѣстное въ свое время изданіе поэмъ Гомера, Альтеръ перешелъ къ дипломатикѣ; онъ знакомъ былъ также съ восточными языками и въ такой степени обладалъ славянскими, что оставилъ нѣкоторую память о себѣ въ исторіи славяновѣдѣнія. Вообще Альтеръ былъ едва ли не единственнымъ членомъ іезуитскаго ордена, который поддержалъ ученую репутацію своей корпораціи при ея разрушеніи. Большая его заслуга по отношенію къ византійской литературѣ состоитъ въ изданіи хроники Георгія Франдзи¹⁾, наилучшаго источника для послѣднихъ лѣтъ существованія имперіи, для подробнаго изученія обстоятельствъ, сопровождавшихъ осаду и взятіе Цареграда Магометомъ II, а также послѣдовавшее утвержденіе турецкаго ига въ Пелопоннесѣ; авторъ съ юности или даже съ дѣтства былъ близокъ къ императорскому двору, былъ любимъ фамиліею Палеологовъ, такъ что царь Мануилъ II (1391—1425) завѣщалъ своимъ сыновьямъ быть внимательными къ вѣрному слугѣ, и онъ сдѣлался не только совѣтникомъ, но и другомъ второго его преемника, несчастнаго Константина XI, хотя и Іоаннъ VI былъ къ

¹⁾ Χρονικὸν Γεωργίου Φραντζῆ τοῦ πρωτοβεστιάριου εἰς τὰς αἰσὰς βιβλία διαρρηθὲν νῦν πρῶτον ἐκδόθεν ἐπιμελεία Φραγκίσκου Καρολοῦ Ἀλτερ διδασκάλου τῆς ἐλληνικῆς διαλέκτου ἄρα καὶ θεοῦ γράμμασι τῶν Μαρξιδων, Πουλίου, ἐν Βιέννῃ τῆς Ἀουστρίας, 1796.

нему тоже весьма расположено. Благодаря своему положенію, Франдзи могъ писать о томъ, что самъ видѣлъ, что самъ испыталъ и претерпѣлъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣдней героической борьбѣ грековъ для спасенія города, и послѣ катастрофы попался въ турецкій плѣнъ; освободившись изъ него, онъ посѣтилъ Италію, гдѣ находились послѣдніе отпрыски династіи Палеологовъ подъ покровительствомъ кардинала Виссаріона (между прочимъ и Софія Омишна, объ обрученіи которой съ однимъ италіанскимъ династомъ говорится въ хроникѣ), и кончилъ свою горькую жизнь въ монастырской кельи на островѣ Корфу (около 1488 года), гдѣ и написалъ свое сочиненіе, проникнутое патриотическою скорбью и горячею преданностью православію, которую онъ сохранилъ среди всѣхъ невгодъ, будучи далеко отъ мысли видѣть спасеніе въ измѣнѣ ему въ пользу уніи, какъ Дука. Подробнѣе о Франдзи и его хроникѣ см. въ статьѣ П. Д. Погодина: „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1889 г.

Уже во второй книгѣ, посвященной царствованію Іоанна VI (1425—1448 гг.), Франдзи разсказываетъ отчасти о событіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе (дѣла Пелопоннесскія), правда—эпиволически, сбиваясь въ тонъ мемуаровъ; здѣсь же находится и отдѣлъ о Флорентійской уніи. Первая книга составляетъ собственно введеніе, заключающая въ себѣ обзоръ исторіи со времени утвержденія династіи Палеологовъ отъ Михаила VIII до Мануила II (1251—1425 гг.), а также взглядъ на образованіе и развитіе могущества османскихъ турокъ: это написано на основаніи прежнихъ лѣтописцевъ (Акрополитъ, Григора) и устныхъ преданій. Вся третья и наиболѣе важная книга посвящена исторіи осады 1453 года. Въ четвертой говорится о турецкихъ походахъ въ Пелопонносъ противъ деспотовъ Димитрія и Осмы, братьевъ погибшаго императора, державшихся на полуостровѣ и продолжавшихъ обычные раздоры, и наконецъ, о собственныхъ приключеніяхъ автора, съ прибавленіемъ различныхъ матеріи, нѣсколько постороннихъ исторической задачѣ: къ подобнымъ вставкамъ Франдзи вообще питалъ особенную склонность (во второй книгѣ—диспутъ царя Іоанна VI съ евреемъ о вѣрѣ, гл. 12—17; въ четвертой—еще болѣе длинное обличеніе магометанства).

Хроника Франдзи не была неизвѣстною и ранѣе Альтера. Она была нѣкогда издана Понтаномъ, но только въ латинскомъ переводѣ, притомъ сокращенномъ противъ подлинника, такъ что

переводъ скорѣе имѣлъ видъ извлеченія ¹⁾. Понтанъ объяснялъ такой свой пріемъ крайними затрудненіями, которыя представлялъ подлинникъ, написанный грубымъ и варварскимъ, неправильнымъ и запутаннымъ языкомъ, и дурнымъ качествомъ единственнаго списка, въ которомъ хроника была ему доступна; по его словамъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ иезуитомъ Гретсеромъ иногда просиживали по нѣскольку часовъ за однимъ словомъ и все-таки едва добирались до смысла. Это былъ тотъ самый кодексъ (писанный въ 1677 году) Мюнхенской бібліотеки Баварскаго курфюрста, который послѣ былъ въ рукахъ Біанкони, выше упомянутаго болонскаго профессора греческой литературы; послѣдній будто бы не только списалъ текстъ хроники для себя, но даже приготовилъ ея латинскій переводъ, который, однако, остался подъ спудомъ. Самъ Альтеръ пользовался тѣмъ же спискомъ и издалъ только греческій текстъ безъ латинскаго перевода. Онъ вообще не думалъ, что при греческомъ текстѣ непременно нужно латинское толкованіе, и самое предисловіе къ изданію (*Προοίμιον*), очень обширное, написалъ по гречески. Изъ этого предисловія видно, что Альтеру было извѣстно (по каталогамъ и разныхъ сообщеніямъ) существованіе и другихъ списковъ—на островѣ Хіо, въ Константинопольской патріаршей бібліотекѣ, въ Турнискомъ собраніи греческихъ рукописей (по указаніямъ Алліція и по каталогу Пасини), но ими онъ не могъ воспользоваться. Баварскій же кодексъ вслѣдствіе ходатайства канцлера князя Кауница былъ присланъ для пользованія Альтера въ Вѣнскую придворную бібліотеку. Хотя Альтеръ, какъ видно изъ его замѣчаній объ указаніяхъ каталоговъ, догадывался о существованіи совершенно другой, болѣе краткой редакціи хроники Франдзи, но кажется, не думалъ даже предпринимать какихъ-либо попытокъ для ближайшаго ознакомленія съ нею. Она напечатана была гораздо позже по Ватиканскому списку кардиналомъ Май (Mai) съ коллекціи *Classici Auctores ex Vaticanis codicibus Romae*. 1827—1837. tom. IX, p. 594—при помощи Авг. Тейнера и нѣмец-

¹⁾ Вышла вмѣстѣ съ Теофилактомъ Симокатою: *Theophylacti Simocattae—Historiae Mauricii Tiberii imp. libri VIII. Item Georgii Phranzae Protovestiarii Chronicorum de ultimis orientalis imperii temporibus, de Sultanorum Osmanidarum origine, successione, rebus gestis, usque ad Mahometem II, de rebus donique Peloponnesiacis ante et post captam Constantinopolim libri III.* — — — *Omnia ex Bibliotheca Sereniss. Maximiliani utriusque Bavariae principis deprompta, in latinum conversa a Jacobo Pontano Soc. Iesu. Anno MDCIV, Iugolstadii.*

каго филолога Франца, изъ коихъ первый снялъ копию, а второй оказавъ содѣйствию при установленіи текста. Появленіе этой редакціи, обозначаемой надписаніемъ *Chronicon minus* Γεωργίου Φραγκζῆ (*Chronicon minus*), должно было возбудить вопросъ объ отношеніи между двумя изданіями относительно хронологическаго первенства, который впрочемъ никѣмъ еще не былъ подробно исследованъ: предполагается только, что первоначально была написана краткая хроника, отличающаяся совершеннымъ отсутствіемъ литературной обработки въ смыслѣ классической традиціи и свободная отъ эпизодическихъ длинныхъ вставокъ, болѣе имѣющая видъ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Само собою разумѣется, что она могла бы служить немаловажнымъ подспорьемъ и при настоящемъ критическомъ изданіи Большой хроники (*Chronicon majus*), но не только Альтеръ, не дожившій до ея появленія, а даже Эмм. Беккеръ, редакторъ Боннскаго изданія, не употребили въ дѣло этого пособия. Послѣдній, впрочемъ, слегка воспользовался при перепечаткѣ текста Альтера одною, недоступною для послѣдняго, рукописью Парижской бібліотеки XII вѣка, представляющею много хорошихъ вариантовъ. Возвращаемся къ изданію Франца.

За текстомъ (стр. 102) слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній къ нему грека Пахомія, потомъ подробное оглавленіе (*Πίναξ*) содержанія на греческомъ языкѣ (стр. 119), указатель мѣстъ и реченій изъ Священнаго Писанія, на которыя прямо или косвенно ссылался Францъ въ своемъ трудѣ, указатель исправленій, сдѣланныхъ редакторомъ въ текстѣ рукописи (стр. 128—138): ихъ очень много, но остается вопросъ, въ какой степени всѣ они были необходимы, такъ какъ знаніе греческаго классическаго языка еще не ручалось за полное знакомство съ слоупотребленіемъ византійской эпохи, особенно по отношенію къ автору, сильно подчинявшемуся вліянію народной рѣчи. Далѣе слѣдуютъ приложенія: 1) изложеніе вѣры латинами, написанное и посланное папою Григоріемъ Римскимъ Герману (II) патріарху константинопольскому, 2) св. патріарха Константинопольскаго Германа и сущаго при немъ собора (синаода) отвѣтъ на исповѣданіе папы и къ фременуріямъ (*Frates minores*, мнориты) отъ него посланнымъ, объ исхожденіи Св. Духа (до стр. 149), 3) краткое посланіе (*πιστάκιον*) папѣ Урбану отъ патріарха Нила, 4) Символы вѣры—Аванасія Великаго, апостольскій, никейскій, константинопольскій, 4) *Ἱστορία πολιτικὴ Κωνσταντινουπόλεως* (Политическая исторія Константинополя), 5) разказъ о разговорѣ (*ιστορία περὶ διαλέξεως*), который па-

триархъ Константинопольскій Геннадій имѣлъ съ султаномъ, послѣ того какъ онъ овладѣлъ городомъ, о чистотѣ и безупречности христіанской вѣры. Латинское изложеніе вѣры и отвѣтъ Германа, какъ объяснено въ общемъ предисловіи къ тому, изданы здѣсь въ первый разъ по рукописи Вѣнской бібліотеки изъ собранія Вузбека (содержаніе кодекса подробно описано тамъ же). Краткое посланіе патріарха Нила къ папѣ Урбану тоже издано въ первый разъ по другой рукописи Вѣнской бібліотеки. Символы присоединены въ виду того, что въ концѣ сочиненія Франдзи находится его собственное исповѣданіе при постриженіи въ монашество, а также толкованіе на никейско-константинопольскій символъ. Альторъ помѣстилъ (въ предисловіи) длинное разсужденіе относительно различнаго чтенія того мѣста въ символѣ Аванасія, гдѣ говорится объ исхожденіи Св. Духа (самъ онъ нашелъ въ рукописи и читалъ: ἐκ τοῦ πατρὸς καὶ ἀνακαίεται ἐν οὐφῷ); онъ старается установить настоящее первоначальное чтеніе и приходитъ къ тому выводу, что прибавка „и отъ Сына“ въ греческомъ текстѣ есть позднѣйшая, внесенная подъ вліяніемъ латинскимъ. При этомъ старыя печатныя изданія исповѣданія сравниваются съ рукописными греческими редакціями, а также съ переводными армянскими и особенно со славянскими, которыя Альтеръ приводитъ по тубингенскимъ изданіямъ катихизиса (Прима Трубера)—глаголическимъ и кириллицею, и по кіевскому катихизису 1737 года. Такъ-называемая *Historia politica*—а въ болѣе полномъ заглавіи, *Historia politica et patriarchica Constantinopolitica*—содержитъ въ себѣ исторію Константинопольской патріархіи съ 1351 и по 1578 годъ; присоединенная къ Франдзи ради родства содержанія, она заимствована была изъ Турко-Греціи (*Turco-Graecia*) Мартина Крузія, который въ свою очередь получилъ списокъ этой небольшой церковной хроникѣ отъ О. Зигомали, протонотарія Великой церкви. Сверхъ того, приложены изображенія Византійскихъ императоровъ съ цѣлью нагляднаго ознакомленія съ подробностями царскаго облаченія. Нужно замѣтить, что всѣ приложенія исчезли въ позднѣйшемъ Боннскомъ изданіи, гдѣ за то присоединенъ къ тексту латинскій переводъ.

В. Васильевскій.